Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

КОЧЕВНИКИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПОД ВЛАСТЬЮ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ХАНОВ

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

КОЧЕВНИКИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПОД ВЛАСТЬЮ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ХАНОВ

Археологические памятники

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1966

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

ПРЕДИСЛОВИЕ

История средневековых кочевников, южных соседей древней Руси, — одна из важнейших традиционных тем русской исторической науки. Объектом многих исследований была политическая история степи, главным образом ее отношения с Русью. Отдельный сюжет представляют события, связанные с продвижением кочевых племен в Паннонию и на Балканы. Специальные исследования лингвистов посвящены характеристике языка печенегов и половцев и его истории, ономастике, этнонимам, топонимике, словарям. В основном эти проблемы изучают на базе письменных источников.

Между тем существует и с каждым годом растет огромный археологический материал, требующий учета и классификации. Археологические памятники кочевников X—XIV вв. в Восточной Европе уже неоднократно привлекались в науке для изучения истории печенегов, торков и половцев, но неполно и недостаточно широко.

В основу нашего исследования лег именно археологический материал. Но кроме его источниковедческой обработки мы поставили перед собой более широкие задачи. Мы стремились представить внутреннюю историю средневекового кочевнического общества на территории восточноевропейских степей. Затрагивая только частично вопросы этногенеза, который протекал главным образом в степях Азии, и антропологии печенегов, торков и половцев, а также хорошо разработанные вопросы взаимоотношения кочевников с Русью, Венгрией, Болгарией и Византией, мы посвятили нашу работу истории материальной культуры, религии, хозяйства и быта этих племен, истории их расселения и передвижений на обширных равнинах степной Юго-Восточной Европы.

В ходе исследования выяснилось, что бóльшая часть датированных погребальных комплексов кочевников относится к золотоордынской эпохе. Это не значит, что они были оставлены пришлыми монголами. Эти комплексы относятся к тем же племенам печенегов, торков и половцев, но только попавшим в зависимость от золотоордынских ханов. Именно это хотели мы подчеркнуть названием всей работы.

Сначала мы предполагали опубликовать в одной книге и настоящее исследование и его продолжение — «Кочевой феодализм в Золотой Орде». Но это чрезмерно увеличило бы объем книги. К тому же вторая часть работы имеет самостоятельное значение. Поэтому мы решили опубликовать ее отдельно.

В настоящей работе учтены более тысячи комплексов из погребе-

ний кочевников X—XIV вв., материал из поселений, имеющий отношение к кочевым племенам Восточной Европы этого времени, и более 200 каменных изваяний половцев. Помимо опубликованных данных мы использовали коллекции ГИМ, Государственного Эрмитажа, Аксайского, Азовского, Астраханского, Волгоградского, Донецкого, Днепропетровского, Ждановского, Казанского, Киевского, Краснодарского, Новочеркасского, Прикумского, Ростовского, Саратовского, Ставропольского, Таганрогского краеведческих музеев. Использованы также неопубликованные материалы архивов ИА АН СССР, ЛОИА АН СССР, ГИМ и ИА АН УССР.

Автор считает своим долгом поблагодарить за предоставленные материалы, ценные сведения, помощь в работе и совет А. В. Арциховского, Б. Н. Гракова, А. М. Лескова, Е. К. Максимова, М. Г. Мошкову, И. В. Синицына, А. П. Смирнова, К. Ф. Смирнова, В. П. Шилова, А. А. Щепинского, Л. М. Казакову, Н. Д. Праслова.

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОЧЕВНИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ X—XIV вв.

Археологическое изучение кочевников южнорусских степей X—XIV вв. началось в конце XIX в. с раскопок и публикаций отдельных курганов и могильников[1]. В связи с этими частными исследованиями появились теории об этнической принадлежности населения, оставившего те или иные курганы или группы курганов. Вначале эти определения были мало обоснованы, а иногда фантастичны. Попытки обобщить накапливавшийся материал по археологии поздних кочевников были сделаны уже в конце прошлого века. Центральным вопросом стало отнесение тех или иных кочевнических комплексов к известным по летописям группам племен: печенегам, торкам, половцам и союзу черных клобуков.

Проще всего, казалось, обстояло дело с поросскими курганами, материал из которых благодаря раскопкам Н. Е. Бранденбурга, Д. И. Эварницкого и др., был наиболее обширным и хорошо документированным. Характерные комплексы с погребением частей либо всего остова коня были связаны или с торками, или с берендеями, или вообще с черными клобуками. Это базировалось на хорошо известном факте обитания на южных подступах к Киеву вассальных от Киева кочевников — черных клобуков, союз которых поглотил остатки разгромленных половцами печенегов и торков.

На X археологическом съезде Н. Е. Бранденбург предложил считать эти курганы печенежскими[2]. Вскоре А. А. Спицын назвал такие курганы памятниками торков и берендеев, входивших в племенной союз черных клобуков[3]. Вначале эта точка зрения встречала возражения и

---

[1] Раскопки Н. Е. Бранденбурга, В. И. Гошкевича, Д. И. Эварницкого, Д. Я. Самоквасова, В. А. Городцова, Е. П. Трефильева и др.

[2] Н. Е. Бранденбург. К какому племени могут быть причислены те из языческих могил Киевской губернии, в которых вместе с покойником погребены остовы убитых лошадей. «Тр. X АС», т. I. М., 1895, стр. 1—13.

[3] А. А. Спицын. Курганы киевских торков и берендеев. ЗРАО, н. с., 1899, т. XI, вып. 1—2, стр. 156—160; А. С. Заметки о некоторых киевских древностях. ЗОРСА, 1905, т. VII, вып. 1, стр. 151—153.

не всеми была признана[4]. Но с течением времени кочевническая принадлежность поросских курганов и торческо-печенежско-черноклобуцкая природа их стали казаться несомненными. Эти наблюдения, сделанные на рубеже XIX—XX вв., оказали очень большое влияние на археологию поздних кочевников Восточной Европы, определив характерный подход к материалу, который чувствуется почти во всех более или менее общих работах.

Специфические поросские курганы с западной ориентировкой и с погребением частей или целого остова коня стали противопоставлять всем другим кочевническим древностям. Последние объявлялись половецкими.

В. А. Городцов именно так подходил к курганам Северного Донца, раскопанным им в 1901 и 1902 гг.[5]. Так же, как и А. А. Спицын, В. А. Городцов относил к торкам погребения с отдельными костями или остовом коня, сконцентрированные в Поросье, но встретившиеся ему и в районе Северного Донца. Погребения с восточной ориентировкой, накатом и камнями в насыпи, а также погребения с частями коня, которые казались В. А. Городцову моложе погребений с остовом коня, он считал половецкими. В захоронении частей коня В. А. Городцов видел деградацию обряда погребения с конем. Кроме того, В. А. Городцов выделял татарские погребения с подбоями. Он считал возможным отыскать печенегов на Волге и Урале.

Вскоре выяснилось, что погребения с частями коня древнее, как правило, чем погребения с остовом коня. Это разрушило стройную, казалось бы, систему В. А. Городцова.

И А. А. Спицын, и В. А. Городцов не рассматривали весь материал в целом. Они ограничивались только материалом из Поросья и Северного Донца. Да в то время и материал из других районов степей был очень скуден.

Уже в советское время А. А. Спицын предпринял новую попытку рассмотреть обобщенно позднекочевнический материал[6]. Его схема сводилась к следующему: киевские торки хоронили в ямах в гробах, с конем или частями коня, с характерным инвентарем; половцы отличались своеобразным инвентарем (половецкая серьга); татары хоронили в сырцовых или каменных склепах, и их могилы содержат характерный инвентарь: сабли особого вида, костяные пуговицы и т. п. Слабость этой схемы, в которой к тому же все погребения золотоордынского времени связаны с пришлыми татарами, очевидна. А. А. Спицын в этой работе дал представление о чрезвычайном разнообразии погребальных типов поздних кочевников. Показав это, он, однако, не отказался от традиционной уже попытки установить прямую связь между определенным типом погребений и определенным племенем, не допуская, что одно и то же племя могло применять несколько обрядов погребений и, на-

---

[4] Например, И. Хойновский считал эти погребения славянскими. Характерна эволюция взглядов Д. Я. Самоквасова. В 1879 г. от относил поросские курганы к памятникам славян (Д. Я. Самоквасов. Памятники славянской эпохи. Антропологическая выставка, т. III. М., 1879, стр. 347). Но уже в 1890 г., а затем в 1908 г. он отнес эти курганы к половецко-татарской эпохе. Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации. Варшава, 1890; его же. Могилы Русской земли. М., 1908.

[5] В. А. Городцов. Типы погребений печенегов, торков, половцев и татар до XIV в. «Тр. XIII АС», т. II. М., 1907; его же. Бытовая археология. М., 1910.

[6] А. А. Спицын. Татарские курганы. «Изв. ТОИАЭ», т. I (58). Симферополь, 1927. См. также: В. Зуммер. Тюрко-татарская секция конференции археологов в Керчи. «Изв. Азербайджанского гос. ун-та», 1926, т. 6—7

оборот, что разные племена могли хоронить в могилах одного типа. От этой попытки не отказались и другие исследователи.

Однако представление о разнообразии типов погребальных сооружений у торков-кочевников X—XIV вв. в степях Восточной Европы, которое так хорошо показал А. А. Спицын, не вошло в историческую науку. Ю. В. Готье, описывая погребения в курганах кочевников X—XIV вв., дает характеристику одного только, по сути дела, вида погребений (захоронений с костяками коня) [7]. К небольшому сравнительно количеству типов могильных ритуалов и захоронений пытаются свести все разнообразие кочевнических курганов и новейшие исследователи. Это чувствуется и в статье С. А. Плетневой [8], и в диссертации Л. П. Зяблина [9].

Оба эти исследователя унаследовали от своих предшественников стремление разбить весь материал на рубрики: печенежские, торческие, черноклобуцкие и половецкие погребения. Татаро-монгольских погребений С. А. Плетнева не касается вовсе. Л. П. Зяблин отрицает наличие таковых среди известного ему материала.

С. А. Плетнева в соответствии с традицией выделяет тип погребений с захоронением частей коня и с западной ориентировкой, характерный для Поросья и встречающийся обычно с вещами ранних типов, и называет его печенежским. Сходные погребения с некоторыми особыми деталями она объявляет торческими (всего три погребения).

Серию погребений Поросья, характеризующуюся главным образом рядом дополнительных признаков, но в целом сходную с первыми двумя, С. А. Плетнева относит к черным клобукам. Погребения с камнями в насыпи, отдельной ямой для коня, перекрытиями могил, «решетчатыми» гробами, а также с восточной ориентировкой покойника она относит к половцам.

Л. П. Зяблин выделяет три группы: в первую он включает как наиболее ранние погребения с частями коня, называя их печенежскими; во вторую — торческие погребения с остовом коня; в третью — все остальные, относя их к половецким.

Н. Д. Мец сделала попытку выделить курганы торков на основе находок в них удил без перегиба и захоронения частей (череп и ноги) коня [10]. Надо сказать, что труднее всего оказалось отыскать в море позднекочевнических материалов именно торков. Теория Н. Д. Мец подверглась критике в работе С. А. Плетневой [11].

Но какие погребения сама С. А. Плетнева считает торческими? Это вторая, по ее классификации, группа, в которую входят три погребения. Они характеризуются земляными курганными насыпями, западной ориентировкой костяка, захоронением костей коня вместе с покойником, деревянными сооружениями в могилах, облицовками и настилами над погребением человека.

Этот обряд захоронений, по мнению С. А. Плетневой, в деталях совпадает с описанным в начале X в. ибн Фадланом погребальным обрядом гузов (торков). Далее С. А. Плетнева сопоставляет это описание ибн Фадлана с данными, полученными при изучении комплексов

---

[7] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 115—116.

[8] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 1958, № 62.

[9] Л. П. Зяблин. Археологические памятники кочевников X—XIV вв. Восточной Европы. Канд. дисс., рукопись. М., 1952.

[10] Н. Д. Мец. К вопросу о торках. КСИИМК, 1948, вып. XXII.

[11] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 162.

второй группы. Оказывается, что три комплекса торков совпадают с описанием ибн Фадлана по следующим признакам: наличие настила, костей коня, сосуда (в двух погребениях), статуэтки из дерева (в одном случае, в двух других — «бабы», которые, как мы покажем ниже и как считает сама С. А. Плетнева, были половецкими и обычно не имели отношения к погребениям).

Однако эти особенности могли быть и в первой группе погребений, но не сохраниться. Указанные признаки не являются достаточными, чтобы разделить печенежские и торческие комплексы.

В вопросе о торках особенно остро чувствуется слабость метода. Основными методическими недоработками указанных работ являются, на наш взгляд, три момента:

1. Отсутствие хронологической классификации вещевого материала.

2. Стремление представить определенный тип обряда погребения как закрепленный за какой-либо одной группой кочевников постоянно.

3. Использование вещевых типов, широко распространявшихся по степи, для этнических определений (например, удила без перегиба у Н. Д. Мец) и использование обрядов погребений для датировок (например, первая печенежская группа, по С. А. Плетневой, датируется X—XI вв., хотя в ней много погребений без вещей датирующих типов).

Отсутствие обоснованной и детальной хронологической шкалы для древностей поздних кочевников привело к путанице в датировке погребений печенегов, торков и половцев.

Неубедительно, по случайным признакам, датировали татарские кочевнические курганы Д. Я. Самоквасов [12], Д. И. Эварницкий [13].

Хронологическая классификация А. А. Спицына [14] не может сейчас нас удовлетворять. Во-первых, она тенденциозна, так как исходит из положения, что в XIII в. половцы были целиком вытеснены и на их место пришли татаро-монголы со своим особым набором вещей.

Во-вторых, А. А. Спицын не дает никаких типологических признаков, и практически нет возможности по его схеме указать время того или иного позднекочевнического погребения.

В противоположность А. А. Спицыну Л. П. Зяблин признает татарскими только те комплексы, где встречается бокка или монгольское седло с прямоугольной лукой [15]. Усматривая в этих вещах этнические признаки, автор и не стремился выделить хронологические признаки золотоордынской эпохи в культуре кочевников.

П. С. Рыков пытался датировать погребения XIV в. на основании преобладания в них западной ориентировки [16], что также не может считаться датирующим признаком.

А. Кушева-Грозевская посвятила специальную работу золотоордынским погребениям Нижнего Поволжья [17]. Взяв за основу датировки несколько золотоордынских погребений с монетами из раскопок П. Д. Рау и Б. Н. Гракова в Поволжье в 1925—1926 гг., А. Кушева-Грозевская рассмотрела несколько погребений, не датированных монетами, но

---

[12] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли; его же. Основания хронологической классификации.

[13] Д. И. Эварницкий. Публичные лекции по археологии России. СПб., 1890, стр. 61—65.

[14] А. А. Спицын. Татарские курганы.

[15] Л. П. Зяблин. О «татарских» курганах. СА, 1955, XXII, стр. 95.

[16] П. С. Рыков, Т. М. Минаева, Н. К. Арзютов. Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю. Саратов, 1928, стр. 39.

[17] А. Кушева-Грозевская. Золотоордынские древности Государственного исторического музея из раскопок 1925—1926 гг. в Нижнем Поволжье. Саратов, 1928.

сходных по обряду и инвентарю с датированными. На основании этого сходства она выделяет небольшую группу комплексов конца XIII—XIV в. Однако исследование А. Кушевой-Грозевской, во-первых, не выходит за рамки Нижнего Поволжья, а во-вторых, не дает все-таки прочных хронологических основ для выделения погребений золотоордынского времени.

Наиболее серьезно вопрос о хронологических признаках золотоордынской эпохи в южнорусских кочевых древностях поставлен С. А. Плетневой. Она выделила ряд вещей, характерных для XIII—XIV вв.

К сожалению, С. А. Плетнева не провела исследования взаимовстречаемости этих поздних кочевнических вещей с вещами заведомо золотоордынскими по возрасту. В большинстве случаев она просто констатирует, что такие-то вещи встречаются главным образом в поздних могилах XIII—XIV вв.

Не может удовлетворить нас также датировка только по аналогиям, которая проведена, например, в статье С. А. Плетневой о кочевническом могильнике близ Саркела — Белой Вежи [18].

Мы начали свою работу с типологической классификации вещевого материала, сопоставлений взаимовстречаемости типов и выделения датирующих форм.

После этого оказалось возможным материал позднекочевнических курганов разбить на четыре хронологические группы:

I. Конец IX—XI в. (господство печенегов и краткий период торческого нашествия).

II. Последняя четверть XI—XII в. (начальный период господства половцев).

III. Конец XII — начало XIII в. (предмонгольский период половцев).

IV. Вторая половина XIII—XIV в. (золотоордынский период половцев).

В XV в., видимо, курганный обряд в восточноевропейских степях исчезает. Это позволяет нам ограничить работу временем до XV в.

Далее мы провели классификацию всех типов погребений и составили таблицу встречаемости этих типов в каждый период в отдельных районах. Затем оказалось возможным представить себе картину распространения типов погребений в IX — начале XI в. (печенежский период) и выяснить, какие типы были господствующими в этот период. Стало возможным выявить господствующие типы погребений половецких, домонгольских периодов и локализовать эти типы. Выделилась особая зона распространения типов погребений в районе обитания черных клобуков (т. е. в Поросье). И, наконец, подобное же исследование было проведено для золотоордынского периода.

Оказалось, что есть типы погребений, проходящие без изменений через все эти периоды и не имеющие, таким образом, узких хронологических рамок. Но среди этих последних при рассмотрении их топографии по периодам оказались такие, которые встречаются по всей степи и, видимо, безразличны к этнической характеристике какого-либо района (т. е. использовались всеми племенами кочевников). Эти типы составляют постоянную примесь к другим в каждом районе степи. Но выделились и такие типы, которые в определенный период локализуются в ограниченном районе. Они, видимо, связаны с какой-то опреде-

---

[18] С. А. Плетнева. Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи. МИА, 1963, № 109, стр. 258.

ленной группой племен, и потому их распространение можно использовать как археологическое указание на расселение и передвижения именно этой группы кочевников.

При разбивке материала на хронологические группы оказалось возможным для некоторых периодов выделить локальные варианты позднекочевнической степной культуры. Эти варианты выявляются при сравнении процентного соотношения типов погребального обряда в различных районах. И хотя типы погребений встречаются по всей степи, но пропорции, в которых они встречаются в разных районах, различны, и это может служить основанием для выделения локальных вариантов.

Таков в общих чертах метод исследования, предложенный нами в настоящей работе.

ГЛАВА II

ТИПОЛОГИЯ ВЕЩЕЙ И СИСТЕМА ДАТИРОВКИ

При классификации вещей, встречающихся в кочевнических погребениях, мы выделяем ряд классификационных ступеней: категории — по функциональному признаку, группы и разделы — по материалу и технике, отделы и типы — по форме. В тех категориях вещей, где материал не влияет ни на технику изготовления, ни на форму изделия, классификация по группам и разделам опускается. В некоторых случаях отделы выделяются по материалу или орнаменту.

КОНСКАЯ СБРУЯ И ОРУЖИЕ

Стремена

Для классификации типов стремян (рис. 1) мы выделяем отделы по форме верхней части дужки, где имеется прорезь для путалища, а типы — по форме подножки. Контур дужки изменчив и дает внутри каждого типа варианты, различия между которыми нечетки и условны.

Отдел А

Верхняя часть стремени имеет вид широкой пластины. В плоской части прорезано отверстие для путалища.

Тип I (4 экз.). С узкой, закругленной книзу подножкой на трех прутьях. Контур стремени овальный или круглый.

Отдел Б

С круглой или прямоугольной петлей, отделенной от дужки перехватом.

Тип I (28 экз.). С узкой, закругленной книзу подножкой на трех прутьях. Характерный контур — яйцевидный.

Тип II (1 экз.). С узкой плоской или слегка выгнутой кверху подножкой на трех прутьях. Характерный контур — арочный, вытянутый вверх.

Тип III (6 экз.). С узкой круглой подножкой и с расплющенными в виде лопастей боковыми частями дужки. Характерный контур — яйцевидный.

Отдел В

С прямоугольной вытянутой горизонтально петлей. Петля не отделена от дужки и представляет собой верхнюю расплющенную часть дужки. Под прорезью небольшой округлый выступ.

Тип I (24 экз.). С узкой плоской подножкой. Дужка расширяется до ширины подножки на расстоянии 2—3 *см* от нее или доходит без расширения до подножки. Характерный контур — арочный.

Тип II (4 экз.). С широкой плоской подножкой. Дужка в месте соединения с подножкой сплющена с боков. Характерный контур — арочный.

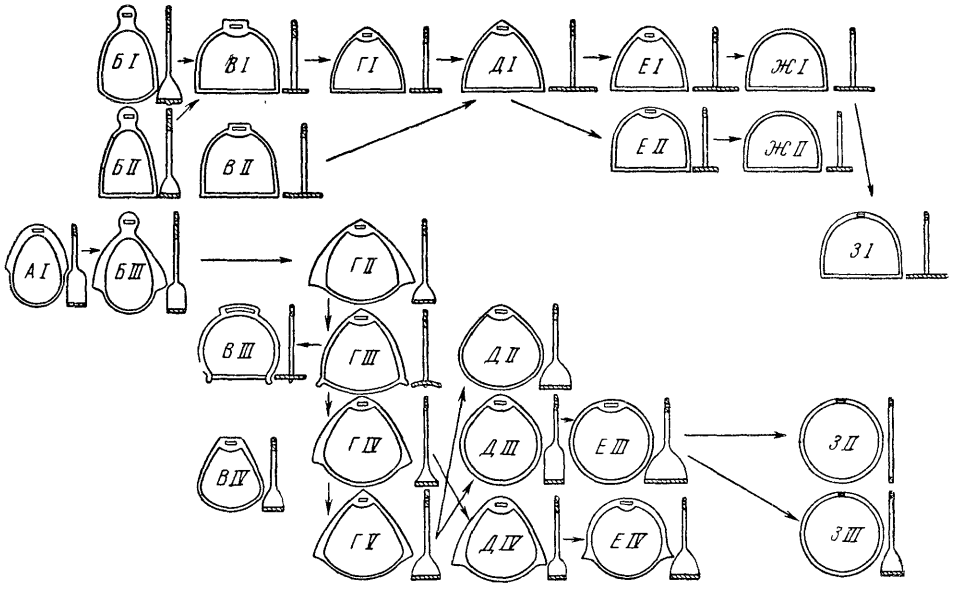


Рис. 1. Стремена

Тип III (6 экз.). С плоской, овальной в плане широкой подножкой и прямоугольной в сечении дужкой. Характерный контур — арочный.

Тип IV (1 экз.). С узкой, закругленной книзу подножкой. Характерный контур — арочный.

Отдел Г

С расплющенной верхней частью дужки. Верхняя часть дужки образует треугольный выступ. Ниже прорези имеется небольшой выступ, такой же, как у стремян предыдущего отдела.

Тип I (16 экз.). С узкой плоской, овальной в плане подножкой.

Тип II (12 экз.). С узкой, слегка закругленной книзу подножкой. Дужка расплющена в нижней части и образует широкие лопасти. Этот признак (боковое расплющивание дужки) сближает этот тип с типом БIII. Характерный контур — яйцевидный.

Тип III (7 экз.). Такой же, как предыдущий тип. Дужка расплющена, но у соединения с подножкой образует не лопасти, а направленные вниз выступы (рудиментарные остатки лопастей).

Тип IV (3 экз.). С узкой овальной в плане, закругленной книзу подножкой. Дужка расплющена. В месте соединения дужки и подножки небольшие выступы. Нам представляется возможным рассматривать этот тип как развитие предыдущих за счет превращения лопастей в рудиментарные отростки (это указывает направление эволюционного ряда) и за счет увеличения изгиба подножки внизу. Характерный контур — яйцевидный.

Тип V (11 экз.). С узкой, закругленной книзу подножкой. Дужка расплющена с боков. Отростки у соединения ее с подножкой отсутствуют. Этот тип можно рассматривать как завершение эволюционного ряда ГII—ГIII—ГIV. Характерный контур — яйцевидный.

Отдел Д

С расплющенной верхней частью дужки. Вместо треугольного выступа сверху верхний край дужки образует округлый выступ над прорезью для путалища. Небольшой выступ снизу, под прорезью, связывает этот отдел с предыдущими.

Тип I (22 экз.). С широкой плоской подножкой. Характерный контур — арочный.

Тип II (20 экз.). С узкой, закругленной книзу подножкой. Характерный контур — яйцевидный.

Тип III (6 экз.). С узкой круглой подножкой. Характерный контур — круглый.

Тип IV (6 экз.). С узкой круглой подножкой. Дужка расплющена в нижней части и у соединения с подножкой образует выступы, сходные с выступами типа ГIV. Характерный контур — яйцевидный.

Отдел Е

С расплющенной верхней частью дужки. Небольшой выступ внизу, под прорезью, такой же, как у стремян предыдущих отделов. В отличие от стремян отдела Д, верхний край дужки образует правильную дугу.

Тип I (96 экз.). С широкой (от $^1/_3$ до $^1/_2$ высоты стремени) овальной или прямоугольной в плане плоской дужкой. Характерный контур — арочный.

Тип II (14 экз.). С узкой плоской подножкой. Характерный контур — арочный.

Тип III (3 экз.). С широкой овальной в плане, круглой подножкой. Характерный контур — круглый.

Тип IV (2 экз.). С широкой подножкой. Дужка расплющена в нижней части и у соединения с подножкой образует выступы (как у типов ГIV и ДIV). Характерный контур — арочный.

Отдел Ж

Без расплющивания верхней части дужки и без прорези.

Тип I (3 экз.). С широкой овальной, в плане плоской подножкой. Характерный контур — арочный.

Тип II (1 экз.). Такое же стремя, только с узкой подножкой.

Отдел 3

Без расплющивания верхней части дужки, прорезь сделана в стержне дужки.

Тип I (1 экз.). С широкой овальной в плане плоской подножкой. Характерный контур — арочный.

Тип II (4 экз.). Без подножки. Прут, из которого сделано стремя, в нижней части не расширяется. Характерный контур — круглый.

Тип III (2 экз.). С узкой круглой подножкой. Характерный контур — круглый.

При описании типов мы обратили внимание на связь некоторых типов, которые образуют, как нам кажется, эволюционный ряд. Направление этого ряда можно определить по рудиментам. Вместе с тем сами отделы дают тоже ряд, показывающий развитие петли: от обособленной дужки (Б), через небольшой прямоугольный (В), треугольный (Г), а затем круглый (Д) выступы — к простому расплющиванию верхней части дужки для прорези (Е). Мы рассматриваем формы этого выступа (В—Д) как постепенно вырождающиеся рудиментарные петли для путалища. Это предположительно определяет направление ряда.

Таким образом, мы можем построить эволюционные ряды стремян (рис. 1).

Аналогии стременам отдела АI известны на Черниговщине[1] и в Прибалтике в памятниках XI—XII вв.[2], а также в Венгрии в памятниках IX—XI вв.[3].

Аналогии стременам БI и БII можно найти в памятниках салтовской культуры VIII—X вв.[4], в синхронных погребениях Южного Урала[5], в Киеве и Чернигове в комплексах X в.[6], в Венгрии в комплексах IX—XI вв.[7], в мордовских могильниках[8], в прикамских памятниках примерно того же времени[9], в гнездовских курганах X в.[10], во владимирских курганах X—XI вв.[11], в памятниках ранних болгар на Волге VIII—IX вв.[12]. Широко распространен вариант этого типа с прямо-

---

[1] С. Богдановка Остерского р-на Черниговской обл. (КМ, экспозиция).

[2] Р. К. Куликаускене. Погребения с конями у древних литовцев. СА, 1953, XVII, стр. 221, рис. 9; «Литовское народное искусство». Вильнюс, 1958, стр. 358, № 556.

[3] I. Hampel. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Bd. I. Braunschweng, 1905, S. 241, Abb. 569; N. Fettich. Metallkunst der Landnehmenden Ungarn. AH, XXI. Budapest, 1937, Taf. LXXII, *35*.

[4] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 1958, № 62, стр. 122, 132; Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, 1951, вып. XXXVI, стр. 25; С. С. Сорокин. Железные изделия Саркела — Белой Вежи. МИА, 1959, № 75, стр. 149, 193.

[5] Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака. СА, 1955, XXII, табл. III, *2*.

[6] М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 180, рис. 29; Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, 1949, № 11, стр. 35, рис. 9.

[7] G. Feher. Beitrage zum Problem des ungarisch-slavischen Zusammenlebens. AA, 1958, 8.

[8] М. Ф. Жиганов. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша. Сб. «Из древней средневековой истории мордовского народа». Саранск, 1959, № 1, стр. 77, рис. 31, *1*. См. также Подболотьевский могильник (ГИМ, инв. № 56480, оп. 811, № 839); А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 1954, № 28, стр. 123, табл. XXVII, *13*.

[9] См. находку в Пермской губ., у с. Замараево Шадринского у. (ГИМ, инв. № 78607, оп. 1349, № 1).

[10] Раскопки Сергеева 1900 г., курган № 7 (ГИМ, инв. № 42536, оп. 1537, № 1541, 1542).

[11] С. Конское Муромского у. Владимирской губ., раскопки В. А. Городцова (в погребении с конем, датировано пряжкой X—XI вв. ГИМ, оп. 811, № 3050).

[12] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары. М., Изд-во АН СССР, 1964, табл. IX, *10, 15*.

угольной петлей, отделенной от дужки, и в Сибири [13]. Аналогии стременам типа БIII известны в памятниках Приуралья и Волжской Болгарии [14] и в памятниках Венгрии IX—X вв. [15].

Аналогии стременам отделов В, Г и Д имеются в материале южнорусских городищ предмонгольского времени (XII — начало XIII в.) и в других синхронных им памятниках. Стремена типа BI найдены на городищах Княжая Гора [16] и Городище [17], в Колодяжине [18], на смоленских городищах XII—XIII вв. и на более позднем городище XIV в. [19], в Наровчате среди материала XIII—XIV вв. [20], в Прикамье [21], в памятниках Владимирской [22] и Московской областей [23], на городище Райки [24]. Стремена отдела В известны в Монголии и Сибири с IX в. [25].

Стремена типа BII известны на Городище (Изяславле) (конец XII—начало XIII в.) [26]. Одно стремя, весьма близкое к стременам отдела В, найдено в комплексе VIII в. у с. Вознесенки на Запорожье [27]. Стремена переходного типа от отдела Б к отделу В известны в могильниках VI—IX вв. в с. Синеглазове Челябинской обл. [28].

Стремена типа ГI и ГII найдены в слое XII — начала XIII в. в Новгороде [29], на городищах Княжая Гора [30] и Райки [31]. Стремена типа, близкого к ГIII и ДIV, найдены в Средней Азии [32].

Стремена типа ГIV найдены в смоленских городищах XII—XIII вв. [33], в памятниках Брянской обл. [34], в Прикамье [35], во Владимирской [36],

---

[13] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 518.

[14] См. находку в Чистопольском кантоне ТатАССР (ГМТР, инв. № 5395); Н. Г. Первухин. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии. МАВГР, 1896, II, табл. XX, 3.

[15] N. Fettich. Op. cit., Taf. XVII, *11*.

[16] ГИМ, инв. № 4417—4422, оп. 16771, № 1—12; инв. № 27730, оп. 1674, № 3; Киевский музей, В—21032.

[17] Раскопки М. К. Каргера. АИА, д. 1836, л. 45.

[18] Р. О. Юра. Древний Колодяжин. АП УРСР, 1950, т. IV, рис. 36.

[19] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. «Научные известия Смоленского ГУ», 1926, т. 3, вып. 3, стр. 20; В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, 1960, № 92, стр. 112.

[20] Раскопки А. Е. Алиховой 1959 г. АИА, д. 1910а, л. 4.

[21] Дер. Ратегово Чердынского у. ГИМ, инв. № 35110, оп. 1079, № 78.

[22] Дер. Красково Юрьевского у., раскопки А. С. Уварова. ГИМ, 123/15.

[23] Г. Руза, раскопки Л. А. Голубевой. ГИМ, инв. № 82475, хр. VIII—9/II—2.

[24] КМ, № 13—22/94.

[25] Л. А. Евтюхова. О племенах Центральной Монголии в IX в. СА, 1957, № 2, стр. 220; С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 310. Стремя, которое можно рассматривать как промежуточное звено между отделами В и Г, найдено в Уйбатском чаатасе (Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, стр. 22, рис. 21).

[26] Раскопки М. К. Каргера.

[27] В. А. Грінченко. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. «Археологія», 1950, т. III, табл. I, *4*.

[28] К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, рис. 43.

[29] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, 1959, № 65, стр. 185.

[30] КМ, № 21036.

[31] КМ, № 13—22/92.

[32] С. К. Кабанов. Погребение воина в долине р. Кашка-Дарьи. СА, 1963, № 3, стр. 237 (датировка комплекса, видимо, сильно занижена).

[33] А. Н. Лявданский. Ук. соч., стр. 20; В. В. Седов. Ук. соч., стр. 112, рис. 57, *11*.

[34] Раскопки Б. А. Рыбакова во Вщиже в 1949 г. ГИМ, инв. № 91709, оп. 1149—5678, хр. VIII (6919а).

[35] Раскопки в Чердынском у. (ГИМ, инв. № 44739, оп. 937, № 247—250, хр. 27/18б).

[36] С. Васильки Суздальского у., Шокшово городище, раскопки А. С. Уварова (ГИМ, инв. № 54746).

Горьковской [37] и Орловской [38] областях.

Стремена типа ГV известны в мордовских могильниках XIV в. [39], в памятниках Владимирской обл. [40].

Стремена отделов В, Г и Д в более ранних памятниках, чем XII в., не встречаются (например, их нет в Саркеле — Белой Веже) [41].

Стремена типа ДII известны в курганах адыгов у Геленджика [42]. Стремена этого же типа были найдены в Горьковской обл. [43].

Для хронологии стремян важно отметить, что в слоях монгольского разгрома на городище у с. Городище были найдены стремена типов BI, BII, ГII, ГIII, ГIV, ГV [44].

Аналогии стременам типа EI и EII известны в Новом Сарае, среди материала XIV в. [45], в Муранском [46] и Аткарском [47] могильниках XIVв., в Прикамье [48], в Московской обл. [49], в курганах белореченского типа XIV в. [50], в Сибири в комплексах XIV в. [51], в материале из Увека [52].

Аналогии стременам типа EIII имеются в смоленских городищах XII—XIII вв. [53], в Новгороде в слоях XIV в. [54].

Стремена типа ЗIII были найдены в Змейском могильнике XI—XII вв. [55].

Важно отметить, что аналогии подтверждают направление построенных эволюционных рядов. Ранние типы в эволюционных рядах дают более ранние аналогии.

Удила

При классификации удил (рис. 2, *1*) мы выделяем отделы по наличию или отсутствию псалиев и перегиба стержня удил, типы — по устройству окончаний удил (ко́льца, форма псалиев).

---

[37] Дер. Малое Терюшево, раскопки Дружникова 1881 г. (ГИМ, инв. № 78607, оп. 403, № 34, 35). Стремя найдено вместе с топором XII — начала XIII в.

[38] На городище Слободка XII — начала XIII в. (Т. Н. Никольская. Работа Верхнеокской археологической экспедиции. КСИА АН СССР, 1963, вып. 96, стр. 27, рис. 3, *13*).

[39] А. Е. Алихова. Муранский могильник и селище. МИА, 1954, № 42, стр. 268, рис. 10, *1*.

[40] Раскопки А. С. Уварова 1851 г. в с. Васильки Суздальского у. (ГИМ, инв. № 54746, хр. 121/26а).

[41] С. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 148—149, 191—193.

[42] В. В. Сахаров. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, 1914, № 56, рис. 50, *8*.

[43] Дер. Малое Терюшево Нижегородской губ., из раскопок Дружникова 1881 г. (ГИМ, инв. № 78607, оп. 403, № 73, 74).

[44] Кроме того, там же имеются варианты типа EII, но не с прямоугольной, а с трапециевидной петлей. Имеются стремена с рамкой, как у отдела В, но с уступами у подножки, как у типа ГIII. Количественно преобладают стремена типа ГII, ГIV, ГV.

[45] ГЭ, Сар., 939.

[46] А. Е. Алихова. Муранский могильник.., стр. 268, рис. 10, *2*.

[47] АЛОИА, ф. 2, 1927, № 187, л. 264.

[48] См. находку у дер. Малюраево Шадринского у. (ГИМ, инв. № 78607, хр. 27/26б).

[49] См. находки в Москве (ГИМ, инв. № 34610, оп. 214, № 14, хр. 37/7б); в Тушино (ГИМ, инв. № 38448, оп. 502, № 170—184, хр. 48/I).

[50] ГИМ, инв. № 76990, оп. 686, хр. 99/9а (из курганов группы Константиновка Пятигорского округа).

[51] В могильнике Кудыргэ в погребениях XIV в. А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л., «Наука», 1965, табл. XXVII, *14*.

[52] СКМ, № 1040.

[53] А. Н. Лявданский. Ук. соч., стр. 268, рис. 20, *2*.

[54] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 188, рис. 22, *6*.

[55] В. А. Кузнецов. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. МИА, 1964, № 114, стр. 40, табл. II, *3*.

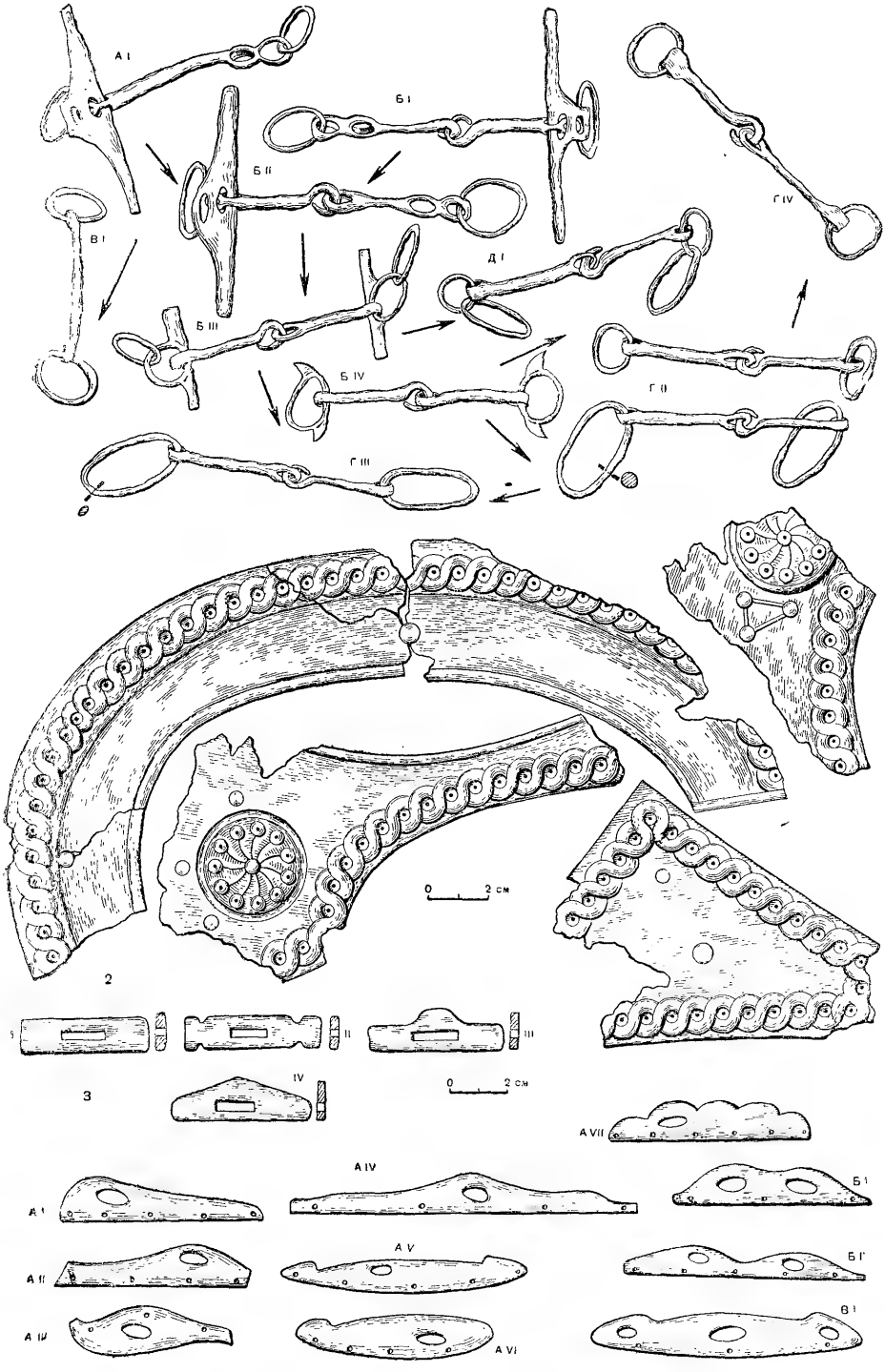


Рис. 2. Удила и костяные изделия: *1* — удила; *2* — костяная обкладка седла (хут. Подлужный, № 531); *3* — костяные пластины; *4* — костяные петли

Отдел А

С псалиями, односоставные.

Тип I (1 экз.). С двумя неподвижными кольцами на каждом конце, расположенными во взаимно перпендикулярных плоскостях. В крайние кольца вставлены подвижные кольца. Во вторые неподвижные кольца вставлены стержни псалиев. К стержню во всю его длину прикована пластина с петлей для ремня оголовья. Неподвижное кольцо удил проходит сквозь отверстие в пластине и охватывает стержень в средней его части («крылатые» псалии). Кольца и стержни удил — круглые или подквадратные в сечении.

Отдел Б

С псалиями, двусоставные.

Тип I (10 экз.). Концы стержней такие же, как у удил AI. Псалии в виде стержней. К стержню псалия в середине прикована небольшая пластина, которая у средней части стержня имеет отверстие для прохода неподвижного кольца удил в петлю для ремня оголовья, а на конце иногда — шляпку («гвоздевидные» псалии).

Тип II (2 экз.). Концы стержней и псалии такие же, как у типа AI.

Тип III (2 экз.). Псалии в виде дугообразных лопастей, присоединенных к подвижному кольцу. В кольцо псалия вводилось второе подвижное кольцо для поводьев.

Тип IV (2 экз.). Представляет собой развитие типа БIII. Дуговидные лопасти псалиев превратились в рудиментарные отростки у большого подвижного кольца удил. Второе подвижное кольцо отсутствует.

Отдел В

Без псалиев, односоставные.

Тип I (47 экз.). В неподвижные кольца на концах удил вдеты подвижные кольца.

Отдел Г

Без псалиев, двусоставные.

Тип I (70 экз.). На концах по одному неподвижному кольцу. В эти кольца вставлены подвижные кольца.

Тип II (34 экз.). Отличаются от типа ГI подвижными кольцами, которые больше обычных почти вдвое (их диаметр равен половине длины удил).

Тип III (1 экз.). Удила такие же, как тип ГII, только кольца плоские в сечении.

Тип IV (7 экз.). Отличаются от удил типа ГI формой неподвижных колец на конце стержня. Эти кольца имеют форму коротких цилиндров, свернутых из расплющенных в пластины концов стержня удил.

Отдел Д

С дополнительными кольцами, без псалиев.

Тип I (1 экз.). Двусоставные, с небольшими подвижными кольцами, в которые вставлены дополнительные большие кольца.

Вопрос о происхождении тех или иных типов удил и об эволюционных рядах типов удил вызывает серьезные затруднения. Можно предположить, что развитие типов удил шло по такой примерно схеме: от удил отдела А к удилам отделов Б и В; внутри отдела Б развитие, видимо, шло от удил типа БI и БII к удилам типа БIII и БIV; от последних типов — к удилам типа ДI и отдела Г (рис. 2).

Ряд переходных форм связывает типы БI и БII с отделом Г, т. е. удила с псалиями — с двусоставными удилами без псалиев. Так, например, известны двусоставные удила с двумя неподвижными, расположенными в разных плоскостях кольцами на концах. Во внешнем кольце, как у типов БI и БII, вдеты подвижные кольца для повода, во второе кольцо вдето другое подвижное кольцо большего диаметра, заменяющее псалий (к нему присоединялись ремни оголовья) [56]. Видимо, у удил описанного вида исчезает с течением времени неподвижное второе кольцо, и оба подвижных кольца — одно для повода, другое для оголовья — пропускаются в одно неподвижное кольцо [57]. От этих удил уже один шаг к удилам, у которых и повод и оголовье прикреплялись к одному кольцу. Причем это кольцо в некоторых случаях сохраняло отростки (БIV), видимо рудименты псалиев удил типа БIII.

С другой стороны, удила BI можно представить как удила типа AI, лишенные псалиев, в соответствии с общей тенденцией развития удил, которые с течением времени освобождаются от псалиев.

Удила типа AI известны в погребении болгарского могильника IX—X вв. у дер. Танкеевка ТАССР [58].

Удила типа БI встречаются в Пенджикенте, в комплексах VII—VIII вв. [59]. Этот же тип удил хорошо известен в памятниках салтовской культуры [60], в Саркеле [61], в мордовских могильниках VII—IX вв. [62], в Венгрии в памятниках IX—XI вв. [63]. Кроме того, удила типа БI известны в башкирских могильниках VIII—IX вв. [64], в Приуралье [65], во Вщиже [66], в курганах Петербургской губ. в Приладожье [67], в памятниках ранних болгар на Волге [68]. Удила такого же типа найдены в комплексе VIII в. у с. Вознесенки близ Запорожья [69]. Псалии типа БII известны в литовских памятниках рубежа I и II тысячелетий н. э. [70].

[56] См. находку у с. Поречье Владимирской губ., коллекция А. С. Уварова (ГИМ, инв. № 55421, хр. 123/136); I. Hampel. Op. cit., Bd. I, S. 254, Abb. 603. Эти стремена И. Хампель датирует XI в.

[57] См. удила из Лядинского (ГИМ, инв. № 25280, хр. 39/57) и Подболотьевского (ГИМ, инв. № 56480, оп. 811, хр. 39/16, 93/16б, 93/42а, 93/23а) могильников.

[58] ОАК, 1904, стр. 135—136.

[59] А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок древнего Пенджикента. МИА, 1958, № 66, рис. 37, *4*.

[60] Н. Я. Мерперт. Ук. соч., стр. 25, рис. 2.

[61] С. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 149, 150, 192, 193.

[62] А. П. Смирнов. Очерки.., стр. 123, рис. XXVII, 11; М. Ф. Жиганов. Ук. соч., стр. 77, рис. 31, *2*.

[63] I. Hampel. Op. cit., Bd. I, SS. 246—250.

[64] Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака, табл. III, *3*.

[65] Н. Г. Первухин. Ук. соч., табл. XXI, *5*.

[66] Раскопки Б. А. Рыбакова 1949 г. (ГИМ, инв. № 91708, оп. 1149, хр. 69/9а).

[67] Из раскопок Н. Е. Бранденбурга (ГИМ, инв. № 32778, оп. 137, № 189; найдены вместе с бусами — «лимонками»).

[68] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., табл. IX.

[69] В. А. Грінченко. Ук. соч., табл. I, *6*, *5*.

[70] Р. К. Куликаускене. Ук. соч., стр. 217—218.

Удилам типа БI предшествуют удила такого же типа, но с псалиями S-образной формы. Они известны в комплексах VII—VIII вв.[71]. Эволюция псалиев состояла, видимо, в выравнивании псалия, а затем в увеличении петель и превращении «гвоздевидных» псалиев в «крыловидные». Удила типа БIII известны в Венгрии в памятниках XI в.[72].

Удила без перегиба типа BI известны в Сибири[73], в Западной Европе[74], в Приуралье[75], Волжской Болгарии[76].

Удила типа BI, видимо, к XII в. вышли из употребления. Их нет, например, в слое конца XII — начала XIII в. в Изяславле. Отсутствие удил типа BI в Белой Веже (X—XI вв.) говорит о том, что этот тип был в XI в. мало распространен[77].

Удила типа ГI известны в средневековых памятниках так широко, что приводить аналогии бессмысленно. Этот тип отличается также очень широким хронологическим диапазоном.

Удила типа ГII известны в комплексе могильника Басандайка[78], в Аткарском могильнике XIV в.[79], в Киевском некрополе X в.[80], в памятниках Волжской Болгарии: Танкеевском могильнике IX—X вв., Болгарах и Биляре[81], в предмонгольских слоях Изяславля[82], в пензенских могильниках[83], в Борисовском могильнике[84], в Венгрии[85]. Кроме того, удила типа ГII известны в памятниках сросткинской культуры (IX—X вв.)[86], в Подболотьевском могильнике[87], в Максимовском могильнике (в погребении с монетой X в.[88]), в Рузе[89], во Владимирских курганах[90]. С. В. Киселев считал, что в Сибири удила такого типа появились в IX—X вв.[91].

Удила типа ГIII найдены были на Городище (Изяславле)[92], во Вщиже[93], в Болгарах[94].

---

[71] М. Ф. Жиганов. К истории мордовских племен конца I тыс. н. э. СА, 1961, № 4, стр. 169, рис. 8; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., табл. IX, *7*.

[72] I. Hampel. Op. cit., Bd. I, S. 245, Abb. 579.

[73] «Басандайка». Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947, табл. 47, *99*; 81, *19*. К несколько более раннему времени относятся, видимо, удила без перегиба из курганов у Томска, где были найдены монеты VIII в. (ЗРАО, н. с., 1901, т. XI, табл. II, стр. 33). См. также М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, 1956, № 48, табл. XXXVIII, *3*.

[74] A. Demmin. Guid des amateurs d'armes. Paris, 1869, p. 174, fig. 5.

[75] Н. Г. Первухин. Ук. соч., табл. XIX; ОАК, 1894, стр. 28—29.

[76] См. находку из Биляра (ГМТР, инв. № 5427—140).

[77] С. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 194.

[78] «Басандайка», табл. 81, *19*.

[79] АЛОИА, ф. 2, 1927, № 187, л. 264.

[80] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, т. I. Киев, 1950, рис. 63.

[81] Раскопки А. Х. Халикова 1961 г. (АИА АН СССР, д. 2383, л. 164; ГМТР, инв. № 5427—28); A. M. Tallgren. Collection Zaoussailov au musée historique de Finlande à'Helsingfors, II. Helsingfors, 1918, tabl. V, *2*.

[82] Раскопки М. К. Каргера.

[83] А. Е. Алихова. Могильник у колхоза «Красный Восток». КСИИМК, 1949, вып. XXIX, стр. 78, рис. 14.

[84] В. В. Саханев. Ук. соч., табл. 50, *5*.

[85] I. Hampel. Op. cit., Bd. I, S. 243, Abb. 578.

[86] М. П. Грязнов. Ук. соч., табл. IX, 23.

[87] ГИМ, оп. 811, № 1091, хр. 93/19б (раскопки В. А. Городцова 1940 г., в одном погребении с восьмеркovидными стременами).

[88] ГИМ, оп. 1000, № 297, хр. 123/5а.

[89] Раскопки Л. А. Голубевой 1948 г. (ГИМ, инв. № 82475, хр. VIII—9/II—2).

[90] ГИМ, инв. № 54746, хр. 121/17а.

[91] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 519.

[92] Раскопки М. К. Каргера.

[93] Раскопки Б. А. Рыбакова 1949 г. (ГИМ, оп. 1149, № 91708, хр. VIII, 69/9а).

[94] ГИМ, хр. 25/36б.

Седла

От седла обычно сохраняются следы кожи и деревянной основы седла, иногда солома (Ступки 5/7, № 483). Место седла в погребениях без костей коня неопределенное, в погребениях с костями коня — там, где должна была бы быть спина лошади. Иногда седло имеет железную оковку луки (с. Боаро, к. 26, № 93; с. Визенмиллер, группа III, к. 5, № 121 [95]; с. Золотушинское, № 157). В настоящее время мы не можем реконструировать седло и можем лишь предполагать, что у седла восточноевропейских кочевников была только передняя высокая лука [96].

Седло украшалось костяными накладками. Накладки чаще всего имеют вид узких пластин, украшенных циркульным орнаментом или гравированными косыми линиями. Но известны большие фигурные накладки на переднюю луку (Зеленки 303, № 719), украшенные плетеным резным пояском, циркульным узором и чернением.

Другого типа накладки, видимо от боковин, передней и небольшой задней луки седла, найдены в хут. Подлужном (рис. 2, *2*) (№ 531) и такие же в Анапе (№ 494). Известны остатки седла, украшенные серебряными тисненными оковками (Юрьев Польский, 998). Иногда удается проследить ткань от чепрака (парча с каймой в с. Золотушинском, № 157). Седло из с. Визенмиллер 5 (№ 121) было украшено двумя ажурными бляхами с выпуклостью в центре (типа ИVI).

Костяные пластины с прямоугольным отверстием

Эти пластины часто встречаются при костяках коня, составляя, очевидно, часть конской сбруи (рис. 2, *3*).

Тип I (1 экз.). Прямоугольная пластина.

Тип II (1 экз.). Прямоугольная пластина с выемками у краев.

Тип III (5 экз.). Пластина с выпуклой спинкой.

Тип IV (5 экз.). Пластина с треугольной спинкой.

Аналогии пластинам I типа имеются в Синеглазовском могильнике VI—IX вв. [97], типа II — в Сибири [98] и на Северном Кавказе [99], типу III — в материале из Саркела — Белой Вежи [100], в Борисовском могильнике [101], в Сибири, в комплексах начиная с VI—VIII вв. [102], в памятниках конца I тыс. н. э. Чуйской долины [103].

Шпоры

В кочевнических погребениях найдено очень мало шпор [104]. Известна пара прямых плоских шпор (Праздничное, № 510), у которых, ви-

[95] Это седло обычно сопоставляется с седлом из развалин Нового Сарая (см. Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1950, рис. 10).

[96] Только у седла из Зажарной могилы в Херсонской обл. (№ 831), видимо, зафиксировано наличие второй луки. Оковок не было.

[97] К. В. Сальников. Ук. соч., рис. 43.

[98] В. П. Левашева. Два могильника кыргыз-хакасов. МИА, 1952, № 24, стр. 127; С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 517, табл. XLVIII, *2*.

[99] В. В. Саханев. Ук. соч., рис. 51, *1*.

[100] М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа. МИА, 1958, № 62, рис. 26.

[101] В. В. Саханев. Ук. соч., рис. 51, *1*.

[102] А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве. «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1957—1958». М. — Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 29, рис. 28, *2*; его же. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге. Там же, стр. 123, рис. 58; стр. 128, рис. 65. А. Д. Грач называет эти пластины застежками от пут (стр. 29).

[103] МИА, 1950, № 14, табл. XLVII, *8*.

[104] Карпини пишет о татарах, что у них нет шпор («Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., Географгиз, 1957, стр. 30).

димо, шип и скоба находились в одной плоскости (тип I). Такая же шпора была найдена в погребении Саркел (№ 383). Такие шпоры известны в Западной Европе, где датируются XI—XII вв.[105]. В Новгороде такие шпоры известны в слое XI—XII вв.[106], в Венгрии в памятниках X—XI вв.[107].

В. А. Городцов в погребении Николаевка 4/3 (№ 459)[108] нашел шпору с колесиком (тип II). Многочисленные варианты типов шпор с колесиком, или «репейкой», распространились на Западе в XIII—XV вв. и полностью вытеснили типы шпор без колесиков[109]. Известны шпоры с колесиком в слое монгольского погрома на Городище[110].

Плети

От плетей (4 экз.) сохраняются костяные рукояти с отростком (рис. 3, *3*). Рукояти внутри имеют канал, в котором часто оказывается железный стержень. В некоторых случаях этот стержень оканчивается кольцом. Аналогичные плети известны в Саркеле — Белой Веже[111], в Рязани[112], в Новгороде в слоях XII—XIII вв.[113], в Болгарах[114]. В кочевническом погребении близ Саркела (№ 428) найдена серебряная узкая лента, скрученная в виде растянутой спирали. М. И. Артамонов видит в этом предмете ленту, вплетенную в ремни плети или украшавшую рукоятку плети. В погребении из Увека (№ 983) найдена деревянная палочка, обмотанная серебряной проволокой, которую исследователь погребения А. А. Кротков также считает плетью. В погребении Крилос 1 (№ 850а) найдены были две серебряных обкладки рукояти, которую исследователь кургана предлагает считать, правда без оснований, рукоятью ременной плети[115].

Сабли

У большинства сабель рукоятка расположена несколько под углом к линии клинка. Этим достигается усиление эффективности удара. На рукояти обычно бывают отверстия для прикрепления накладок.

При классификации сабель мы разделяем их на отделы — по форме клинка и на типы — по форме рукояти (рис. 3, *1*).

Отдел А

Широкие малоизогнутые.

Тип I (7 экз.). С прямым брусковидным перекрестием и с рукояткой более узкой, чем клинок.

Тип II (3 экз.). Такая же, как тип I, но без перекрестия. Видимо, оно было деревянным.

---

[105] J. Petersen. Vikingetidens redskaper. Oslo, 1951, S. 37.

[106] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 190—191.

[107] I. Hampel. Op. cit., Bd. I, SS. 629–631.

[108] Здесь и в дальнейшем мы обозначаем погребения именем населенного пункта с номером кургана. В случае нескольких погребений в кургане погребение обозначается дробью, у которой числитель — номер кургана, а знаменатель — номер погребения. В скобках — номер комплекса в приложении.

[109] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 190—191.

[110] Раскопки М. К. Каргера. АИА, д. 1836а, л. 47.

[111] М. И. Артамонов. Ук. соч., рис. 26.

[112] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, 1955, № 49, стр. 134, рис. 91, *11*.

[113] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 190, 183, рис. 20, *2*, *4*.

[114] ГИМ, ф. 119/49б, оп. 1481, № 1.

[115] J. Pasternak. Die Ersten Altungarischen Grabfunde Nördlich der Karpaten. AH, XXI. Budapest, 1937, S. 297.

Отдел Б

Более узкие и сильнее изогнутые.

Тип I (7 экз.). С брусковидным перекрестием.

Тип II (3 экз.). Перекрестие имеет расплющенные и опущенные вниз концы.

Тип III (7 экз.). Без перекрестия. Ширина рукояти такая же, как клинка. Перекрестие, видимо, было деревянным. Аналогии саблям тип AI имеются в салтовской культуре. Это так называемые хазарские сабли[116]. Они были распространены и на Руси в X—XI вв., превратившись здесь, как считает Г. Ф. Корзухина, в своеобразный «гибрид» сабли и меча[117]. Кроме того, сабли типа AI есть в материалах Волжской Болгарии IX—X вв.[118], в могильнике Новый Пазар в Дунайской Болгарии[119], в мордовских могильниках VIII—X вв.[120], в венгерских памятниках IX—X вв.[121]. Сабли типа AII известны в южнорусских комплексах X в.[122], в северокавказских памятниках X—XIII вв.[123], в памятниках IX—X вв. Венгрии[124].

Аналогии саблям типа БI имеются в материалах погребений X—XII вв. из Басандайки[125], в материалах XIV в. из Нового Сарая[126], в памятниках X—XIV вв. на Северном Кавказе. В Убинском могильнике[127], Новом Сарае[128] и курганах XIV в. белореченского типа[129] известны сабли типа БII. Ножны сабель сделаны из дерева, частично обтянуты кожей и имеют две антапки для прикрепления к ремню и сплющенную с боков оковку конечной части ножен.

На сабле из погребения Ладожское (№ 502) лежал узор из плетеных серебряных полос на лезвии ниже рукояти. Следует предполагать, что это — украшения от несохранившихся ножен. Сабля из погребения Збурьевка (№ 628) имела на навершии рукояти медную оковку, а на рукояти следы серебряной отделки. Ножны из погребения Таганча (№ 803) имели железный наконечник с серебряным покрытием и серебряные пластинки, укрепленные на деревянной основе ножен при помощи штифтов. Сабля из кургана 3/7 в 15-м поселке (№ 260) была в деревянных ножнах с тремя парами рельефных серебряных чеканенных блях, ножны были обложены листом серебра со сложным растительным чеканенным орнаментом. Прямое железное перекрестие имело две шишечки на концах. На рукояти было навершие в виде колпачка, покрытое серебряной чеканенной пластинкой. К рукояти прикреплялась подвеска, которая состояла из пластин, соединенных вместе на деревянной основе. Лицевая сторона подвески — серебряная пластина с загнутыми краями, а оборотная сторона — две бронзовые пластины.

---

[116] Сводку этих сабель см.: Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI в. СА, 1950, XIII, табл. II и III.

[117] Там же, табл. IV.

[118] ОАК, 1904, стр. 135—136; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 52, рис. 16.

[119] Ст. Станчев. Новый памятник ранней болгарской культуры. СА, 1957, XXVII, стр. 115, рис. 5, *1*.

[120] Лядинский могильник. МАР, т. X, стр. 12, рис. 21.

[121] N. Fettich. Op. cit., Taf. XLI, *2*, LVIII.

[122] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 35, рис. 9.

[123] А. А. Стрельченко. Вооружение адыгских племен X—XV вв. «Наш край», вып. I. Краснодар, 1960, стр. 146.

[124] N. Fettich. Op. cit., Taf. LXXII, *37*.

[125] «Басандайка», табл. 90.

[126] Эрм. экспозиция.

[127] А. А. Стрельченко. Ук. соч., стр. 150.

[128] Раскопки 1963 г. (в комплексе XIV в.). АИА, д. 2699, рис. 11.

[129] ГИМ, хр. 18/2.

Кинжалы

Кинжалы встречаются редко. Один кинжал со сравнительно широким, острым с одной стороны, треугольным в сечении лезвием и бронзовым перекрестием, концы которого слегка опущены вниз, наподобие перекрестий сабель типа БII, был обнаружен в погребениях у г. Ленинск 4/4 (№ 194), другой — в погребении Балкин хутор (№ 58а).

Мечи

Относительно употребления меча поздними кочевниками что-либо определенное сказать трудно. В том материале, который сохранился, мечей очень мало, меньше, чем сабель. Обоюдоострые прямые мечи 110—115 *см* длиной были найдены в погребениях Челкар (№ 46) и Пришиб (№ 471) и (по свидетельству А. А. Спицына) Ново-Збуровка (№ 661). Меч из погребения Пришиб (рис. 3, *2*) был типа широко распространенных в Европе в IX—XI вв. мечей, встречавшихся и на Руси [130]. Он имел прямое перекрестье и шаровидное навершие. Однолезвийные мечи с брусковидным навершием найдены в погребении Калиновка 28/2 (№ 173) и у хут. Кузин (№ 184). Последний имел четкий дол.

Существует точка зрения, что прямой однолезвийный меч предшествует сабле и потому встречается только в самых ранних погребениях поздних кочевников I тыс. н. э. И. В. Синицын сравнивает меч из погребения Джангалы 19 (№ 139) с однолезвийным мечом из погребений IV—V вв. н. э. [131]. Хотя действительно прямой однолезвийный меч является исходной точкой в эволюции сабли, все же долгое время в европейских степях эти два вида оружия сосуществовали. При этом иногда прямые мечи получали некоторый наклон рукояти, как у сабель. Такие мечи дошли до XIII—XIV вв., о чем свидетельствует находка в Джангале 19 (№ 139) с поздними формами стрел и стремян.

Копья

Все втульчатые. Классифицируются по форме пера (рис. 3, *5*).

Тип I (11 экз.). В виде конусовидной заостренной трубки («втоковидное»).

Тип II (1 экз.). С плоским пером в виде вытянутого равнобедренного треугольника, нижние грани короткие, слегка вогнутые.

Тип III (6 экз.). С плоским листовидным широким пером.

Тип IV (17 экз.). С ромбическим плоским пером.

Тип V (1 экз.). Ланцетовидно-ромбические.

Аналогии копьям типа I известны в могильнике Новый Пазар [132], в славянском слое Белой Вежи [133]; типа II — в Белой Веже, в слое XI в. [134]; типа III и IV — среди сулиц Новгорода из слоя X в. [135] и копий Старой Рязани [136].

Копья у печенегов и половцев упоминаются в письменных источниках [137].

[130] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 35, рис. 9.

[131] И. В. Синицын. Археологические исследования в Западном Казахстане. «Тр. ИИАЭ АН Каз.ССР», т. I. Алма-Ата, 1956.

[132] Ст. Станчев. Ук. соч., стр. 115, рис. 5, *9*.

[133] С. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 186—187, рис. 30, *7*.

[134] Там же, рис. 30, *5, 6*.

[135] Там же, стр. 126, рис. 3, *8*.

[136] А. Л. Монгайт. Ук. соч., стр. 183, рис. 142.

[137] Сообщение Гардизи. См. В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. ЗАН, историко-филологического отд., VIII, 1897, т. I, № 1, стр. 120.

Луки

Простой лук в погребениях поздних кочевников не зафиксирован. От сложного лука кроме деревянного тлена сохраняются только костяные накладки. На одной стороне этих накладок имеются насечки для лучшего соединения с деревянной основой лука.

Срединные накладки придавали средней части лука, где опасность перелома была особенно велика, жесткость. В погребении № 60 близ Саркела было прослежено, что между срединных накладок в деревянную основу лука был загнан для упругости деревянный клин [138].

Срединные накладки делятся на следующие типы (рис. 3, *6*).

Тип I (17 экз.). Овальные.

Тип II (9 экз.). Дуговидные.

Тип III (2 экз.). Трапециевидные.

Тип IV (1 экз.). Овальные с вырезом.

Тип V (1 экз.). Прямоугольные.

Аналогии накладкам типа I известны в Семиречье [139], в Сибири [140], в салтовской культуре [141]; аналогии накладкам типа II известны в Новгороде [142], Старой Ладоге [143], в Саркеле [144], во Вщиже [145], в Колодяжном [146], в памятниках Сибири [147].

Кроме боковых найдены две фронтальные срединные накладки (рис. 3, *7*). Способ размещения этих накладок описан А. Ф. Медведевым [148]. Они известны в Сибири [149], в Новгороде в слое XII в. [150].

Концевые накладки имеют следующие типы (рис. 3, *8*):

Тип I (1 экз.). Прямоугольная пластина с вырезом.

Тип II (2 экз.). Треугольная пластина с вырезом.

Накладки типа II известны среди материалов Саркела — Белой Вежи [151].

Встречаются костяные кольца с выступами (для так называемого монгольского способа натягивания лука). Они хорошо известны в Средней Азии [152] и в золотоордынских городах Поволжья [153].

Железные наконечники стрел

При классификации стрел мы группируем их по поперечному сечению на отделы и по форме — на типы. Все распространенные стрелы, за исключением одной втульчатой (№ 790) (рис. 3, *4*), являются черешковыми (рис. 3, *9*).

---

[138] Такое усовершенствование известно у луков из памятников Сибири, например, в могильнике Кудыргэ.

[139] Я. А. Шер. Погребение с конем в Чуйской долине. СА, 1961, № 1, стр. 281.

[140] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники.., рис. 12.

[141] С. А. Плетнева. О некоторых погребальных обычаях аланских племен Подонья. Сб. «Исследования по археологии СССР». Л., изд. Гос. Эрмитажа, 1961, стр. 185, рис. 3.

[142] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 138.

[143] Раскопки Н. И. Репникова 1911 г. (ГИМ, колл. 2082/434).

[144] М. И. Артамонов. Ук. соч., рис. 25, *10*.

[145] ГИМ, 1949, № 4338. Раскопки Б. А. Рыбакова

[146] Раскопки В. К. Гончарова 1952 г.

[147] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. LXIII.

[148] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, рис. 10.

[149] М. П. Грязнов. Ук. соч., табл. XLII.

[150] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 140, рис. 8.

[151] М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 39, рис. 25, *9*.

[152] Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки торгово-ремесленного района XV—XVII вв. на городище Таш-Кала в Ургенче. ТХЭ, 1958, II, рис. 8, *3*.

[153] Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Ук. соч., рис. 4.

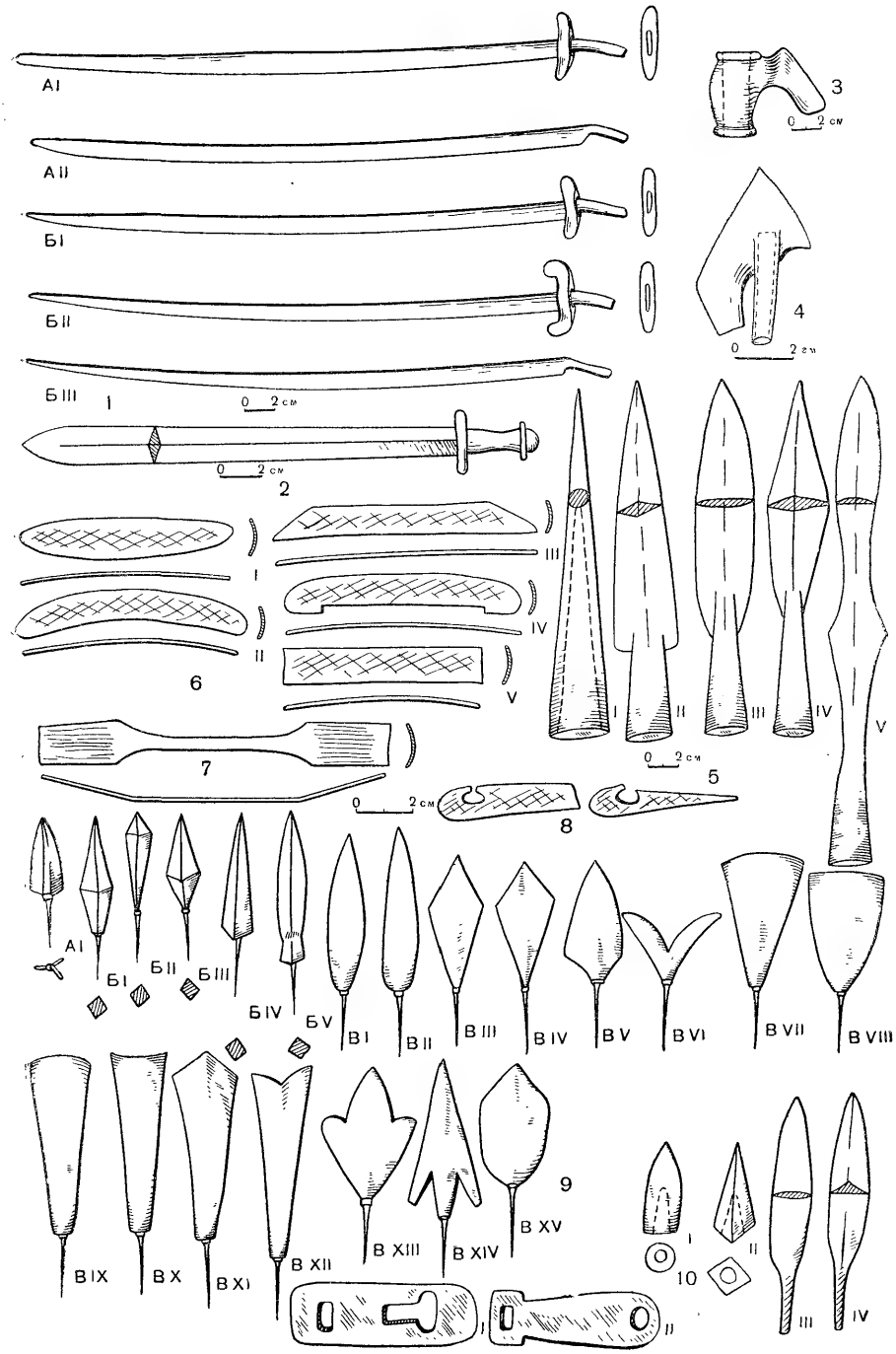


Рис. 3. Оружие и костяные пряжки: *1* — сабли; *2* — меч (Пришиб, № 471); *3* — рукоять плети; *4* — втульчатая железная стрела (Пешки 323, № 790); *5* — копья; *6* — срединные накладки на лук; *7* — фронтальная накладка на лук; *8* — концевые накладки на лук; *9* — железные стрелы; *10* — костяные стрелы; *11* — костяные пряжки

Отдел А

Трехлопастные.

Тип I (4 экз.). С широкими треугольными лопастями.

Отдел Б

Четырехгранные.

Тип I (2 экз.). Бипирамидальные, вытянутые.
Тип II (10 экз.). Бипирамидальные, с короткой верхней частью.
Тип III (9 экз.). Бипирамидальные, с короткой нижней частью.
Тип IV (3 экз.). Пирамидальные, вытянутые.
Тип V (2 экз.). Пирамидальные, с дуговидными гранями.

Отдел В

Плоские.

Тип I (45 экз.). Листовидные.
Тип II (4 экз.). Ланцетовидные.
Тип III (99 экз.). Ромбические.
Тип IV (89 экз.). Ромбические, с удлиненной нижней частью.
Тип V (16 экз.). Ромбические, с вогнутыми нижними и несколько выгнутыми верхними ударными гранями.
Тип VI (9 экз.). Жаловидные, треугольные.
Тип VII (7 экз.). Срезни в виде треугольника.
Тип VIII (3 экз.). В виде лопаточки с округлой нижней частью и ровно срезанной верхней.
Тип IX (25 экз.). Срезни в виде вытянутой лопаточки со слегка закругленной верхней ударной гранью.
Тип X (4 экз.). Такие же, но ударная грань вогнута.
Тип XI (41 экз.). Такие же, как типа IX, с короткими, сходящимися под тупым углом, верхними ударными гранями.
Тип XII (7 экз.). В виде лопаточки с раздвоенным широким концом.
Тип XIII (11 экз.). Фигурные.
Тип XIV (1 экз.). Треугольные, с жаловидными отростками внизу.
Тип XV (1 экз.). С широкой лопастью, срезанной под острым углом сверху, и округлым краем снизу.

Некоторые стрелы из позднекочевнических погребений имеют прорези в широкой части. Высказывались предположения, что в эти прорези вставлялась пакля, которую потом поджигали.

Аналогии стрелам типа AI известны в салтовской культуре[154], в хазарском слое Саркела[155] (в русском слое их нет), в памятниках ранних болгар VIII—IX вв. на Волге[156], в мордовских могильниках VIII—X вв.[157], в памятниках до X в. в Сибири[158], в Болгарах[159].

---

[154] И. И. Ляпушкин. Ук. соч., стр. 123, рис. 16.
[155] С. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 147, рис. 6, *15*; стр. 185—186.
[156] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., табл. XII, *16*.
[157] А. Е. Алихова. Из истории мордвы конца I — начала II тыс. н. э. В кн.: «Из древней и средневековой истории мордовского народа». Саранск, 1959, стр. 26, рис. 6; М. Ф. Жиганов. Новые археологические памятники в долине рек Вад и Теша. Там же, стр. 67, рис. 26, *2*, стр. 76; рис. 30, *15*; А. Е. Алихова. Серповский могильник. Там же, стр. 126, рис. 54, *8*; стр. 127, рис. 55, *2*.
[158] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники.., стр. 65.
[159] ГМТР, инв. № 55438.

Аналогии стрелам типа БI имеются в Старой Рязани[160]. Стрелы типа БII известны в Новгороде[161]; стрелы типа БIII — в памятниках ранних болгар VIII—IX вв. на Волге[162].

Стрелы типа BI встречаются в славянском слое Саркела — Белой Вежи[163], в разрушенных монголами городах[164]; стрелы типа BIII — в Старой Рязани[165] и в славянском слое Саркела — Белой Вежи[166]; стрелы типа BIV — в Колодяжине, Плеснеске и других предмонгольских русских городищах[167], в памятниках Венгрии IX—X вв.[168]; стрелы типа BV — в славянском слое Саркела — Белой Вежи[169], в Новгороде[170], в Старой Рязани[171], в смоленских городищах XII—XIII вв.[172]; стрелы типа BVI известны в предмонгольских русских памятниках[173], в комплексах XI—XII вв. на Северном Кавказе[174], в комплексах IX—X вв. в Венгрии[175]; стрелы типа BVIII — в Новгороде[176], в памятниках Сибири[177]; типа BIX — в Монголии[178], на южнорусских городищах в слоях монгольского разорения[179], в Старой Рязани[180], в Новгороде[181], в Гродно[182], в мордовских могильниках[183]. Стрелы типа BXI хорошо известны в Казахстане, в Сибири в могильниках, датирующихся XIII—XIV вв.[184], и в русских городищах, разрушенных монголами в начале XIII в. (например, Княжая Гора[185], Плеснеск[186]). В Восточной Европе такие стрелы часто встречаются с вещами XIV в.[187]. Стрелы типа BXII были найдены в слоях XIII—XIV вв. в Новгороде[188], в славянском слое Саркела — Белой Вежи[189]. Стрелы типа BXIII известны в памятниках белореченского типа Северного Кавказа XIV в.[190], в Новом Сарае и в Ста-

[160] А. Л. Монгайт. Ук. соч., стр. 185, рис. 143а, *25*.
[161] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, рис. 13, *45*.
[162] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., табл. XII, *13*.
[163] С. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 185, рис. 29, *22*; стр. 186.
[164] М. П. Кучера. Древній Пліснеськ. АП УРСР, 1962, т. XII, рис. 12, 20.
[165] А. Л. Монгайт. Ук. соч., стр. 185, рис. 143а, *26*.
[166] С. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 185, рис. 29, *15*; стр. 186.
[167] М. П. Кучера. Ук. соч., рис. 12, *3*.
[168] N. Fettich. Op. cit., Taf. CXXXI, *1—4*.
[169] С. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 185, рис. 29, *17*; стр. 186.
[170] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, рис. 13, *15—17*, стр. 165.
[171] А. Л. Монгайт. Ук. соч., стр. 185, рис. 143, *11*.
[172] В. В. Седов. Ук. соч., стр. 82, рис. 37, *5*.
[173] А. Ф. Медведев. Ук. соч., рис. 13, *26*.
[174] В. А. Кузнецов. Ук. соч., стр. 28, рис. 12, *4*.
[175] N. Fettich. Op. cit., Taf. LXXII, *10—11*; CXXXI, *7*.
[176] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, рис. 13, *31*.
[177] Городище в урочище Унга, раскопки А. П. Окладникова 1957 г.
[178] В Каракоруме, «Древнемонгольские города». М., «Наука», 1965, стр. 194, рис. 108, *1, 7*.
[179] В Колодяжном (Р. О. Юра. Ук. соч., рис. 35), Изяславле, на Княжей Горе, в Райках (В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XII, *1—5*, стр. 93—94).
[180] А. Л. Монгайт. Ук. соч., стр. 184, рис. 143, *13, 18*.
[181] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, рис. 13, *32*, стр. 166.
[182] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, 1954, № 41.
[183] А. Е. Алихова. Эрзянский могильник XIV в. у с. Гагино. В кн.: «Из древней и средневековой истории мордовского народа», стр. 181.
[184] Кудыргэ, Яконур, а также на городищах XIII в. (Хорхора, раскопки С. В. Киселева 1954 г.; Дон-Терек, раскопки Л. Р. Кызласова и др.).
[185] КМ, В—25/324/327.
[186] М. П. Кучера. Ук. соч., рис. 12, *4*.
[187] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, рис. 13, *33*, стр. 167; А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 193, табл. XLV; см. также находку у ст. Казанской в кургане белореченского типа близ Пятигорска (ГИМ, № 123). Стрелы типа БXI найдены близ Варны на месте битвы 1440 г. (Экспозиция музея в Варне).
[188] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, рис. 18, *30*, стр. 167.
[189] С. С. Сорокин. Ук. соч., рис. 29, *26*.
[190] Находка у ст. Богаевской, Майкопского отд. (ГИМ, хр. 21/35а).

рой Рязани[191]. Этот тип наконечников стрел в нескольких других вариантах известен хорошо в памятниках Сибири более раннего времени.

Костяные наконечники стрел

Встречаются редко. Делятся на несколько типов (рис. 3, *10*).

Тип I (4 экз.). В виде конуса, так называемые «пулевидные».

Тип II (5 экз.). Четырехгранные с внутренней втулкой.

Тип III (4 экз.). Трехгранные с плоским черешком.

Тип IV (1 экз.). С плоским черешком и листовидным пером.

Костяные стрелы типа I известны и в первобытных памятниках, например в Старшем Каширском городище[192], и в средневековых памятниках. Костяные наконечники стрел различных типов распространены очень широко и приводить аналогии им не имеет смысла.

Колчаны

Чаще всего колчаны делались из бересты, иногда на деревянном или железном проволочном каркасе. Сверху их часто окрашивали в красный и черный цвета. Иногда на месте тлена от колчана встречаются следы кожи. Колчаны имели вид цилиндра, расширявшегося в нижней части, с плоским дном. Колчан украшали костяными накладками. Расположение их было зафиксировано в погребении Пески 22 (№ 466): костяные накладки покрывают с одной стороны всю верхнюю часть колчана. Ниже идет поясок прикрепленных к бересте треугольных бронзовых подвесок.

Известны колчаны с железной оковкой[193]. На некоторых колчанах в погребениях Цозаровка 269 (№ 809), Бережновка II, 34/2 (№ 82) было зафиксировано положение длинных костяных накладок с отверстиями вдоль края колчана и костяных петель (которые будут рассмотрены ниже) у верхнего его края (рис. 4, *5*).

На месте истлевших колчанов находят различные детали: колчан из погребения Ровное 4/7 (№ 262) имел бронзовые полукруглые пластины с прорезью, железные пластины и железное кольцо у верхней части колчана; колчан из погребения Пески 22 (№ 466) имел железное кольцо у верха; колчан из погребения Пески 17 (№ 464) — костяную пластину, железный крючок, два железных кольца; колчан из погребения № 54 у Саркела (№ 421) имел три железных кольца (рис. 4, *4*); колчан из Мертвых солей (№ 9) имел железный крючок, из погребения Кара-Бутак I (№ 5) — железную дуговидную оковку нижней части колчана и железную пластинку; у колчана из погребения Калиновка 54/1 (№ 178) имелся костяной крюк; колчан из погребения Быково I, 16/9 (№ 102) имел тонкие дощечки, узкую железную планку и железную петлю, рядом лежали железное кольцо, деревянная планка с заостренным концом; колчан из погребения Быково I, 14/3 (№ 101) справа имел железную пластину; колчан из погребения Каменка 441 (№ 845) имел железную пластину с крюком и двумя заклепками, узкие костяные накладки и бронзовую узкую пластину, приклепанную к деревянной пластинке (рис. 4, *8*).

---

[191] А. Л. Монгайт. Ук. соч., стр. 184, рис. 143, *16*.

[192] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, 1934, т. 85, табл. X, *1*.

[193] Такие колчаны известны в Венгрии в XI в. I. Hampel. Op. cit., Bd. I, Abb. 429.

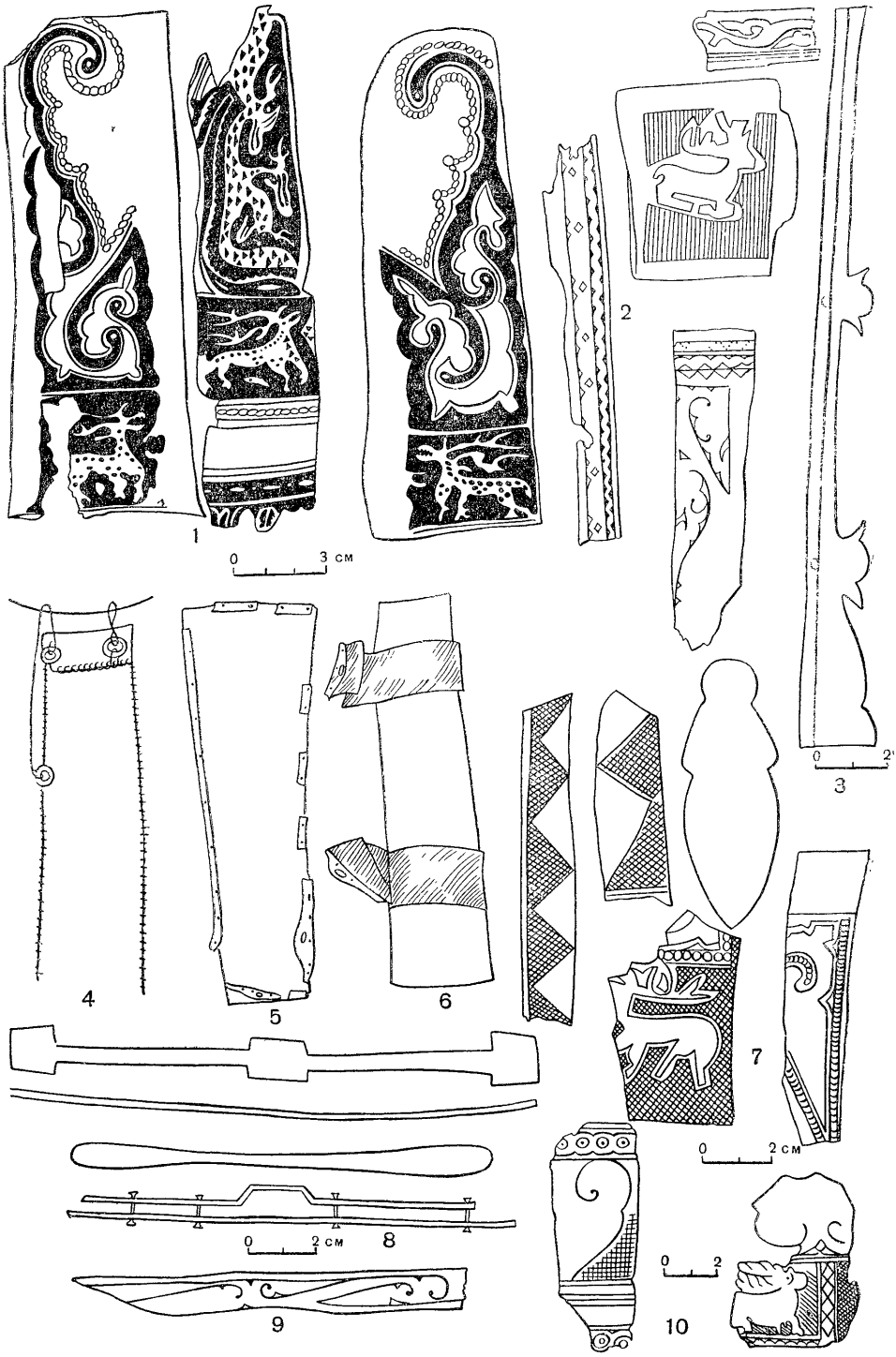


Рис. 4. Детали колчанов: *1* — накладка из погребения Бережновка II, 5, № 74; *2* — накладка из погребения Парканы 180, № 877; *3* — пластина из кости от колчана из погребения Умань, № 805, *4* — реконструкция колчана из погребения Саркел 54, № 421; *5* — положение костяных деталей колчана из погребения Цозаровка 269, № 809; *6* — реконструкция колчана из погребения Саркел 18/1, № 392; *7* — накладка из погребения Аткарск 18, № 53; *8* — пластины от колчана из погребения Каменка 441, № 845; *9* — накладка от колчана из погребения Аткарск 18, № 53; *10* — накладка из погребения Бережновка I, 45/2 № 70. Реконструкции колчанов С. А. Плетневой

Костяные накладки на колчаны

Известны широкие пластины от колчанов, орнаментированные резьбой и гравировкой, а иногда ажурные. Эти пластины (известно всего пластин этого типа от 30 колчанов) стилистически очень близки друг к другу и образуют один тип костяных накладок (рис. 4, *1, 2, 7, 9, 10*). Сходство их при ближайшем рассмотрении обнаруживается не только в технике гравировки, общей для всех костяных накладок, не только в манере окрашивать некоторые части орнамента в черный и красный цвета, но и в самом орнаменте и стиле изображений.

На городищах Белоруссии было найдено несколько костяных орнаментированных накладок на колчаны, близких кочевническим. Хронологически они не выходят из рамок XIII в.[194]. Более точные аналогии костяным накладкам от колчанов имеются в памятниках Сибири XII—XIV вв.[195], из культурного слоя Наровчата[196], в Барбашинском могильнике XIV в[197], в материале из городища Верхний Джулат в комплексе XIII—XIV вв[198].

В кочевнических курганах имеются обкладки краев колчана другого типа: в виде длинных узких костяных пластин. Они часто бывают покрыты геометрическим орнаментом. Известны находки нескольких таких узких пластин с орнаментом в виде трилистников.

Костяные петли от колчанов

Они предназначались, как это выяснила С. А. Плетнева, для прикрепления колчана к ремню. Эти костяные петли были прикреплены к широким ремням, охватывавшим весь колчан. Через петли продевался шнур или ремень для ношения колчана через плечо[199] (рис. 4, *6*).

Обычно костяные петли имеют на одной стороне насечку для более плотного соединения с ремнем и часто насечку на спинке. Характерной особенностью петель является потертость края большого отверстия, вызванная трением ремня или шнура, пропущенного через него.

Петли можно классифицировать на отделы по числу больших отверстий и на типы — по форме (рис. 2, *4*).

Отдел А

С одним большим отверстием в утолщенной части пластины.

Тип I (1 экз.). Ровное основание и дугообразная спинка.

Тип II (10 экз.). Ровное основание, дугообразная спинка, скошенные концы.

Тип III (7 экз.). Выгнутое основание, вогнутая спинка, скошен один конец, закруглен другой.

---

[194] Л. В. Алексеев. Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии. СА, 1962, № 4.

[195] А. П. Окладников. Древнемонгольский портрет. В кн.: «Монгольский археологический сборник». М., Изд-во АН СССР, 1962.

[196] Раскопки А. Е. Алиховой 1959 г. (АИА, д. 1910а, л. 16).

[197] М. Ф. Жиганов. Из истории ремесла, домашнего производства и торговых связей мордвы в XIII—XIV вв. В кн.: «Из древней и средневековой истории мордовского народа», стр. 154, рис. 64.

[198] Раскопки В. А. Кузнецова 1961 г. (АИА, д. 2183а, л. 15).

[199] Этнографическая параллель этому способу ношения колчанов известна у башкир XIX в. См. С. И. Руденко. Башкиры. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 76, рис. 36.

Тип IV (9 экз.). Сильно удлиненная пластина с небольшим утолщением в том месте, где отверстие. Основание ровное, спинка изогнутая, концы скошены.

Тип V (1 экз.). Ланцетовидная пластина с выемкой на спинке.

Тип VI (1 экз.). Овальная пластина с одним заостренным концом и уступом на спинке около него.

Тип VII (2 экз.). Ровное основание и фестончатая спинка.

Отдел Б

С двумя большими отверстиями.

Тип I (1 экз.). Ровное основание, двугорбая спинка.

Тип II (1 экз.). Такая же, как тип БI, сильно удлиненная.

Отдел В

С тремя большими отверстиями.

Тип I (1 экз.). Ланцетовидная с выемкой на спинке.

Аналогии типу AI известны в Сибири[200], типу AII — в Болгарах[201], Саркеле[202], Новгороде в слое XIV в.[203], типу AIII — в Саркеле[204], типу AIV — в Новгороде в слое XIV в.[205].

Кистень

Один кистень был найден в Таганче (№ 803) и два в погребениях Сазонкин Бугор 11, 13 (№ 267г, 267д). Оружие это, видимо, было мало распространено у кочевников.

Булавы

Это оружие редко применялось кочевниками. Известны одна шаровидная каменная булава с четырьмя выступами, одна грушевидная каменная и одна шипастая железная. Особо заслуживает упоминания скипетр, или булава, из Таганчи (№ 803), имеющий шаровидное каменное навершие с арочным пояском.

Шлемы

Шлемы (рис. 5, *1*) довольно часто встречаются в погребениях. Существует несколько классификаций шлемов. Э. Ленц предложил классифицировать их по способу защиты лица[206]. Эта формальная классификация объединяет внутри типа совершенно разнохарактерные шлемы. Мы используем для классификации кочевнических шлемов типологию русских шлемов, разработанную А. Н. Кирпичниковым[207].

Тип I (3 экз.). Плавно изогнутые и вытянутые шлемы. К передней части прикреплен наносник, переходящий в надбровные дуги. К шлему прикреплялась кольчужная бармица. Наверху при помощи

---

[200] ОАК, 1894, стр. 147, рис. 222.

[201] См. коллекцию в музее при кафедре археологии МГУ.

[202] М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 39, рис. 25, *3*.

[203] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 146, рис. 11, *6*; стр. 147.

[204] М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 39, рис. 25, *4*.

[205] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 142, рис. 40, *6*; стр. 146, рис. 11, *5*; стр. 147.

[206] E. Lenz. In Rußland gefundene frühmittelalterliche Helme. ZWK. N. H. Bd. 1(10). Berlin, 1924, SS. 1—17.

[207] А. Н. Кирпичников. Русские шлемы X—XIII вв. СА, 1958, № 4.

обычно четырех ножек укреплялся шпиль, имеющий внизу утолщение — яблоко. К шпилю, очевидно, прикреплялся флажок — яловец. Шлем из погребения Демьяновка (№ 562) имел венец, прикрепленный к тулье железными заклепками. Нижний край шлема имел петли для прикрепления бармицы. Бармица скреплялась с петлями шлема при помощи металлического прутика или ремешка. К этому типу относится шлем

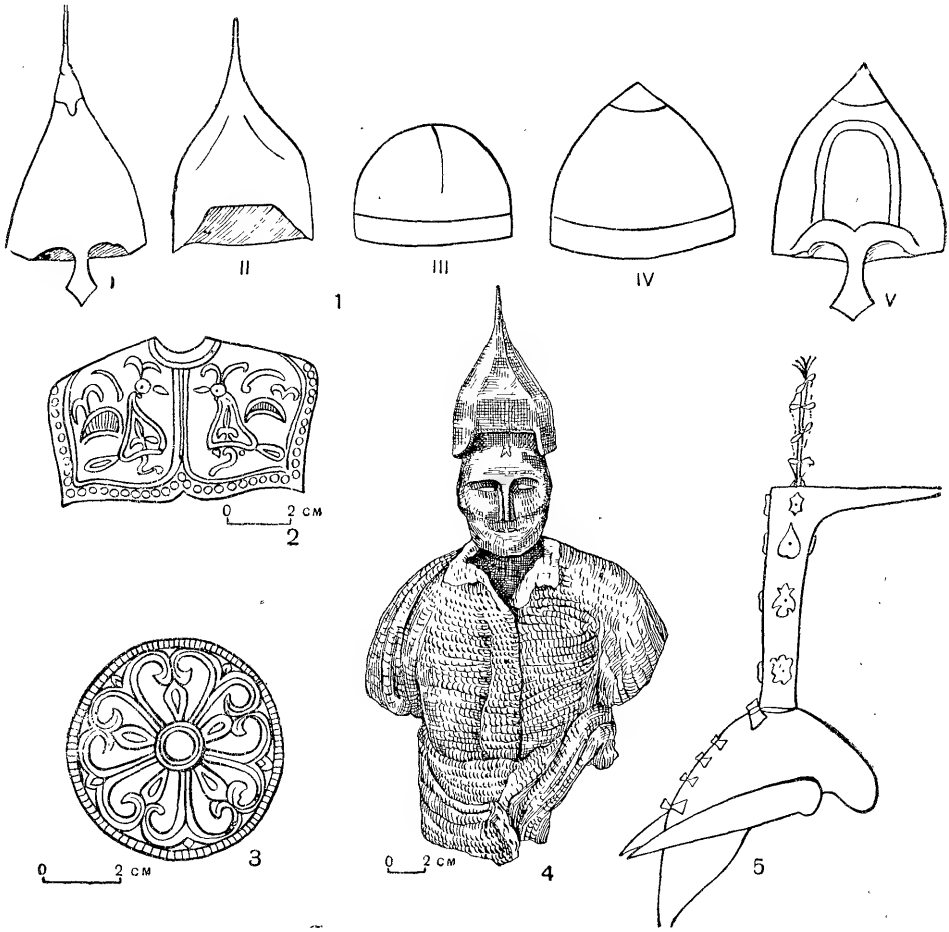


Рис. 5. Шлемы и бокка: *1* — схема типов шлемов; *2* — навершие шлема из погребения у г. Энгельса, № 359, *3* — навершие шлема из погребения Бабичи, № 674; *4* — шлем и кольчуга из погребения Ковали 53, № 753; *5* — бокка из погребения Увек 1, № 977

из Таганчи (№ 803). Спереди у него был щиток, окруженный каемкой из меди, приклепанной серебряными гвоздиками. На передней части остались куски серебряной пластины. Внизу имелись отверстия для соединения с бармицей.

Находки шлемов этого типа обычны для Киевщины, где такие шлемы встречаются и в курганах кочевников, и в соседних с ними русских памятниках[208].

Тип II (3 экз.). Сфероконический шлем с вырезом спереди, к которому прикреплялась железная маска. Шлем увенчивался шпилем. Имелась бармица.

[208] А. Н. Кирпичников. Ук. соч., стр. 59 и сл.

Два шлема с портретными масками — Ковали 53 (№ 753), Липовец (№ 774) — и одна маска со следами позолоты — Ротмистровка (№ 802), известные в настоящее время, найдены в кочевнических курганах. Шлем из погребения Ковали (рис. 5, *4*) имеет четыре желобчатых углубления, спускающихся вниз от шпиля, и золотую серьгу в правом ухе маски. Кроме этих трех масок еще одна маска такого же типа была найдена Косцюшко-Валюжиничем в 1889 г. в Херсонесе[209]. Н. В. Пятышева отметила, что сделанные из бронзы уши у масок вылиты в одной форме. Это доказывает одновременность изготовления всех масок и происхождение их из одной мастерской.

Тип III (3 экз.). Сферический шлем, склепанный из четырех листов. Швы покрыты полосками железа. По краю обруч. Сбоку козырек (назатыльник?). Имелась бармица. Шлем из погребения Пешки 323 (№ 790) имел, кроме того, небольшой стерженек сверху. Подобные шлемы известны в Византии и в Западной Европе[210]. Вероятно, это привозные изделия.

Тип IV (4 экз.). Неглубокие сферо-конические шлемы с ровным краем, с бармицей. Эти шлемы характерны для древней Руси. Найденный в погребении Бабичи (№ 674) шлем (рис. 5, *3*) такого типа покрыт золоченой медью и имеет гравированный поясок с растительным орнаментом по краю и гравированную розетку наверху[211]. Шлем из погребения у г. Энгельса (№ 359) имеет наверху четырехчастную розетку с изображениями птиц (рис. 5, *2*). Розетка составлена из двух позолоченных бронзовых пластин. У шлема имелось раньше небольшое навершие в виде стерженька, прикрепленного к пластинам четырьмя маленькими заклепками. Совершенно такая же розетка была найдена в Новом Сарае[212] среди материала XIV в. Сходный по типу шлем был найден в адыгейском могильнике у с. Убинского, относящемся к X—XIV вв.[213], и в трупосожжении близ Никополя[214]. Подобные шлемы имели двухчастное или четырехчастное строение. Шлем из погребения Верхне-Янченков (№ 363) покрыт золоченым листом меди и имеет навершие с дыркой для шпиля и венчик с плетеным орнаментом, исполненным путем гравировки, и с точечным чеканным фоном. У этого шлема имеется по краю 75 отверстий для колец кольчужной бармицы. Только спереди оставлен без отверстий просвет в 10 *см*. Шлем из погребения Плосское 228 (№ 896) склепан из четырех клиновидных деталей. Швы покрыты полосками. По низу наклепана широкая полоса. Шлем имеет наносник. По форме он принадлежит к шлемам типа IV, хотя и довольно сильно отличается от других экземпляров этого типа.

Тип V (1 экз.). Крутобокие шлемы большого размера с наносником, надбровными дугами и вырезами для глаз. Шлемы имели круговые бармицы. Такой шлем найден в кургане у Ногайска (№ 572). На нем имеется характерная для русских шлемов пластина из меди с изо-

---

[209] Н. В. Пятышева. Железная маска из Херсонеса. М., Изд. ГИМ, 1964.

[210] A. Demmin. Die Kriegswaffen. Leipzig, 1886, s. 376, Abb. 90; Сб. «Внешний быт народов» т. III, ч. I. М., 1871, стр. 91—93, рис. 61—62.

[211] А. Н. Кирпичников на основании сходства орнамента на шлеме с орнаментами некоторых русских миниатюр доказывает русское происхождение этого типа (А. Н. Кирпичников. Ук. соч., стр. 63). Аналогии этому шлему имелись в древнерусском археологическом материале. См. шлем из тайника Десятинной церкви (М. К. Каргер. Археологические исследования.., стр. 122—123, рис. 86).

[212] ГЭ, Сар., № 15. Втулка припаяна к четырем пластинам.

[213] А. А. Стрельченко. Ук. соч., стр. 158, рис. 6.

[214] Л. Д. Дмитров. Археологічне вивчення Нікопольщини в 1935—1936 рр. «Наукови записки Інституту історії і археології Україні», 1946, II, стр. 60—63; «Археологія», 1950, III, стр. 153. Л. Д. Дмитров датирует этот комплекс неоправданно ранним временем (VIII—IX вв.).

бражением св. Прокопия и надписью «Святой Прокоп». Специфическая русская природа шлемов типа V не вызывает сомнений. Большинство таких шлемов, известных археологам, найдено в пределах древней Руси[215].

Известны кожаные шлемы из кочевнических погребений. В погребении Пески 17 (№ 464) был найден такой шлем с коническим железным навершием и медными пластинами, пришитыми ремешками к нижнему краю шлема.

Кольчуги и панцири

Кольчуга представляла собой обычный вид защитного доспеха кочевников (31 экз.). При погребении чаще всего ее клали свернутой в узел у головы. В некоторых погребениях кольчуга надета на тело погребенного (Ковали 53, № 753). Кольчуга из погребения Ковали 53 (рис. 5, *4*) представляет собой длинную (ниже пояса) рубашку с рукавами до середины предплечий и с воротником. Плетенье кольчуги прослежено в Демьяновке (№ 562): каждое кольцо вдето в два кольца верхнего ряда и в два кольца нижнего ряда.

Для того чтобы кольчуга не скользила на теле, ее прижимали к телу при помощи двух дисковидных блях, помещенных на груди, соединенных системой ремней. Эти ремни хорошо видны на половецких «бабах», которые будут рассмотрены ниже. Третья бляха такого же типа помещалась на спине. Эти бляхи делались из войлока и покрывались тонкой металлической пластиной. В некоторых случаях бляхи были кожаные, с бронзовой крестовиной на внутренней стороне. Защитные свойства их, по-видимому, ничтожны.

Пластинчатый доспех встречается в кочевнических погребениях реже, чем кольчуга (3 экз.). Пластинчатый доспех хорошей сохранности был открыт в кургане у с. Джангала 19 (№ 139). Он представлял собой доспех в виде безрукавной рубашки. Пластинки были скреплены тесьмой или ремешками. Они имели отверстия с боков и по верхнему ровному краю. Нижний край был округлым. На плечах имелось по три наплечника с каждой стороны в виде дугообразных изогнутых железных пластин. Такого рода пластинчатые доспехи известны и в славянских памятниках[216]. В погребении Цозаровка 250 (№ 808) найден панцирь, перекинутый через спину лошади.

Для защиты колен применялись медные пластины полушаровидной формы, найденные в погребениях Григорьевка № 3 (№ 622), Вороная № 7 (№ 609) и Юрьев Польской (№ 998). В последнем эти наколенники обнаружены in situ.

Навершия

В погребении Пески 22 (№ 466) найдено, как полагал В. А. Городцов, железное навершие в виде конуса, с кольцом наверху. Известна роль различного рода наверший, стягов и штандартов как ориентиров в бою[217].

---

[215] А. Н. Кирпичников. Ук. соч., стр. 68—69.

[216] А. Ф. Медведев. К истории пластинчатого доспеха на Руси. СА, 1959, № 2, рис. 2, *1*.

[217] Поднятые во время боя стяги изображены над головами сражающихся половцев в Радзивилловской летописи (л. 233). О знаменах упоминается у ал-Бакри (Ch. Defremery. Fragments des géographes et d'historiens arabes et persans inédits, relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie méridionale. JA, 4S, XIII. Paris, 1849, стр. 467). «Стяговник половецкий» упомянут в Ипатьевской летописи (ПСРЛ, II, стр. 558). В «Слове о полку Игореве» в числе трофеев, захваченных у половцев, перечислены: «чрьленъ стягъ, бела хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружие» («Слово о полку Игореве». М.— Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 13).

Щиты

В погребении Таганча (№ 803) найдены остатки щита, имевшего сердцевидную форму и заостренного книзу. Щит был украшен пятью серебряными бляхами. Четыре из них, набитые на верхнюю часть щита, были круглыми, одна — сердцевидная — прикреплялась, очевидно, к острой (нижней) части щита. В погребении Праздничное (№ 510) были найдены серебряная дисковидная бляха, приклепанная по краю к деревянной пластине, покрытой кожей (как предполагал Н. И. Веселовский, это был щит), и две железные дисковидные пластины, обложенные с обеих сторон серебряными пластинами и проклепанные по краям.

* *
*

У кочевников существовало оружие еще одного вида. Оно зафиксировано в письменных источниках. В Ипатьевской летописи имеется такая запись: «Пошел бяше оканьный и безбожный и треклятый Кончак со мьножествомь Половець на Русь, похупся, яко пленити хотя грады Рускые и пожещи огньмь, бяше бо обрел мужа такового бесурменина, иже стреляше живым огньмь, бяху же и у них луци тузи самострелнии, одва 50 мужь можашеть напрящи»[218]. Это были, вероятно, машины типа катапульт. В «Слове о полку Игореве» они названы «шереширами», а жидкость, наполняющая ядра, — «смагой»[219]. Осадная «артиллерия» заимствована была половцами, вероятно, у восточных соседей.

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Головной убор

Бокка является характерным для монголов женским головным убором (рис. 5, *5*). В Восточной Европе она встречается почти только в Поволжье и Заволжье (22 экз.). Устройство бокки хорошо описано Плано Карпини: «... на голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длиною в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот [убор] все увеличивается в ширину, а наверху имеет один длинный и тонкий прутик из золота, серебра или дерева или даже перо и этот [убор] нашит на шапочку, которая простирается до плеч. И как шапочка, так и вышеупомянутый убор покрыт букараном или пурпуром, или балдахином. Без этого убора они никогда не появляются на глаза людям, и по нему узнают их другие женщины (речь идет о замужних. — Г. *Ф.-Д.*). Девушек же и молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем, как мужчины...»[220]. Сходное описание бокки дает Рубрук[221].

Сюй Тин-чжи, в 1235—1236 гг. побывавший в Монголии, писал, что женщины «распускают волосы и завязывают [их] в узлы. Зимой они носят шапки, а летом шляпы из бамбуковой щепы. Женщины носят на голове гу-гу. [Я, Сюй] Тин, видел, что у них при изготовлении гу-гу каркас делается из раскрашенного дерева и обертывается красным шел-

[218] ПСРЛ, II, стр. 634—635.
[219] П. М. Мелиоранский. Турецкие элементы в «Слове о полку Игореве». ИАН, отд. русского языка и словесности, 1902, т. II.
[220] «Путешествия...», стр. 27.
[221] Там же, стр. 100.

ком или золоченой шелковой материей, а к самой макушке прикрепляется ветка ивы или [сделанная] из железа длиной в 4—5 чи и обертывается темно-синим войлоком, [причем] у людей из верхов [общества] она украшается цветами из зеленых перьев зимородка или [кусками] разноцветных шелковых тканей из нашего государства, а у людей из низов [общества] — фазаньими перьями» [222].

Изображение бокки имеется на нескольких рисунках у подножия Богдо-уула в Монголии [223]. Бокка хорошо известна нам по портретам императриц Юаньской династии [224].

В кургане Старое Мусино 1/2 (№ 23) на голове женщины обнаружена шапочка в виде шлема-шишака, сделанная из бересты и коры, обшитая бронзовой пластиной, от которой остался след окиси. Внутри шапочка имела меховую подкладку. По низу шапочка с внешней стороны была обшита ремнем с серебряными фигурными бляшками. В кургане Лучка 1 (№ 783) найдена диадема из парчи с двумя продолговатыми валиками, обтянутыми материей, с нашивками в виде бронзовых полуколец, обтянутых серебряной проволокой (20 полуколец на каждом валике). Кроме того, на диадеме был кусок темной шелковой материи с двумя рядами золотых нашивок по 30 в каждом ряду, шелковая лента с железной пряжкой, резная круглая костяная бляха с венчающим диадему резным костяным шишаком. Такая же диадема, как в Лучки 1 (№ 783), была найдена близ с. Пекари Каневского у. в 1890 г. и в кургане Лучки 3 в 1870 г. (№ 781). Возможно, что те валики от головного убора, которые были найдены в погребении Лучки 1 и Лучки 3, изображены на кочевнических женских изваяниях в виде двух роговидных дуг с насечкой, обрамляющих лицо статуи с боков. Очевидно, именно от этих роговидных валиков были найдены полукольца с отверстиями для нашивки в кургане Зеленка 297 (№ 715) и 299 (№ 717). Головной убор в виде берестяного валика, обмотанного тканью, был обнаружен Б. Н. Граковым в погребении Никополь 3/1 (№ 652).

Гривны

Встречаются в погребениях редко. В позднекочевническом материале известны гривны двух типов:

Тип I (2 экз.). Гривна, согнутая из гладкого прямоугольного в сечении прута, с загнутыми концами.

Тип II (4 экз.). Гривна, согнутая из прямоугольного в сечении витого прута, с загнутыми концами.

Аналогии гривне типа II известны в материалах древнерусских кладов конца XII — начала XIII в. [225].

Гривна особого устройства найдена в Таганче (№ 803). Она состоит из железной основы, скрученной из железной проволоки и обернутой два раза золотой пластиной.

Височные кольца и серьги

Височные кольца и серьги (рис. 6, *1*) в нашем материале неразличимы между собой. Потому даем общую классификацию их форм.

---

[222] Краткие сведения о «черных татарах» Пэн Да-Юйя и Сюй Тина. Публикация Лань Кюи-и и Н. Ц. Мункуева. «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, стр. 140.

[223] А. П. Окладников. Древнемонгольский портрет.

[224] A. Mostaert. A propos de quelques portraits d'empereurs mongols. Asia Mayor, IV. Leipzig, 1927, SS. 147—148.

[225] Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1954, табл. LIV, 7.

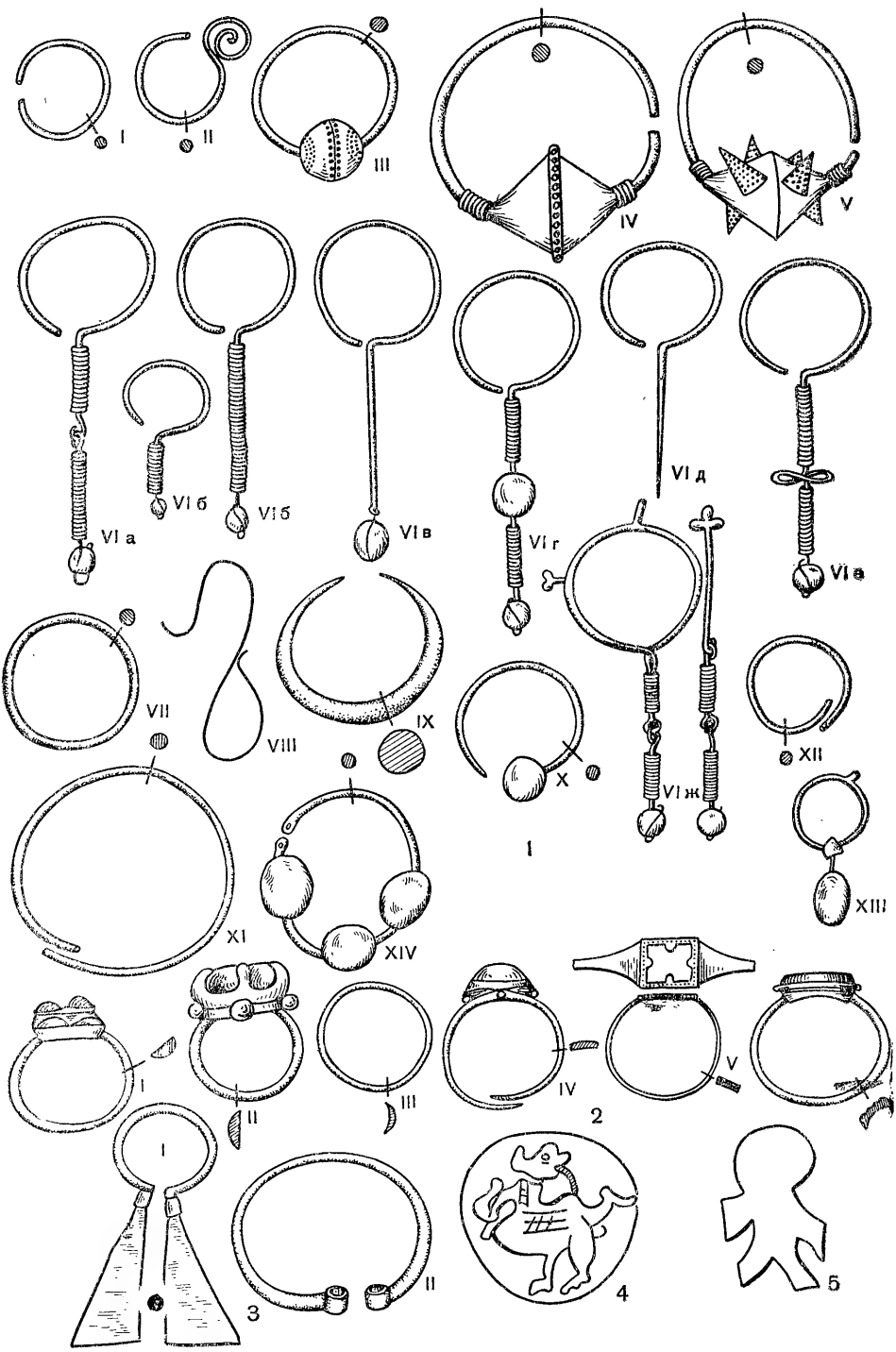


Рис. 6. Металлические изделия; *1* — серьги; *2* — перстни; *3* — сюлгамы; *4* — медная бляха из погребения Лучки 1, № 779; *5* — фигурка человека из листа бронзы (погребение Рудни, 40, № 265)

Тип I (44 экз.). Простые проволочные несомкнутые.

Тип II (4 экз.). Простые проволочные с одним концом, загнутым спиралью, несомкнутые.

Тип III (4 экз.). Сомкнутые проволочные с металлической напускной шаровидной бусиной. В некоторых случаях бусина украшалась зернью.

Тип IV (8 экз.). Проволочные несомкнутые кольца с биконической бусиной, с витками проволоки у бусины.

Тип V (2 экз.). Такая же, как тип IV, но с лучеобразными отростками на напускной бусине. Серьги IV и V типов часто украшались зернью.

Тип VI (72 экз.). В виде «знака вопроса» проволочные серьги, верхняя часть которых представляет кольцо с отходящим вниз вертикальным проволочным стержнем. Кольцо несомкнутое. В зависимости от деталей украшения нижней части серьги можно выделить следующие варианты этого типа:

Вариант а. Двусоставной стержень, обе части стержня обмотаны тонкой проволокой. На конце нижнего звена — бусина на тонкой проволочной петле.

Вариант б. Односоставной стержень, перевитый тонкой проволокой и с бусиной на конце, на тонкой проволочной петле.

Вариант в (15 экз.). Односоставной стержень без обмотки, с бусиной на конце. Иногда к бусине прикреплены подвески на цепочках.

Вариант г. Односоставной стержень, в средней части которого имеется напускная бусина. Стержень имеет обмотку из тонкой проволоки и на конце бусину.

Вариант д. С простым односоставным стержнем без обмотки, заостренным книзу.

Вариант е. Двусоставной стержень, перевитый тонкой проволокой, с бусиной на конце и бабочковидной петлей в средней части.

Вариант ж. Серьга имеет трехпетельное украшение наверху кольца. Проволочное кольцо, в отличие от колец предыдущих типов, сомкнуто. Сбоку на кольце имеется отросток. Отходящий от основного кольца вниз стержень имеет обмотку из тонкой проволоки и бусину на конце. Этот вариант является одним из сложных дериватов типа VI. Две серьги типа VIж найдены в погребении Калиновка 21 (№ 170).

Тип VII (7 экз.). В виде сплошного литого кольца.

Тип VIII (2 экз.). В виде грушевидной бусины на изогнутой и несомкнутой петле с острым концом.

Тип IX (2 экз.). Массивные литые круглые несомкнутые серьги, расширяющиеся в нижней части и с заостренными концами.

Тип X (3 экз.). Несомкнутые, с бусиной на одном из концов.

Тип XI (2 экз.). Проволочное кольцо с заходящими концами с большим диаметром.

Тип XII (10 экз.). Проволочное кольцо с заходящими концами с малым диаметром.

Тип XIII (2 экз.). В виде замкнутого проволочного кольца с напускной бусиной, к которой присоединена при помощи проволоки большая овальная бусина.

Тип XIV (2 экз.). С тремя напускными бусинами.

Серьги типа I распространены очень широко и территориально и хронологически. Серьги типа II встречаются в Венгрии[226], в Волжской

[226] I. Hampel. Op. cit., Bd. I, S. 439, Abb. 1325.

Болгарии в комплексах XIV в.[227], на Северном Кавказе, в памятниках XIII—XIV вв.[228], в мордовских памятниках XIV в.[229], на кладбище XI в. близ Саркела — Белой Вежи[230]. Серьги III типа известны в памятниках Средней Азии (например, Чимкентский клад XI в.)[231] и Венгрии[232].

Серьги типа IV найдены в русских кладах XII—XIII вв.[233], в Маджарах, в Поднестровье и Подунавье[234], где они датируются XIV в. Аналогии серьгам типа VIа имеются в Прикамье[235], в Волжской Болгарии в комплексах XIV в.[236], среди материалов, найденных в Киеве[237]. Аналогии серьгам типа VIб известны в погребениях XIV в. в Лидском могильнике[238], на Северном Кавказе в памятниках XIV в.[239], в Волжской Болгарии в комплексах XIV—XV вв.[240], в Новом Сарае[241], в Старом Сарае[242], в мордовских памятниках XIV в.[243], в Средней Азии[244], в Новгороде в слоях XIII—XIV вв.[245], в Прикамье[246], в Ижорских курганах[247]. Аналогии серьгам типа VI в. можно найти в памятниках Северного Кавказа[248], в Чигиринском кладе[249], в памятниках Прикамья[250], в золотоордынском памятнике близ Запорожья[251], в мавзолее золотоордынской эпохи в Приуралье[252]. Вариантом серьги типа VIв является серьга с лунообразным окончанием из склепа XV в. в Баку[253]. Аналогии серьге типа VIг были найдены в Прикамье[254], в древнерусских

[227] А. П. Смирнов. Армянская колония города Болгара. МИА, 1958, № 61, стр. 355, рис. 9, *3*.

[228] О. В. Милорадович. Кабардинские курганы XIV—XVI вв. СА, 1954, XX, рис. 3, *11*; В. И. Марковин. Чеченские средневековые памятники в верховьях рек Чанты и Аргуна. В кн.. «Древности Чечено-Ингушетии». М, Изд-во АН СССР. 1963, рис. 3, *18, 25*; О. В. Милорадович. Христианский могильник на городище Верхний Джулат. МИА, 1963, № 114, рис. 8, *12*.

[229] П. Д. Степанов. Паньжинский могильник. В кн.: «Из древней и средневековой истории мордовского народа», табл. 80, *15*.

[230] О. А. Артамонова. Могильник Саркела—Белой Вежи. МИА, 1963, № 109, рис. 44, *11*.

[231] ОАК, 1900, стр. 256—257.

[232] I. Hampel. Op. cit., Bd. I, SS. 368, 369.

[233] Г. Ф. Корзухина. Русские клады, табл. LIV, *1, 2, 4, 5*.

[234] D. Gh. Trodor. Tezaurul feudal Timpiriu de obiecte de Podoabă. Descoperit la Voinesti-Jasi. Arheologia Moldovei, I. Bucuresti, 1961, fig. *7, 6; 8, 7*, p. 255.

[235] ОАК, 1898, стр. 65, рис. 105.

[236] Клад из Болгар 1947 г. Г. А. Федоров-Давыдов. Клады джучидских монет. НЭ, 1960, I, стр. 139, № 52.

[237] КМ, 911, 912.

[238] ЗРАО, 1899, т. XI, вып. 1—2, стр. 307, табл. VI, *19*; VII, *6*.

[239] МАК, 1900, VIII, табл. XLVII; М. И. Пикуль. Раскопки на Сулаке. «Материалы по археологии Дагестана». Махачкала, 1959, стр. 170, рис. 7, *1а, 1б*.

[240] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ 1945—1952 гг. Казань, 1954, рис. 37; ОАК, 1895, стр. 74.

[241] ГЭ, Сар., 1032, 1033, 1034, 131/6/4.

[242] АМ, экспозиция.

[243] Аткарский могильник; АЛОИА, ф. 2, 1928, д. 153, *л.* 28.

[244] ОАК, 1891, стр. 188.

[245] М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). МИА, 1959, № 65, стр. 225, рис. 1, *12*.

[246] А. П. Смирнов. Очерки.., табл. LV, 7.

[247] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 15—16.

[248] Могильник Кокодой. См. В. И. Марковин. Ук. соч.

[249] Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, т. VI, Киев, 1882, табл. XXIX, *508—511*.

[250] А. П. Смирнов. Очерки.., табл. LV, *6*.

[251] В. И. Довженок. Татарське місто на нижньому Дніпрі часів пізнього середньовіччя. АП УРСР, 1961, т. X, стр. 185, табл. II, *4*.

[252] ОАК, 1899, стр. 57.

[253] В. В. Бартольд. Отчет об осмотре древнего мусульманского кладбища в Баку. ИАК, 1905, вып. 16, стр. 119, рис. 6.

[254] Н. Г. Первухин. Ук. соч., табл. X.

памятниках[255], в мордовских могильниках. Серьги в виде знака вопроса имеют несколько типов[256]. Распространенные у кочевников серьги типа VI отличаются от серег других типов тем, что имеют обычно длинный вертикальный стержень. Серьги других типов в виде знака вопроса (например, распространенные в памятниках I тыс. н. э. до XIV в.[257], с коротким стержнем и большой бусиной) в погребениях кочевников X—XIV вв. не встречаются. Аналогии серьгам типа IX известны в материале V—VII вв. в Борисовском могильнике[258]. Серьги типа XII характерны для широкой территории и для многих эпох и племен. Серьги типа XIV хорошо были известны в домонгольской Руси[259], в Венгрии[260] и т. д.

Перстни

Предмет, редко встречающийся в кочевнических погребениях. Даем перечень известных нам типов перстней из цветных металлов в позднекочевнических материалах (рис. 6, *2*):

Тип I (1 экз.). Сомкнутый, полукруглый в сечении, с щитком, на котором укреплены четыре гнезда для стеклянных вставок.

Тип II (9 экз.). Сомкнутый, полукруглый в сечении, с гнездом, в которое вставлен камень, закрепленный четырьмя лапками. Аналогичные перстни встречаются в салтовских и синхронных им памятниках на весьма широкой территории.

Тип III (1 экз.). В виде гладкого кольца без украшений, серповидного сечения.

Тип IV (1 экз.). В виде кольца из тонкой пластины, с заходящими концами с щитком и вставкой в цилиндрической оправе.

Тип V (1 экз.). В виде кольца из тонкой пластины со спаянными концами, с прямоугольной печаткой. Подобные перстни известны в Новгороде в слоях XIII—XIV вв.[261].

Тип VI (1 экз.). В виде кольца из серповидной в сечении пластины, с пятью валиками на внешней поверхности кольца, с круглым гнездом и со вставкой в цилиндрическом ободке.

Встречаются стеклянные перстни со щитком, но редко (2 экз.).

Браслеты

Браслеты встречаются в кочевнических погребениях очень редко.

Тип I (4 экз.). Простой проволочный, круглый в сечении, с незамкнутыми концами.

Тип II (1 экз.). Витой, с петлевидными концами.

Тип III (1 экз.). Плетеный, с пластинчатыми концами с вставками.

Тип IV (4 экз.). В виде простой узкой пластины с несомкнутыми концами.

---

[255] Н. Н. Воронин. Раскопки в Переславле-Залесском. МИА, 1949, № 11, стр. 199.

[256] Например, серьги с большой бусиной, небольшим кольцом, очень коротким стержнем с несколькими оборотами обмотки и со спиральной пирамидкой, без стержня, известны в Венгрии IX—XI вв. (G. Feher. Op. cit., SS. 279—280, Taf. XXIX); серьга с нехарактерным для рассмотренного VI типа диском с отверстием на конце вертикального стержня была найдена в Томских курганах VIII в. (см. ЗРАО, н. с. 1901, т. XI, табл. II, *16*).

[257] Р. Б. Ахмеров. Новый уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени. СА, 1959, № 1, рис. 10, *1*.

[258] В. В. Саханев. Ук. соч., стр. 131, рис. 22.

[259] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., табл. XXXIII, *4—6*; XXXIV.

[260] I. Hampel. Op. cit., Bd. I, S. 368.

[261] М. В. Седова. Ук. соч., стр. 255 и сл.

Тип V (1 экз.). В виде узкой пластины, с двумя крупными вставками (обычно из лазурита) в гнездах на концах.

Тип VI (3 экз.). Пластинчатый, створчатый, состоящий из двух полос, изогнутых полудугой и скрепленных осью (рис. 7, *1*).

Браслеты типа I распространены весьма широко и территориально и хронологически. Браслеты типа II хорошо известны в древнерусских памятниках[262]. Браслеты типа III известны в древнерусских кладах[263], болгарских памятниках[264], на кладбище X—XI вв. близ Саркела — Белой Вежи[265]. Браслеты типа VI имеют аналогии в русских кладах домонгольского времени[266], в кладах из Подунавья и Молдавии[267] и в русских памятниках (в Новгороде в слоях середины XII—XIV в.)[268], в кладе XI в. из Средней Азии[269].

Кроме металлических браслетов известны два случая находок в кочевнических погребениях стеклянных браслетов.

Сюлгамы

Сюлгамы (рис. 6, *3*) среди кочевнического инвентаря встречаются редко. Одна из них (тип I) была изготовлена из простой, круглой в сечении проволоки с расширяющимися в треугольные лопасти концами и имеет подвижную иглу. Такие сюлгамы известны в мордовских могильниках XIV в.[270]. Две другие (тип II) имеют концы, загнутые в спираль. Эти последние сюлгамы также известны в мордовских могильниках XIV в.[271]. В кочевнических погребениях сюлгамы найдены на Хопре (№ 278, 285), т. е. в области, пограничной с древнемордовскими землями, и в Нижнем Поволжье (№ 61, 77).

Пряжки

Пряжки можно разделить на три группы по материалу: они бывают из цветных металлов, железные и костяные.

Группа I. Бронзовые или серебряные

Очевидно, в одежде чаще употреблялись пряжки из бронзы и серебра, а в конской сбруе — костяные и железные. Все бронзовые и серебряные пряжки имеют подвижной язычок. Классификация пряжек этой группы (рис. 7, *2*) проводится нами по отделам — по форме приспособления для соединения пряжки с ремнем, и по типам — по форме рамки, в которую пропускается свободный конец ремня, и язычка.

Отдел А

Ремень соединяется с пряжкой при помощи круглой в сечении оси, составляющей одно целое с рамкой; на эту же ось насаживается и язычок.

Тип I (2 экз.). «Лировидные». С овальной, заостренной на конце рамкой, с насечками на лицевой стороне, переходящей в прямоугольную рамку с уплощенными боковыми сторонами. Аналогии таким

[262] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 9—14.
[263] Г. Ф. Корзухина. Русские клады, табл. XIII, *2*; XIV, *1*.
[264] А. П. Смирнов. Волжские болгары. М., изд. ГИМ, 1950, табл. V, *73*.
[265] О. А. Артамонова. Ук. соч., рис. 56, 59.
[266] Г. Ф. Корзухина. Русские клады, табл. XXXV, *1*; XXXVII, *10*; XL.
[267] Клад из с. Войнешты близ Ясс (D. Gh. Trodor. Op. cit., p. 264).
[268] М. В. Седова. Ук. соч., стр. 252—253, рис. 8, *14—19*.
[269] Чимкентский клад. ОАК, 1900, рис. 282.
[270] А. Е. Алихова. Из истории мордвы.., табл. I, *56*.
[271] А. Е. Алихова. Из истории мордвы.., табл. I, *63*.

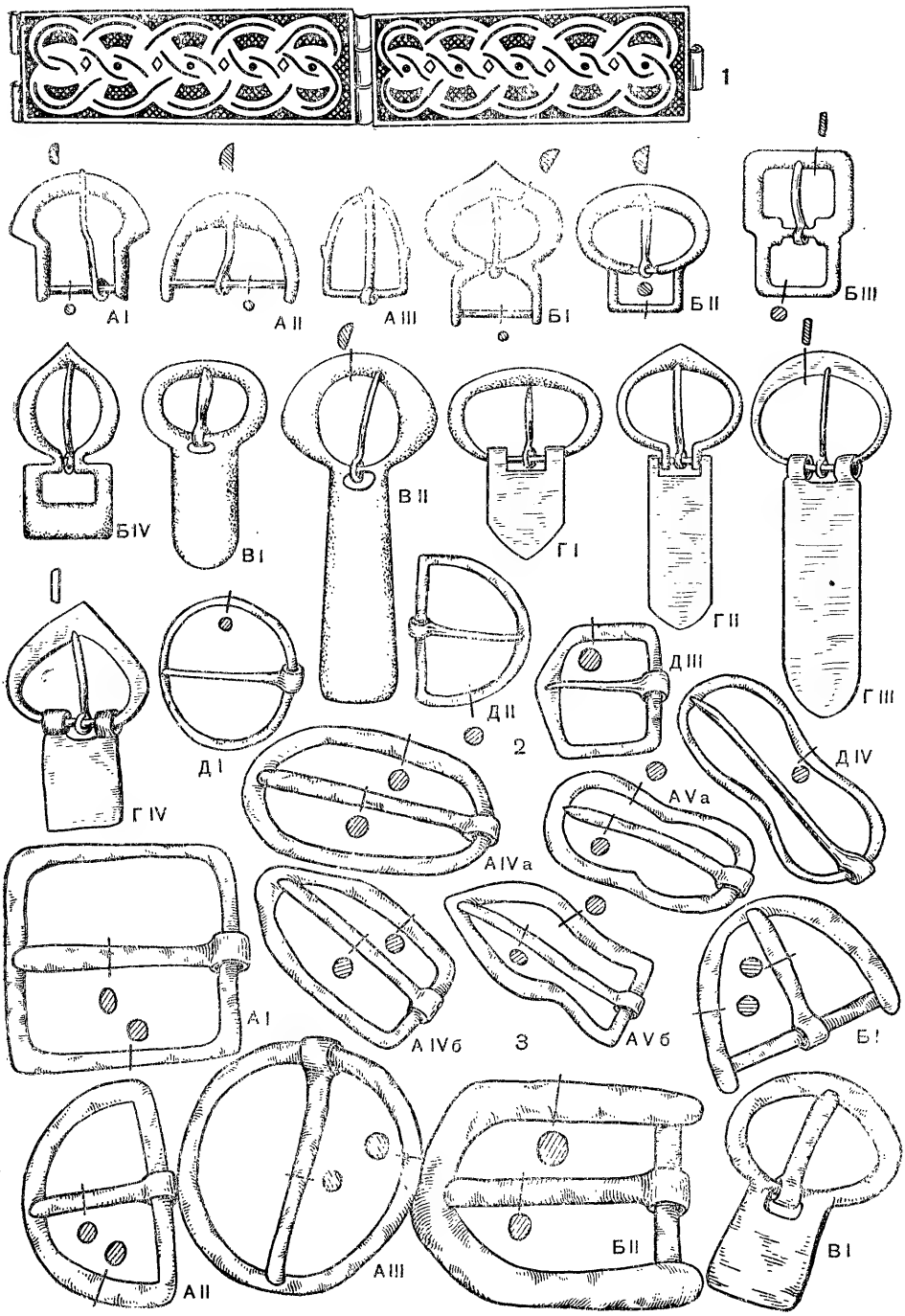


Рис. 7. Металлические изделия: *1* — браслет из погребения Саркел 37, № 407; *2* — бронзовые пряжки; *3* — железные пряжки

пряжкам известны в Новгороде в слоях XI — начала XII в.[272], в новгородских курганах XI в.[273], в Прикамье[274], в Волжской Болгарии[275], во владимирских курганах[276], в Саркеле в комплексах X—XI вв.[277].

Тип II (1 экз.). С полукруглой рамкой, имеющей расширение спереди. Рамка в сечении полукруглая.

Тип III (1 экз.). С вытянутой вперед овальной рамкой с тремя выступами, квадратной в сечении. Сходные типы известны из комплексов X—XI вв. в Саркеле[278].

Отдел Б

Ремень соединяется с пряжкой при помощи прямоугольного «приемника».

Тип I (7 экз.). «Лировидные». С овальной рамкой, заостренной на конце, плоской в сечении, и с трапециевидным «приемником». Аналогии таким пряжкам имеются в домонгольских слоях Болгара[279], в Новгороде в слоях XI—XII вв.[280], в Прикамье[281], во владимирских[282] и петербургских[283] курганах, в комплексах X—XI вв. в Саркеле[284], в Средней Азии[285].

Тип II (2 экз.). С овальной рамкой, плоской в сечении, и с узким прямоугольным «приемником». Аналогии этому типу можно найти в Болгарах[286], Лядинском могильнике[287], в памятниках Сибири (например, в Копенском чаатасе)[288], в болгарских памятниках IX—X вв. на Волге и в Приуралье в синхронных комплексах[289], а также в Новом Сарае, среди материалов XIV в.[290].

Тип III (1 экз.). С прямоугольной рамкой, плоской в сечении, и прямоугольным «приемником».

Тип IV (1 экз.). С прямоугольным «приемником» и овальной, вытянутой вперед рамкой на конце, плоской в сечении. «Приемник» соединен с рамкой узкой перемычкой.

Отдел В

Ремень соединяется с пряжкой при помощи щитка, неподвижно скрепленного с рамкой.

Тип I (1 экз.). С овальной, плоской в сечении рамкой и с округленным на конце щитком, соединенным с ремнем при помощи закле-

[272] М. В. Седова. Ук. соч., стр. 258, рис. 7, *11*.
[273] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, 1896, № 20, табл. XV, *20, 21*, стр. 26.
[274] А. П. Смирнов. Очерки.., стр. 211, рис. LIII, *3*.
[275] ГМТР, инв. № 8833; ГИМ, оп. 927, № 33—35, хр. 119/446.
[276] А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, 1905, № 15, стр. 154.
[277] О. А. Артамонова. Ук. соч., стр. 59, рис. 47, *10*.
[278] Там же, рис. 47, *13*.
[279] ГМТР, инв. 7712—12 (коллекции А. Ф. Лихачева из Болгар).
[280] М. В. Седова. Ук. соч., стр. 258, рис. 7, *5*.
[281] А. П. Смирнов. Очерки.., табл. LIII, *8*.
[282] А. А. Спицын. Владимирские курганы, стр. 154, рис. 353, 358, 359.
[283] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ.. табл. VII, стр. 575.
[284] О. А. Артамонова. Ук. соч., рис. 47, *6*.
[285] В. А. Шишкин. Варахша. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 45, рис. 9, *12*.
[286] ГМТР.
[287] В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники. МАР, 1893, № 10, табл. III, *12, 13*.
[288] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники.., стр. 35, рис. 54.
[289] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., рис. 21, *15*; М. В. Талицкий. Кочергинский могильник. МИА, 1940, № 1, табл. III, *30*.
[290] ГЭ, Сар., № 459.

лок. Аналогии этому типу пряжек можно найти в Сибири, в памятниках VII—X вв.[291], в Средней Азии[292], в салтовских памятниках, в памятниках Волжской Болгарии начиная с VIII—IX вв.[293].

Тип II (1 экз.). С овальной плоской рамкой и с удлиненным, округлым на конце щитком, соединенным с ремнем при помощи заклепок. Аналогии этому типу пряжек известны в Танкеевском и в Лядинском могильниках[294].

Отдел Г

Ремень соединяется с пряжкой при помощи щитка, вращающегося на той же оси, на которой насажен язычок пряжки.

Тип I (9 экз.). С овальной, плоской в сечении рамкой, с коротким, заостренным на конце щитком, соединенным с ремнем при помощи заклепок. Аналогии пряжкам такого типа известны в Томских курганах VIII—X вв.[295], в Саркеле (в погребениях VIII—IX вв.)[296], в салтовской культуре[297].

Тип II (1 экз.). С овальной плоской рамкой с заостренным концом и с удлиненным, заостренным на конце щитком. Рамка, щиток и язычок вращаются на одной оси. Аналогии таким пряжкам известны в памятниках Сибири[298], в Веселовском могильнике IX—X вв.[299].

Тип III (1 экз.). С овальной плоской рамкой и удлиненным, округлым на конце щитком. Аналогии пряжкам этого типа известны в Сибири[300].

Тип IV (1 экз.). С овальной, плоской в сечении, заостренной спереди рамкой, с прямоугольным щитком. Аналогичные пряжки встречаются в Прикамье[301].

Отдел Д

Без специального приспособления для соединения ремня с пряжкой. Ремень охватывает часть рамки.

Тип I (2 экз.). Круглая, из круглой в сечении проволоки.

Тип II (2 экз.). Полукруглая, из овальной в сечении проволоки. Аналогия такой пряжке известна в материалах XIV в., из Увека[302].

Тип III (1 экз.). Прямоугольная, с заостренной и уплощенной передней частью, круглая в сечении.

Тип IV (3 экз.). Овальная, со сжатыми с боков сторонами (восьмерковидная), круглая в сечении. Аналогия такому типу известна из материалов Нового Сарая[303].

---

[291] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники.., стр. 54, рис. 9.

[292] Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. «Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. II. М., Изд-во АН СССР, 1959, табл. 45, *16* (в комплексе VIII—IX вв); В. А. Шишкин. Ук. соч., стр. 49, рис. 9, *19*.

[293] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., рис. 21, *16*, табл. XVII, *3*; ГИМ, инв. № 58456; ГМТР, инв. № 5427 (коллекции из Биляра и Болгара).

[294] В. Н. Ястребов. Ук. соч.

[295] ЗРАО, н. с., 1901, т. XI, табл. III.

[296] О. А. Артамонова. Ук. соч., стр. 24, рис. 15, *4*.

[297] С. А. Плетнева. О некоторых погребальных обычаях, стр. 185, рис. 3.

[298] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. LXII.

[299] А. Х. Халиков, Е. А. Безухова. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960, рис. 29, *7*.

[300] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники.., рис. 41, стр. 35.

[301] А. П. Смирнов. Очерки.., табл. LIII, *5*.

[302] СКМ, № 159.

[303] ГЭ, Сар., 548.

Группа II. Железные

Большие железные пряжки (рис. 7, *3*) употреблялись в конской сбруе как седельные и подпружные пряжки. При классификации железных пряжек мы выделяем отделы — по способу соединения с ремнем, а типы — по форме рамки.

Отдел А

Без специального приспособления для соединения ремня с пряжкой. Ремень охватывает часть рамки.

Тип I (34 экз.). Прямоугольные.

Тип II (25 экз.). Сегментовидные.

Тип III (78 экз.). Круглые.

Тип IV (10 экз.). Вытянутые в виде овала (вариант а) или прямоугольника, с заострением на конце (вариант б).

Тип V (15 экз.). Вытянутые и сдавленные с боков, с округлым концом (вариант а) и с заостренным концом (вариант б).

Аналогии пряжкам типа IIAI можно найти и в Саркеле[304] и в памятниках VIII—IX вв. Дунайской и Волжской Болгарий[305]. Аналогии пряжкам типа IIAI и IIAII имеются в салтовской культуре и в синхронных ей памятниках[306], в Новгороде в слоях XIII в.[307], в Саркеле[308], в памятниках VIII—IX вв. Дунайской Болгарии[309], в средневековых памятниках Тянь-Шаня[310], в мордовских памятниках XIV в.[311]. Аналогии пряжкам типа IIAII и IIAIII можно найти в памятниках салтовской культуры[312], в Саркеле[313]; аналогии пряжкам типа IIAIV — в памятниках VIII—IX вв. Дунайской и Волжской Болгарий[314], в средневековых кочевнических погребениях Тянь-Шаня[315], в мордовских могильниках XIV в.[316]. Пряжки типа IIAV известны среди материалов X–XI вв. в Ак-Пешиме в Киргизии[317] и в материале VIII в. из клада у дер. Вознесенки близ Запорожья[318], в памятниках средневековья в Венгрии[319].

---

[304] С. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 189, рис. 31, *13*.

[305] Ст. Станчев. Ук. соч., стр. 115, рис. 5, *6*; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., табл. XI, *11*, *16*.

[306] И. И. Ляпушкин. Ук. соч., стр. 122; Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака, табл. VII; В. А. Грінченко. Ук. соч., табл. II, *8*.

[307] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, 1959, № 65, рис. 96, *9*.

[308] С. С. Сорокин. Ук. соч., рис. 31, *11*.

[309] Ст. Станчев. Ук. соч., стр. 116, рис. 5, *7*.

[310] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 1952, № 26, стр. 83, рис. 45, *1*.

[311] А. Е. Алихова. Эрзянский могильник.., стр. 182, рис. 73, *6*.

[312] И. И. Ляпушкин. Ук. соч., стр. 122.

[313] С. С. Сорокин. Ук. соч., рис. 7, *11*, *12*.

[314] Ст. Станчев. Ук. соч., стр. 116; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., табл. XI, *15*, *17*.

[315] А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 83, рис. 45, *12*.

[316] А. Е. Алихова. Эрзянский могильник.., рис. 73, *5*.

[317] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., рис. 52, *1*.

[318] В. А. Грінченко. Ук. соч., табл. II, *7*.

[319] I. Hampel. Op. cit., Bd. I, S. 289, Abb. 684.

Отдел Б

Ремень соединяется с пряжкой при помощи круглой в сечении оси, составляющей одно целое с рамкой. На эту же ось насаживается и подвижной язычок.

Тип I (1 экз.). В виде изогнутого дугой стержня, круглого в сечении, с прямой осью для язычка.

Тип II (1 экз.). С прямоугольной рамкой, округлой спереди, плоской в сечении. Концы рамки у пряжек обоих типов выступают за ось для язычка.

Отдел В

Ремень соединяется с пряжкой при помощи щитка, неподвижно соединенного с рамкой.

Тип I (1 экз.). С овальной, плоской рамкой и прямым щитком.

Группа III. Костяные

Принадлежность костяных пряжек (рис. 3, *11*) к сбруе коня устанавливается по следующему наблюдению: в тех случаях, когда инвентари конского и человеческого погребения разделяются, костяные пряжки нижеописанных типов встречаются всегда только с костями коня. Возможно, что эти пряжки были подпружными.

Тип I (1 экз.). Овальная пластина с вертикальным узким вырезом с одного края и Т-образным вырезом с другого.

Тип II (2 экз.). Фигурная пластина с одним овальным и другим прямоугольным концами. В овальном конце сделана круглая прорезь, в прямоугольном — вертикальная прямоугольная прорезь.

Близкие, хотя отличающиеся в деталях, костяные пряжки известны в Сибири[320], Саркеле[321], в Борисовском могильнике близ Геленджика[322].

Особые пряжки

По принципу действия такие пряжки (рис. 8, *1, 2*) настолько отличны от пряжек с язычком, что мы выделяем их в особую группу. Эти бронзовые пряжки состоят из двух частей. Каждая часть имеет прямоугольную рамку для соединения с ремнем и дисковидную пластину. Одна такая пластина имеет прорезь, в которую входит другая дисковидная пластина, меньших размеров. В кочевнических памятниках была найдена половина такой пряжки (№ 959). Аналогичная находка была сделана в мавзолее XIV в. в Увеке (№ 980) и в Новгороде в слое XII в.[323].

Бляхи простые

В эту категорию включены бляхи, не имеющие других функций, кроме как служить украшением ремня. Мы классифицируем бляхи по материалу — по группам, по форме — по отделам и по деталям формы — по типам.

---

[320] В. П. Левашева. Ук. соч., стр. 127; М. П. Грязнов. Ук. соч., табл. LV, *20*.

[321] М. И. Артамонов. Ук. соч., рис. 25, *2*.

[322] В. В. Саханев. Ук. соч., стр. 128, рис. 19.

[323] Находка 1952 г., инв. № 2589, 10088.

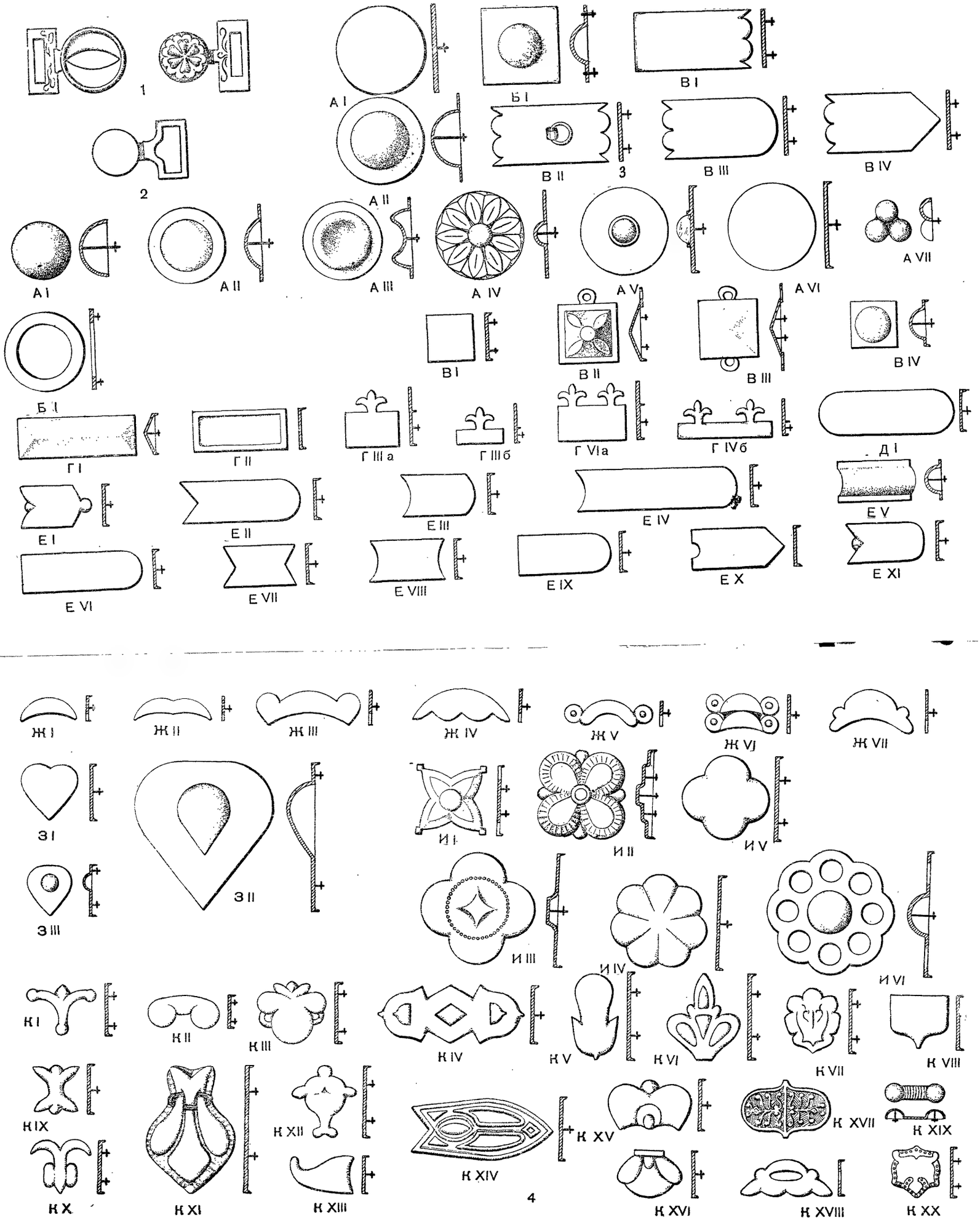


Рис. 8. Металлические изделия: *1, 2* — особые пряжки (№ 980, № 959), *3* — железные бляхи (№ 612), *4* — бляхи из цветных металлов (А VII, Б I, В II, Г II, Г IIIб, Г IVб, Ж VI, И I, З I, К I, К VII, К VIII, К XIV—№ 228, Е V, И II—№ 962, И VI—№ 121, К VI—№ 579, К XI—№ 535, К XV—№ 231, К XVIII—№ 970, К XIX—№ 364; К IX—№ 102, Е I, А IV, Г IVа, К III — 260)

Бляхи прикреплялись к ремням при помощи штифтов[324]. Штифтами бляхи отличаются от нашивных блях, которые обычно украшали не ремни, а ткани.

Группа I. Железные, кованые (рис. 8, 3)

Отдел А

Круглые.

Тип I (2 экз.). Гладкие.
Тип II (2 экз.). Полусферические с плоским бортиком.

Отдел Б

Прямоугольные.

Тип I (2 экз.). Квадратные с выпуклостью в центре.

Отдел В

С двумя параллельными сторонами.

Тип I (1 экз.). С одним ровным и другим фестончатым концами.
Тип II (1 экз.). С фестончатыми концами и подвижным кольцом.
Тип III (1 экз.). С одним концом округлым, другим — фестончатым.
Тип IV (1 экз.). С одним концом острым, другим — фестончатым.

Группа II. Из цветных металлов (рис. 8, 4)

Отдел А

Круглые.

Тип I (140 экз.). Полушаровидные.
Тип II (52 экз.). Полушаровидные с плоским бортиком.
Тип III (49 экз.). Полушаровидные с плоским бортиком, с вдавлением в центре («выпукло-вогнутые»).
Тип IV (2 экз.). Полушаровидные с широким плоским бортиком.
Тип V (1 экз.). Плоские со вставкой в цилиндрическом гнезде.
Тип VI (11 экз.). Плоские, дисковидные.
Тип VII (1 экз.). Строенные, полушаровидные, на одном штифте.

Отдел Б

Кольцевидные.

Тип I (7 экз.). Плоские.

Отдел В

Квадратные.

Тип I (2 экз.). Плоские.
Тип II (15 экз.). Пирамидальные с боковым ушком.

---

[324] На способ прикрепления к ремню при помощи штифтов как на характерную деталь блях от ремня обратил внимание В. Н. Ястребов (ук. соч., стр. 9).

Тип III (1 экз.). Пирамидальные с двумя ушками на противоположных сторонах.

Тип IV (3 экз.). С полушаровидной выпуклостью в центре.

Отдел Г

Прямоугольные.

Тип I (9 экз.). С горизонтальным ребром посередине.

Тип II (11 экз.). Плоские.

Тип III (1 экз.). Плоские с отростком в виде трилистника.

Тип IV (17 экз.). Плоские с двумя такими же отростками.

Отдел Д

Овальные

Тип I (9 экз.). Плоские.

Отдел Е

С двумя параллельными сторонами.

Тип I (13 экз.). С фигурным заостренным одним концом и врезанным фигурным другим.

Тип II (2 экз.). С округлым одним концом и врезанным другим, удлиненные.

Тип III (4 экз.). С округлым одним концом и вогнутым другим.

Тип IV (75 экз.). С округлым одним концом и вогнутым другим, удлиненные.

Тип V (26 экз.). С округлым одним концом и вогнутым другим, с плоскими бортиками вдоль длинных сторон.

Тип VI (16 экз.). С округлым одним концом и ровным другим, удлиненные.

Тип VII (7 экз.). С врезанными концами.

Тип VIII (6 экз.). С вогнутыми концами.

Тип IX (11 экз.). С округлым одним концом, другим — ровным.

Тип X (2 экз.). С одним заостренным концом, другим — плосковогнутым.

Тип XI (2 экз.). С округлым одним концом и врезанным фигурным другим.

Отдел Ж

Серповидные.

Тип I (2 экз.). Плоские.

Тип II (39 экз.). С раздвоенным выпуклым краем, плоские.

Тип III (1 экз.). С расчлененным на три части выпуклым краем, плоские.

Тип IV (1 экз.). С зубчатым вогнутым краем, плоские.

Тип V (20 экз.). С ушками по краям, одинарные, плоские, с закраиной.

Тип VI (6 экз.). С ушками по краям, сдвоенные, плоские, с закраиной.

Тип VII (1 экз.). С боковыми выступами на выгнутой стороне.

Отдел З

Сердцевидные.

Тип I (39 экз.). Плоские.

Тип II (10 экз.). Крупные, с сердцевидной выпуклостью в центре, с закраиной. По величине напоминают налобную бляху, но большое количество в одном комплексе не позволяет считать их таковыми.

Тип III (48 экз.). С полушаровидной выпуклостью в центре.

Отдел И

Розетковидные.

Тип I (1 экз.). В виде четырехлепестковой розетки, плоские.

Тип II (2 экз.). В виде четырехлепестковой розетки, с выпуклостью в центре.

Тип III (1 экз.). В виде четырехлепестковой розетки, с усеченно-конической выпуклостью в центре.

Тип IV (10 экз.). В виде многолепестковой розетки, плоские.

Тип V (19 экз.). В виде четырехлепестковой округлой розетки, плоские.

Тип VI (2 экз.). В виде многолепестковой ажурной розетки, с полушаровидной выпуклостью в центре.

Отдел К

Фигурные.

Тип I (1 экз.). В виде трилистника.

Тип II (1 экз.). Волютообразные.

Тип III (54 экз.). «Жуковидные».

Тип IV (2 экз.). В виде двух лопастей, соединенных ромбом.

Тип V (1 экз.). В виде лопасти.

Тип VI (10 экз.). В виде трехлопастной фигуры.

Тип VII (2 экз.). В виде овала с фестончатым краем.

Тип VIII (1 экз.). В виде геральдического щита.

Тип IX (10 экз.). В виде «катушки», с выступами сверху и снизу.

Тип X (1 экз.). Пальметковидные, с боковыми выступами.

Тип XI (1 экз.). «Лировидные».

Тип XII (6 экз.). Овальные с боковыми отростками, с выступом вверху и пальметкой внизу.

Тип XIII (1 экз.). «Роговидные».

Тип XIV (4 экз.). Вытянутые, с одним врезанным концом и другим заостренным; расширенные к заостренному концу.

Тип XV (1 экз.). С двумя округлыми лопастями в виде крыл, оттянутых острым концом вниз, и с выступом снизу и сверху, «крылатые».

Тип XVI (1 экз.). Округлые с двумя лопастями, отходящими от миндалевидной выпуклости в верхней части, с орнаментальным выступом.

Тип XVII (1 экз.). В виде двух геральдических щитов, соединенных широкими сторонами.

Тип XVIII (4 экз.). Сегментовидные с боковыми отростками, овальной прорезью и фестончатым краем.

Тип XIX (60 экз.). В виде двух маленьких полусферических блях, соединенных пластиной с насечками.

Тип XX (8 экз.). В виде пятиугольной пластины.

Аналогии бляхам типа IIAI имеются в памятниках Сибири и Венгрии[325]; типа IIAIII — в ярославских курганах X—XI вв.[326], в Венгрии[327]; типа IIAVII — в памятниках IX—XI вв. в Прикамье и Сибири[328]. Аналогии бляхам типа IIБI известны в Саркеле[329], в материале XIV в. из Нового Сарая[330]. Аналогии бляхам типа IIBI известны в памятниках IX—X вв. в Венгрии[331], в Сибири[332]. Бляхи типа IIГIII имеют аналогии в памятниках IX—X вв. в Венгрии[333]. Бляхи типа IIЖV встречаются в Прикамье в памятниках IX—XI вв.[334]. Бляхи типа IIЗI имеют аналогии в памятниках IX—X вв.[335], в Новгороде в слоях конца XIII в.[336], в ярославских курганах X—XI вв.[337], в комплексах VIII—X вв. в Казахстане[338], в Венгрии[339]. Аналогии бляхам типа IIИIII известны в памятниках IX—X вв. в Венгрии[340]; типа IIИIV — в материале XIV в. из Нового Сарая[341]. Бляхи типа КI имеют аналогии в памятниках Венгрии[342]; типа IIКIII — в погребении X в. в Киеве[343], в Саркеле[344], в памятниках волжских болгар[345]; типа IIКIV — в Лядинском могильнике[346]; типа IIКIX — во владимирских курганах[347]; типа IIКXVIII — в могильниках ранних болгар на Волге, в Венгрии, в памятниках IX—X вв. и в синхронных памятниках Сибири[348]; типа IIКXIX — в Лидском могильнике[349].

Особые бляхи

Заслуживает упоминания комплекс серебряных литых блях (рис. 9, *1*), найденных близ Волгограда (№ 122), отличающихся от рассмотренных выше способом прикрепления к ремню. Они имеют на оборотной стороне прямоугольные скобы, через которые пропускался узкий ремешок.

---

[325] I. Hampel. Op. cit., Bd. I, S. 257, Abb. 612—614; N. Fettich. Op. cit., Taf. XXXV, *43*.

[326] В. А. Мальм. Поясные и сбруйные украшения. Сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.». М., изд. ГИМ, 1963, стр. 66, рис. 38, *2*.

[327] I. Hampel. Op. cit., Bd. I, S. 459, Abb. 1443—1449.

[328] М. В. Талицкий. Ук. соч., табл. I, *1а*; ЗРАО, н. с., 1901, т. XI, табл. II, *8*.

[329] О. А. Артамонова. Ук. соч., рис. 15, *6*, стр. 24.

[330] Раскопки 1964 г.

[331] N. Fettich. Op. cit., Taf. L, *1*.

[332] Ibid., Taf. XII, *45*, *54*, *64*.

[333] Ibid., Taf. LIX, 1.

[334] М. В. Талицкий. Ук. соч., табл. I, *1а*.

[335] N. Fettich. Op. cit., Taf. XII, *29—31*.

[336] М. В. Седова. Ук. соч., стр. 259, 243, рис. 7, *15*.

[337] В. А. Мальм. Ук. соч., стр. 67, рис. 39, *1*.

[338] Е. Агеева, А. Джусупов. Интересная находка. «Уч. зап. КГУ», т. LIV, вып. 12. Алма-Ата, 1963, стр. 175—179.

[339] I. Hampel. Op. cit., Bd. I, S. 724, Abb. 2170.

[340] N. Fettich. Op. cit., Taf. XLIII, *42*, *43*.

[341] Раскопки 1964 г.

[342] N. Fettich. Op. cit., Taf. LXIX, *3*.

[343] М. К. Каргер. Археологические исследования.., рис. 63.

[344] С. А. Плетнева. Кочевнический могильник близ Саркела—Белой Вежи. МИА, 1963, № 109, стр. 255.

[345] ГМТР, инв. № 5363—33 (коллекция из сборов в Болгарах).

[346] В. Н. Ястребов. Ук. соч., табл. III, *12*.

[347] А. А. Спицын. Владимирские курганы, стр. 132, рис. 58.

[348] N. Fettich. Op. cit., Taf. XXY, *8*; LXIY, *6*; CXXX, *8*; LIX, *1*.

[349] ЗРАО, н. с., 1901, XI, табл. V, *22*.

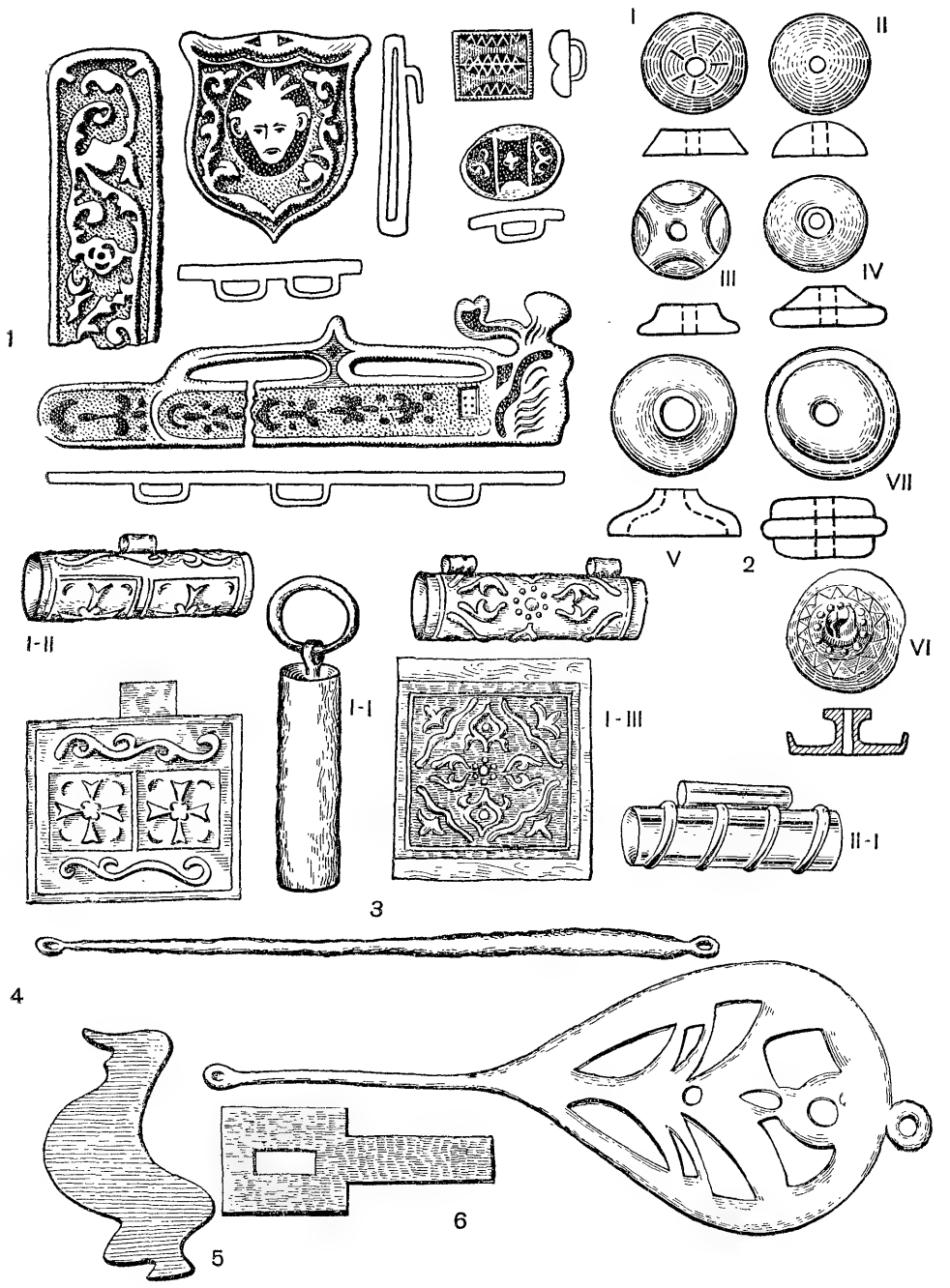


Рис. 9 *Металлические изделия: 1* — бляхи из погребения у г. Волгограда, № 122; *2* — свинцовые грузики; *3* — цилиндрические подвески; *4* — копоушки; *5* — серебряная бляха из погребения Лучки 1, № 779; *6* — бронзовая бляха из погребения Парканы 121, № 873

Бляхи с прорезью для бокового ремня

Все бляхи этой категории бронзовые и имеют штифты (рис. 10, *1*).

Отдел А

Квадратные.

Тип I (3 экз.). Плоские с прямоугольной или треугольной прорезью.

Тип II (1 экз.). Плоские с фигурной прорезью.

Отдел Б

Сердцевидные.

Тип I (1 экз.). Плоские, с прямоугольной прорезью в широкой части.

Отдел В

Фигурные.

Тип I (1 экз.). В виде геральдического щита с прямоугольной прорезью.

Тип II (3 экз.). «Жуковидные» с прямоугольной прорезью (рис. 11, *2*).

Аналогии бляхам типа AI можно найти в материале VIII—X вв. из Средней Азии[350], в синхронных памятниках Сибири[351], в Лядинском могильнике[352], в Томниковском могильнике[353], в памятниках на Каме[354], в памятниках Венгрии[355], в погребении VIII—X вв. в Казахстане[356], в ярославских курганах X—XI вв. и в гнездовских курганах[357], в могильнике X—XI в. в Старой Ладоге[358], среди материала из Болгар[359]. Аналогии бляхам типа БI имеются в раннеболгарских комплексах на Волге[360], в памятниках Чуйской долины[361]. Аналогии бляхам типа BI можно найти в Лядинском могильнике[362], в материале из Болгар[363].

---

[350] И. Б. Бентович. Находки на горе Муг. МИА, 1958, № 66, стр. 370; «Тр. Семиреченской экспедиции. Чуйская долина», табл. XLV, *6*; XLIV, *14*; Т. Р. Агзамходжаев. Бронзовые украшения Тюябугуза. В кн.: «История материальной культуры Узбекистана». Ташкент, 1964, стр. 91; А. М. Беленицкий. О раскопках городища древнего Пенджикента в 1956 г. «Тр. АН Тадж. ССР», 1958, т. XCI, стр. 96.

[351] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники.., стр. 35, рис. 34.

[352] В. Н. Ястребов. Ук. соч., табл. VII, 10.

[353] ГЭ, колл. № 759, № 1323.

[354] «Древнеудмуртский могильник Мыдлан-Шай». Сб. «Вопросы археологии Урала», вып. 3. Свердловск, 1962, табл. IV, *3*; М. В. Талицкий. Ук. соч., табл. I, *1а*.

[355] I. Hampel. Op. cit., Bd. III, Taf. 424, *25*.

[356] Е. А. Агеева, А. Джусупов. Ук. соч., стр. 175—179.

[357] В. А. Мальм. Ук. соч., стр. 65, рис. 37, *8*; стр. 67, рис. 39, *1*; А. А. Спицын. Гнездовские курганы. ИАК, 1905, вып. 65, рис. 48.

[358] С. Н. Орлов. Вновь открытый раннеславянский грунтовой могильник в Старой Ладоге. КСИИМК, 1956, вып. 65, стр. 32, *1*.

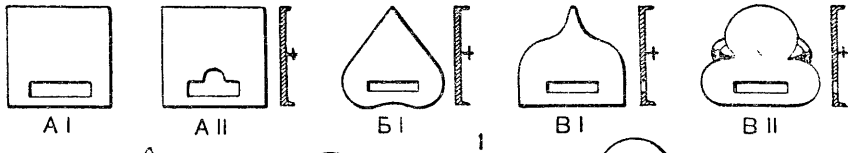
[359] ГМТР, инв. № 5363—48.

[360] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., табл. XVII, *7*.

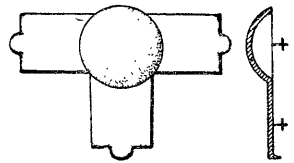
[361] «Тр. Семиреченской экспедиции. Чуйская долина», табл. XLV, *8*.

[362] В. Н. Ястребов. Ук. соч.

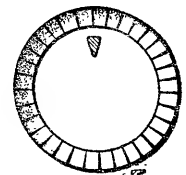
[363] ГМТР, инв. № 7733.



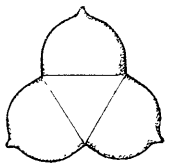
1



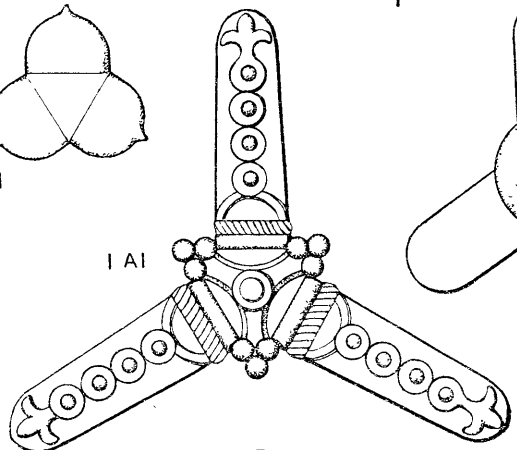
2



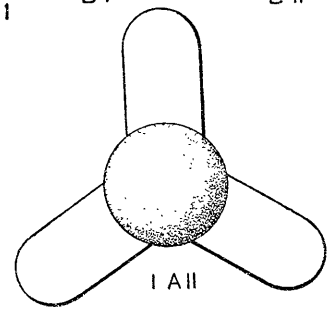
3



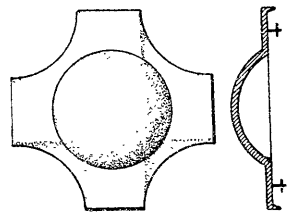
I AIII



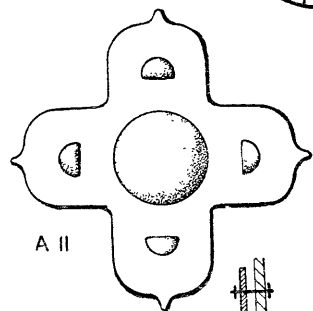
I AI



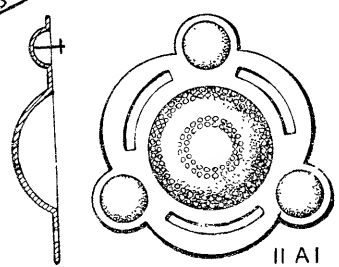
I AII



А I

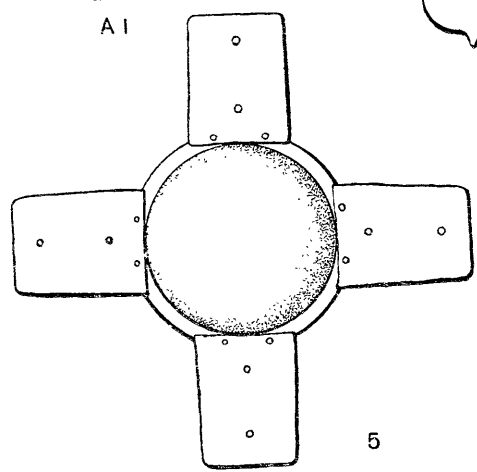


А II



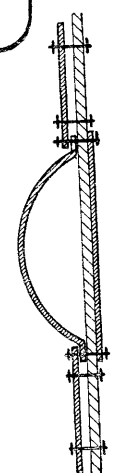
II AI

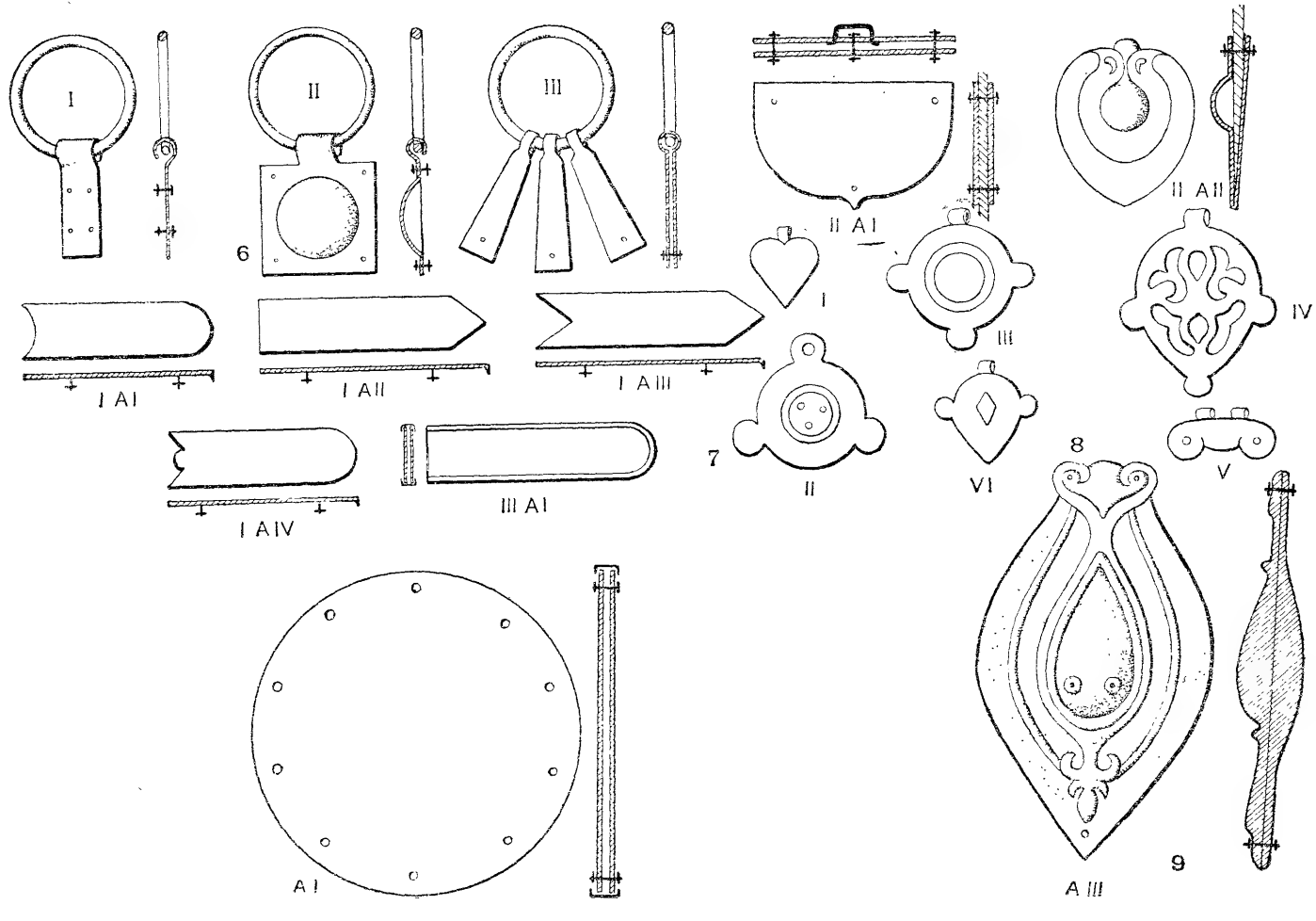
4



Б I

5




I
II
III
6
I A I
I A II
I A III
I A IV
III A I
II A I
II A II
I
II
III
IV
V
VI
7
8
9
A I
A III

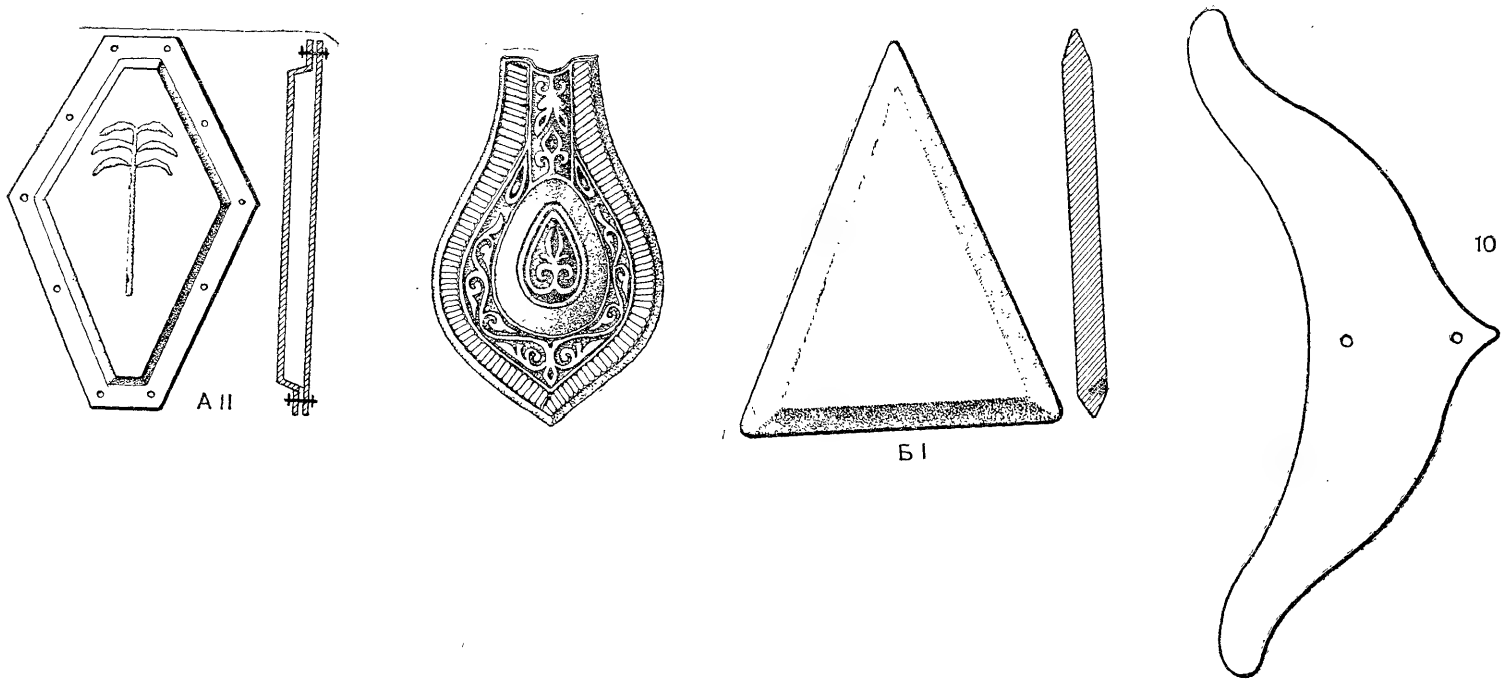


Рис. 10. Металличсские изделия: *1* — бляхи с прорезью; *2* — бляхи для соединения двух ремней; *3* — поясное кольцо; *4* — бляхи для соединения трех ремней (бляха типа IAI — из погребения Юрьев Польский, № 998; IIAI — из погребения Гаевка, № 535); *5* — крестовидные бляхи (бляхи типа БI — из погребения Неженскос, № 10); *6* — кольца с обоймами; *7* — конечные бляхи (II А I, II А II — из погребения 15 поселок 3/7, № 260); *8* — привески; *9* — налобные бляхи (бляха типа А I — из погребения 15 поселок 3/7, № 260; типа А II — из погребения Кагарлык, 217, № 743; типа AIII, верхняя — из погребения Тузлы, № 962; AIII, нижняя — из погребения Гаевка, № 535); *10* — серебряная нагрудная бляха (погребение Филипповская, № 430 а).

Бляхи для соединения двух ремней

Все бляхи этой категории (рис. 10, *2*) изготовлялись из бронзы или серебра. Обычно эти бляхи употреблялись для поясных наборов.

Тип I (4 экз.). Т-образные с полушаровидной выпуклостью в центре. Бляхи имеют штифты на каждой лопасти.

Аналогии этим бляхам известны в Сибири и в Казахстане, в памятниках X в.[364].

Бляхи для соединения трех ремней

Обычно употреблялись для соединения ремней конского оголовья. Бляхи этой категории (рис. 10, *4*) изготовлялись из бронзы или серебра. По способу соединения с ремнями они делятся на два разряда.

Разряд I. Со штифтами

Отдел А

Трехконечные.

Тип I (1 экз.). Плоские с треугольной фигурой в центре. Лопасти удлиненные, с округлыми концами, немного суженные к концам.

Тип II (2 экз.). Плоские с полусферической выпуклостью в центре, с короткими лопастями.

Тип III (1 экз.). Плоские с треугольником в центре и тремя короткими заостренными лопастями.

Бляхи типа IAI встречаются в Венгрии на рубеже I—II тысячелетий[365].

Разряд II. С прорезями, в которые продевались ремни

Отдел А

Трехпрорезные.

Тип I (1 экз.). Округлые с выпуклостью в центре, с тремя круглыми выступами и тремя прорезями.

Бляхи типа IIAI известны в могильнике близ Томска VIII—IX вв.[366], в погребении VIII—X вв. в Казахстане[367], в Больше-Тарханском и Танкеевском могильниках в ТАССР[368], в Чуйской долине[369].

Перекрестные бляхи

Бляхи этой категории (рис. 10, *5*) помещались на перекрестье двух ремней, обычно в конском оголовье. Они изготовлялись из серебра или бронзы и имели штифты.

---

[364] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. LXII.

[365] I. Hampel. Op. cit., Bd. I. S. 457, Abb. 1432, 1433.

[366] ЗРАО, н. с., 1901, т. XI, табл. II, *33*.

[367] С. С. Черников. Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г. КСИИМК, 1952, вып. XLVIII, стр. 91, рис. 2; Е. Агеева, А. Джусупов. Ук. соч.

[368] Здесь они были найдены как принадлежности колчана. См. В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., рис. 14, рис. 21, *22*, табл. XIII, *13*.

[369] «Тр. Семиреченской экспедиции. Чуйская долина», табл. XLIX, *4*.

Отдел А

Цельные, крестовидные.

Тип I (13 экз.). С полусферической выпуклостью в центре, с четырьмя короткими лопастями.

Тип II (1 экз.). С полусферической выпуклостью в центре, с четырьмя короткими, заостренными лопастями со вставками.

Отдел Б

Составные, крестовидные.

Тип I (4 экз.). Состоят из четырех пластин, прикрепленных крестообразно к центральной полусферической бляхе.

Кольца для соединения ремней и обоймы

Такие кольца (бронзовые и железные) употреблялись, вероятно, очень часто, но из-за того, что ремни в большинстве случаев не сохранились, установить их назначение невозможно. В некоторых погребениях встречаются кольца с ремнями, прикрепленными к ним при помощи пластинчатых обойм. Эти обоймы трех типов (рис. 10, *6*):

Тип I (1 экз.). В виде ровной узкой пластины, один конец которой приклепан к ремню, другой огибает кольцо.

Тип II (1 экз.). В виде пластины, один конец которой широкий квадратный, с полушаровидным выступом, приклепан к ремню, а другой огибает кольцо.

Тип III (3 экз.). В виде согнутой пополам полосы. В месте, где обойма охватывает кольцо, она сужена, прокована в круглый в сечении стержень.

Аналогии обоймам типа II встречены в Больше-Тарханском могильнике ранних болгар на Волге[370], аналогии типу III известны в памятниках IX—X вв. в Венгрии[371].

Конечные бляхи

Все такие бляхи (рис. 10, *7*) изготовлялись из серебра или бронзы. По способу прикрепления к ремню делятся на три разряда.

Разряд I. Со штифтами

Отдел А

Удлиненные.

Тип I (3 экз.). С вогнутым задним и выпуклым передним концами.

Тип II (2 экз.). Удлиненные с заостренным передним и ровным задним концами.

---

[370] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., табл. XVII, *19*.
[371] N. Fettich. Op. cit., Taf. LXYI.

Тип III (1 экз.). Удлиненные с заостренным передним концом и вырезом на заднем конце.

Тип IV (3 экз.). Удлиненные с округлым передним краем и фигурным вырезом на заднем конце.

Разряд II. Со штифтами, двойные

Отдел А

Щитовидные.

Тип I (2 экз.). В виде геральдического щита. На задней пластине имеются две прорези, в которые вставлена изогнутая пластинка, образующая петлю.

Тип II (1 экз.). Овальные с выпуклостью в центре.

Разряд III. Двойные без штифтов, окованные по краю полоской металла

Отдел А

Удлиненные.

Тип I (1 экз.). С округлым передним концом и ровным задним.

Аналогии по форме бляхам типа IAI имеются в Саркеле[372] и в памятниках Волжской Болгарии X в.[373]; типа IAII — в Средней Азии[374].

Аналогии бляхам типа IAIII известны в Саркеле[375].

Конечные бляхи-бубенцы

В кочевнических погребениях встречаются миндалевидные двойные бляхи с выпуклостью в центре и плоским бортиком (3 экз.). Задняя пластина также имеет выпуклость. Обе части бляхи скреплены штифтами-заклепками, и ремень пропускается между пластинами сверху. Таким образом, бляхами подобного типа заканчивается ремень. Они служили подвесками, бляхами-бубенцами. Найдены в погребениях № 102 (рис. 11, *1*) и № 260.

Нагрудники

Имеется 1 экз. бляхи для украшения груди лошади. Она представляет собой серповидную пластину с отогнутыми краями и со шпеньками в центре для прикрепления к вертикальному ремню сбруи (погребение Филипповская, № 430а) (рис. 10, *10*).

Налобные и наносные бляхи (рис. 10, 9)

Отдел А

Бронзовые и серебряные.

Тип I (2 экз.). Дисковидные, состоящие из нескольких слоев бронзовых и железных пластин.

---

[372] М. И. Артамонов. Ук. соч., рис. 34б, 35.

[373] ОАК, 1904, стр. 135—136.

[374] В Чимкентском кладе XI в. (ЗОРСА, 1906, т. VIII, вып. I, стр. 254).

[375] М. И. Артамонов. Ук. соч., рис. 34б, 35.

Тип II (2 экз.). Ромбические, из двух листов металла.

Тип III (3 экз.). Овальные с заостренным нижним концом. Эти бляхи соединялись с ремнем при помощи штифтов и имели с обратной стороны пластины-подкладки.

Отдел Б

Костяные.

Тип I. Треугольные (1 экз.). Бляха имела в верхней части железную пластину с овальным кольцом.

Налобные и наносные бляхи-бубенцы

Две такие бляхи найдены в Быкове, к. 16/9 (№ 102). На лбу и носу лошади были большие плоские округлые бляхи (налобная — с вытянутым низом), состоящие из нескольких слоев серебряных и бронзовых пластин, скрепленных штифтами. Эти штифты соединяли бляхи с ремнем. На лицевой стороне бляхи имели фигурные орнаментальные шляпки в виде сердцевидных фигур с тремя выпуклостями. В центре этих блях были вделаны полые миндалевидные позолоченные бубенцы с прорезями (рис. 11, *1*).

Поясные кольца

В погребениях кочевников встречаются плоские в сечении бронзовые кольца (рис. 10, *3*). Их назначение точно не установлено. Возможно, они служили кольцами, к которым подвешивались оружие, оселки, мешочки и тому подобные вещи. На русском кладбище Саркела—Белой Вежи такие кольца найдены на ремне, in situ[376]. Подобные кольца известны и в других памятниках[377].

Сбруйные наборы

Часто ременные детали сбруи, уздечки украшались металлическими бляхами. В большинстве случаев эти бляхи по типу повторяют поясные. Иногда ремень прошивался серебряной или бронзовой проволокой: Бурты 261 (№ 681), Кагарлык 217 (№ 743). На переносье и на лбу коня помещались большие бляхи. Для украшений уздечки характерны крестовидные бляхи на перекрестьях. В ряде случаев от уздечки кроме простых фрагментов ремней сохраняются перекрестья ремней, украшенные специально подобранными бляхами, образующими крестовидный узор, обычно с выпуклой центральной бляхой: Сарайлы-Кият (№ 540); Бережновка II, 28/2 (№ 79); Быково 16/9 (№ 102). Иногда на месте соединения ремней оголовья помещали простое бронзовое кольцо, пропущенное в четыре крестообразно расположенные петли на концах ремней: Зеленка 312 (№ 728). Хорошо сохранился уздечный набор из погребения у с. Быково I, к. 16/9 (№ 102) (рис. 11, *1*). На черепе лошади сохранились ремни с бляшками (простые бляхи): IIAI—11; IIAII—2;

---

[376] О. А. Артамонова. Ук. соч., стр. 60, рис. 48.

[377] «Отчет В. Н. Глазова о раскопках, проведенных в Пермской губернии в 1901 и 1902 гг.». ЗВОРАО, 1903, т. V, вып. 1, стр. 44—66, табл. XXI, *3*; М. В. Седова. Ук. соч., рис. *7*, *14*; Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903, табл. XXXII, *4*.

Рис. 11. Бляхи из погребений Быково 16/9, № 102 (*1*) и Челкар, № 46 (*2*)

IIKIX—4; IIEIV—22; IIДI—5; IIEVII—5; IIEVIII—4. Бляшки украшали два нащечных ремня, продольный наносный ремень и поперечные — наносный и налобный; на лбу была прикреплена большая сердцевидная бляха с бубенчиком внутри; на носу — бляха поменьше, также с бубенцом, а по бокам второй бляхи имелись еще две меньшего размера с бубенчиками. Четыре перекрестья ремней были украшены набором, состоящим из бляхи IIAI и четырех блях IIEIV. Уздечка из кургана Заплавное 3/3 (№ 150) состоит из сложного набора украшений, прикрепленных к ремню. На носовой части черепа была расположена большая круглая налобная бляха AI. Рядом, у верхней части черепа, — бронзовая пряжка с овальной дужкой, подвижным язычком и трапециевидной обоймой, прикрепленной к ремню двумя заклепками. Уздечка из погребения Верхне-Погромное 1/3 (№ 105) состояла из девяти продолговато вогнутых серебряных блях. Рядом с этими бляхами были найдены две серебряные бляшки (IIAIII), два колокольчика и серебряная пряжка. Уздечка и некоторые другие части сбруи лошади сохранились в погребении у 15-го поселка 3/7 (№ 260): череп лошади был усеян серебряными простыми бляхами: IIAI—5; IIAIII—17; IIAIV—2; IIAVII—2; IIEII—2; IIEIX—3; IIKIII—50, а сверху на лбу была круглая налобная серебряная бляха (AI). На самой морде коня были найдены конечная бляха и конечная бляха-бубенец. В том же погребении были найдены бляхи от подхвостного ремня. На подхвостном ремне обнаружена группа серебряных бляшек, прикреплявшихся симметрично на ремень по правую и левую стороны крупа (простые бляшки IIEI—12). Между бляхами прикреплялась к ремню полусферическая бляха. От этой бляхи спускался ремень, на котором были две бляхи (IIAI и IIKIII) и бубенчик. В погребении Тузлы (№ 962) на черепе коня были серебряные позолоченные бляхи от оголовья, в том числе простые бляхи IIIII—2, IIAII—3, IIEV—25. На лобных частях черепа была большая овальная бляха (AIII) с железной пластиной на обратной стороне.

Поясные наборы

Поясные наборы появились в Сибири еще в таштыкскую эпоху, в Восточной Европе ими пользовались сарматы. Широко распространились поясные наборы в IV—VII вв. н. э. В IX—X вв. они были известны на Руси, в Скандинавии и в степи.

Поясные наборы составлялись из перечисленных выше типов блях, пряжек и некоторых соединительных блях, главным образом из Т-образных.

Пояса можно разделить на два отдела.

Отдел А

С пряжкой.

Тип I. Без блях.
Тип II. С наконечником и бляхами.
Тип III. С наконечником, бляхами и дополнительными ремнями.

Отдел Б

Без пряжки.

Тип I. Без блях.
Тип II. С бляхами.

Поясной набор из Калиновки 1/7 (№ 164) относится к типу AII. Он состоял из наконечника ремня (IAIV), пряжки (IIГI), блях (IIЗI—4), поставленных вертикально; с боков к двум этим бляхам были приставлены бляхи типа IIKXIII. В промежутках были бляхи типа IIЗI, поставленные горизонтально так, что выступ одной входил в вырез другой. К типу AII относится также набор из погребения Вороная 7 (№ 609), который состоял из ремня с тремя отростками. Один отросток прикреплялся к основному при помощи медной пряжки, к нижнему краю нижнего ремня были прикреплены кольца для подвешивания предметов. Второй отросток заканчивался массивной железной пряжкой с длинным стержнем. Третий отросток был без пряжки. К типу БII относятся следующие поясные наборы: набор из погребения 15-й поселок 3/7 (№ 260) состоял из шести полусферических серебряных блях с ложной зернью по краю (IIAI), семи прямоугольных с двумя отростками IIГIVa, 29 полусферических гладких (IIAI); поясной набор из Старицы 7/18 (№ 309) состоял из шести серебряных сердцевидных блях (IIЗI) и одной полусферической бляхи с гравированным орнаментом в виде лепестковой розетки (IIAI).

Обувь

Остатки кожи от сапог очень часто находят и в мужских, и в женских погребениях. Эти сапоги иногда украшались серебряными или медными бляхами тех же типов, что и сбруи, и пояса. Так, например, сапоги из погребения Заплавное 3/7 (№ 153) имели на голенище группу из 22 бронзовых полусферических блях типа IIAII. У стопы были расположены бляхи типа IIAIII. Они украшали носки сапог. На носках сапог в погребении Увак 10/2 (№ 31) также имеются бляшки.

Застежками от обуви считаются два маленьких золотых проволочных крючка, зацеплявшихся за серебряные петли, имевшие по четыре круглые синие стеклянные вставки. Эти крючки были найдены на костях ног скелета в кургане Белозерская 39 (№ 823).

Нашивки

Нашивки (рис. 12, *1*) прикреплялись при помощи отверстий. Изготовлялись они из цветных металлов.

Отдел А

Круглые.

Тип I (7 экз.). Плоские большие (диаметр 5 *см*).
Тип II (18 экз.). Плоские маленькие (диаметр 2 *см*).

Отдел Б

Сердцевидные.

Тип I (6 экз.). Плоские.
Тип II (1 экз.). С выпуклостью в центре.

Отдел В

Серповидные.

Тип I (1 экз.). Плоские.

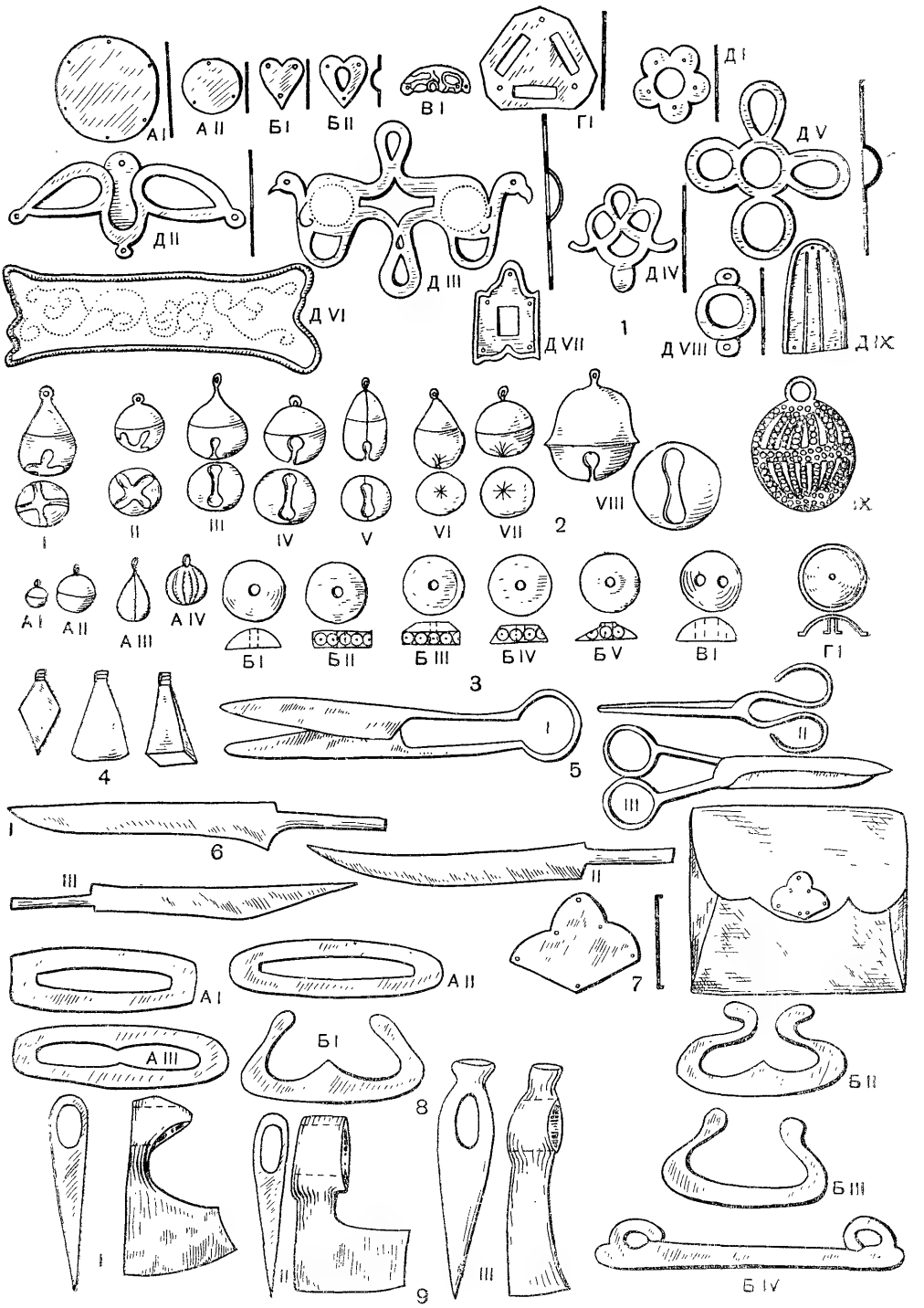


Рис. 12. Металлические украшения и бытовые вещи: *1* — нашивки; *2* — бубенцы; *3* — пуговицы; *4* — бусы; *5* — ножницы; *6* — ножи; *7* — сумка; *8* — кресала; *9* — топоры

Отдел Г

Треугольные.

Тип I (1 экз.). С обрезанными углами, с прямоугольными прорезями вдоль длинных сторон.

Отдел Д

Фигурные.

Тип I (1 экз.). В виде пятилепестковой розетки.

Тип II (5 экз.). В виде распластанных стилизованных птичьих крыльев.

Тип III (9 экз.). В виде стилизованных спаренных фигурок птиц, ажурные.

Тип IV (2 экз.). Ажурные, представляющие результат дальнейшей стилизации нашивок с фигурками птичек.

Тип V (1 экз.). В виде четырехлепестковой ажурной розетки с полушаровидной выпуклостью в центре, ажурные.

Тип VI (1 экз.). В виде четырехугольной пластины с петлями на углах и фестончатыми короткими сторонами.

Тип VII (1 экз.). В виде удлиненной фигуры с двумя параллельными сторонами, одним краем фестончатым, а другим — с фигурным выступом.

Тип VIII (1 экз.). Кольцеобразные с двумя петлями.

Тип IX (9 экз.). Удлиненные с округлым одним и ровным другим концами и с параллельными линиями посредине.

Ареал типов II—IV — Нижнее Поволжье. Аналогии типу ДII были найдены в Биляре[378].

Особые украшения

Имеется несколько нашивок индивидуальных форм, являющихся сложными ювелирными изделиями. В погребении Молчановка III 3 (№ 223) найдены две золотые бляхи в виде пятиконечной звезды. Основой каждой служила тонкая золотая пластина, на которую напаяны тонкие золотые нити (скань), образующие ажурные узоры, обрамленные сверху зернью. В круглых гнездах сохранилась мелообразная масса, возможно от жемчужин. На обратной стороне — симметрично расположенные маленькие дырочки для прикрепления бляшек на ткань.

В погребении Афанасьевка 7 (№ 594) найдено несколько уникальных роскошных блях, нашитых на парчу. «По плечам два аграфа, серебряные позолоченные с эмалями, крупными кальцинированными жемчугами, желтыми выпуклыми стеклами и золотыми куфическими надписями. Каждый аграф состоит из короткой, в 3 *см*, пустой внутри, толщиной в мизинец, серебряной позолоченной трубочки, окруженной шестью ажурными столбиками, в виде лилий, образующей как бы корзинку; на трубочку опирается восьмиугольная ажурная звезда; по четырем концам звезды попеременно посажены два желтого цвета стекла, в легкой серебряной позолоченной оправе, и две крупные, с горошину каждая, кальцинированные жемчужины; в середине звезды помещен эмалевый, с золотыми куфическими надписями амулет в такой же серебряной позолоченной оправе и желтые стекла; амулет прикреплен к трубочке посредством тонкой серебряной ниточки, пропущенной

[378] ГИМ, хр. 119/44б.

внутрь трубочки и видимой только по снятии амулета с трубочки... На груди большая серебряная позолоченная бляха в виде диска такого же металла, окаймленного кругом прорезью и имеющего по самой середине крупную, голубого цвета жемчужину, вделанную в гнездо, поднимающееся над диском. Кроме того, в том же погребении по всему скелету на парче было обнаружено 15 серебряных позолоченных бляшек ажурной работы, сердцевидной формы, с жемчужинами»[379].

К этому разделу особых украшений можно отнести кожаную квадратную бляху из погребения Калиновка 12/19 (№ 169), обернутую листочком серебра. В центре бляхи прикреплена круглая выпуклая розетка из какого-то смолистого вещества, прикрытая сверху листочком золотой фольги.

К числу особых украшений следует отнести аграф византийской работы XIII в. из Таганчи (№ 803) и медальон XIII в. из того же погребения также византийского происхождения, с изображением Христа.

Привески

Все привески бронзовые, литые (рис. 10, *8*).

Тип I (1 экз.). Сердцевидные с петлей.

Тип II (4 экз.). Круглая, с полушаровидной выпуклостью в центре, двумя выступами и петлей.

Тип III (5 экз.). В виде диска с тремя выступами и с петлей. Выступы и петля расположены крестообразно.

Тип IV (1 экз.). Ажурная ромбовидная. На трех углах выступы, на четвертом петля.

Тип V (1 экз.). Волютообразные.

Тип VI (1 экз.). Круглые сверху, треугольные снизу, с двумя выступами с боков и петлей сверху. В центре ромбическая прорезь.

Привески-амулеты и привески-копоушки

В погребении Афанасьево 7 (№ 594) найдено кольцо, к которому на цепочке было подвешено несколько предметов: щипчики, ковшичек, одна целая копоушка и две сломанные. Вообще же в кочевнических погребениях представлены копоушки двух типов (рис. 9, *4*).

Тип I (3 экз.). В виде расширяющейся палочки. На узком конце лопаточка, на широком — петля.

Тип II (12 экз.). В виде овальной ажурной пластины со сложным узором, с петлей наверху и стержнем внизу, на стержне имеется лопаточка[380]. Ареал этого типа — Нижнее Поволжье и Нижнее Подонье. Копоушки II типа были найдены в Саркеле — Белой Веже в слое XI в.[381]. Отдаленная аналогия копоушкам II типа была найдена в Змейском могильнике XI—XII вв. на Северном Кавказе[382].

Цилиндрические подвески

Группа I. Бронзовые

Эти предметы представляют собой цилиндрические изделия из бронзового листа, с наглухо закрытыми концами (орнаментированные

[379] Д. И. Эварницкий. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии. «Тр. XIII АС», т. I, М., 1907, стр. 125.

[380] Копоушку с отломленным стержнем из кургана 1/1 у дер. Блюменфельд (№ 91) А. Кушева-Грозевская неправильно определила как бляху (см. А. Кушева-Грозевская. Золотоордынские древности Государственного исторического музея из раскопок 1925—1926 гг. в Нижнем Поволжье. Саратов, 1928, стр. 14—15).

[381] С. А. Плетнева. Кочевнический могильник.., стр. 255, 256, рис. 27, *2*, *3*.

[382] В. А. Кузнецов. Ук. соч., рис. 9, *8*.

штампованным орнаментом на внешней поверхности цилиндра) или из стекла со спиральным орнаментом. Они делятся на типы по расположению петель (рис. 9, *3*).

Тип I (2 экз.). Петля расположена на одном из концов цилиндра.

Тип II (1 экз.). Петля прикреплена посредине цилиндра.

Тип III (1 экз.). Две петли прикреплены с боков цилиндра.

Группа II. Стеклянные

Тип I (1 экз.). С петлей посредине цилиндра. Встречаются коричневые с белыми и голубыми полосами. Аналогичная подвеска была найдена в слое XIV в. городища Нового Сарая [383].

Нашивки-амулеты

Эти нашивки (рис. 6, *5*) имеют форму человечка (3 экз.). Они вырезались из листа бронзы. Встречаются в золотоордынских памятниках [384] и только в Поволжье (№ 223, 265). Вероятно, их принесли в Восточную Европу монголы [385].

Бубенчики

Бубенчики с прорезью и с горошинкой внутри (рис. 12, *2*) встречаются в кочевнических погребениях довольно часто. Они нашивались на одежду и на конскую сбрую. В большинстве своем они сделаны из бронзы.

Тип I (2 экз.). Цельнолитые, в виде грушевидной подвески с петлей наверху и крестообразной прорезью внизу. Бубенчики этого типа обычно орнаментированы горизонтальным пояском и внизу имеют насечки.

Тип II (15 экз.). Цельнолитые, в виде шаровидной подвески с крестообразной прорезью внизу и петлей наверху. Бубенчики этого типа орнаментированы горизонтальным пояском.

Тип III (3 экз.). Цельнолитые, в виде грушевидной подвески с петлей наверху и одной прорезью внизу. Бубенчики этого типа орнаментированы горизонтальным пояском.

Тип IV (8 экз.). Цельнолитые, в виде шаровидной подвески с одной прорезью. Обычно имеется горизонтальный орнаментальный поясок.

Тип V (7 экз.). Двусоставные грушевидные с одной прорезью. Имеется обычно горизонтальный орнаментальный поясок.

Тип VI (1 экз.). Цельнолитые, в виде грушевидной подвески с пересечением нарезок внизу.

Тип VII (6 экз.). Цельнолитые, в виде шаровидной подвески с пересечением нарезок внизу.

Тип VIII (5 экз.). В виде шарообразной или почти кубической коробочки, спаянной из двух половинок, с одной прорезью. По величине они крупнее предыдущих бубенчиков.

---

[383] Раскопки 1964 г.

[384] ГЭ, Сар., 86, 87 (из Нового Сарая); СКМ, № 167 (из Увека).

[385] Совершенно такие же бронзовые фигурки встречаются у современных народностей Сибири, близких к монголам, например у бурятов. Эти фигурки были изображением души онгона (С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству Сибири XIX — начала XX в. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 713—714).

Тип IX (1 экз.). Ажурные, крупные, шаровидные.

Бубенцы типа I известны в Новгороде, в слоях X — начала XII вв.[386], в Болгарах, в домонгольских слоях[387], в Саркеле, в комплексах X—XI вв.[388]; типа II — в Лядинском[389] и Подболотьевском[390] могильниках; типа III — в Новгороде, в слое XIII—XIV вв.[391], в Басандайке, в комплексах X—XI вв.[392], в Новом Сарае среди находок XIV в.[393], в сросткинской культуре[394], в Лядинском могильнике[395]; типа IX — в Новгороде, в слоях конца XI — начала XIV в.[396], в Саркеле, в комплексах X—XI в.[397], в Средней Азии[398], в Волжской Болгарии[399]; типа V — в болгарских памятниках IX—X вв.[400]; типа VIII — в Новом Сарае[401], в погребениях Басандайки[402], в Лядинском могильнике[403], в салтовской культуре[404], в сибирских памятниках конца I тыс. н. э.[405].

Пуговицы

По материалу мы разделяем пуговицы на отделы, а по форме — на типы (рис. 12, *3*).

Отдел А

Бронзовые, серебряные и золотые.

Тип I (27 экз.). Шаровидные с горизонтальным швом ($D=0{,}5$ *см*).

Тип II (8 экз.). Такие же, только более крупные ($D=1$ *см*).

Тип III (1 экз.). Грушевидные с вертикальным швом.

Тип IV (1 экз.). Шаровидные, реберчатые.

Пуговицы этих типов широко распространены в средневековых памятниках и не имеют твердой даты. В кочевническом материале встречаются костяные имитации пуговиц типа AI.

Отдел Б

Костяные.

Тип I (16 экз.). Круглые с отверстием в центре, в сечении образуют полукруг. Часто украшены циркульным орнаментом.

[386] М. В. Седова. Ук. соч., стр. 237; Н. В. Рындина. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. МИА, 1963, № 117, стр. 244.

[387] ГМТР, инв. № 5427. Коллекция А. Ф. Лихачева из Болгар.

[388] О. А. Артамонова. Ук. соч., стр. 57, рис. 45, *5е*.

[389] ГИМ, оп. 811, № 88, хр. 93/35а.

[390] В. Н. Ястребов. Ук. соч., табл. III, *23*.

[391] М. В. Седова. Ук. соч., стр. 237; Н. В. Рындина. Ук. соч., стр. 244.

[392] «Басандайка», табл. 71, *206*.

[393] ГЭ, Сар., 1021, 1018, 1007.

[394] М. П. Грязнов. Ук. соч., табл. LV, *2*, *3*.

[395] В. Н. Ястребов. Ук. соч., табл. IV, *16*.

[396] Н. В. Рындина. Ук. соч., стр. 244.

[397] О. А. Артамонова. Ук. соч., стр. 57, рис. 45, *2а*.

[398] В. А. Шишкин. Ук. соч., стр. 45, рис. 9.

[399] ГМТР, инв. № 5472.

[400] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., рис. 22, *4*.

[401] ГЭ, Сар., 1029, 1010, 1011, 1019, 1020, 1022—1028, 1016, 1015.

[402] «Басандайка», табл. 71.

[403] В. Н. Ястребов. Ук. соч., табл. III, *23*.

[404] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком Городище. ИАК, 1909, вып. 29, стр. 157. рис. 8.

[405] ЗРАО, н. с., 1901, т. XI, табл. VIII; Л. А. Евтюхова. Археологические памятники ., стр. 35, рис. 49.

Тип II (4 экз.). Круглые с отверстием в центре, в сечении образуют прямоугольник. Обычно украшены циркульным орнаментом или зигзагами.

Тип III (1 экз.). Круглые с отверстием в центре, в сечении образуют прямоугольник с трапецией, поставленной бо́льшим основанием на длинную сторону прямоугольника. Украшены циркульным орнаментом или зигзагами.

Тип IV (4 экз.). Круглые, в сечении образуют трапецию, с отверстием в центре. Орнамент или циркульный, или зигзагообразный. Имеются экземпляры, украшенные серебряной инкрустацией.

Тип V (3 экз.). Круглые, в сечении образуют трапецию с очень малым верхним основанием, с отверстием в центре.

Аналогии типу БI имеются в Белой Веже[406]; типу БII — в могильнике у мечети на Верхнем Джулате (XIII—XIV вв.)[407]; типу БIV — в Танкеевском могильнике IX—X вв.[408]; типу БV — в Средней Азии и в Казахстане[409], в Азове в комплексе с золотоордынскими материалами[410].

Отдел В

Глиняные поливные.

Тип I (3 экз.). Круглые, сегментовидные в сечении с голубой поливой, с двумя отверстиями в центре. Подобная была найдена в Новом Сарае[411].

Отдел Г

Оловянные.

Тип I (1 экз.). Полусферические с трубкой внутри.

Бусы

Бусы в погребениях поздних кочевников встречаются, как правило, в небольшом количестве. Очень редко в могилы клали ожерелье, например Быково 10/11 (№ 99), Лапас (№ 188), Три Брата 23 (№ 344), Максимовка 14 (№ 202), чаще — одну-две бусины. При классификации бус мы принимаем предложенный А. В. Арциховским[412] принцип разделения на отделы по их поперечному и на типы — по продольному сечению. Но классификация по этим принципам затрагивает только форму. Потому вводятся еще две ступени классификации — по материалу (группа) и по технологии (разряд)[413]. Последняя ступень классификации (разряд) имеет смысл только применительно к стеклянным бусам.

---

[406] М. И. Артамонов. Ук. соч,, рис. 49.

[407] О. В. Милорадович. Христианский могильник...

[408] Раскопки А. Х. Халикова 1961 г.

[409] Э. Гулямова. Раскопки в Хульбуке в 1961 г. «Археологические работы в Таджикистане», вып. XI. Душанбе, 1964, стр. 106, рис. 2, *23*.

[410] Азовский музей. Находка на Толстовской улице в 1963 г.

[411] Из сборов Ахтубинской экспедиции 1961 г.

[412] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 28.

[413] Такую классификацию бус. см., например, В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. СА, 1959, № 3; ее же. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. СА, 1961, № 3.

Группа I. Стеклянные

Разряд I. Одноцветные, изготовленные путем разрезания стеклянной трубки [414]

Отдел А

Круглые.

Тип I (45 экз.). Овальные («лимонные»). Встречаются одночастные, двучастные, трехчастные и многочастные. По русским аналогиям эти бусы датируются X — началом XI в. [415]. Кроме русских памятников такие бусы известны в Саркеле [416], в аланских могильниках XI—XII вв. [417]. В кочевнических погребениях встречаются кроме желтых также темно-коричневые и синие бусы такой же формы и бусы с вертикальными полосками желтого цвета на коричневом фоне. Такие полосатые бусы известны на Руси в памятниках X—XI вв. [418], в Лядинском могильнике [419].

Тип II (5 экз.). Цилиндрические. В кочевнических погребениях встречаются желтые бусы этого типа. Аналогичные бусы известны в Саркеле [420] и в Новгороде [421].

Тип III (17 экз.). Тонкие цилиндрические пронизки с обломанными концами. По цвету бывают темно-синие, темно-коричневые, светло-зеленые.

Тип IV. Рубленый бисер. В кочевнических погребениях встречается бисер черный, синий, желтый. Желтый бисер известен в Новгороде главным образом в слоях X—XII вв. [422], в Старой Ладоге в слоях VIII—X вв. и в других славянских памятниках примерно того же времени, а также в Саркеле [423].

Тип V (9 экз.). Дисковидные. Встречаются синие бусы этого типа.

Тип VI (2 экз.). Эллипсоидные.

Отдел Б

Ребристые.

Тип I (4 экз.). Эллипсоидные. В кочевнических погребениях встречаются бусы этого типа синего цвета. Аналогии таким бусам известны в древнерусских памятниках X—XI вв. [424].

---

[414] З. А. Львова. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи. МИА, 1959, № 75, стр. 324.

[415] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, 1956, № 55, стр. 173—174; ее же. О происхождении некоторых типов древнерусских бус. СА, 1962, № 2, стр. 88.

[416] З. А. Львова. Ук. соч., стр. 324.

[417] В. А. Кузнецов. Ук. соч., табл. V, *17, 19.*

[418] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы.., стр. 174—175.

[419] В. Н. Ястребов. Ук. соч., табл. XII, *4, 5, 11.*

[420] З. А. Львова. Ук. соч., стр. 325.

[421] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы.., стр. 171.

[422] Там же, стр. 172—173.

[423] З. А. Львова. Ук. соч., стр. 325.

[424] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы.., стр. 176.

Разряд II. Одноцветные, изготовленные путем накручивания на твердый стержень размягченного стеклянного волокна (навивка)[425]

Отдел А

Круглые.

Тип I (18 экз.). Шаровидные. В кочевнических погребениях встречаются красные, коричневые и желтые бусы этого типа.

Тип II (2 экз.). Зонные. В кочевнических погребениях встречаются красные, синие и черные бусы этого типа. Аналогии им известны в древнерусских памятниках XII в.[426].

Тип III (1 экз.). Эллипсоидные. Встречаются синие.

Тип IV (1 экз.). Грушевидные. Встречаются синие.

Тип V (1 экз.). Усеченные биконические. Встречаются желтые бусы этого типа.

Разряд III. Одноцветные с металлической прокладкой, изготовленные путем накручивания на твердый стержень размягченного волокна[427]

Отдел А

Круглые.

Тип I (1 экз.). Бочонковидные, золотые. Эти бусы встречаются в Саркеле — Белой Веже[428], в древнерусских памятниках XI—XII вв.[429].

Тип II (5 экз.). Шаровидные, золотые, известны в XI—XII вв. из древнерусского кладбища близ Саркела — Белой Вежи[430].

Тип III (1 экз.). Цилиндрические, золотые.

Разряд IV. Глазчатые, изготовленные путем накручивания на твердый стержень стеклянной массы. Глазки мозаичные[431]

Отдел А

Круглые.

Тип I (4 экз.). Шаровидные. Встречаются крупные экземпляры желтого цвета с темно-красными глазками, бирюзовые и коричневые с желтыми глазками, черные с белыми глазками и другие сочетания цветов. Глазки обрамлялись «ресницами». Аналогии известны в древнерусских памятниках X—XI вв.[432] и в памятниках Северного Кавказа[433]. Такие же бусы известны и в золотоордынских памятниках.

Тип II (1 экз.). Эллипсоидные. Известны крупные синие бусы с желтыми глазками в красном «реснитчатом» ободке.

Тип III (1 экз.). Зонные. Известна синяя бусина с белыми глазками и красными «ресницами».

---

[425] З. А. Львова. Ук. соч., стр. 323—325.

[426] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы.., стр. 166.

[427] В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа.., стр. 55; Ю. Л. Щапова. О происхождении.., стр. 91.

[428] З. А. Львова. Ук. соч., стр. 326; О. А. Артамонова. Ук. соч., стр. 63.

[429] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы.., стр. 171; ее же. О происхождении.., стр. 91.

[430] О. А. Артамонова. Ук. соч., стр. 63.

[431] В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа.., стр. 57.

[432] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы.., стр. 177—178.

[433] В. Б. Деопик. Классификация бус Юго-Восточной Европы.., стр. 222—223.

Разряд V. Полосчатые, изготовленные путем накручивания на твердый стержень расплавленной стеклянной массы. Эти бусы украшались наложением стеклянной нити в виде линейно-волнистого орнамента

Отдел А

Круглые.

Тип I (3 экз.). Шаровидные. Обычно встречаются бусы этого типа коричневого стекла с белыми или желтыми нитями.

Тип II (11 экз.). Зонные. В кочевнических погребениях встречаются зеленые и черно-коричневые бусы этого типа с белой или желтой нитями. Аналогии таким бусам известны в древнерусских памятниках XIII—XIV вв.[434], в золотоордынском слое Болгар[435], в памятниках Северного Кавказа[436], в Увеке[437].

Тип III (1 экз.). Кольцевидные. В кочевнических погребениях встречаются бусы этого типа черного стекла с белыми полосами.

Тип IV (1 экз.). Бочонковидные. В кочевнических погребениях встречаются бусы этого типа синего стекла с желтыми полосами. Хорошо известны в русском некрополе X—XI вв. в Саркеле — Белой Веже[438].

Тип V (5 экз.). Цилиндрические. В кочевнических погребениях встречаются бусы этого типа зеленого стекла с белыми полосами. Такие бусы известны в древнерусских памятниках XII—XIII вв.[439].

Разряд VI. Мозаичные, изготовленные из обломков разноцветного стекла, спрессованного в горячем состоянии[440]

Отдел А

Круглые.

Тип I (1 экз.). Шаровидные.
Тип II (2 экз.). Кольцевидные с округленными гранями.
Тип III (1 экз.). Цилиндрические.
Тип IV (1 экз.). Зонные.

Группа II. Сердоликовые

Отдел А

Круглые.

Тип I (6 экз.). Шаровидные. Известны на Кавказе вплоть до XIV в.[441].

Тип II (5 экз.). Эллипсоидные. Аналогии встречаются в древнерусских памятниках[442], в могильниках Кавказа и Крыма[443].

[434] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы.., стр. 176—178.
[435] ГМТР.
[436] МАК, 1900, VIII, табл. XCI, *1*, *7*.
[437] СКМ, № 3007.
[438] О. А. Артамонова. Ук. соч, рис. 52.
[439] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы.., стр. 177.
[440] В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа... стр. 57.
[441] О. В. Милорадович. Христианский могильник.., рис. 5, *1*.
[442] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 38.
[443] В. Б. Деопик. Классификация бус Юго-Восточной Европы.., стр. 210, рис. 2, *2*.

Тип III (1 экз.). Цилиндрические. Известны на Кавказе до XIV в.[444].

Отдел Б

Граненые.

Тип I (7 экз.). Бипирамидальные, шестигранные. Эти бусы характерны для древнерусских памятников[445]. Известны также на Кавказе с VI в.[446].

Тип II (1 экз.). Призматические.

Отдел В

Прямоугольные.

Тип I (1 экз.). Треугольные с ушком (рис. 12, *4*).

Отдел Г

Трапециевидные.

Тип I (1 экз.). Прямоугольные.

Группа III. Янтарные

Отдел А

Круглые.

Тип I (2 экз.). Цилиндрические. Аналогии есть на Кавказе[447].

Тип II (5 экз.). Дисковидные. Известны в русском кладбище Саркела — Белой Вежи (X—XI вв.)[448].

Тип III (1 экз.). Усеченные биконические. Известны в русском кладбище X—XI вв.[449] близ Саркела — Белой Вежи.

Отдел Б

Прямоугольные.

Тип I (1 экз.). Ромбовидные с ушком (рис. 12, *4*). Аналогии известны в Саркеле[450].

Группа IV. Хрустальные

Отдел А

Круглые.

Тип I (2 экз.). Шаровидные. Этот тип бус характерен для вятичей[451]. Есть находки таких бус на Северном Кавказе — в могильниках VI—XI вв.[452], в русском кладбище Белой Вежи X—XI вв.[453].

---

[444] О. В. Милорадович. Христианский могильник.., рис. 5, *3*.
[445] А. В. Арциховский. Сердоликовые бипирамидальные бусы. ТСА, I. М., 1926.
[446] В. Б. Деопик. Классификация бус Юго-Восточной Европы, стр. 210, рис. 2, *4*.
[447] Там же, рис. 2, *3*.
[448] О. А. Артамонова. Ук. соч., рис. 49, *5*.
[449] Там же, рис. 49, *4а*.
[450] О. А. Артамонова. Ук. соч., рис. 53, *9*.
[451] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 39.
[452] О. В. Милорадович. Христианский могильник.., рис. 5, *21*; В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа.., стр. 51.
[453] О. А. Артамонова. Ук. соч., рис. 48, *8б*.

Группа V. Лазуритовые

Отдел А

Прямоугольные (рис. 12, 4).

Тип I (6 экз.). Ромбовидные.
Тип II (12 экз.). Треугольные.

Типы AI—AII характерны для памятников Восточной Европы X—XII вв.[454]. В частности, они известны в Саркеле[455]. Встречаются они также в Сибири в комплексах X—XII вв.[456]. Одна такая подвеска была найдена среди материала XIV в. из Маджар[457].

Отдел Б

Треугольные.

Тип I (1 экз.). Треугольные (пирамидальные) (рис. 12, *4*).

Группа VI. Ониксовые

Отдел А

Круглые.

Тип I (1 экз.). Эллипсоидные.

Группа VII. Гешировые

Отдел А

Круглые.

Тип I (1 экз.). Цилиндрические.
Тип II (7 экз.). Эллипсоидные.

Отдел Б

Прямоугольные.

Тип I (5 экз.). Сердцевидные.

Группа VIII. Агатовые

Отдел А

Прямоугольные.

Тип I (1 экз.). Треугольные.

---

[454] Т. И. Макарова. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X—XI вв. «Археологический сборник», вып. 4. Л., 1962. Критику взглядов Т. И. Макаровой см. в рецензии в СА, 1963, № 3, стр. 289.

[455] М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 60; О. А. Артамонова. Ук. соч., рис. 53.

[456] «Басандайка», стр. 155.

[457] Хранится в Прикумском музее.

Отдел Б

Ребристые.

Тип I (1 экз.). Эллипсоидные.

Группа IX. Гранатовые

Отдел А

Граненые.

Тип I (3 экз.). Призматические.

Группа X. Халцедоновые

Отдел А

Круглые.

Тип I (6 экз.). Шаровидные. Известны в комплексах X—XI вв. в Саркеле — Белой Веже [458].

Группа XI. Бронзовые

Отдел А

Круглые.

Тип I (4 экз.). Биконические, спаянные.

Группа XII. Кашинные, поливные

Отдел А

Круглые.

Тип I (2 экз.). Зонные, голубые.

Тип II (2 экз.). Бочонковидные, голубые, иногда с двумя боковыми кольцевидными выступами по краям. Бусы этого типа больших размеров и украшены круговым рядом ромбиков или зигзагообразными линиями.

Тип III (1 экз.). Кольцевидные.

Отдел Б

Ребристые.

Тип I (1 экз.). Шаровидные, зеленые.

Группа XIII. Костяные

Отдел А

Круглые.

Тип I (1 экз.). Биконические.

[458] О. А. Артамонова. Ук. соч., рис. 49, *8г*.

Ткани

В кочевнических погребениях ткани встречаются часто. Иногда находят парчовые ткани с золотыми нитками, шелковые, а также вышивки золотыми нитками. Окраска ткани в некоторых случаях сохраняется: пурпурная, синяя, желтая. В погребении Плоское, к. 247 (№ 898) был найден шелковый халат с узором в виде параллельных рядов кругов с крестовидным орнаментом.

БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОРУДИЯ

Гребни

Встречаются двусторонние деревянные и костяные гребни, хорошо известные в древнерусских памятниках. Одна сторона трапециевидного гребня имеет частые зубцы, другая — редкие.

Зеркала

Круглые металлические (серебро, биллон) зеркала (рис. 13, 14) — довольно частая находка в погребениях поздних кочевников. Мы выделяем отделы по орнаментальным мотивам как характерной черте, определяющей происхождение зеркала или его прототипа. Типы зеркал выделяются по форме (диаметр, ручка).

Отдел А

Без орнамента.

Тип I (9 экз.). С небольшим утолщением у края. Диаметр 6—8 *см*.

Тип II (2 экз.). С небольшим утолщением у края, с выпуклостью или петлей в центре. Диаметр 6—8 *см*. Аналогии имеются в материале Нового Сарая [459].

Тип III (4 экз.). С небольшим утолщением у края, с боковой ручкой. Диаметр 6—8 *см*.

Отдел Б

С орнаментом концентрическими кругами.

Тип I (4 экз.). С небольшим утолщением у края. Диаметр 6—8 *см*.

Тип II (2 экз.). С небольшим утолщением у края, с выпуклостью или петлей в центре. Диаметр 6—8 *см*.

Тип III (1 экз.). С утолщением по краю и с боковой ручкой. Диаметр 6—7 *см*. Аналогичные известны в Сибири — в памятниках конца I тыс. н. э. [460].

Отдел В

С концентрическими кругами и овалами в промежутке между кругами.

Тип I (1 экз.). С утолщением по краю. Диаметр 5—6 *см*.

---

[459] ГЭ, Сар., 740.

[460] ЗРАО, н. с., 1901, т. XI, табл. I, 3.

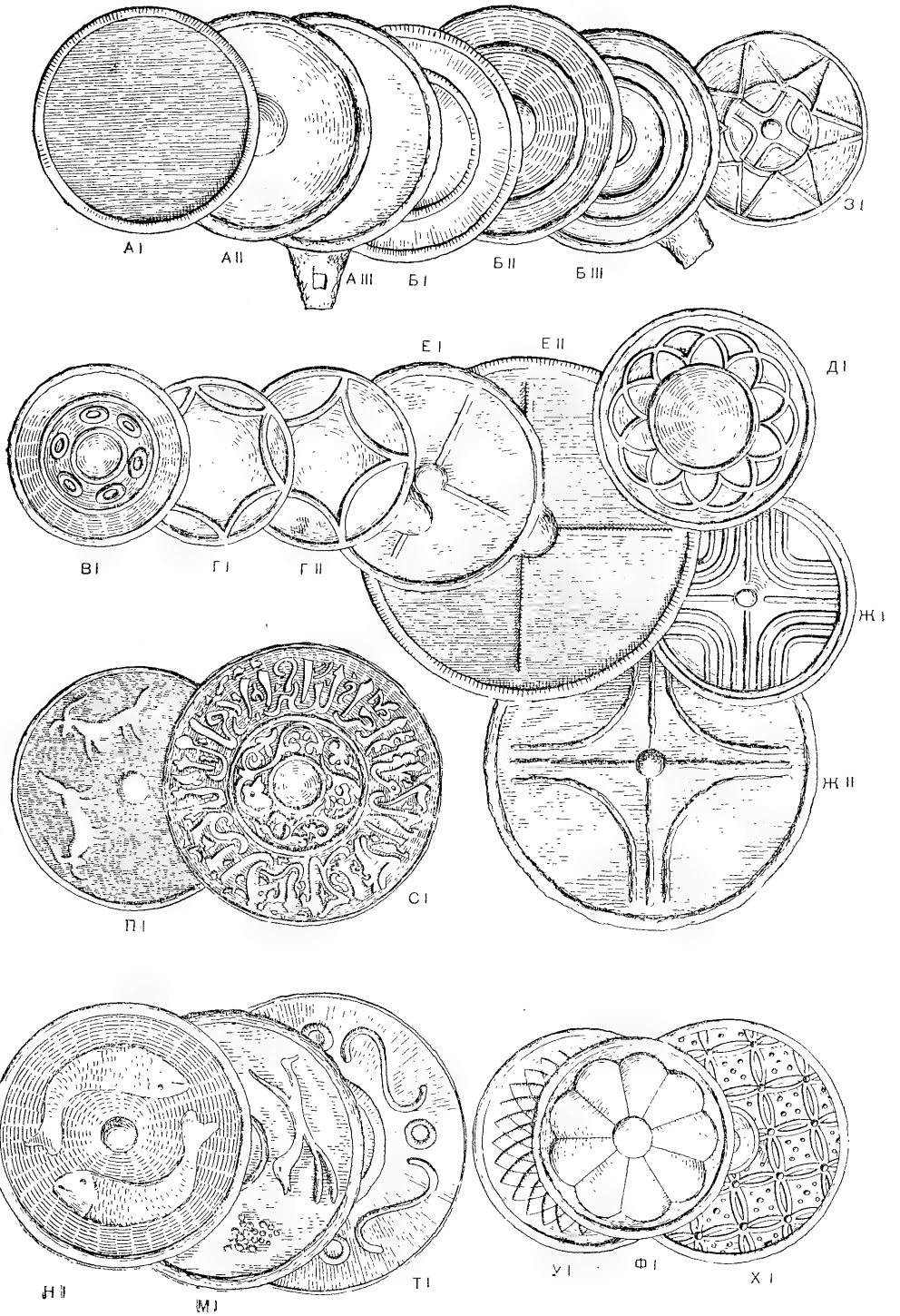


Рис. 13. Зеркала

Рис. 14. Зеркала *1* — НІ, погр. № 990; *2* — КІ, погр. № 677; *3* — ОІІ, погр. № 972; *4* — ЛІ, погр. № 265.

Отдел Г

С орнаментом из пяти дуг, повернутых выпуклостями к центру.

Тип I (1 экз.). С утолщением по краю. Диаметр 5—6 *см.*

Тип II (1 экз.). С утолщением по краю, с боковой ручкой. Диаметр 5—6 *см.*

Отдел Д

С орнаментом в виде многолепестковой розетки.

Тип I (1 экз.). С утолщением по краю. Диаметр 6—7 *см.*

Отдел Е

С крестовидным орнаментом.

Тип I (5 экз.). С утолщением у края, с выпуклостью или петлей в центре. Диаметр 8 *см.* Аналогичные зеркала были найдены в Новом Сарае[461], в Змейском катакомбном могильнике XI—XII вв.[462].

Тип II (1 экз.). Такой же, как тип I. Диаметр 10 *см.* Аналогичные зеркала известны в материалах из городища Княжая Гора[463].

Отдел Ж

С крестовидно-арочным орнаментом.

Тип I (6 экз.). С утолщениями у края и в центре. Диаметр 4—5 *см.* Аналогии имеются в материалах Нового Сарая, Болгара[464] и Увека[465].

Тип II (1 экз.). Такое же, как тип ЖI. Диаметр 10 *см.*

Для отделов Е и Ж характерно раздвоение одной формы на два типа по величине диска. Слабоуловимое различие зеркал этих двух типов из отдела Е становится четким в отделе Ж, где диаметр зеркал типа II почти вдвое превышает диаметр зеркал типа I.

Тип III (1 экз.). С утолщением у края и в центре, с боковой ручкой. Диаметр 8 *см.*

Отдел З

С крестовидно-арочным и зигзагообразным орнаментом[466].

Тип I (2 экз.). С утолщением у края и петлей в центре. Диаметр 5 *см.*

Отдел И

С крестовидным усложненным орнаментом.

Тип I (5 экз.). С утолщением у края, с полусферической выпуклостью в центре. Диаметр 6—7 *см* (рис. 14, *1*). Аналогии найдены в Новом Сарае[467].

---

[461] ГЭ, Сар., 742.

[462] В. А. Кузнецов. Ук. соч., стр. 42, табл. IV, *5*.

[463] АЛОИА, ф. 5, № 340, д. 124.

[464] ГМТР.

[465] СКМ, № 2814.

[466] Этот мотив, вероятно, ведет свое происхождение от аланских и салтовских зеркал (см., например, зеркало из могильника Балта. ОАК, 1897, стр. 147, рис. 290).

[467] ГЭ, Сар., 64.

Отдел К

С изображением четырех животных, бегущих по кругу.

Видимо, литейная реплика с привозных оригиналов. Изображение животных на большинстве зеркал очень нечеткое[468]. Видны только беспорядочно расположенные выпуклости.

Тип I (1 экз.). С высоким краем. Диаметр 7—8 *см*. Аналогичные зеркала есть в материале из Болгара и Нового Сарая[469] (рис. 14, *2*).

Отдел Л

С изображением двух драконов

Тип I (1 экз.). С круглым утолщенным широким краем, петлей или выпуклостью в центре. Диаметр 9—10 *см* (рис. 14, *4*).

Тип II (2 экз.). С фестончатым краем. Диаметр 11—12 *см*. Такое зеркало было найдено в с. Данауровке, возможно из разрушенного погребения[470], и у с. Байки Сердобского у.[471]. Известны также зеркала из Нового Сарая[472] и из Болгар[473]. Все эти зеркала несколько отличаются по форме края, но рисунок и диаметр у них одинаковы.

Отдел М

С изображением лисиц и плодов.

Тип I (1 экз.). С высоким краем. Диаметр 7—8 *см*. Такие зеркала найдены в Новом Сарае[474].

Отдел Н

С изображением двух рыб.

Тип I (2 экз.). С высоким краем. Диаметр 7—8 *см*. Аналогии есть в Новом Сарае[475], Болгарах[476], Биляре[477], в памятниках Дальнего Востока[478].

Отдел О

С изображением бегущих собак и зайцев.

Рельеф нечеткий. Видимо, эти зеркала являются литейными репликами на привозные восточные оригиналы.

Тип I (1 экз.). С высокой закраиной. Диаметр 8—10 *см*. Такие зеркала находят в Болгарах[479], Увеке[480], Новом Сарае[481].

---

[468] На Востоке подобные зеркала встречаются в их первоначальном облике. См. А. Д. Грач. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-Ваня в Туве. СЭ, 1958, № 4.

[469] ГЭ, Сар., 429, 723; А. П. Смирнов. Волжские болгары, табл. III, *46*.

[470] ОАК, 1902, стр. 140.

[471] ОАК, 1896, стр. 136.

[472] ГЭ. экспозиция.

[473] А. П. Смирнов, Н. Я. Мерперт. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья. В кн.: «По следам древних культур». М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 48. Датировка XII в. не объяснена.

[474] Экспозиция ГЭ.

[475] АИА, д. 2332 л. 40.

[476] ГМТР, инв. № 5363—15, 5363—46; ГИМ, инв. № 58456.

[477] ГМТР, инв. 5427—165, 20396.

[478] Э. В. Шавкунов. Клад чжурчженьских зеркал. МИА, 1960, № 86, стр. 235, рис. 6. Клад датируется XII—XIII вв.

[479] А. П. Смирнов. Волжские болгары, табл. III, *49*.

[480] СКМ, № 290, 301.

[481] ГЭ, Сар., 744.

Тип II (1 экз.). С высокой закраиной и выпуклостью в центре. Диаметр 8—10 *см* (рис. 14, *3*).

Тип III (1 экз.). Такой же, как тип I, но по-иному размещены зоны орнамента. Диаметр 12 *см*. Аналогии есть в материалах Нового Сарая [482], Увека [483] и Болгара [484].

Отдел П

С изображением четырех оленей или козлов.

Тип I (1 экз.). С ровным краем. Диаметр 7—8 *см*.

Отдел Р

С куфической надписью вокруг центральной орнаментальной розетки.

Тип I (1 экз.). С высоким краем и выпуклостью или петлей в центре. Диаметр 9 *см*.

Отдел С

С арабской надписью почерком «насхи» вокруг центральной орнаментальной розетки [485].

Тип I (2 экз.). С высокой закраиной. Диаметр 8—9 *см*. Такие зеркала известны из Нового Сарая [486] и Болгара [487].

Отдел Т

С четырьмя выпуклостями, расположенными крестообразно, в кольцевой полосе, с рельефными S-образными фигурами между ними.

Эти зеркала являются копиями привозных зеркал [488].

Тип I (3 экз.). С высоким краем. Диаметр 9 *см*. Такие зеркала известны в Болгарах [489], Сарае [490], Увеке, Маджарах.

Тип II (1 экз.). С высокой закраиной, с боковой длинной ручкой. Диаметр 10 *см*.

Отдел У

С орнаментом в виде ячеек на все поле.

Тип I (3 экз.). С утолщением по краю. Диаметр 7—8 *см*. Такое зеркало известно из материалов XIV в. из Увека [491].

---

[482] ГЭ, Сар., 730, 1618.
[483] СКМ, № 289.
[484] А. П. Смирнов. Волжские болгары, табл. III, *47*.
[485] Надпись следующая: «Слава, которая (есть) высшее счастье для могущественных начальников, (да будет) тебе благодеянием будущая жизнь».
[486] ГЭ, Сар., 741, 93, 71.
[487] ИОАИЭ, 1894, вып. XIII, стр. 35.
[488] F. Hirth. Chinese metallic mirrors. Clechirt, 1907, tabl. XV, *3*; С. И. Руденко. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 92, рис. 65б.
[489] А. П. Смирнов. Волжские болгары, табл. III, *50*.
[490] ГЭ, Сар., № 694, 696.
[491] СКМ, № 794.

Отдел Ф

С орнаментом в виде многолепестковой розетки.

Тип I (1 экз.). Круглое, с утолщением у края. Диаметр 6—7 *см.*

Отдел Х

С орнаментом в виде сетки из четырехлепестковых розеток.

Тип I (1 экз.) С утолщением по краю. Диаметр 8—9 *см.* Такие зеркала известны на Дальнем Востоке в памятниках XII—XIII вв.[492] и в памятниках XII—XIII вв. в низовьях Сыр-Дарьи[493].

Кресала (рис. 12, *8*)

Отдел А

Двулезвийные.

Тип I (17 экз.). Прямоугольные с прямоугольной прорезью.

Тип II (24 экз.). Овальные с овальной прорезью.

Тип III (1 экз.). Овальные с фигурной восьмерковидной прорезью.

Отдел Б

Однолезвийные

Тип I (6 экз.). «Калачевидные» с треугольным выступом с внутренней стороны, с прямыми концами.

Тип II (12 экз.). «Калачевидные» с треугольным выступом с внутренней стороны, с загнутыми наружу концами.

Тип III (5 экз.). «Калачевидные» без выступа, с прямыми концами.

Тип IV (2 экз.). В виде массивной полосы с двумя петлями на концах с внутренней стороны лезвия.

Аналогии кресалам типа АII имеются в Новгороде в слоях XIII—XV вв.[494]; типа БII — в Новгороде в слоях X — начала XII в.[495].

Ножницы (рис. 12, *5*)

Тип I (3 экз.). Пружинные, типа овечьих.

Тип II (35 экз.). Шарнирные с отогнутыми скобами.

Тип III (5 экз.). Шарнирные современного типа с приваренными кольцами-скобами.

Ножницы типов I и II известны с IX—X вв. и имеют широкий хронологический и территориальный диапазон, типа III — известны в Новгороде с XIV в. и Саркеле — Белой Веже[496].

---

[492] Э. В. Шавкунов. Ук. соч., стр. 234, рис. 5.

[493] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., ИВЛ, 1962, стр. 285, рис. 183, *5*.

[494] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 101—103.

[495] Там же, стр. 99, 103.

[496] Там же, стр. 60; С. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 162, рис. 14, *4*.

Ножи

Иногда ножи (рис. 12, *6*) имели кожаный или деревянный футляр и ручку. На рукоять надевалась бронзовая обоймочка.

Тип I (47 экз.). С прямым лезвием, с уступом при переходе спинки к черешку и выступом на острой части лезвия при переходе к черешку.

Тип II (4 экз.). Вогнутая спинка и выгнутое острие. Уступы при переходе спинки и острия к черешку.

Тип III (10 экз.). С колепчатой спинкой.

Типы I—III имеют широкий хронологический и территориальный диапазон.

Топоры

В кочевнических погребениях найдено три топора (рис. 12, *9*): широколезвийный, проушной, с округлой выемкой в задней части лезвия (тип I); широколезвийный, проушной, с прямоугольной выемкой в задней части лезвия (тип II); узколезвийный, проушной, с обушком (тип III). Топоры типа I имеют аналогии в Новгороде в слое X — начала XII в.[497]. Вариант того же типа найден в славянском слое Саркела—Белой Вежи[498], в мордовских могильниках X—XI вв.[499]. Топоры типа III известны в Саркеле — в хазарском слое[500], в Салтовском могильнике[501], в мордовских могильниках[502], в Венгрии[503], в Волжской Болгарии X в.[504].

Оселки

Встречаются в кочевнических могилах редко. Известны оселки в виде прямоугольного брусочка с отверстием и следами точки.

Наперстки

В погребении Лола II, 10 (№ 199) найден был наперсток современного типа. Такие предметы встречаются в культурном слое золотоордынских городов[505].

Волочило

Найдено в кочевническом погребении один раз. Это прямоугольный брусок с конусовидными разных диаметров отверстиями для протаскивания проволоки. Обнаружено в погребении Емчиха 355, № 706.

Замки, ключи

Встречаются редко. Известна находка в Тирасполе 13 (№ 951) бронзового замка в виде животного, типа, распространенного в Волжской Болгарии и Золотой Орде. В погребении Старица 21/5 (№ 315) было найдено четыре бронзовых ключа обычного средневекового типа, в виде плоской палочки, с уступом, прорезью и с петлей.

---

[497] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 30, рис. 12.
[498] С. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 156.
[499] А. П. Смирнов. Очерки.., табл. XXXI, *3*.
[500] С. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 143, рис. 4, *8*.
[501] В. А. Бабенко. Новые исследования Верхне-Салтовского могильника. 1908. «Тр. XIV АС», т. III. М., 1911, стр. 225.
[502] А. П. Смирнов. Очерки.., табл. XXXI, *2*.
[503] I. Hampel. Op. cit., Bd. I, Abb. 642—644.
[504] А. П. Смирнов. Очерки.., табл. L, *2*.
[505] Раскопки 1963 г. АИА, д. 2699, лл. 241, 243.

Серпы

Зафиксированы в кочевнических курганах пока только в Поросье. Очень редкая находка среди кочевнического материала.

Сумки

При кочевническом погребении в ряде случаев обнаружены большие четырехугольные кожаные сумки. Крышки — с железным окончанием в виде пластины с фестончатым краем (рис. 12, *7*). Такие вещи известны среди материалов Нового Сарая XIV в.[506].

Пряслица

Среди кочевнических инвентарей известно четыре обычных русских шиферных и несколько дисковидных глиняных пряслиц.

Свинцовые грузики

Назначение этих свинцовых грузиков (рис. 9, *2*) точно не установлено.

В погребении у Новочеркасска (№ 374б) грузик был найден на морде коня. В двух кочевнических погребениях эти грузики найдены вместе с деревянной осью (Харьковка, к. 13, № 353 и Калиновка 12/19, № 169).

Тип I (1 экз.). Усеченно-конические. На верхней поверхности имеют иногда орнамент в виде расходящихся линий.

Тип II (1 экз.). Полушарные.

Тип III (1 экз.). Усеченно-конические с вдавленными боками.

Тип IV (2 экз.). В сечении образуют трапецию, лежащую бо́льшим основанием на вытянутом прямоугольнике.

Тип V (1 экз.). Грибовидные с широким каналом.

Тип VI (6 экз.). Имеют вид миниатюрной шляпы с усеченно-конической тульей и плоскими дисковидными загнутыми по краю полями, орнаментированными сверху насечкой.

Тип VII (1 экз.). В виде цилиндра с горизонтальным пояском.

Свинцовые грузики типа VI хорошо известны в материале золотоордынских городов: Сарая, Увека, Болгар. Их ареал — Поволжье.

Шило

Встречаются, хотя очень редко, четырехгранные в сечении шилья с деревянными ручками (погребение № 321).

Щипчики

Известны туалетные, видимо, щипчики, согнутые из полоски железа.

Астрагалы

Встречаются чаще в детских погребениях. Большое количество астрагалов было найдено в детских погребениях Харьковка, I, к. 13 (№ 353) — 208 экз. и Максимово 25 (№ 208) — 180 экз.

---

[506] Раскопки 1960 г. АИА, д. 2135б, л. 15.

Бронзовые колпачки

Назначение неясно. Они свернуты из небольших листов бронзы. Шов обычно не запаян.

Стеклянные сосуды

Эти предметы представляют большую редкость в погребениях поздних кочевников. Известна находка импортного ближневосточного стеклянного сосуда XIII в. и стеклянной бутылки с расширенным туловом и узким горлом (Раевская[507], № 515).

Серебряные сосуды

Найдено четыре миски. Две — круглые без ручек, с гравированным и черненым рисунком по внешнему краю. На дне круглая орнаментальная розетка (погребения № 944 и № 325, рис. 15, *1*). Такие миски аналогичны большой группе серебряных сосудов иранского и среднеазиатского происхождения[508]. Сходство имеется и в способе орнаментации (точечный фон). Третья миска имеет ручку в виде вертикально поставленной лопасти; четвертая — ручку в виде горизонтально поставленной лопасти с изображением львиной головы, держащей в пасти край сосуда (погребение № 594). Кроме того, в погребении Таганча (№ 803) найден серебряный византийский сосуд типа потира.

Бронзовые сосуды

Отдел А

Кувшины.

Тип I (1 экз.). С высоким узким горлом, с расширяющимся от дна к плечикам туловом и ручкой, соединяющей венчик с плечиками (погребение № 594).

Отдел Б

Котлы.

Тип I (1 экз.). Цилиндрический котел с ручками на плечиках и широким низким цилиндрическим горлом (погребение № 510).

Отдел В

Чаши с железными дужками (рис. 15, 2). Эти чаши свернуты или выкованы из листа бронзы.

Тип I (2 экз.). Усеченно-конические. Аналогичные чаши встречаются в материалах XIV в. из Сарая[509].

Тип II (4 экз.). Цилиндрические.

Тип III (2 экз.). Цилиндрические с отогнутым венчиком.

Тип IV (5 экз.). Полусферические или сегментовидные. Аналогии таким чашам встречаются в материале XIV в. из Нового Сарая[510].

---

[507] В. И. Сизов привел аналогии этим находкам среди ближневосточного стекла XIII в. См. «A descriptive catalogue of the glass vessels in the South Kensington Museum by A. Nesbitt». London, 1878, tabl. XVIII.

[508] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. CVII.

[509] ГЭ, Сар., 416.

[510] ГЭ, Сар., 456.

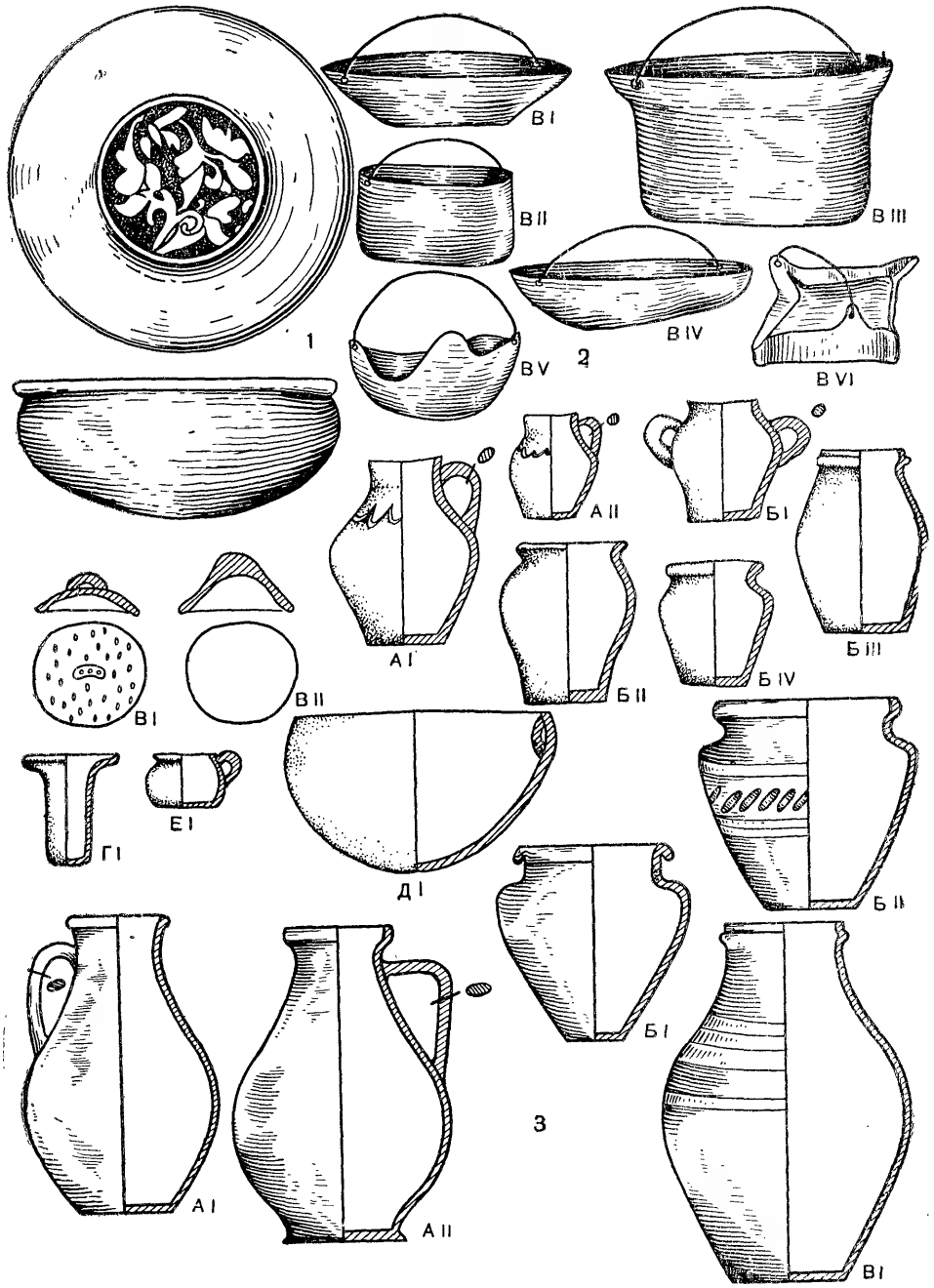


Рис. 15. Сосуды: *1* — серебряное блюдо из погребения Суслы, № 325; *2* — бронзовые сосуды; *3* — лепная и гончарная (АI — погребение № 494; АII — погребение № 763; БI — погребение № 4; БII — погребение № 714; ВI — погребение № 850а) керамика

Тип V (2 экз.). Полусферическая с неровным краем. Выгнута из четырехугольного листа.

Тип VI (1 экз.). В виде четырехугольной коробочки, сложенной из листа бронзы, с оттянутыми углами.

Тип VII (1 экз.). В виде сплющенного с боков цилиндра, с ребром внизу на месте дна.

Отдел Г

Миниатюрные сосуды.

Тип I (1 экз.). Миниатюрный сосуд в виде полусферического котла с невысоким коническим поддоном и тремя ручками по верху.

Железные сосуды

Отдел А

Чаши.

Тип I (5 экз.). Полусферические или сегментовидные.

Тип II (1 экз.). В виде четырехугольной коробочки, сложенной из листа железа.

Отдел Б

Котлы.

Тип I (1 экз.). Литые, чугунные котлы, известные в Волжской Болгарии и золотоордынских городах Поволжья. До XIV в. в Поволжье литья чугуна не было.

Керамические сосуды

По технике керамику мы делим на разделы, по форме — на отделы, по деталям формы — на типы. Различные орнаменты и некоторые детали формы разрешают выделять различные варианты внутри типов.

Раздел I. Лепная с примесью песка (рис. 15, *3*)

В классификации лепной керамики мы следуем за С. А. Плетневой [511].

Отдел А

Кувшины.

Тип I (2 экз.). Яйцевидные с невысоким горлом, с овальной в сечении ручкой [512].

Тип II. Приземистые с коротким горлом, с овальной в сечении петлевидными ручками [513].

---

[511] С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи. МИА, 1959, № 75.

[512] Там же, стр. 230—231, рис. 15.

[513] Там же, рис. 15, *6—8*; С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. В кн.: «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 29—31.

Отдел Б

Горшки.

Тип I (2 экз.). С двумя петлевидными ручками, с прямым венчиком без отгиба. Вариант: с одной ручкой[514].

Тип II (1 экз.). Без ручек с отогнутым наружу венчиком[515].

Тип III (1 экз.). Без ручек с резко отогнутым венчиком и желобком для крышки по верхнему краю сосуда[516].

Тип IV (1 экз.). Без ручек с коническим туловом и отогнутым венчиком.

Тип V (2 экз.). Баночные сосуды со слегка отогнутым венчиком[517].

Орнаменты на керамике этой группы обычно резные, в виде «гирлянд» на плечиках сосудов. Часто внутреннее пространство дуги заполнено точечными вдавлениями. Встречаются и штампованный орнамент, и ленты ногтевого орнамента, иногда в сочетании с линейным. Встречаются также знаки-тамги, превратившиеся в орнаментальные узоры; характерны насечки по верху венчика.

Описанная керамика встречается в Саркеле — Белой Веже (X—XI вв.) и Тмутаракани (слой X — начала XI в.). С. А. Плетнева относит ее к кочевнической (очевидно, печенежской) керамике. Встречается она, хотя очень редко, и в погребениях.

Кроме того, на городищах типа Саркела — Белой Вежи и Тмутаракани найдены сосуды и других типов, которые, судя по глине и грубой технике, могли принадлежать кочевникам IX—XI вв.:

Отдел В

Крышки.

Тип I. Конусовидные с петлей[518].

Тип II. Конусовидные без петли[519].

Отдел Г

Детские горшки для люльки.

Тип I. Стакановидные сосуды с горизонтально отогнутым венчиком[520].

Отдел Д

Котлы.

Тип I. С внутренними ручками[521].

---

[514] С. А. Плетнева. Керамика Саркела.., стр. 231—233, рис. 18, *3*.

[515] Там же, рис. 18, *6*; С. А. Плетнева. Средневековая керамика.., стр. 15—17, рис. 8.

[516] С. А. Плетнева. Керамика Саркела.., стр. 231—233, рис. 19, *17—18*; ее же. Средневековая керамика.., стр. 18, рис. 9, *1—4*.

[517] С. А. Плетнева. Керамика Саркела.., рис. 26, *1—3*.

[518] С. А. Плетнева. Керамика Саркела.., стр. 235, рис. 20, *3*.

[519] Там же, рис. 20, *4*.

[520] Там же, стр. 236—239, рис. 25.

[521] Там же, стр. 238, рис. 24; С. А. Плетнева. Средневековая керамика.., стр. 16—17, рис. 8, *8*.

Отдел Е

Чаши.

Тип I. Чаши с отогнутым венчиком и плоской в сечении ручкой. Один экземпляр такой чаши обнаружен в Саркеле — Белой Веже. Ручка имеет налепы в виде стилизованного баранього рога[522].

Лепные сосуды кочевнической керамики X — начала XI в., которую можно относить к печенегам и торкам, имеют некоторые общие черты с керамикой Средней Азии периода раннего средневековья. Так, формы крышек передают, как нам кажется, в лепной технике форму конических крышек из Варахши, Пайкенда, Бухары, относимых к VIII—X вв. Лепные сосуды типа ГІ безусловно являются копиями хорошо известных среднеазиатских гончарных сосудов, распространившихся в более позднее время в Поволжье, но почти не известных в Восточной Европе в X — начале XII в. Отметим, что С. А. Плетнева считает возможным сближать приземистые кувшины с некоторыми сосудами лепной кочевнической керамики Средней Азии[523].

Раздел II. Гончарная (рис. 15, *3*)

Отдел А

Кувшины.

Тип I (1 экз.). Кувшины с ручкой, раздутым туловом и широким горлом. Сечение ручки овальное.

Тип II (1 экз.). Кувшины с конусовидным горлом и изогнутой под прямым углом ручкой, с черным ангобом.

Отдел Б

Горшки.

Тип I (1 экз.). Горшки с отогнутым венчиком и коническим туловом, но переход от плечиков к тулову не плавный; имеется резкий перелом, образующий ребро.

Тип II (4 экз.). Горшки этого типа похожи на обычные древнерусские курганные горшки с резко отогнутым венчиком и коническим туловом. Орнамент обычно линейно-волнистый. Тесто серое или черное. Изгиб венчика образует вертикальный край. Встречаются в русских памятниках XI—XII вв.[524].

Отдел В

Крынки без ручек.

Тип I (1 экз.). С узким горлом, округлым туловом, конической нижней частью. Сосуды такого типа имеют аналогии в керамике Венгрии рубежа I и II тыс. н. э.[525].

---

[522] С. А. Плетнева. Керамика Саркела.., стр. 236, рис. 21.
[523] С. А. Плетнева. Средневековая керамика.., стр. 29.
[524] В. В. Седов. Ук. соч., стр. 16, рис. 4, 5.
[525] I. Hampel. Op. cit., Bd. III, Taf. 246.

Деревянные сосуды

Известна одна чашка из погребения Николаевка 4/3 (№ 459). Деревянные чашки встречаются и в других погребениях, но редко. В Новониколькском 1 (№ 229) была найдена в обломках деревянная миска «с позолотой». Полные формы не восстанавливаются.

Повозки

В некоторых могилах найдены детали повозок кочевников. Известны точеные балясины, дверца и колеса со спицами от кибитки. Внешний вид такой повозки с двумя или четырьмя колесами хорошо передан на миниатюрах Радзивилловской летописи, где в повозку впряжены лошади, на которых сидят погонщики с длинным кнутом [526]. Судя по миниатюрам, повозки представляли собой шатрообразный полог, покрывающий прямоугольный кузов. Кузов стоял на оси, к которой прикреплялись оглобли, соединенные с хомутом, надетым на шею лошади. Вероятно, о таких повозках писал Карпини, когда отметил, что «некоторые [жилища] быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках». Кстати, именно здесь Карпини дал прекрасное описание кочевнического (вероятно, монгольского) жилища — юрты. «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока». Загнутые верхние части шатра над кибиткой, очевидно, являются теми войлочными трубами (как предположила С. А. Плетнева), о которых писал Рубрук: «Бревнами его дома служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка, наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком» [527].

Повозки служили не только средством передвижения. Из них сооружались кочевнический лагерь и боевые укрепления [528].

---

[526] Радзивилловская летопись, лл. 242 (об.), 232 (об.), 237 (об.). О повозках и управлении ими см. сообщения ибн Баттуты: «У каждой из телег 4 больших колеса... На арбу ставится нечто вроде свода [сделанного] из прутьев дерева, привязанных один к другому тонкими кожаными ремнями. Это легкая ноша; ее обтягивают войлоком или попоной; в ней бывают окна решетчатые, и тот, кто [сидит] в ней, видит людей, они же его не видят; он поворачивается в ней, как угодно, спит и ест, читает и пишет во время еды. На тех из таких арб, на которых возят тяжести дорожные и съестные припасы, находится подобная же кибитка, о которой мы говорили, но с замком» (В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 281).

[527] «Путешествия...», стр. 27—28, 90.

[528] Анна Комнина так описывает военный строй у печенегов: «Скифы [печенеги] тоже построились в боевой порядок: они, от самой природы наученные военному делу, расположились по флангам, разместились засадами, связали свои ряды по правилам тактики и, оградив войско крытыми повозками, будто башнями, двинулись на самодержца поотрядно и стали издали метать стрелы» («Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081—1118). Труд Анны Комниной». СПб., 1859, стр. 327). Рашид ад-Дин писал о кольцеобразном построении (построение куренем) монгольского лагеря (см. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, ч. 2. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 18, 86, 120). Построение укрепленного лагеря в виде кольца из повозок, так называемая «таборная защита», было хорошо известно кочевникам X—XIV вв. (см. П. Голубовский. С какого времени можно проследить на Юге Руси способ защиты табором. «Тр. XII АС», т. II. М., 1902). Рашид ад-Дин выводит это построение из круговой планировки ставки—орды, т. е. куреня. С. А. Плетнева умозрительно развивает этот тезис и связывает подобную кольцевую планировку ставки, открытую ею на одном из салтово-маяцких городищ, с культом солнца (см. С. А. Плетнева. О построении кочевнического лагеря—вежи. СА, 1964, № 3).

Приведенные датированные аналогии не могут служить сами по себе средством для выделения хронологически определенных типов вещей, которые мы могли бы затем использовать для датировки погребений. Вполне понятно, что какой-либо тип мог в разных районах иметь разный хронологический диапазон, и мы рискуем, ограничиваясь датировкой по аналогиям, допустить существенные ошибки. Потому подбор аналогий следует сопоставить с исследованием сопряженности типов вещей внутри материала позднекочевнических погребений. Необходимо выявить такие группы вещей определенных типов, которые закономерно встречаются вместе в одних погребениях, и установить, что встречи вещей этих типов происходят потому, что они бытовали в одно время. Так мы получим комплексы приблизительно синхронных типов. Сопоставив эти комплексы с находками монет в погребениях, мы сможем абсолютно датировать каждый из этих комплексов, превратив, таким образом, типы вещей, входящие в каждый комплекс, в средство для датировки погребений.

Таков общий ход построения системы датировок. Он не нов по своей идее. Такой метод в общей его форме применялся рядом исследователей[529]. Этот метод основан на допущении, что если мы наблюдаем частую встречаемость в одном комплексе двух типов вещей вместе, то можно предположить приблизительную синхронность этих типов. Отсюда: если тип А встречается с типом Б, а тип Б встречается с типом В, то можно предположить при некоторых условиях синхронность типов А и В. Тип Б при этом будет как бы объединяющим. Возникает возможность строить цепи взаимосвязанных типов, приблизительно относящихся к одному времени, одному периоду.

Таким образом, только тогда, когда установлены устойчивые значительные связи между типами вещей, которые расчленяют материал на ряд групп, соответствующих хронологическим периодам, можно использовать аналогии для точных датировок.

Если мы возьмем предметы двух типов, то отношение числа их совместных находок ко всему числу погребений с этими категориями вещей (т. е. возможным случаям их совместных находок) будет выражать частоту явления. Предположим, что такие явления (совместная находка двух типов) случайны, т. е. попадание каждого типа в одно погребение — события взаимонезависимые. Тогда частота явления будет близка к его вероятности. Ведь вероятность события — это и есть та относительная частота, с которой интересующее нас событие наступает при большом числе повторений опыта. В данном случае нас интересует, с какой вероятностью наступит событие АВ, т. е. совместное нахождение двух типов в одном погребении при повторении опыта (при рассмотрении одного за другим погребений, в которых содержатся те категории, к которым принадлежат тип А и тип В). Как определить вероятность попадания этих типов в одно погребение? Эта вероятность будет равна произведению вероятностей находки каждого типа в отдельности. Каждая из этих последних величин будет примерно близка отношению всего количества погребений с вещами данного типа к общему числу погребений с предметами всех определимых типов этой категории (как возможных случаев находки данного типа). Мы получим, таким образом, две величины — действительную частоту явления

[529] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 129; С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 192—223.

и его теоретическую вероятность, вычисленную исходя из предположения, что встреча двух типов в одном погребении — случайное событие, а сами типы не связаны друг с другом. Если частота больше вероятности, то очевидно, что между типами установлена какая-то сопряженность, связь.

Понятно, что эта связь объясняется единовременностью существования типов вещей. Синхронность как бы сближает пары типов, делая частоту попадания их в одно погребение больше теоретической величины вероятности этого события. Как оценить это расхождение частоты и теоретической вероятности, чтобы отобрать только закономерные случаи расхождений?.

Для типа А и типа Б имеется некоторое определенное количество встреч в одном погребении. Отношение числа погребений с типом А (a) ко всем погребениям с этой категорией (n_a) вещей дает статистическую вероятность, частоту ($P_a^* = \frac{a}{n_a}$) попадания именно типа А в погребение с данной категорией вещей. Подобным образом определяется $P_b^* = \frac{b}{n_b}$. Произведение $P_{ab} = P_a^* \cdot P_b^*$ будет близко к вероятности совместного наступления событий А и В, т. е. совместной находки обоих типов в одном погребении:

$$P_{ab} = P_a^* \cdot P_b^* = \frac{ab}{n_a n_b}$$

Возьмем число погребений, где есть обе категории, к которым относятся тип А и тип В (n_{ab}). Если среди n_{ab} погребений, содержащих обе категории вещей, к которым относятся типы А и В, имеется m_{ab} погребений с совместной находкой типов А и В, то отношение $\frac{m_{ab}}{n_{ab}}$ даст величину частоты наступления интересующего нас явления. Остается сопоставить две величины:

$P_{ab} = P_a^* \cdot P_b^*$ — теоретическая вероятность одновременной находки типов А и В в погребении, наиболее вероятная частота явления, при допущении, что типы А и В независимы;

$\frac{m_{ab}}{n_{ab}}$ — действительная частота того же явления.

В случае, если типы А и В взаимонезависимы, и на отклонения этой величины $\frac{m_{ab}}{n_{ab}}$ от ожидаемой частоты этого же события воздействуют случайные причины, то при выборке из n_{ab} элементов (число погребений с обеими категориями вещей) вероятность P_{ab} будет иметь квадратическое отклонение

$$\sigma = \sqrt{\frac{P_{ab} \cdot (1 - P_{ab})}{n_{ab}}}.$$

Двукратное превышение сигмы разностью между действительной частостью события (АВ) и величиной ее вероятности по теории математической статистики[530] свидетельствует о том, что с точностью в 95%

[530] Дж. Э. Юл, М. Дж. Кэндэл. Теория статистики. М., Госстатиздат, 1960, стр. 439—448. Е. С. Вентцель. Теория вероятностей. М., «Наука», 1964, стр. 125, 330 и сл.; Б. Л. ван-дер Варден. Математическая статистика. М., ИЛ, 1960, стр. 41. Идеальными для применения нашего метода являются случаи, в которых

мы можем говорить о наличии связи между событиями A и B. Трехкратное превышение повышает надежность до 99%. Таким образом, можно вывести критерий:

$$k = \frac{\frac{m_{ab}}{n_{ab}} - P_{ab}}{\sigma} \geqslant 2.$$

Другой вопрос, возникающий при группировке типов в синхронные комплексы, состоит в следующем: все ли типы вещей могут объединять типы по отдельности, связанные с ними, но не связанные между собой?

При группировке синхронных типов некоторые типы выполняют роль «объединяющих». С ними связаны по отдельности другие типы. Мы должны предъявлять таким «объединяющим» типам особо строгие требования. Во-первых, эти типы не должны отличаться длительным периодом бытования. По аналогиям мы можем, хотя бы примерно, судить о степени длительности бытования тех или иных типов. Во-вторых, эти типы не должны объединять типы вещей, стоящие на разных концах эволюционного ряда. Даже когда мы не знаем длительности бытования типа (если он объединяет типы, далеко отстоящие друг от друга по эволюционному ряду), такой тип должен быть исключен из числа «объединяющих» типов, так как длительность его бытования, очевидно, слишком велика. В-третьих, большое значение имеет наблюдение над значимыми отрицательными показателями связи, говорящими о том, что между данной парой типов закономерно отсутствует встречаемость и, следовательно, во времени эти типы далеко отстоят друг от друга. В том случае, если какой-либо тип объединяет эти два закономерно не встречающихся между собой типа, то также он должен быть исключен из числа «объединяющих» типов как слишком долговременный.

При избранной нами системе подсчета в нашем показателе сопряженности (критерии) нет никаких элементов связи между самими категориями вещей. Известно, что в силу половых, имущественных или возрастных отличий погребенных в некоторых случаях подбор вещей в могилах различен. Потому некоторые вещи преимущественно встречаются с определенными категориями других вещей. Но так как мы

$P_{ab} \cdot n_{ab}$ не меньше 4 (Б. Л. ван-дер Варден. Ук. соч., стр. 41), так как мы по сути дела используем формулы оценки вероятности по частоте при допущении, что частота распределена по нормальному закону. В тех случаях, когда вероятность слишком мала, рекомендуется применять таблицы и формулы расчета доверительных интервалов для распределения Пуассона или для точного, биномиального закона распределения частоты. Мы проверили наши расчеты, сравнив частоты с доверительными интервалами теоретических вероятностей, вычисленных последним способом. Полученные результаты дали такие же связи между типами вещей. Очевидно, для весьма грубых оценок археологических фактов возможен более простой метод построения доверительных интервалов (как удвоенных или утроенных сигм) даже при малых вероятностях. В вышедшей недавно работе В. Б. Ковалевской (Деопик) предложен приблизительно такой же как у нас метод математической оценки сопряженности между типами вещей по их взаимовстречаемости в комплексах (В. Б. Ковалевская (Деопик). Применение статистических методов к изучению массового археологического материала. Сб. «Археология и естественные науки». М., «Наука», 1965, стр. 298—300). В. Б. Ковалевская (Деопик) предлагает сравнивать «произведения частот с наблюдающейся частотой пары типов» с помощью выражения последней через доверительные интервалы. Мы предлагаем определять доверительные интервалы (в нашем методе — это удвоенные сигмы) исходя из теоретического значения вероятностей, поскольку мы допустили равенство частоты каждого типа в отдельности и вероятности его попадания в любое погребение. Несколько более подробное изложение метода см.: Г. А. Федоров-Давыдов. О датировке типов вещей по погребальным комплексам. СА, 1965, № 3.

частоту встречаемости типа определяем по отношению только к этой категории, а теоретически ожидаемое число встреч пары типов определяем относительно общего количества встреч только этих категорий, то все элементы связи между категориями вещей в наших подсчетах устранены. Потому связь, оцененная по нашим подсчетам, отражает только хронологическую связь типов.

Рассмотрим связи между типами сбруи и оружия. Для группировки по синхронным группам на основании взаимной встречаемости в одних комплексах мы избираем наиболее часто встречающиеся в погребениях четыре категории: стремена, удила, стрелы и орнаментированные накладки на колчан. Это наиболее массовые категории вещей местного, степного производства.

В табл. 1 мы собрали все числовые данные о встречаемости типов интересующих нас четырех категорий. В каждой строке помещены значения величин для события АВ и подсчитан критерий.

Между собой стремена имеют следующие значимые (где $k \geqslant 2$) связи:

1. АI—БI, АI—БIII.
2. БII—ГI, ГI—ГII, ГI—ГIII, ГII—ГIII.
3. ДIII—ЖII, ДIII—ЗII.
4. ВIII—ДII.

Объединяющими типами в данном случае являются стремена АI, ГI и ДIII, удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к этим типам.

Рассмотрим значимые (где $k \geqslant 2$) связи между удилами и группами стремян (табл. 2). Знак × показывает наличие существенной положительной связи, знак — показывает наличие существенной отрицательной связи.

На роль типов-объединителей здесь претендуют следующие типы удил: БIV, ГI, ГII. Удила ГI и ГII имеют очень широкий хронологический диапазон и объединяют поэтому группы типов, отстоящие очень далеко по эволюционному ряду стремян друг от друга. Они отпадают.

Тип удил БIV объединяет соседние типы стремян ЕI и ДI. Эту группировку стремян по связи с общим типом удил БIV мы можем принять.

Отметим, что начальные типы эволюционного ряда стремян сопряжены с начальными типами ряда удил, срединные типы ряда стремян — со срединными типами ряда удил и, наконец, конечные типы ряда стремян с конечными типами ряда удил. Как показал еще О. Монтелиус, наблюдения над параллельными эволюционными рядами весьма существенны в построении системы датировок. Мы располагаем группы в соответствии с местом входящих в них стремян и удил в эволюционных рядах этих двух категорий. Таким образом, создается некоторая возможность относительной датировки выделенных групп типов.

Рассмотрим значимые связи между группами стремян и удил, с одной стороны, и стрелами и орнаментированными накладками на колчан — с другой (табл. 3). Знак × показывает наличие существенной положительной связи.

Стрелы типов АI, объединяющие первую и вторую группы, а также типов ВI, ВIII, имели (судя по аналогиям) широкий хронологический диапазон.

Стрелы типов БI, БII, БIII, ВI, ВIII объединяют группы, далеко отстоящие в эволюционном ряду стремян или удил (т. е. не соседние в этом ряду группы типов). Тип стрел БII объединяет вторую и пятую-

Таблица 1

Событие AB								
Тип A	Тип B	a	n_a	b	n_b	n_{ab}	m_{ab}	k^*
Стремена AI	Стремена БI	3	182	22	182	81	1	+
Стремена AI	Стремена БIII	3	182	2	182	81	1	+
Стремена AI	Удила ГI	3	182	70	166	87	1	0
Стремена AI	Удила ГII	3	182	34	166	87	2	+
Стремена AI	Стрелы БI	3	182	2	141	64	1	+
Стремена БI	Удила БI	22	182	10	166	87	3	+
Стремена БI	Удила BI	22	182	47	166	87	3	0
Стремена БI	Удила ГI	22	182	70	166	87	5	0
Стремена БI	Удила БII	22	182	3	166	87	1	+
Стремена БI	Стрелы AI	22	182	4	141	64	1	0
Стремена БI	Стрелы БII	22	182	7	141	64	1	0
Стремена БI	Стрелы BII	22	182	62	141	64	5	0
Стремена БI	Стрелы BI	22	182	30	141	64	3	0
Стремена БI	Стрелы БIII	22	182	10	141	64	1	0
Стремена БII	Стремена ГI	2	182	12	182	81	1	+
Стремена БII	Удила BI	2	182	47	166	87	1	0
Стремена БII	Стрелы AI	2	182	4	141	64	1	+
Стремена БIII	Удила ГI	2	182	69	166	87	1	0
Стремена БIII	Удила ГII	2	182	34	166	87	1	0
Стремена BI	Стремена ГI	14	182	12	182	81	1	0
Стремена BI	Стремена ГIII	14	182	6	182	81	1	0
Стремена BI	Стремена ДI	14	182	15	182	81	1	0
Стремена BI	Стремена EI	14	182	63	182	81	1	0
Стремена BI	Удила BI	14	182	47	166	87	2	0
Стремена BI	Удила ГI	14	182	70	166	87	5	0
Стремена BI	Удила ГII	14	182	34	166	87	2	0
Стремена BI	Стрелы BIII	14	182	62	141	64	1	0
Стремена BI	Стрелы BXII	14	182	7	141	64	1	0
Стремена BII	Удила ГI	2	182	70	166	87	1	0
Стремена BIII	Стремена ДII	5	182	10	182	81	1	+
Стремена BIII	Удила ГI	5	182	70	166	87	1	0
Стремена BIII	Удила ГIII	5	182	1	166	87	1	+
Стремена BIII	Стрелы BI	5	182	30	141	64	1	0
Стремена BIII	Стрелы BIII	5	182	62	141	64	1	0
Стремена BIII	Стрелы BX	5	182	2	141	64	2	+
Стремена BIV	Стрелы BI	1	182	30	141	64	1	+
Стремена BIV	Стрелы BIII	1	182	62	141	64	1	+
Стремена BIV	Стрелы BXIII	1	182	11	141	64	1	+
Стремена ГI	Стремена ГII	12	182	6	182	81	3	+
Стремена ГI	Стремена ГIII	12	182	6	182	81	2	+
Стремена ГI	Стремена ДII	12	182	11	182	81	1	0
Стремена ГI	Стремена EI	12	182	63	182	81	1	0
Стремена ГI	Удила BI	12	182	47	166	87	4	+
Стремена ГI	Удила ГI	12	182	70	166	87	4	0
Стремена ГI	Удила ГII	12	182	34	166	87	3	0
Стремена ГI	Стрелы AI	12	182	4	141	64	1	+
Стремена ГI	Стрелы BIII	12	182	62	141	64	2	0
Стремена ГII	Стремена ГIII	6	182	6	182	81	2	+
Стремена ГII	Удила БI	6	182	10	166	87	1	0
Стремена ГII	Удила ГII	6	182	34	166	87	1	0
Стремена ГII	Стрелы БII	6	182	7	141	64	1	+
Стремена ГII	Стрелы BI	6	182	30	141	64	1	0
Стремена ГII	Стрелы BIII	6	182	62	141	64	1	0
Стремена ГIII	Удила BI	6	182	47	166	87	1	0
Стремена ГIII	Удила ГI	6	182	70	166	87	2	+
Стремена ГIII	Удила ГII	6	182	34	166	86	2	0
Стремена ГIII	Стрелы BIII	6	182	62	141	63	2	0
Стремена ГIV	Удила ГI	2	182	70	166	86	1	0

* Знак + показывает, что $k \geqslant 2$, знак — показывает, что $k \leqslant -2$, знак 0 показывает, что $-2 < k < 2$.

Продолжение

Событие AB		a	n_a	b	n_b	n_{ab}	m_{ab}	k^*
Тип A	Тип B							
Стремена ГV	Стремена EI	6	182	63	182	80	1	0
Стремена ГV	Удила ГI	6	182	69	166	86	1	0
Стремена ГV	Стрелы BIII	6	182	62	141	63	3	+
Стремена ГV	Стрелы BIX	6	182	19	141	63	1	0
Стремена ДI	Стремена EI	15	182	63	182	80	1	0
Стремена ДI	Удила БIV	15	182	2	166	86	1	+
Стремена ДI	Удила БI	15	182	70	166	86	1	0
Стремена ДI	Удила ГII	15	182	34	166	86	1	0
Стремена ДI	Стрелы BIII	15	182	62	141	63	2	0
Стремена ДI	Стрелы BIX	15	182	19	141	63	1	0
Стремена ДI	Стрелы BXI	15	182	28	141	63	1	0
Стремена ДI	Орнаментированная накладка	15	182	30	30	8	3	+
Стремена ДII	Стремена EI	11	182	63	182	80	1	0
Стремена ДII	Удила БI	11	182	10	166	86	1	0
Стремена ДII	Удила BI	11	182	47	166	86	1	0
Стремена ДII	Удила ГI	11	182	70	166	86	6	+
Стремена ДII	Удила ГII	11	182	34	166	86	2	0
Стремена ДII	Удила ГIII	11	182	1	166	86	1	+
Стремена ДII	Стрелы БI	11	182	2	141	63	2	+
Стремена ДII	Стрелы БII	11	182	7	141	63	1	+
Стремена ДII	Стрелы BI	11	182	30	141	63	3	+
Стремена ДII	Стрелы BIII	11	182	62	141	63	4	+
Стремена ДII	Стрелы BIV	11	182	7	141	63	1	+
Стремена ДII	Стрелы BVI	11	182	9	141	63	1	0
Стремена ДII	Стрелы BIX	11	182	19	141	63	2	+
Стремена ДII	Стрелы BXI	11	182	29	141	63	3	+
Стремена ДIII	Стремена ЖII	6	182	1	182	81	1	+
Стремена ДIII	Стремена ЗII	6	182	3	182	81	1	+
Стремена ДIII	Удила BI	6	182	47	166	87	1	0
Стремена ДIII	Удила ГI	6	182	69	166	87	1	0
Стремена ДIII	Удила ГII	6	182	34	166	87	1	0
Стремена ДIII	Стрелы BV	6	182	10	141	64	1	+
Стремена ДIV	Удила ГI	2	182	70	166	87	2	+
Стремена ДIV	Стрелы BIII	2	182	7	141	64	2	+
Стремена EI	Стремена EIII	64	182	2	182	81	1	0
Стремена EI	Удила БIV	64	182	2	166	87	2	+
Стремена EI	Удила BI	64	182	48	166	87	0	—
Стремена EI	Удила ГI	64	182	70	166	87	9	0
Стремена EI	Удила ГII	64	182	34	166	87	3	0
Стремена EI	Удила ГIV	64	182	7	166	87	4	+
Стремена EI	Стрелы БII	64	182	7	141	64	2	0
Стремена EI	Стрелы БIII	64	182	10	141	64	1	0
Стремена EI	Стрелы БIV	64	182	9	141	64	1	0
Стремена EI	Стрелы BI	64	182	30	141	64	2	0
Стремена EI	Стрелы BIII	64	182	62	141	64	7	0
Стремена EI	Стрелы BIV	64	182	7	141	64	2	0
Стремена EI	Стрелы BVI	64	182	9	141	64	2	0
Стремена EI	Стрелы BIX	64	182	19	141	64	2	0
Стремена EI	Стрелы BX	64	182	2	141	64	1	0
Стремена EI	Стрелы BXI	64	182	29	141	64	8	+
Стремена EI	Стрелы BII	64	182	4	141	64	2	0
Стремена EI	Стрелы BXIV	64	182	11	141	64	3	0
Стремена EI	Орнаментированная накладка	64	182	30	30	8	6	+
Стремена EII	Удила BI	9	182	47	166	87	1	0
Стремена EII	Удила ГI	9	182	70	166	87	2	0
Стремена EII	Удила ГII	9	182	34	166	87	2	0
Стремена EII	Стрелы BI	9	182	30	141	64	2	0
Стремена EII	Стрелы BIII	9	182	62	141	64	1	0
Стремена EII	Стрелы BVII	9	182	7	141	64	1	0

Продолжение

Событие AB		a	n_a	b	n_b	n_{ab}	m_{ab}	k^*
Тип A	Тип B							
Стремена EII	Стрелы BIX	9	182	19	141	64	1	0
Стремена EII	Стрелы BXI	9	182	29	141	64	1	0
Стремена EIII	Удила ГI	2	182	70	166	87	1	0
Стремена EIII	Удила ГII	2	182	34	166	87	2	+
Стремена EIII	Стрелы BI	2	182	30	141	64	1	0
Стремена EIII	Стрелы BIII	2	182	62	141	64	1	0
Стремена EIII	Орнаментированная накладка	2	182	30	30	8	1	+
Стремена ЖI	Удила ДI	3	182	1	166	87	1	+
Стремена ЖI	Стрелы БIII	3	182	10	141	64	1	+
Стремена ЖI	Стрелы BIII	3	182	62	141	64	1	0
Стремена ЖI	Стрелы BXI	3	182	29	141	64	2	+
Стремена ЖII	Удила ГI	1	182	70	166	87	1	0
Стремена ЖII	Стрелы BV	1	182	7	141	87	1	+
Стремена ЗII	Удила ГI	3	182	70	166	87	2	0
Удила БI	Стрелы AI	10	166	4	141	54	1	+
Удила БI	Стрелы БI	10	166	2	141	54	1	+
Удила БI	Стрелы BI	10	166	30	141	54	4	+
Удила БI	Стрелы BIII	10	166	62	141	54	1	0
Удила БII	Стрелы БIII	3	166	7	141	54	1	+
Удила БII	Стрелы BI	3	166	2	141	54	1	+
Удила БIV	Орнаментированная накладка	2	166	30	30	6	1	+
Удила BI	Стрелы BI	47	166	30	141	54	4	0
Удила BI	Стрелы BII	47	166	4	141	54	1	0
Удила BI	Стрелы BIII	47	166	62	141	54	6	0
Удила BI	Стрелы BV	47	166	7	141	54	2	0
Удила BI	Стрелы AI	47	166	4	141	54	1	0
Удила ГI	Стрелы AI	70	166	4	141	54	1	0
Удила ГI	Стрелы БI	70	166	2	141	54	1	0
Удила ГI	Стрелы БIII	70	166	10	141	54	2	0
Удила ГI	Стрелы БIV	70	166	2	141	54	1	0
Удила ГI	Стрелы BI	70	166	30	141	54	5	0
Удила ГI	Стрелы BII	70	166	4	141	54	2	0
Удила ГI	Стрелы BIII	70	166	62	141	54	8	0
Удила ГI	Стрелы BVI	70	166	9	141	54	1	0
Удила ГI	Стрелы BVII	70	166	7	141	54	2	0
Удила ГI	Стрелы BIX	70	166	19	141	54	2	0
Удила ГI	Стрелы BV	70	166	7	141	54	2	0
Удила ГI	Стрелы BX	70	166	2	141	54	1	0
Удила ГI	Стрелы BXI	70	166	29	141	54	6	0
Удила ГI	Стрелы BXII	70	166	7	141	54	2	0
Удила ГI	Стрелы BXIII	70	166	11	141	54	1	0
Удила ГI	Орнаментированная накладка	70	166	30	30	6	3	0
Удила ГII	Стрелы БII	34	166	7	141	54	2	+
Удила ГII	Стрелы BI	34	166	30	141	54	2	0
Удила ГII	Стрелы BIII	34	166	62	141	54	1	0
Удила ГII	Стрелы BIV	34	166	7	141	54	1	0
Удила ГII	Стрелы BIX	34	166	19	141	54	2	0
Удила ГII	Стрелы BXI	34	166	29	141	54	3	0
Удила ГII	Стрелы BXII	34	166	7	141	54	1	0
Удила ГII	Орнаментированная накладка	34	166	30	30	6	1	0
Удила ГIV	Стрелы БII	7	166	7	141	54	1	+
Удила ГIV	Стрелы БIII	7	166	10	141	54	1	+
Удила ГIV	Стрелы BII	7	166	4	141	54	1	+
Удила ГIV	Стрелы BIII	7	166	62	141	54	2	0
Удила ГIV	Стрелы BIV	7	166	7	141	54	1	+

Продолжение

Событие AB		a	n_a	b	n_b	n_{ab}	m_{ab}	k^*
Тип A	Тип B							
Удила ГIV	Стрелы BIX	7	166	19	141	54	1	0
Удила ГIV	Стрелы BX	7	166	2	141	54	1	+
Удила ГIV	Стрелы BXIII	7	166	11	141	54	1	0
Удила ГIV	Орнаментированная накладка	7	166	30	30	6	1	0
Стрелы AI	Стрелы BI	4	141	30	141	87	1	0
Стрелы AI	Стрелы BIII	4	141	62	141	87	1	0
Стрелы AI	Стрелы BVII	4	141	7	141	87	1	+
Стрелы AI	Орнаментированная накладка	4	141	30	30	12	1	0
Стрелы БI	Стрелы БII	2	141	7	141	87	1	+
Стрелы БI	Стрелы BI	2	141	30	141	87	1	0
Стрелы БII	Стрелы BI	7	141	30	141	87	1	0
Стрелы БII	Стрелы BIII	7	141	72	141	87	2	0
Стрелы БII	Стрелы BIV	7	141	6	141	87	1	+
Стрелы БII	Стрелы BVI	7	141	9	141	87	1	0
Стрелы БII	Стрелы BIX	7	141	19	141	87	2	0
Стрелы БII	Стрелы BXI	7	141	29	141	87	2	0
Стрелы БII	Стрелы BXIII	7	141	11	141	87	1	0
Стрелы БII	Стрелы BXV	7	141	1	141	87	1	+
Стрелы БIII	Стрелы БV	10	141	2	141	87	1	+
Стрелы БIII	Стрелы BI	10	141	30	141	87	2	0
Стрелы БIII	Стрелы BIII	10	141	62	141	87	3	0
Стрелы БIII	Стрелы BIV	10	141	7	141	87	1	0
Стрелы БIII	Стрелы BV	10	141	7	141	87	1	0
Стрелы БIII	Стрелы BXI	1	141	29	141	87	1	0
Стрелы БIII	Стрелы BXIII	10	141	11	141	87	1	0
Стрелы БV	Стрелы BXI	2	141	29	141	87	1	0
Стрелы БIV	Стрелы BII	2	141	4	141	87	1	+
Стрелы БIV	Стрелы BIII	2	141	62	141	87	1	0
Стрелы BI	Стрелы BIII	30	141	62	141	87	14	+
Стрелы BI	Стрелы BV	30	141	7	141	87	3	+
Стрелы BI	Стрелы BVI	30	141	9	141	87	4	+
Стрелы BI	Стрелы BVII	30	141	7	141	87	2	0
Стрелы BI	Стрелы BIX	30	141	19	141	87	1	0
Стрелы BI	Стрелы BX	30	141	2	141	87	1	0
Стрелы BI	Стрелы BXI	30	141	29	141	87	2	0
Стрелы BI	Стрелы BII	30	141	6	141	87	2	0
Стрелы BI	Стрелы BXII	30	141	7	141	87	1	0
Стрелы BI	Стрелы BXIII	30	141	11	141	87	2	0
Стрелы BI	Орнаментированная накладка	30	141	30	30	12	2	0
Стрелы BII	Стрелы BVII	4	141	7	141	87	1	+
Стрелы BII	Стрелы BIX	4	141	19	141	87	1	0
Стрелы BIII	Стрелы BIV	62	141	7	141	87	2	0
Стрелы BIII	Стрелы BV	62	141	7	141	87	6	+
Стрелы BIII	Стрелы BVI	62	141	9	141	87	6	+
Стрелы BIII	Стрелы BVII	62	141	7	141	87	1	0
Стрелы BIII	Стрелы BIX	62	141	19	141	87	4	0
Стрелы BIII	Стрелы BX	62	141	2	141	87	1	0
Стрелы BIII	Стрелы BXI	62	141	29	141	87	7	0
Стрелы BIII	Стрелы BXII	62	141	7	141	87	3	0
Стрелы BIII	Стрелы BXIII	62	141	11	141	87	5	0
Стрелы BIII	Стрелы BXIV	62	141	1	141	87	1	0
Стрелы BIII	Орнаментированная накладка	62	141	30	30	12	4	0
Стрелы BIV	Стрелы BVI	6	141	9	141	87	1	0
Стрелы BIV	Стрелы BIX	6	141	19	141	87	1	0
Стрелы BIV	Стрелы BX	6	141	2	141	87	2	+
Стрелы BIV	Стрелы BXI	6	141	29	141	87	1	0
Стрелы BIV	Стрелы BXV	6	141	1	141	87	1	+

Окончание

Событие AB		a	n_a	b	n_b	n_{ab}	m_{ab}	k^*
Тип A	Тип B							
Стрелы BIV	Орнаментированная накладка	6	141	30	30	12	1	0
Стрелы BV	Стрелы BVI	7	141	9	141	87	1	0
Стрелы BV	Стрелы BXI	7	141	28	141	87	1	0
Стрелы BV	Орнаментированная накладка	7	141	30	30	12	1	0
Стрелы BVI	Стрелы BVII	9	141	7	141	87	1	0
Стрелы BVI	Стрелы BIX	9	141	19	141	87	1	0
Стрелы BVI	Стрелы BXI	9	141	29	141	87	2	0
Стрелы BVI	Стрелы BXIII	9	141	11	141	87	2	+
Стрелы BVI	Стрелы BXV	9	141	1	141	87	1	+
Стрелы BVII	Стрелы BIX	7	141	19	141	87	1	0
Стрелы BVII	Стрелы BXI	7	141	29	141	87	2	0
Стрелы BVII	Стрелы BXIV	7	141	1	141	87	1	0
Стрелы BVII	Орнаментированная накладка	7	141	30	30	12	1	0
Стрелы BIX	Стрелы BX	19	141	2	141	87	1	+
Стрелы BIX	Стрелы BXI	19	141	29	141	87	7	+
Стрелы BIX	Стрелы BXII	19	141	7	141	87	1	0
Стрелы BIX	Стрелы BXIII	19	141	11	141	87	3	+
Стрелы BIX	Стрелы BXIV	19	141	1	141	87	1	+
Стрелы BIX	Орнаментированная накладка	19	141	30	30	12	2	0
Стрелы BX	Стрелы BXII	2	141	7	141	87	1	+
Стрелы BX	Стрелы BXV	2	141	1	141	87	1	+
Стрелы BX	Орнаментированная накладка	2	141	30	30	12	1	+
Стрелы BXI	Стрелы BXII	29	141	7	141	87	1	0
Стрелы BXI	Стрелы BXIII	29	141	11	141	87	3	0
Стрелы BXI	Стрелы BXIV	29	141	1	141	87	1	+
Стрелы BXI	Орнаментированная накладка	29	141	30	30	12	6	+
Стрелы BXI	Стрелы BXV	29	141	1	141	87	1	+
Стрелы BXII	Орнаментированная накладка	7	141	30	30	12	1	0
Стрелы BXIII	Стрелы BXV	11	141	1	141	87	1	+
Стрелы BXIII	Орнаментированная накладка	11	141	30	30	12	2	0

седьмую группы, между типами которых имеются отрицательные показатели связи (между стременами EI и удилами BI).

Все эти, видимо долговечные, типы, таким образом, должны быть исключены из числа «объединяющих». Остаются типы стрел BX, BXI, которые объединяют группы четвертую, пятую-седьмую и девятую. Судя по аналогиям, эти стрелы в Восточной Европе встречаются только в комплексах XIII—XIV вв. Их мы можем признать «объединяющими» типами.

Рассмотрим связи между стрелами и орнаментированными накладками на колчан. Последние кроме типов, хронологически длительных, имеют значимые связи со стрелами типов BX, BXI (см. табл. 1). Это подтверждает правильность нашего объединения групп по типам стрел BX и BXI: эти типы стрел сами оказываются объединенными одним типом орнаментированных накладок, которые, судя по их стилистическому единообразию и аналогиям в датированных комплексах, бытовали сравнительно недолго (в XIII—XIV вв.).

Кроме того, наблюдаются значимые связи между орнаментированными накладками, с одной стороны, и группами пятой-седьмой и вось-

Таблица 2

Удила	Группы стремян								
	1 АI, БI, БIII	2 БII, ГI, ГII, ГIII	3 ДIII, ЖII, ЗII	4 ВIII, ДII	5 ДI	6 ДIV	7 ЕI	8 ЕIII	9 ЖI
АI									
БI	×								
БII	×								
БIII									
БIV					×		×		
ВI		×					—		
ГI				×		×			
ГII	×							×	
ГIII				×					
ГIV							×		
ДI									×

Таблица 3

Стрелы и орнаментированные накладки колчанов	Группы стремян и удил								
	1 стремена: АI, БI, БIII; удила: БI, БII	2 стремена: БII, ГI, ГII, ГIII; удила: ВI	3 стремена: ДIII, ЖII, ЗII	4 стремена: ВIII, ДII; удила: ГIII	5, 7 стремена: ДI, ЕI; удила: БIV, ГIV	6 стремена: ДIV	8 стремена: ЕIII	9 стремена: ЖI; удила: ДI	10 стремена: ВIV
АI	×	×							
БI	×			×					
БII		×		×	×				
БIII	×				×			×	
ВI	×			×					×
ВII				×		×			×
ВIV				×	×				
ВV			×						
ВIX				×					
ВX				×	×				
ВXI				×	×			×	
ВXIII									×
Орнаментированные накладки					×		×		

мой стремян и удил — с другой. Следовательно, мы можем объединить и эти группы типов.

Имеются существенные связи и между самими стрелами: АI—ВVII, БI—БII, БII—ВVI, БII—ВXV, БIII—БV, ВI—ВV, ВI—ВVI, ВII—ВVII, ВIII—ВV, ВIII—ВVI, ВIV—ВX, ВX—ВXV, ВVI—ВXIII, ВVI—ВXV, ВIV—ВXV, ВIX—ВX, ВIX—ВXI, ВIX—ВXIII, ВIX—ВXIV, ВX—ВXII, ВI—ВIII, ВXI—ВXIV, ВXI—ВXV, ВXIII—ВXV. Исключим пары, в которые входит хотя бы один тип, имеющий длительный хронологический диапазон (типы АI, БI, БII, БIII, ВI, ВIII, ВIV, ВVI, ВVII, ВXII, типы ВIV, ВVI и ВXII — по аналогиям). Остаются связи, которые объединяют в одну группу стрелы типов ВIX, ВX, ВXI, ВXIII. Это подтверждает наше объединение групп стремян и удил (4, 5—7, 9) по стрелам ВX и ВXI. Но, кроме того, в ту же группу можно отнести еще типы стремян ВXIV и ВXV, так как они связаны или с типом ВIX, или с типом ВX, или с типом ВXIII.

Получаем в итоге четыре группы типов стремян, удил, стрел и орнаментированных накладок на колчан (назовем их группы I, II, III, IV). По ним можно теперь выделить погребения четырех хронологических периодов. Всего с вещами I группы оказалось 36 погребений, II группы — 63 погребения, III группы — 9 погребений и IV группы — 179 погребений. Эти комплексы являются основой для всей дальнейшей работы. Именно эти типы оружия и сбруи, наиболее массовые в обиходе поздних кочевников, дают наиболее надежные датировки. Вообще предметы оружия и воинского снаряжения в других археологических культурах являются основой датировок.

Еще раз вернемся к вопросу об объединении несвязанных типов путем установления их связи с каким-либо третьим типом. Следует проверить, не образуют ли полученные нами группы взаимосвязанных типов цепочку связей, вытянутую в одну линию и не имеющую перекрестных или замкнутых связей. Вполне понятно, что в таком случае синхронность всей группы типов вызывает сомнение, так как слишком удаленные друг от друга звенья этой цепи связи могут отличаться существенно и по времени (рис. 16).

При нашей группировке типов наиболее удаленные в цепи связей типы отделяются друг от друга не более чем тремя промежуточными типами. При достаточно строгом критерии, примененном нами для отбора значимых корреляционных связей, это число промежуточных звеньев нам представляется допустимым.

Далее следует проверить соответствие выделенных групп эволюционным рядам стремян и удил (рис. 17).

Стремена и удила I группы оказались начальными звеньями эволюционного ряда. Стремена и удила II группы оказались в этих рядах правее типов I группы. Стремена и удила III и IV групп заняли крайние звенья рядов.

Расположение групп в порядке I, II, III и IV, видимо, соответствует их действительному хронологическому порядку. Стремена III группы занимают в эволюционном ряду неопределенное положение. Некоторые составляют конечные звенья ряда стремян (стремена ЖII, ЗII), некоторые составляют звенья, расположенные левее стремян IV группы (стремена ДIII). Это указывает на то, что по времени стремена III группы, будучи промежуточным звеном между вещами II и IV групп, частично захватывали время бытования типов IV группы.

Дальнейшее объединение групп на основе установления связей типов, входящих в разные группы, с одним каким-либо типом другой категории было бы опасным. Во-первых, другие категории имеют меньшее число экземпляров, их типы были менее распространены, и потому на наши построения может оказать слишком сильное влияние элемент случайности. Во-вторых, объединив любую пару групп, мы получим увеличение расстояний между наиболее отдаленными типами вещей, связанных посредством двух-трех промежуточных типов. А это делает синхронность всей цепи типов, всей группы сомнительной.

Отметим, что связи между типами, которые мы объясняем совпадением периодов их бытования, т. е. причиной хронологической, не являются связями этническими или локальными. Все учтенные типы имеют очень широкий ареал, который исключает принадлежность какого-либо типа к узкой локальной или этнической группе памятников.

Теперь необходимо определить абсолютные даты всех четырех групп-периодов. Это возможно сделать, отметив случаи находок монет с вещами выделенных типов и приведя аналогии сгруппированным типам в абсолютно датированных памятниках.

Монеты VIII, XI и XII вв. были три раза найдены в погребениях с типами вещей I группы. Типы I группы имеют следующие аналогии:

Стремена AI — в памятниках XI—XII вв.

Стремена БI — в памятниках VIII—X вв.

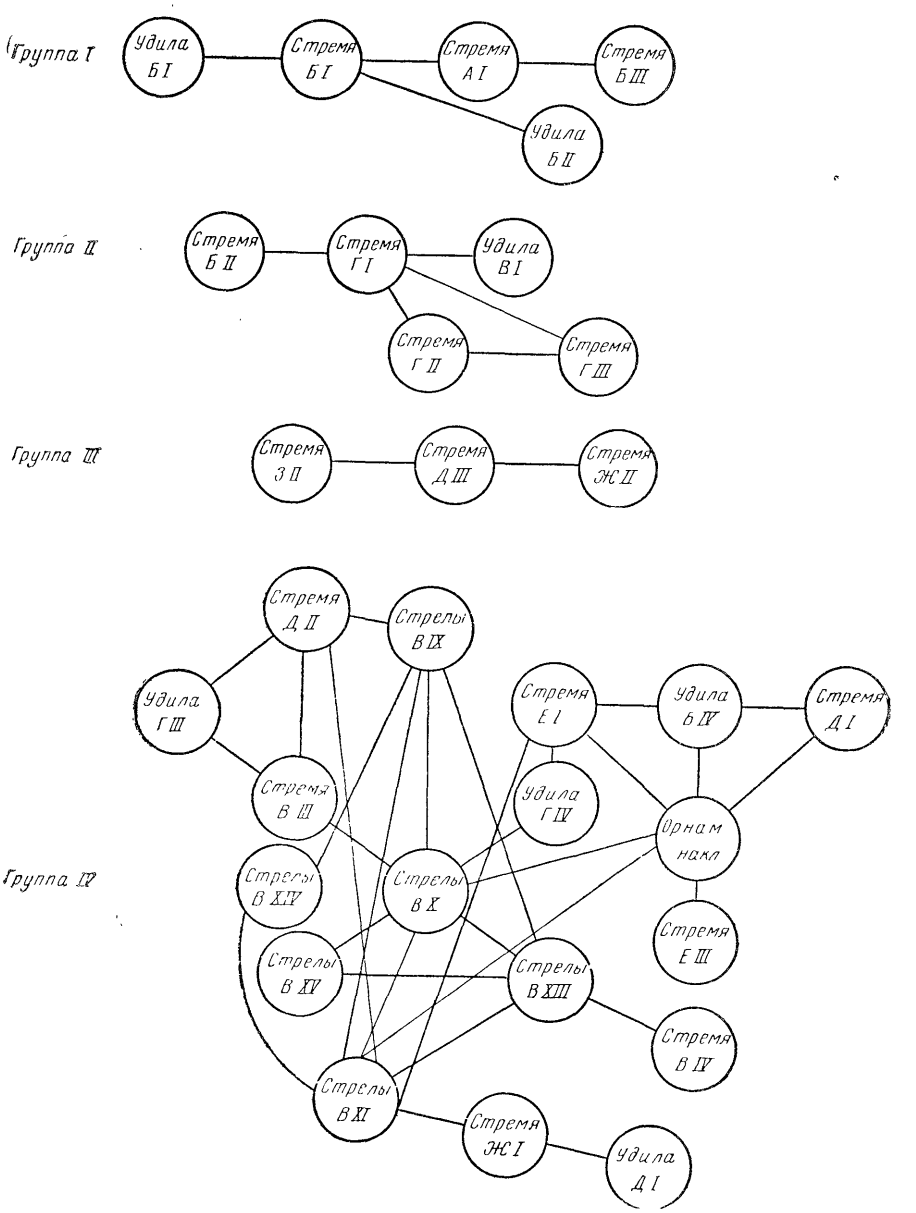


Рис. 16. Связи между типами стремян, удил, стрел и накладок

Стремена БIII — в памятниках IX—X вв.

Удила БI и БII — в памятниках VIII—X вв.

В погребениях II группы монет не обнаружено. Типы II группы имеют следующие аналогии:

Стремена BII — в памятниках XII — начала XIII в.

Стремена ГI — в памятниках XII — начала XIII в.

В погребениях III группы монет не обнаружено. Типы III группы имеют следующие аналогии:

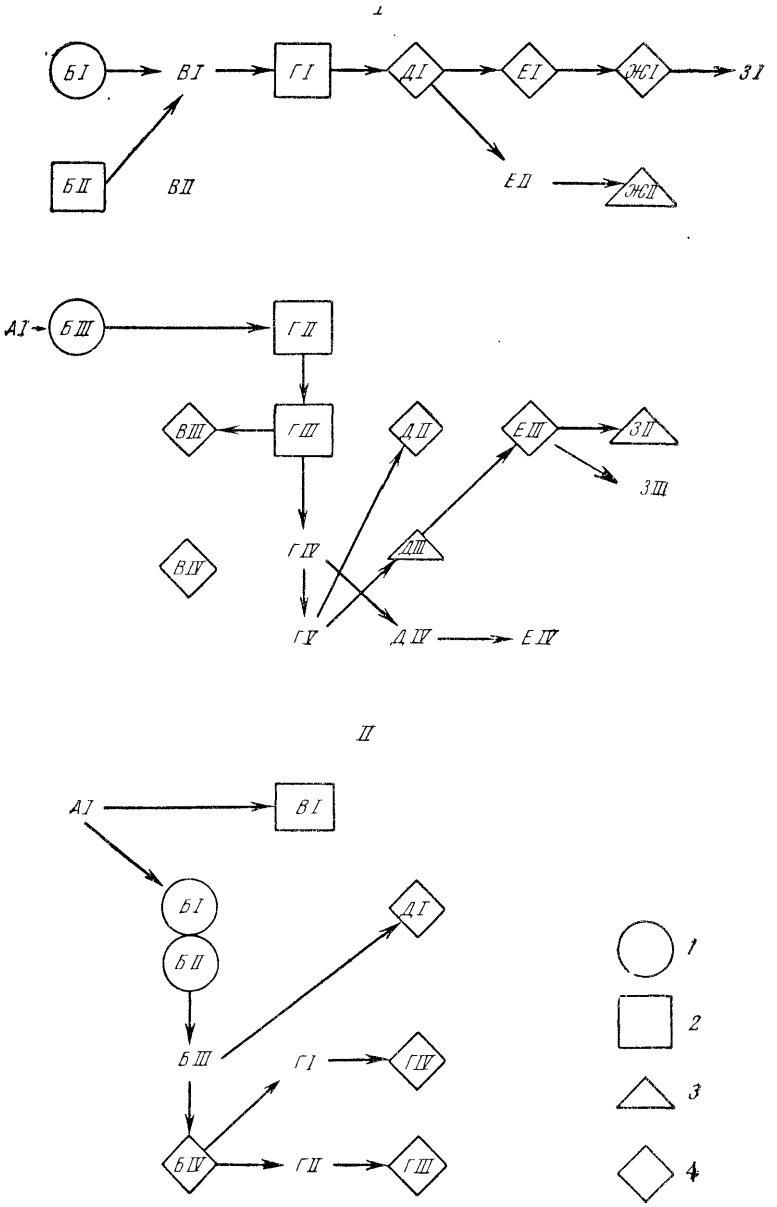


Рис. 17. Эволюционные ряды: I — стремян, II — удил, *1* — I период, *2* — II период, *3* — III период, *4* — IV период

Стремена BI — в погребениях конца XII — начала XIII в.

В погребениях IV группы найдены 11 раз джучидские монеты конца XIII—XIV в. Типы IV группы имеют следующие аналогии:

Стремена ГV — в памятниках конца XII — начала XIII в.

Стремена EI — в памятниках XIV в.
Стремена EIII — в памятниках XII—XIII вв.
Удила ГIII — в памятниках конца XII — начала XIII в.
Стрелы BIX — в памятниках XIII—XIV вв.
Стрелы BXI — в памятниках XIII—XIV вв.
Стрелы BXIII — в памятниках XIII—XIV вв.
Орнаментальные накладки — в памятниках XIII—XIV вв.

Таким образом, типы I группы встречаются с монетами VIII—XII вв. и имеют аналогии в памятниках X—XII вв. Типы II группы имеют аналогии в памятниках XII — начала XIII в. Типы III группы имеют аналогии в памятниках конца XII — начала XIII в. Типы IV группы встречаются с монетами XIII—XIV вв. и имеют аналогии в памятниках конца XIII — начала XIV в.

Установленная на основании эволюционного ряда последовательность групп подтверждается прекрасно. Приблизительно выделенные четыре комплекса вещей мы можем отнести к следующим отрезкам времени:

I группа — X—XI вв.
II группа — XII в.
III группа — конец XII — начало XIII в.
IV группа — вторая половина XIII—XIV в.

Исследуем распределение типов у остальных категорий вещей по выделенным нами четырем периодам. Применим тот же критерий доверительных интервалов для оценки встречаемости того или иного типа в определенный период. Но крайнее значение критерия, при котором еще возможно случайное попадание вещи того или иного типа в какой-либо период и после которого можно говорить о наличии определенной закономерной связи между типом и хронологическим периодом, следует повысить. Дело в том, что распределение типов по периодам происходит на основании встреч в погребениях определенной вещи с типами стремян, удил, стрел, костяных орнаментированных накладок, выделенными в четыре периода. А так как при этом цепочка синхронизируемых типов вещей удлиняется, то необходим более строгий критерий для отбора закономерных связей, чтобы длительность того периода, в пределах которого типы признаются синхронными, не увеличивалась чрезмерно. Мы принимаем все значения k большие 3 за показатель закономерной встречаемости типа в определенный период.

Составим таблицы встречаемости типов в погребениях, датированных на основании выделенных типов стремян, удил, орнаментированных накладок на колчан, стрел и монет (табл. 4; в скобках знак + означает, что $k \geqslant 3$; — означает, что $k \leqslant -3$; 0 означает, что $-3 < k < 3$; при малых n_{ab} крайние значения k мы расширили в соответствии с распределением Стюдент для малых выборок).

В результате статистических подсчетов мы получили, что встречаемость большинства типов вещей в те или иные периоды должна быть признана случайной, т. е. вещи типов этих были примерно одинаково распространены во все четыре периода и для них нет достаточно больших отклонений эмпирической частоты их встречаемости в датированных погребениях от теоретической величины вероятности этой встречаемости. Только для следующих типов и периодов отмечается k равный или больший 3, и мы должны признать, что существует какая-то причина, заставляющая эти типы часто попадаться именно в погребениях данного периода (т. е. мы должны признать приблизительное совпадение времени наиболее широкого распространения данного типа с данным хронологическим периодом).

Таблица 4

Тип А		a	n_a	n_{ab}	Группы погребений (В)			
					b_1=36 n_b=287	b_2=63 n_b=287	b_3=9 n_b=287	b_4=179 n_b=287
Костяные пластины	I	1	8	3	—	—	—	1(0)
	III	4	8	3	—	—	—	2(0)
	IV	5	8	3	—	—	1(+)	—
Сабли	AI	8	20	15	—	2(0)	—	3(0)
	AII	4	20	15	—	—	—	—
	БI	3	20	15	—	—	—	1(0)
	БII	3	20	15	—	—	—	1(0)
	БIII	5	20	15	—	2(0)	—	3(0)
Копья	I	9	21	16	—	2(0)	2(+)	5(0)
	II	1	21	16	—	1(0)	—	—
	III	5	21	16	2(0)	3(0)	—	3(0)
Шпоры	I	2	3	3	—	2(0)	—	—
	II	1	3	3	—	—	—	1(0)
Срединные накладки на лук	I	12	24	6	1(0)	2(0)	—	3(0)
	II	5	24	6	1(0)	1(0)	—	—
Костяные петли от колчанов	AII	8	20	3	—	—	—	1(0)
	AIII	5	20	3	—	—	—	2(0)
	БI	2	20	3	—	1(+)	—	—
Шлемы	I	3	14	9	—	1(0)	—	—
	III	3	14	9	—	—	—	2(0)
	IV	4	14	9	—	—	2(+)	1(0)
	V	1	14	9	—	—	—	1(0)
Бокка		28	28	5	—	—	—	5(0)
Серьги	I	27	131	38	6(+)	2(0)	—	6(0)
	II	3	131	38	—	—	—	2(0)
	III	3	131	38	1(0)	—	—	—
	IV	7	131	38	—	1(0)	1(+)	1(0)
	VI	56	131	38	—	—	—	12(0)
	VII	5	131	38	—	—	—	1(0)
	VIII	2	131	38	—	—	—	2(0)
	IX	1	131	38	—	—	—	1(0)
	X	4	131	38	1(0)	2(+)	—	1(0)
	XII	8	131	38	1(0)	1(0)	—	2(0)
	XIV	1	131	38	—	—	—	1(0)
Перстни	II	8	11	6	3(+)	1(0)	—	2(0)
Браслеты	I	4	11	6	2(+)	2(0)	—	—
	IV	3	11	6	—	—	—	1(0)
	VI	3	11	6	—	2(+)	—	—
	VII	1	11	6	1(+)	—	—	—

Продолжение

Тип А	a	n_a	n_{ab}	Группа погребений (В)			
				b_1=36 n_b=287	b_2=63 n_b=287	b_3=9 n_b=287	b_4=179 n_b=287
Бронзовые пряжки AI	1	160	81	—	—	—	1(0)
AII	1	160	81	—	—	—	1(0)
AIII	1	160	81	—	—	—	1(0)
БI	7	160	81	1(0)	2(0)	1(0)	2(0)
БII	2	160	81	—	—	—	1(0)
БIII	1	160	81	—	—	—	1(0)
BI	4	160	81	1(0)	—	—	—
ГI	5	160	81	2(+)	—	—	—
ГIII	1	160	81	—	—	—	1(0)
ДI	1	160	81	—	—	—	1(0)
ДIII	1	160	81	—	—	—	1(0)
ДIV	3	160	81	—	1(0)	—	1(0)
Железные AI	67	160	81	6(0)	3(0)	—	22(0)
AII	27	160	81	1(0)	1(0)	—	11(0)
AIII	22	160	81	1(0)	4(0)	—	7(0)
AIV	9	160	81	1(0)	2(0)	—	8(0)
AV	12	160	81	3(0)	3(0)	—	3(0)
BII	1	160	81	—	1(0)	—	—
Костяные I	1	160	81	1(+)	—	—	—
II	1	160	81	—	—	—	1(0)
Бляхи AI	8	51	26	4(+)	1(0)	1(0)	—
бронзовые AII	7	51	26	3(+)	2(0)	—	2(0)
AIII	4	51	26	1(0)	—	—	—
AIV	1	51	26	1(+)	—	—	—
AVII	3	51	26	2(+)	—	—	—
БI	5	51	26	2(+)	—	—	1(0)
BI	2	51	26	1(0)	—	—	1(0)
BII	2	51	26	—	—	—	1(0)
BIII	1	51	26	1(+)	—	—	—
ГIV	2	51	26	1(0)	—	—	—
ДI	3	51	26	2(+)	—	—	—
EI	2	51	26	1(0)	—	—	—
EIII	2	51	26	1(0)	—	—	—
EIV	5	51	26	2(+)	1(0)	—	1(0)
EVI	5	51	26	2(+)	—	—	—
EVII	1	51	26	1(+)	—	—	—
EVIII	2	51	26	1(0)	—	—	—
EIX	3	51	26	1(0)	—	—	—
EX	2	51	26	1(0)	—	—	—
ЖI	1	51	26	—	—	—	1(0)
ЖII	4	51	26	1(0)	2(0)	—	—
ЖV	2	51	26	—	—	—	1(0)
ЗI	7	51	26	2(0)	—	—	—
ЗIII	1	51	26	1(+)	—	—	—
ИIII	1	51	26	1(+)	—	—	—
ИIV	4	51	26	—	1(0)	—	—
ИV	2	51	26	—	—	—	1(0)
КIII	3	51	26	1(0)	—	—	—
КVI	1	51	26	—	1(0)	—	—
КVIII	1	51	26	1(+)	—	—	—
КIX	3	51	26	2(+)	—	—	—
КX	1	51	26	1(+)	—	—	—
КXI	1	51	26	1(+)	—	—	—
КXII	4	51	26	1(0)	—	—	—
КXIV	2	51	26	1(0)	—	—	—
КXX	1	51	26	1(+)	—	—	—

Продолжение

Тип А	a	n_a	n_{ab}	Группа погребений (В)			
				b_1=36 n_b=287	b_2=63 n_b=287	b_3=9 n_b=287	b_4=179 n_b=287
Прорезные бляхи	BII	3	4	1	1(+)	—	—	—
Перекрест-	AI	1	6	4	2(+)	—	—	1(0)
ные бляхи	БI	1	6	4	—	1(0)	—	—
Т-образные бляхи	I	2	2	1	1(0)	—	—	—
Тройные	I AI	1	2	2	—	1(0)	—	—
бляхи	II AII	1	2	2	—	—	—	1(0)
Конечные	I AI	2	8	4	1(0)	—	—	—
бляхи	I AIII	1	8	4	—	—	—	1(0)
	I AIV	2	8	4	1(0)	—	—	—
	II AI	1	8	4	1(+)	—	—	—
	II AII	1	8	4	1(+)	—	—	—
Налобные бляхи	AI	2	5	3	2(+)	1(0)	—	—
Нашивки	AI	2	19	6	—	—	—	1(0)
	BI	1	19	6	—	—	—	1(0)
	ДII	4	19	6	2(+)	—	—	—
	ДIII	7	19	6	2(+)	—	—	—
	ДIV	1	19	6	1(+)	—	—	—
	ДV	2	19	6	—	1(0)	—	—
	ДVI	1	19	6	—	—	—	1(0)
	ДIX	1	19	6	1(+)	—	—	—
Привески	II	1	4	2	1(+)	—	—	—
	V	1	4	2	1(+)	—	—	—
Копоушки	I	1	8	3	—	—	—	—
	II	7	8	3	2(+)	—	—	—
Бубенчики	I	2	22	8	—	1(0)	—	—
	II	10	22	8	1(0)	1(0)	—	1(0)
	III	1	22	8	1(+)	—	—	—
	IV	7	22	8	1(0)	1(0)	—	—
	V	5	22	8	—	1(0)	—	1(0)
	VII	4	22	8	2(+)	—	—	—
Пуговицы	AI	16	54	21	1(0)	3(0)	2(+)	1(0)
	AII	1	54	21	1(+)	—	—	—
	БI	12	54	21	1(0)	1(0)	—	4(0)
	БII	4	54	21	—	1(0)	—	1(0)
	БIV	4	54	21	—	—	—	4(+)
	БV	3	54	21	—	—	—	1(0)

Продолжение

Тип А	a	n_a	n_{ab}	Группа погребений (В)			
				b_1=36 n_b=287	b_2=63 n_b=287	b_3=9 n_b=287	b_4=179 n_b=287
Стеклянные бусы IAI	3	61	20	1(0)	—	—	—
IAII	2	61	20	—	—	—	1(0)
IAV	3	61	20	—	1(0)	—	2(0)
IAVI	1	61	20	1(+)	—	—	—
IIAI	6	61	20	1(0)	1(0)	—	1(0)
IIAII	2	61	20	—	—	—	1(0)
IIAV	1	61	20	1(+)	—	—	—
IVAI	1	61	20	1(0)	—	—	—
IVAIII	3	61	20	1(0)	—	—	1(0)
VAI	3	61	20	1(0)	—	—	2(0)
VAII	9	61	20	1(0)	—	—	2(0)
VAIII	1	61	20	—	1(+)	—	—
VAIV	1	61	20	—	—	—	1(0)
VAV	2	61	20	1(0)	—	—	1(0)
VIAII	2	61	20	—	—	—	2(0)
Сердоликовые AII-	2	61	20	—	1(0)	—	—
AIII	1	61	20	1(+)	—	—	—
БI	2	61	20	1(0)	1(0)	—	—
Янтарные AII	3	61	20	—	—	—	1(0)
БI	1	61	20	—	—	—	1(0)
Хрустальные AI	1	61	20	—	—	—	1(0)
Лазуритовые AI	3	61	20	—	2(+)	—	—
AII	3	61	20	—	1(0)	—	—
Ониксовые AI	1	61	20	—	1(+)	—	—
Кашинные AII	2	61	20	—	—	—	1(0)
Зеркала AI	9	57	16	2(0)	—	—	2(0)
БII	2	57	16	—	—	—	1(0)
BI	1	57	16	—	—	—	1(0)
ГI	1	57	16	—	—	—	1(0)
EI	5	57	16	—	—	—	3(0)
ЖII	1	57	16	—	—	—	1(0)
ИI	5	57	16	—	—	—	1(0)
КI	1	57	16	—	—	—	1(0)
НI	2	57	16	—	—	—	1(0)
РI	1	57	16	—	—	—	1(0)
ТII	1	57	16	—	—	—	1(0)
УI	3	57	16	—	—	—	1(0)
Кресала AI	16	84	49	—	—	1(0)	13(0)
AII	22	84	49	3(0)	—	—	9(0)
БI	6	84	49	3(0)	—	—	9(0)
БII	12	84	49	2(0)	4(0)	—	6(0)
БIII	5	84	49	—	1(0)	—	6(+)
БIV	1	84	49	—	—	—	1(0)
Ножницы II	34	56	10	1(0)	1(0)	—	6(0)
III	5	56	10	1(0)	1(0)	—	1(0)
Ножи I	47	78	32	6(0)	6(0)	—	12(0)
III	10	78	32	1(0)	1(0)	1(0)	5(0)

Окончание

Тип А	a	n_a	n_{ab}	Группы погребений (В)			
				b_1=36 n_b=287	b_2=63 n_b=287	b_3=9 n_b=287	b_4=179 n_b=287
Свинцовые грузики I	1	13	4	—	—	—	1(0)
II	1	13	4	1(+)	—	—	—
V	1	13	4	1(+)	—	—	—
VI	1	13	4	—	—	—	1(0)
Бронзовые сосуды AI	1	25	15	—	—	—	1(0)
БI	1	25	15	—	1(0)	—	—
BI	2	25	15	—	—	—	1(0)
BII	4	25	15	—	1(0)	—	2(0)
BIII	2	25	15	—	—	—	2(0)
BIV	5	25	15	—	—	—	5(0)
BV	2	25	15	—	—	—	3(0)
BVII	1	25	15	—	—	—	1(0)
ГI	1	25	15	—	—	—	1(0)
Железные сосуды AI	6	8	6	—	—	—	6(0)
Керамические сосуды							
Лепные AI	2	17	4	1(+)	—	—	—
БII	1	17	4	1(+)	—	—	—
Гончарные AI	1	17	4	—	—	—	1(0)
BI	1	17	4	1(+)	—	—	—

Для I периода (X—XI вв.):

Серьги типа I.

Браслеты типов I и VII.

Перстни типа II (аналогии в памятниках VIII—X вв.).

Пряжки бронзовые или серебряные типа ГI (аналогии в памятниках VIII—X вв.).

Пряжки костяные типа I.

Бляхи бронзовые II группы типов AI, AII, AIV, AVII, БI, BIII, ДI, EIV, EVI, EVII, ЗIII, ИIII, КVIII, КIX, КX, КXI, КXX (аналогии в памятниках VIII—X вв.).

Бляхи с прорезью типа BII.

Перекрестные бляхи типа AI.

Конечные бляхи типов IIAI и IIAII.

Налобные бляхи типа IAI.

Нашивки типов ДII, ДIII, ДIV, ДIX.

Привески типов II и V.

Копоушки типа II (аналогии в памятниках VIII—X вв.).

Бубенчики типов III и VII.

Пуговицы типа AII.

Бусы стеклянные типов IAIV, IIAV и сердоликовые типа AIII.

Свинцовые грузики типов II и V.

Лепные сосуды типов AI и БII и гончарные типы BI (аналогии в памятниках IX—XI вв.).

Для II периода (XII в.):

Костяные петли типа БI.

Серьги типа X.
Браслеты типа VI (аналогии в памятниках XII—XIII вв.).
Бусы стеклянные типа VAIII и ониксовые типа AI.

Для III периода (конец XII — начало XIII в.):

Копья типа I.
Костяные пластины типа IV.
Шлемы типа IV.
Серьги типа IV.
Пуговицы типа AI.

Для IV периода (конец XIII—XIV в.):

Пуговицы типа БIV.
Кресала типа БIII.

Весьма важно, что даты приведенных аналогий этим типам примерно совпадают с абсолютной датой периодов, установленной на основании монет и аналогий удилам, стременам, орнаментированным накладкам и стрелам.

Исключение представляют лишь копья I типа, серьги I и IV типов, браслеты I типа и пуговицы AI и БIV типов, которые имеют широкий хронологический диапазон и ареал и потому из числа типов с определенным и узким периодом бытования должны быть исключены.

Мы закончили построение системы датировок, основанной на выделении групп синхронных типов оружия и сбруи по значимым связям между ними. В результате выделены четыре периода с характерным набором типов некоторых категорий вещей. Теоретически возможно, что какие-то хронологически определенные типы не выявлены этой системой. Возможно, что некоторые категории или типы закономерно не встречаются в погребениях с оружием и сбруей или встречаются, но очень редко. Потому, рассортировав все типы по хронологическим периодам на основе выделенных датирующих типов оружия и сбруи, мы пропустим вещи, не встречающиеся, как правило, с предметами вооружения и снаряжения коня.

И действительно, многочисленные аналогии зеркалам, головному убору типа бокки и серьгам типа VI (в виде «знака вопроса») свидетельствуют о том, что эти вещи характерны для золотоордынских памятников. Но с предметами вооружения и сбруи IV группы, т. е. периода конца XIII—XIV в., они встречаются так редко, что показатели их связи с погребениями, датированными этим периодом, очень низки и не выявляют закономерной связи. Вместе с тем между собой эти типы образуют тесные связи и группируются весьма определенно. Составим таблицу взаимовстречаемости бокки, серег (височных колец) и зеркал. Применим те же критерии оценки частоты встречаемости типов, что и при исследовании взаимовстречаемости (см. табл. 5, аналогичную табл. 1).

Выявляются следующие пять групп взаимосвязанных типов (рис. 18).

В группе I типами-«объединителями» являются серьга типа VI и бокка — типы, судя по аналогиям, с узким периодом бытования. Следует отметить, что серьги типа VI и зеркала вряд ли связаны с узкой этнической или локальной группой. Зеркала — предметы импорта или подражание импорту; серьги типа VI имеют очень широкий ареал. Только бокка — монгольский головной убор — имела узкий круг распространения (главным образом Поволжье) и была связана с монгольским этносом. Но это не меняет причины связи типов, которая заключена в их синхронности. Для того чтобы иметь возможность в паре

связанных между собой типов предположить сопряженность, объясняемую этническими или локальными причинами, необходимо, чтобы оба типа имели ограниченный и при этом совпадающий ареал.

Теперь нужно определить абсолютные даты выделенных групп типов бокки, серег и зеркал. Это можно сделать, отметив случаи находок

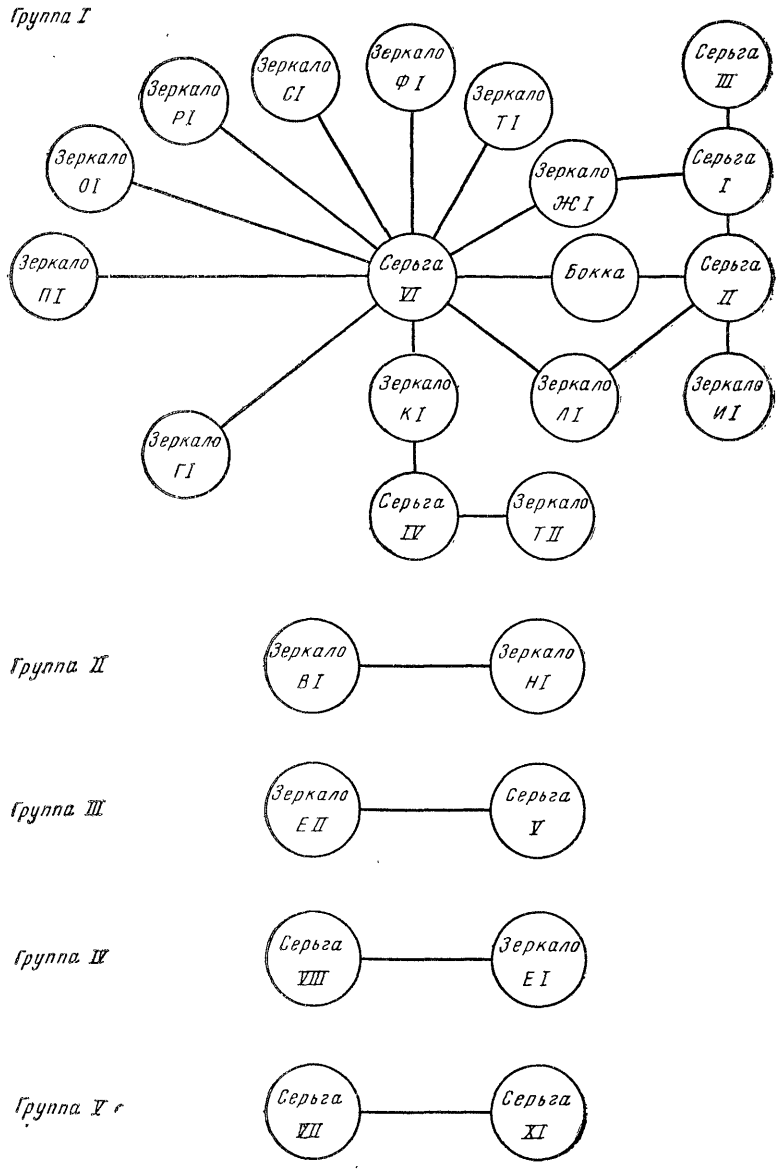


Рис. 18. Связь между типами бокки, серег и зеркал

монет с вещами выделенных типов и приведя аналогии сгруппированным типам в абсолютно датированных памятниках.

Монеты XIII—XIV вв. были найдены с вещами I группы шесть раз.

Типы I группы имеют следующие аналогии:

Серьги II — в памятниках XIII—XIV вв.

Таблица 5

Событие AB		a	n_a	b	n_b	n_{ab}	m_{ab}	k
тип А	тип Б							
Бокка	Серьги II	28	28	3	129	10	2	+
Бокка	Серьги VI	28	28	56	129	10	9	+
Бокка	Серьги XII	28	28	8	129	10	1	0
Бокка	Зеркала AI	28	28	8	56	22	2	0
Бокка	Зеркала БI	28	28	4	56	22	3	0
Бокка	Зеркала ЕII	28	28	1	56	22	1	0
Бокка	Зеркала ЖI	28	28	1	56	22	1	0
Бокка	Зеркала ЗI	28	28	2	56	22	1	0
Бокка	Зеркала ИI	28	28	5	56	22	1	0
Бокка	Зеркала ЛI	28	28	1	56	22	1	0
Бокка	Зеркала МI	28	28	1	56	22	1	0
Бокка	Зеркала УI	28	28	3	56	22	2	0
Серьги I	Серьги II	25	129	3	129	37	1	+
Серьги I	Серьги III	25	129	3	129	37	2	+
Серьги I	Серьги VI	25	129	56	129	37	1	0
Серьги I	Зеркала ЖI	25	129	1	56	22	1	+
Серьги II	Серьги УI	3	129	56	129	37	1	0
Серьги II	Зеркала ИI	3	129	5	56	22	1	+
Серьги II	Зеркала ЛI	3	129	1	56	22	1	+
Серьги IV	Зеркала КI	7	129	1	56	22	1	+
Серьги IV	Зеркала ТII	7	129	1	56	22	1	+
Серьги V	Зеркала ЕII	2	129	1	56	22	1	+
Серьги VI	Зеркала AI	56	129	8	56	22	2	0
Серьги VI	Зеркала AII	56	129	2	56	22	1	0
Серьги VI	Зеркала AIII	56	129	4	56	22	2	0
Серьги VI	Зеркала БI	56	129	4	56	22	1	0
Серьги VI	Зеркала БII	56	129	2	56	22	1	0
Серьги VI	Зеркала ЕI	56	129	5	56	22	2	0
Серьги VI	Зеркала ГI	56	129	1	56	22	1	+
Серьги VI	Зеркала ЖI	56	129	6	56	22	3	+
Серьги VI	Зеркала ЗI	56	129	2	56	22	1	0
Серьги VI	Зеркала ИI	56	129	5	56	22	1	0
Серьги VI	Зеркала КI	56	129	1	56	22	1	+
Серьги VI	Зеркала ЛI	56	129	1	56	22	2	+
Серьги VI	Зеркала OI	56	129	1	56	22	1	+
Серьги VI	Зеркала ПI	56	129	1	56	22	1	+
Серьги VI	Зеркала РI	56	129	1	56	22	1	+
Серьги VI	Зеркала СI	56	129	1	56	22	1	+
Серьги VI	Зеркала ТI	56	129	1	56	22	1	+
Серьги VI	Зеркала УI	56	129	3	56	22	1	0
Серьги VI	Зеркала ФI	56	129	1	56	22	1	+
Серьги VII	Серьги XI	5	129	1	129	37	1	+
Серьги VIII	Зеркала EI	2	129	5	56	22	1	+
Зеркала BI	Зеркала HI	1	56	2	56	2	1	+

Серьги VI — в памятниках XIII—XIV вв.
Бокка — в памятниках XIII—XIV вв.
Зеркала ЖI — в памятниках XIII—XIV вв.
Зеркала ИI — в памятниках XIII—XIV вв.
Зеркала КI — в памятниках XIII—XIV вв.
Зеркала ТI — в памятниках XIII—XIV вв.
Зеркала OI — в памятниках XIII—XIV вв.
Зеркала СI — в памятниках XIII—XIV вв.
Монеты XIV в. были найдены один раз с вещами II группы.
Типы группы II имеют следующие аналогии:
Зеркало HI — в памятниках XIII—XIV вв.
Типы групп III—V с монетами не встречаются и не имеют аналогий.

в памятниках с определенной датировкой. Потому мы не рассматриваем эти типы как хронологические показатели.

Остаются две группы, которые по монетным находкам и по приведенным аналогиям можно отнести к золотоордынскому времени, т. е. к IV периоду (конец XIII—XIV в.). Следует исключить из группы I лишь серьги IV типа. Как мы уже видели, серьги IV типа связаны с погребениями III периода (см. табл. 4). Мы их исключили из списка вещей, характерных по времени только для III периода, так как эти серьги имеют аналогии в памятниках широкого диапазона (XII—XIV вв.). Сейчас это подтвердилось: серьги IV типа оказались связанными с вещами IV периода. Следовательно, они встречались и в III, и в IV периодах. Исключить придется и зеркала типа TII, так как они связаны с вещами I группы (IV период) посредством серег типа IV, которые, как мы показали, были распространены в течение двух периодов, имели длительный период бытования и «объединяющим» типом быть не могут.

Следует исключить из I группы также серьги I и III типов. Серьга I типа имела длительный период бытования. Следовательно на основании сопряженности с ней нельзя датировать и серьгу III типа.

Подведем итоги. Мы можем теперь датировать все погребения по следующим хронологически определенным типам вещей.

I период (X—XI вв.)

Стремена типов AI, БI, БIII.
Удила типов БI, БII.
Перстни типа II.
Браслеты типа VII.
Пряжки бронзовые или серебряные типа ГI, костяные типа I.
Бляхи бронзовые типов AI, AII, AIV, AVII, БI, BIII, ДI, EIV, EVI, EVII, ЗIII, ИIII, KVIII, KIX, KX, KXI, KXX.
Бляхи с прорезью типа BII.
Перекрестные бляхи типа AI.
Конечные бляхи типа IIAI и IIAII.
Налобные бляхи типа IAI.
Нашивки типов ДII, ДIII, ДIV, ДIX.
Привески типов II и V.
Копоушки типа II.
Бубенчики типов III и VII.
Пуговицы типа AII.
Бусы стеклянные типов IAIV, IIAV, сердоликовые типа AIII.
Свинцовые грузики типа II и V.
Лепные сосуды типов AI и БII, гончарные типа BI.

II период (XII в.)

Стремена типов БII, ГI, ГII, ГIII.
Удила типа BI.
Костяные петли типа БI.
Серьги типа X.
Браслеты типа VI.
Бусы стеклянные типа VAIII, ониксовые типа AI.

III период (конец XII—начало XIII в.)

Стремена типов ДIII, ЖII, ЗII.
Костяные пластины типа IV.
Шлемы типа IV.

Стремена типов BIII, BIV, ДI, ДII, EI, EIII, ЖI.
Удила типов БIV, ГIII, ГIV, ДI.
Орнаментированные накладки на колчан.
Стрелы типов BIX, BX, BXI, BXIII, BXIV, BXV.
Бокка.
Серьги типов II и VI.
Зеркала типов BI, ГI, ЖI, ИI, КI, ЛI, НI, ОI, ПI, РI, СI, ТI, ФI.
Кресала типа БIII.

Конечно, при датировке по этим типам неизбежны некоторые ошибки. Всегда возможно случайное попадание вещи в погребение не в период наибольшей распространенности данного типа, а в период начала или конца его бытования. В случае, когда в погребении встречаются вещи поздних типов с вещами более ранних, попавшими сюда случайно, как пережиток более ранних периодов, мы датируем в соответствии с общепринятой в археологии практикой по младшему типу[531].

СОСТАВ ИНВЕНТАРЯ В ПОГРЕБЕНИЯХ

Исследуем распределение категорий вещей по комплексам с точно антропологически определенным полом захороненного. В табл. 6 показано (в абсолютных цифрах и процентах), во скольких мужских, женских и детских могилах встречен предмет той или иной категории.

Табл. 6 позволяет определить, какие категории вещей являются специфической принадлежностью мужских погребений, какие — женских и какие — детских.

Категории, встречающиеся почти только в мужских погребениях: сабли и мечи, луки и стрелы, колчаны, шлемы, колчуги и панцири[532], кресала.

Категории, встречающиеся почти только в женских погребениях: бокка, ножницы, зеркала, браслеты, фигурки человечков.

Категории, встречающиеся только в женских и детских погребениях: нашивки, привески и копоушки.

Теперь мы имеем возможность определить пол большого количества погребенных даже там, где антропологических определений нет[533].

По имущественным разрядам женские погребения легко расчленяются по наличию золотых вещей[534]. Погребения хотя бы с одним золотым предметом отличаются богатством инвентаря (разряд Жа). Остальные погребения можно объединить в группу рядовых (раз-

---

[531] В нашем материале отмечено 16 погребений (≈20%) из всех комплексов IV периода с вещами более ранних периодов, то же зафиксировано в четырех погребениях (≈28%) III периода и в шести погребениях (≈9%) II периода.

[532] Это, между прочим, противоречит сообщению Анны Комниной о том, что у кочевников женщины участвуют в бою наравне с мужчинами («Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина...», стр. 342). Возможно, Анне Комниной хотелось в южнорусской степи найти амазонок.

[533] При таком определении пола погребенного возможны, конечно, ошибки, но процент их незначителен. При наличии в одном погребении вещей, характерных только для мужских погребений, и вещей исключительно женских мы определяли пол по тому, каких вещей больше. Таких погребений немного: мужских — 13 (т. е. ≈4% всех мужских погребений), женских — 12 (т. е. ≈5% всех женских погребений).

[534] Золото и вообще драгоценные металлы в кочевническом быту зарегистрированы и письменными источниками: например, хан половцев Бельдуз предлагал в 1103 г. за себя выкуп «злато и серебро, коней и скот» (ПСРЛ, II, стр. 255). Утварь из золота и серебра знают у степняков арабы (ал-Бакри. Ук. соч., стр. 15) и русские («Слово о полку Игореве», стр. 13).

Таблица 6

Название категории	В мужских погребениях		В женских погребениях		В детских погребениях	
	количество	%	количество	%	количество	%
Стремена	86	78	19	18	4	4
Удила	75	78	18	18	4	4
Седла	34	81	7	17	1	2
Плети	3	75	1	25	—	—
Сабли и мечи	26	100	—	—	—	—
Копья	12	75	4	25	—	—
Луки	36	100	—	—	—	—
Стрелы	85	95	3	4	1	1
Колчаны	68	96	3	4	—	—
Шлемы	3	100	—	—	—	—
Шпоры	1	100	—	—	—	—
Кольчуга или панцирь	6	100	—	—	—	—
Бокка	—	—	21	100	—	—
Гривны	1	50	1	50	—	—
Серьги и височные кольца	10	22	35	74	2	4
Перстни	2	13	11	74	2	13
Браслеты	—	—	5	100	—	—
Пряжки	70	86	9	11	2	3
Бляхи	29	63	13	29	4	8
Кожаная обувь	26	62	15	36	1	2
Нашивки	—	—	7	64	4	36
Привески	—	—	7	66	2	34
Фигурки человечков	—	—	2	100	—	—
Копоушки	—	—	4	57	3	43
Бубенчики	3	13	15	69	4	18
Пуговицы	11	46	11	46	2	8
Бусы	12	25	34	72	1	3
Гребни	4	29	10	71	—	—
Зеркала	—	—	46	100	—	—
Ножницы	2	5	38	93	1	2
Ножи	75	68	35	32	—	—
Оселки	4	80	1	20	—	—
Сумки	8	89	1	11	—	—
Свинцовые грузики	2	18	9	82	—	—
Шилья	1	10	9	90	—	—
Кресала	69	96	3	4	—	—
Металлические сосуды	18	75	6	25	—	—
Керамика	9	56	5	31	2	13
Монеты	11	65	6	35	—	—

ряд *Жб*), хотя они представляют непрерывную градацию переходов от почти лишенных инвентаря погребений к богатым погребениям с серебряными вещами.

Мужские захоронения также могут быть подразделены на богатые и рядовые по наличию или отсутствию золотых предметов, но, кроме того, социальное членение мужских погребений отражается в инвентаре. Мы можем выделить следующие группы: погребения с шлемом, обычно с доспехами, саблей, стрелами и луком (разряд *Ма*); погребения со стрелами и луком (лучники) или копьем (разряд *Мб*); погребения без оружия (разряд *Мв*).

В 28 погребениях разряда *Ма* найдены золотые вещи. Это составляет 57% всех погребений мужчин с золотыми вещами. Следовательно, более половины погребений с золотыми вещами приходится на первый

разряд мужских погребений. Доля погребений с золотыми вещами в разряде *Ма* больше, чем в других разрядах (см. табл. 7).

Характерно, что доля погребений с костями коня или предметами конской сбруи примерно одинакова в группах *Ма* и *Мб*, а в группе *Мв* этих погребений меньше (см. табл. 8).

Таким образом, первую группу (*Ма*) следует относить к всадникам, вооруженным саблей и луком, иногда копьем, защищенным броней

Таблица 7

Наличие или отсутствие золотых вещей	Разряд погребений						Всего	
	Ма		*Мб*		*Мв*			
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
С золотыми вещами	28	17	17	7	4	4	49	9
Без золотых вещей	137	83	236	93	100	96	474	91
Всего	165	100	253	100	104	100	523	100

Таблица 8

Наличие или отсутствие признаков всадничества	Разряд погребений						Всего	
	Ма		*Мб*		*Мв*			
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
С костями коня или предметами сбруи	125	76	196	77	53	51	375	70
Без костей коня или предметов сбруи	40	24	57	23	51	49	148	30
Всего	165	100	253	100	104	100	523	100

в виде панциря или кольчуги и шлемом и занимающим высокое имущественное положение; вторая группа (*Мб*) представляется нам группой лучников, для которых сабля и кольчуга составляли редкость, так же как дорогие предметы быта. Представители и этой группы были всадниками[535]. Наконец, третья группа (*Мв*) представляет слой населения, далекий от войны, лишенный вооружения, признаки всадниче-

[535] Карпини, описывая вооружение татар (а иногда татарами он мог называть и кыпчаков), пишет: «Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны (т. е. сабли. — *Г. Ф.-Д.*) и несколько кривые, у них есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы...». («Путешествия...», стр. 50). Т. е. рядовые воины П. Карпини соответствуют нашей группе *Мб*, а богатые — группе *Ма*. Отсутствие у Карпини упоминания о том, что рядовые воины — это всадники, объясняется, видимо, случайностью. По археологическому материалу ясно, что эта группа погребалась чаще всего с конем. О разделении на легких («стрельцы») и тяжелых всадников («сила половецкая») см. в летописи: «... выехаша ис половецьких полковъ стрельци и пустивше по стреле на Русь и тако поскочиша Русь же бяхуть не переехале еще реке Сюрлия поскочиша же и ти половци силы половецькии которие же далече рскы стояхуть» (ПСРЛ, II, стр. 639—640).

ского быта для него не так характерны. Это, возможно, приниженный, зависимый слой общества.

Среди женских погребений разряда *Жа* (т. е. богатых) погребения с костями коня или предметами конской сбруи встречаются чаще, чем среди погребений разряда *Жб* (рядовых) (табл. 9).

Таблица 9

Наличие или отсутствие признаков всадничества	Разряд погребений				Всего	
	Жа		*Жб*			
	количество	%	количество	%	количество	%
С костями коня или предметами сбруи	11	37	44	25	55	27
Без костей, копья и предметов сбруи	18	63	132	75	150	73
Всего	29	100	176	100	205	100

ГЛАВА III

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ. РАССЕЛЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ

КУРГАНЫ

Внешне курганы кочевников представляют собой полушаровидные уплощенные насыпи, в некоторых случаях с ровиком[1]. По конструкции насыпи различаются следующие типы курганов.

Тип I (435 курганов). Простая земляная насыпь — наиболее универсальный и широко распространенный тип насыпи.

Тип II (46 курганов). Насыпь, насыщенная камнями.

Тип III (28 курганов). Выкладка из камней на горизонте над ямой (рис. 19, *4*).

Тип IV (16 курганов). Курганы с каменными выкладками в виде колец по поверхности насыпи и на периферии или сплошной «черепахой» по поверхности насыпи, а также курганы, насыпанные в два приема с выкладкой камнями по поверхности первой насыпи (рис. 19, *2*).

Тип V (15 курганов). Насыпи, состоящие из камня. От них остаются каменные площадки.

Тип VI (8 курганов). Ограда из вертикальных плит, поставленных кольцом под курганом на горизонте вокруг могильной ямы.

Тип VII (20 курганов). С вымостками из сырцовых кирпичей в один или несколько рядов или с оградками вокруг могил из сырцовых кирпичей.

Насыпи по типам размещаются географически различно в разные периоды. Рассмотрим табл. 10, где показано количество тех или иных типов курганных насыпей в основных районах кочевой степи во всех четырех периодах.

Несмотря на малочисленность датированных курганов с четко определенным типом насыпи, табл. 10 позволяет наметить некоторые тенденции в распределении типов насыпей по времени.

Насыпи типа I встречаются во всех районах и во все периоды.

---

[1] В «Codex Cumanicus» имеется слово, обозначающее, судя по его переводу, могильный холм, на что обратил внимание еще В. В. Бартольд (см. В. В. Бартольд. К вопросу о погребальных обычаях турков и монголов. ЗВОРАО, 1918, т. XXV, стр. 58).

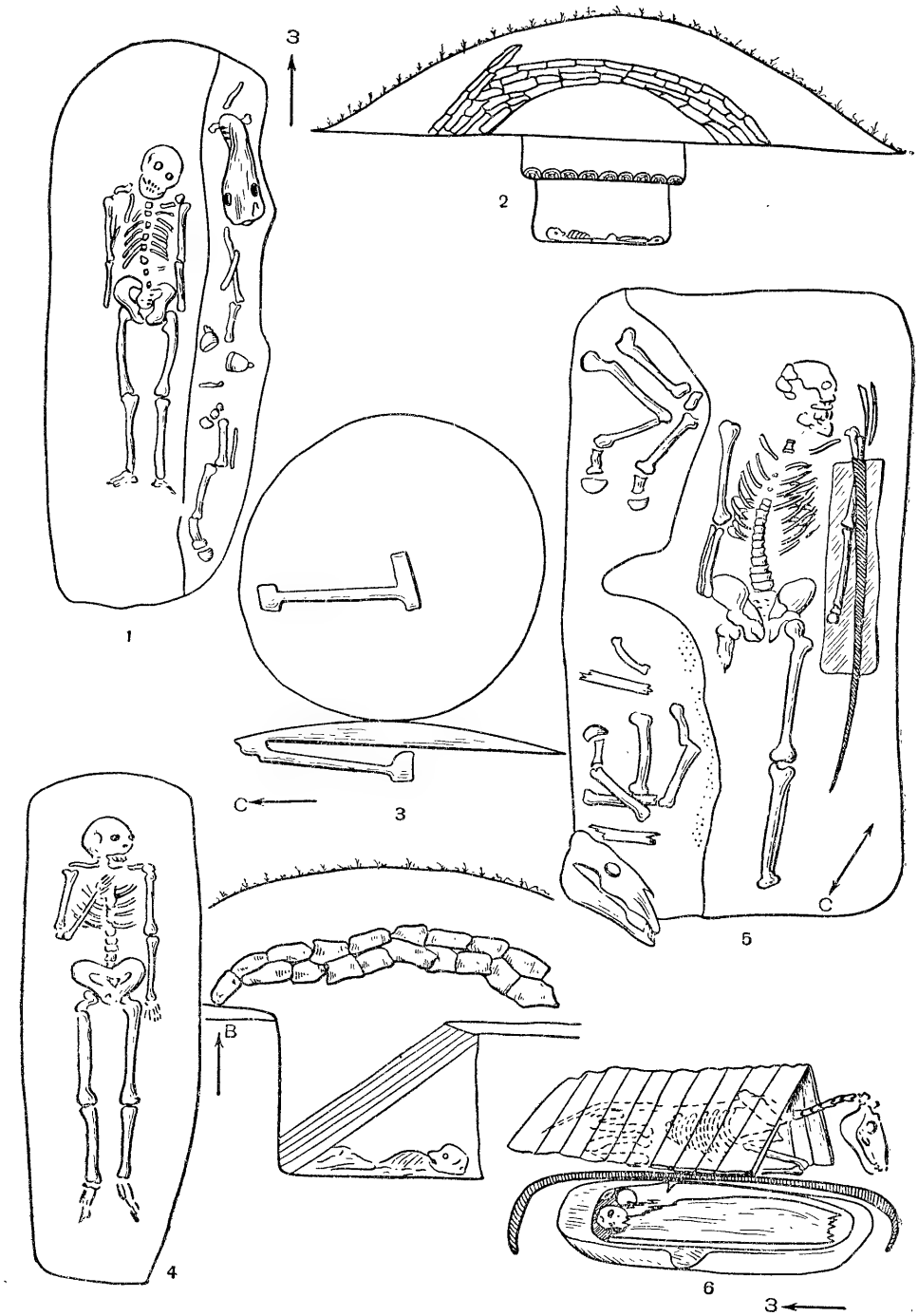


Рис. 19. Типы насыпей и погребений: *1* — Зеленка 305, № 722; *2* — Пески 17, № 464; *3* — Молчановка III,1, № 221; *4* — Рассыпной Лес 8, № 476; *5* — Три Брата I, 11/6, № 332; *6* — Николаевка 4/3, № 459

Насыпи типов II—IV (с камнями в насыпи) появляются в Приуралье и Поволжье в I период. Во II период они зафиксированы только в Молдавии и Приазовье. В IV период насыпи этих типов составляют существенную долю курганов в Поднестровье (28%), Приуралье (26%), на нижнем Дону (29%), в бассейне Северного Донца (40%).

Насыпи типа V встречаются в Худайбергенском могильнике (№ 34—45) в Приуралье и Недвиговском могильнике (№ 369—371) в Нижнем Подонье в IV период.

Насыпи типа VI известны в Крыму и на Северо-Западном Кавказе со II периода.

Таблица 10

Периоды	Типы насыпей	Районы										
		Южное Приуралье	Нижнее Поволжье	Нижнее Подонье	Бассейн Северного Донца	Северо-Западный Кавказ	Центральный Кавказ	Крым	Северное Приазовье	Нижнее Поднепровье	Поросье	Поднестровье
I	I	2	7	7	—	—	—	—	1	—	—	3
	II	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	III	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
II	I	1	2	11	1	—	—	—	1	—	10	1
	II	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
	III	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	VI	—	—	—	—	2	—	1	—	—	—	—
III	I	1	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—
IV	I	5	92	2	6	6	5	—	—	10	7	41
	II	1	2	1	—	—	—	—	—	1	—	12
	III	2	—	1	2	1	—	—	—	2	—	1
	IV	3	—	—	2	—	—	—	1	—	—	3
	V	12	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—
	VII	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
?	I	12	92	28	14	9	2	2	10	19	5	31
	II	2	—	3	—	—	—	—	2	7	—	12
	III	—	—	1	3	1	—	—	5	2	—	5
	IV	1	1	1	—	1	—	—	2	—	—	1
	VI	—	—	—	—	15	—	—	—	—	—	—
	VII	—	17	—	—	1	—	—	—	—	—	—

Насыпи типа VII зафиксированы только в Поволжье в IV период.

Характерно, что в I период однообразие курганных насыпей I типа нарушается насыпями с камнями только в Приуралье. Затем, во II период, насыпи с камнями локализуются исключительно в Молдавии и Приазовье, а в III—IV периоды распространяются широко по степям Восточной Европы, главным образом в западной ее части, в малой степени проникая в Поволжье, Заволжье, Предкавказье и Приуралье.

Камни в насыпи кургана появились в восточноевропейских степях только во II, половецкий, период. Известно, что половцы, жившие на востоке Казахстана, где был район их первоначального обитания,

строили свои курганные насыпи из камня[2]. Очевидно, в курганных насыпях типов II—IV отразилась именно эта черта погребального обряда.

Внутри насыпей часто сохраняются остатки каких-то обрядовых действий и тризн. Остатки огненного ритуала представлены в виде прослоек золы, кострищ, иногда углей и золы в засыпке ямы (очевидно, остатки кострища, ссыпанного в могилу). В последнем случае огонь разводился у открытой могилы. Однако встречаются прослойки золы в насыпи, оставшиеся от огненного ритуала, совершённого у засыпанной и частично покрытой насыпью могилы[3].

Локализуются остатки огненного ритуала главным образом в волжских степях. Известен он в погребениях II—IV периодов.

В нескольких случаях зафиксированы погребения какого-либо животного под насыпью на горизонте или во время сооружения кургана внутри насыпи; известны случаи захоронения головы быка (Бузовка, № 598), кабана, собаки (Суклея 314, № 914, Покровск 2 № 237). Иногда погребали внутри насыпи череп и четыре ноги коня, разложенные в анатомическом порядке (Кагарлык 238, № 749). Быть может, это повторение или замена обряда погребения тех же частей коня в могиле. Известны находки в насыпи таза коровы (Пески 17, № 464), черепа лошади (Царев, № 356).

В курганах у с. Чермалык (№ 585, 586) костяк коня был похоронен на кострище, оставшемся явно от тризны, в котором были обнаружены также кости овцы и птицы. Это погребение коня было совершено уже после захоронения покойника, когда часть кургана была насыпана[4].

Обратимся к типам захоронения человека и коня (или костей коня). За основные классификационные, типологические, признаки мы берем такие детали сооружения могилы и захоронения человека и коня, которые не зависят от степени сохранности погребения и потому почти во всех случаях зафиксированы исследователями: ориентировка, земляные ступеньки, заплечники, подбои. Остатки деревянных конструкций и гроба, которые не всегда сохраняются или легко могут быть упущены исследователем, не являются такими типологическими признаками.

При классификации человеческих погребений мы не учитываем чаще всего случайные в нашем материале отклонения головы и сгибы рук и ног.

В основе определения отделов лежат: 1) ориентировка человека и 2) наличие или отсутствие костей коня. Типы мы выделяем по форме могильной ямы.

---

[2] В очень слабо археологически изученных памятниках кыпчаков Казахстана и кимаков верховьев Иртыша значительный процент насыпей сплошь состоит из камней, имеет камни в насыпи или каменные обкладки. А. Х. Маргулан отмечал культ камня у кыпчаков (см. А. Х. Маргулан. Третий сезон археологических работ в Центральном Казахстане. Отчет экспедиции 1948 г. «Изв. АН КазССР», 1951, № 108, серия археологии, вып. 3; Л. Ф. Семенов. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа. «Вестник Центрального музея Казахстана», 1933, № 1, стр. 30; см. также описания культа камня у Рашид ад-Дина в «Сборнике летописей», т. I, ч. 2. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 122). Каменные насыпи были характерны для тюрок Алтая VI—VIII и последующих веков (С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 531).

[3] В этнографии огненный ритуал при погребении известен у тюрок довольно широко. См., например, Г. Г. Гольбина. Погребение у желтых уйгур. «Сборник МАЭ», 1928, т. 7, стр. 205.

[4] Рубрук сообщает, что при похоронах половца над его могилой были растянуты шкуры коней («Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., Географгиз, 1957, стр. 102).

Отдел А

Костяк человека, обращенного головой на запад[5], *без костей коня.*

Тип I (269 погр.). В простой яме. 20 могил этого типа перекрыто плахами поперек могилы.

Тип II (8 погр.). В яме с уступом вдоль северной стены. Четыре могилы перекрыты плахами, лежащими одним концом на уступе, другим на краю могилы.

Тип III (2 погр.). В яме с уступом вдоль южной стены.

Тип IV (12 погр.). В яме с уступом вдоль северной и южной стен. Две могилы перекрыты плахами, лежащими на уступах.

Тип V (4 погр.). В яме с подбоем в южной стене. Дно подбоя ниже дна входной ямы. 8 могил имеют закрытый вертикальными плахами подбой.

Тип VI (6 погр.). В яме с подбоем в южной стене и уступом вдоль северной стены. В этом типе соединены черты типов II и V. Одна могила имеет закрытый вертикальными плахами подбой.

Тип VII (2 погр.). В яме с подбоем в северной стене. Одна могила сохранила вертикально поставленные плашки, отделявшие подбой.

Тип VIII (12 погр.). В яме, в прямоугольном каменном ящике.

Тип IX (2 погр.). В яме, в прямоугольном кирпичном ящике.

Отдел Б

Костяк человека, обращенного головой на запад, с костями или остовом коня.

Тип I (32 погр.). В простой яме. Над костяком человека в яме — череп и четыре ноги коня, разложенные в анатомическом порядке, черепом на запад. Четыре могилы перекрыты над костями коня плахами. Три могилы сохранили остатки перекрытия под конскими костями. В одной могиле сохранилась обкладка стенок ямы деревом.

Тип II (74 погр.). В широкой яме. К северу от человека разложены череп и четыре ноги коня в анатомическом порядке, черепом на запад.

Тип III (16 погр.). В широкой яме. К северу от человека разложены на ступеньке в анатомическом порядке череп и четыре ноги коня, черепом на запад. Две могилы перекрыты плахами (рис. 19, *1*).

Тип IV (2 погр.). В яме с уступами вдоль северной и южной стен. На северном, более широком, разложены в анатомическом порядке череп и четыре ноги коня, черепом на запад. Три могилы перекрыты плахами, лежащими концами на уступах. Кости коня лежали на перекрытии на северном уступе.

Тип V (1 погр.). В яме с уступами вдоль северной и южной стен. К северу от человека на дне могилы череп и четыре ноги коня, разложенные в анатомическом порядке, черепом на запад. Одна могила перекрыта плахами, лежащими на уступах вдоль длинных сторон. Этот тип представляет собой соединение типов БII и АIV.

---

[5] Здесь и в дальнейшем допускаются отклонения на 30—40° в обе стороны. Следует отметить, что положенный нами в основу классификации погребений принцип — ориентировка покойника — в этнографии тюрок играл всегда существенную роль (см., например, Н. Ф. Катанов. О погребальных обрядах тюркских племен в древние времена до наших дней. ИОАИЭ, 1892, т. XII, вып. 2).

Тип VI (2 погр.). В яме с подбоем вдоль южной стены. Дно подбоя обычно ниже дна входной ямы. В подбое — костяк человека. К северу от человека на дне ямы череп и четыре ноги коня, разложенные в анатомическом порядке, черепом на запад. В трех могилах косо поставленные плашки прикрывают вход в подбой.

Тип VII (1 погр.). В яме с подбоем вдоль южной стороны. В подбое костяк человека. Дно подбоя ниже дна входной ямы. Вдоль северной и южной стен сделаны уступы, причем северный уступ шире. На северном, более широком, уступе разложены череп и четыре ноги коня, черепом на запад. Одна могила перекрыта плахами, лежащими на уступах. На перекрытии на северном уступе разложены кости коня.

Тип VIII (3 погр.). В широкой яме. К северу череп и четыре ноги коня, разложенные в анатомическом порядке, черепом на восток.

Тип IX (2 погр.). В яме с подбоем вдоль северной стены и уступом вдоль южной. В подбое череп и четыре ноги коня, разложенные в анатомическом порядке, черепом на восток.

Тип X (6 погр.). В широкой яме. К югу от человека череп и четыре ноги коня, разложенные в анатомическом порядке, черепом на запад.

Тип XI (1 погр.). В яме с уступами вдоль длинных стен. На более широком южном уступе разложены череп и четыре ноги лошади в анатомическом порядке, черепом на запад. Одна могила перекрыта поперечными плахами, лежащими на уступах. Кости коня лежали на южном уступе на перекрытии.

Тип XII (3 погр.). В простой яме. Над костяком человека — костяк коня, обращенного головой на запад. Одна могила перекрыта поперечными плахами.

Тип XIII (29 погр.). В широкой яме. К северу от человека костяк коня, обращенного головой на запад. Одна могила перекрыта поперечными плахами.

Тип XIV (8 погр.). В яме с уступом вдоль северной стены. На ступеньке костяк коня, обращенного головой на запад.

Тип XV (1 погр.). В яме с уступом вдоль северной и южной стен. Вдоль северной стены подбой. На северном уступе на перекрытии костяк коня, обращенного головой на запад.

Тип XVI (3 погр.). В яме с подбоем вдоль южной стены. Дно подбоя ниже дна ямы. К северу от человека костяк коня, обращенного головой на запад. В одной могиле сохранилось перекрытие. Одна могила имеет косопоставленные плашки, заслоняющие вход в подбой.

Тип XVII (2 погр.). В широкой яме к югу от человека костяк коня, обращенного головой на запад.

Тип XVIII (2 погр.). В широкой яме. К югу от человека костяк коня, обращенного головой на восток.

Тип XIX (2 погр.). В яме с подбоем вдоль северной стенки. В подбое костяк человека. Дно ниже дна входной ямы. К югу костяк коня, обращенного головой на запад.

Тип XX (2 погр.). В широкой яме. К северу от человека костяк коня, обращенного головой на восток (рис. 19, *б*). Одна могила имеет перекрытие в виде двускатной кровли над костяком коня. В другой могиле прослежен вертикальный забор из плашек между костяками коня и человека.

Тип XXI (14 погр.). В простой яме. В отдельной яме к северу от человека костяк коня, обращенного головой на запад.

Тип XXII (1 погр.). В яме с двумя уступами вдоль длинных стен. К северу от человека в особой яме костяк коня, обращенного голо-

вой на запад. Этот тип представляет собой соединение типов AIV и БXXI.

Тип XXIII (2 погр.). В простой яме. К северу от человека в особой яме костяк коня, обращенного головой на восток.

Тип XXIV (1 погр.). В яме с подбоем в южной стене. Дно подбоя ниже дна входной ямы. В подбое костяк человека. К югу от человека в особой яме костяк коня, обращенного головой на запад. Этот тип представляет собой соединение типов БXVIII, AV и БXXI.

Тип XXV (1 погр.). В простой яме. В ногах в куче череп и кости четырех ног коня.

Тип XXVI (1 погр.). В яме с уступами вдоль длинных стен. К востоку от человека на краю ямы — костяк коня, обращенного головой на запад.

Отдел В

Костяк человека, обращенного головой на восток, без костей коня.

Тип I (99 погр.). В простой яме. Одна могила перекрыта наклонно положенными плахами, три — поперечно положенными плахами (рис. 19, *4*).

Тип II (2 погр.). В яме с уступом вдоль северной стены.

Тип III (1 погр.). В яме с уступом вдоль южной стены.

Тип IV (6 погр.). В яме с уступами вдоль северной и южной стен. Пять могил перекрыты поперечными плахами, лежавшими на уступах.

Тип V (2 погр.). В яме с подбоем в южной стене. Дно подбоя ниже дна ямы. В одной могиле косо поставленные плахи прикрывают вход в подбой.

Отдел Г

Костяк человека, обращенного головой на восток, с костями или остовом коня

Тип I (4 погр.). В простой яме. Над костяком человека кости ног и череп коня, разложенные в анатомическом порядке, черепом на запад.

Тип II (9 погр.). В широкой яме. К северу от человека череп и четыре ноги коня, разложенные в анатомическом порядке, черепом на запад.

Тип III (2 погр.). В яме уступом вдоль северной стены. На уступе разложены в анатомическом порядке череп и четыре ноги коня, черепом на запад (рис. 19, *5*).

Тип IV (1 погр.). В яме с уступом вдоль длинных стен. На северном, более широком, уступе череп и четыре ноги коня, разложенные в анатомическом примерно порядке, черепом на запад.

Тип V (2 погр.). В яме с подбоем в северной стене. Дно подбоя ниже, чем дно ямы. В подбое лежит костяк человека. К югу от человека череп и четыре ноги коня, разложенные в анатомическом порядке, черепом на запад.

Тип VI (1 погр.). В широкой яме. К югу от человека череп и четыре ноги коня, разложенные в анатомическом порядке, черепом на восток.

Тип VII (2 погр.). В яме. Над костяком человека костяк коня, обращенного головой на запад.

Тип VIII (3 погр.). В широкой яме. К северу от человека костяк коня, обращенного головой на запад.

Тип IX (1 погр.). В яме, на уступе вдоль северной стены костяк коня, обращенного головой на запад.

Тип X (1 погр.). В прямоугольной яме на дне костяк человека. Над ним костяк коня, обращенного головой на восток.

Отдел Д

Костяк человека, обращенного головой на север, без костей коня.

Тип I (32 погр.). В простой яме.

Тип II (1 погр.). В яме с подбоем в восточной стене. Дно подбоя ниже дна ямы. Костяк человека в подбое.

Тип III (4 погр.). В яме с подбоем вдоль западной стены. Дно подбоя ниже дна ямы. Костяк человека в подбое. В одной могиле перекрытие сохранилось в виде наклонных плашек перед подбоем, в другой были обнаружены поставленные на ребро плиты вдоль западной стены.

Тип IV (3 погр.). В прямоугольном каменном ящике.

Отдел Е

Костяк человека, обращенного головой на север, с костями или остовом коня.

Тип I (2 погр.). В широкой яме. К востоку от человека череп и кости ног коня, разложенные в анатомическом порядке, черепом на север.

Тип II (2 погр.). В яме с уступом вдоль восточной стены. Череп и четыре ноги коня на уступе, разложенные примерно в анатомическом порядке, черепом на север.

Тип III (1 погр.). В яме с подбоем вдоль восточной стены. Дно подбоя ниже дна входной ямы. В подбое костяк человека. К западу от человека костяк коня, обращенного головой на север.

Тип IV (1 погр.). В широкой яме. К востоку от человека костяк коня, обращенного головой на север.

Тип V (1 погр.). В яме. К югу от человека костяк коня.

Тип VI (1 погр.). В яме с уступом вдоль восточной стены. К востоку от человека на уступе череп и четыре ноги коня, разложенные в анатомическом порядке, черепом на юг.

Тип VII (1 погр.). В яме. На западном краю ямы четыре ноги коня, на южном костяк коня, обращенного головой на юг.

Отдел Ж

Костяк человека, обращенного головой на юг, без костей коня.

Тип I. (8 погр.). В простой яме.

Тип II (2 погр.). В яме с подбоем вдоль западной стены. Костяк в подбое.

Тип III (1 погр.). В каменном прямоугольном ящике.

Отдел З

Костяк человека, обращенного головой на юг, с костями или остовом коня.

Тип I (1 погр.). В широкой яме. Над человеком череп и четыре ноги коня, разложенные в анатомическом порядке, черепом на юг.

Отдел И

Кенотафы без костяка человека, но с захоронением костей коня.

Тип I (7 погр.). В яме на дне череп и четыре ноги коня, разложенные в анатомическом порядке, черепом на запад.

Отметим индивидуальные могилы.

Марченко 27/1 (№ 453). На настиле в головах и ногах погребенного стоят деревянные статуэтки, к северу на настиле — череп и четыре ноги коня, черепом на запад. К северу и югу от могилы на настиле разложены шесть костяков овец и два костяка телят.

Молчановка, Ю-В группа, 1 (№ 221) и Верхне-Погромное к. 8 (№ 110). В подземной камере погребен костяк человека в меридиональном положении. Перпендикулярно оси камеры к ней подводит длинный подземный дромос, обрывающийся квадратной входной ямой (рис. 19, *3*).

В большинстве погребений кости коня лежат слева от покойника. Быть может, это обстоятельство следует связать с отмеченным Н. Ф. Катановым обычаем у некоторых тюркских народов класть повод коня, предназначенного покойнику, именно в левую руку усопшего. Это, по мнению Н. Ф. Катанова, связано с представлением, что на том свете левая рука станет правой.

Погребения с конем являются наиболее характерными погребениями кочевников-тюрок Алтая, Хакассии, Монголии, Семиречья[6]. Но детального совпадения ориентировок и способа захоронения коня или его частей у сибирских средневековых тюрок и тюрок-кочевников Восточной Европы X—XIV вв. нет. Почти совсем нет в Сибири погребений с частями коня. Отдельные аналогии очень редки и незначительны[7]. Основные типы погребений тюрок Сибири и Алтая отличны от погребений поздних кочевников Восточной Европы.

---

[6] Это один из самых характерных для кочевников и тюрок вообще обычаев. У киргизов лошадь покрывали черной попоной, обрезали хвост и хоронили с покойником (А. А. Дивaев. Древнекиргизские похоронные обычаи. ИОАИЭ, 1898, вып. XIV, стр. 186). И. А. Кастанье пишет, что коня хоронили с покойником у казахов в XVIII—XIX вв. Казахи в недавнем прошлом ставили на могиле кол с черепом коня, которому придавалось священное значение (И. А. Кастанье. Надгробные сооружения киргизских степей. Оренбург, 1911, стр. 80, 81, 83). Погребения кочевников-тюрок в Сибири, Семиречье, Восточном Казахстане, обычно также содержат костяк или кости коня. Ср. погребение IV в. в Семиречье (А. Г. Максимова. Погребения поздних кочевников. «Тр. ИИАЭ КазССР», т. 8. Алма-Ата, 1960). А. Харузин пишет о погребении с конем и даже с двумя конями у киргизов (А. Харузин. Киргизы Бакеевской орды, М., 1889, стр. 104—105). Описывая похоронный обычай татаро-монголов, Плано Карпини сообщает о захоронении коней и чучел коней («Путешествия...», стр. 32).

[7] В Сибири среди тюркских погребений с конем или костями коня имеются аналогии следующим типам погребений кочевников Восточной Европы: типу БII (Л. А. Евтюхова. О племенах Центральной Монголии в IX в. СА, 1957, № 2, стр. 217—218, рис. 11); типу БXIII (В. П. Левашева. Два могильника кыргыз-хакасов. МИА, 1952, № 24, приложение 3, курганы 2, 3); типу БXVII (там же, приложение 3, курганы 11, 19, 20, 22); типу ГVIII (там же, приложение 3, курган 8; Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев. Отчет о работе Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 г. «Тр. ГИМ», 1941, вып. XVI, стр. 109); типу ЕIV (там же, стр. 109).

Погребения с конем и погребения с частями конского скелета рассматривались как два этапа эволюции одного погребального ритуала. Такой точки зрения придерживался В. А. Городцов. Но это мнение не подтвердилось. Погребения с конем оказались моложе погребений с черепом и костями ног коня, поэтому последние никак не могли быть поздним вариантом обряда захоронения коня в могиле человека. Невозможно также представить себе обряд раскладывания частей коня в анатомическом порядке в могиле как вариант погребения остова коня, предназначенный для бедноты, при котором один убитый конь использовался дважды: мясо съедали во время тризны, а череп и кости ног клали в могилы, очевидно, вместе со шкурой в качестве замены целой туши. Погребения с частями конского скелета бывают и бедными, и очень богатыми.

Обычно принято рассматривать разложенные в анатомическом порядке череп и кости четырех ног коня как погребения чучела коня. Это подтверждается описанием ибн Фадлана погребения торка вместе с чучелом коня, от которого, естественно, должны были оставаться именно череп и кости ног[8]. Однако в группе погребений с костями ног и черепом коня встречаются могилы, в которых эти кости лежат в куче, или могилы с одним черепом, положенным на то место, где он должен бы лежать, если были бы захоронены обычные череп и четыре ноги коня. В погребении Саркел 43 (№ 414) удалось проследить остатки шкуры коня с черепом и четырьмя ногами.

Таким образом, в обряде погребения чучела коня встречаются отклонения, при которых довольствовались или просто сложением в кучу отрубленных конечностей и головы коня, или бросали в могилу шкуру. Есть случаи, когда только две-три кости, без черепа, разложенные по своим местам, свидетельствуют о соблюдении обряда погребения человека с частями конского скелета или с чучелом коня. В некоторых погребениях кости коня заменены разложенными в том же положении костями коровы (Пески 23/3, № 467; Аккермень I, 12, № 551).

Характерной деталью в погребениях с конем на Северном Кавказе был кол для коновязи, забитый близ черепа коня (погребения в Анапе, Раевской, № 491, 494, 496, 514).

Следует отметить, что в погребениях без костей или остова коня бывают одинаково часто и мужские и женские костяки, а в погребениях с костями коня чаще похоронены мужчины. Женщин, очевидно, реже, чем мужчин, погребали с предметами сбруи или костями коня (см. табл. 11).

Гробы, в которых тюрки-кочевники X—XIV вв. в Восточной Европе хоронили своих покойников, встречаются следующих типов.

Таблица 11

Пол	С предметами конской сбруи или костями коня		Без предметов конской сбруи и без костей коня	
	количество	%	количество	%
Мужские	375	87	148	50
Женские	55	13	150	50
Всего	430	100	298	100

[8] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 128.

Отдел А

Колоды

Тип I (30 экз.). С прямыми концами.

Тип II (3 экз.) «Ладьевидные». Острый конец чаще обращен в сторону ног.

Отдел Б

Дощатые гробы

Тип I (61 экз.) Сколоченные из досок, без зазоров.

Тип II (8 экз.). Решетчатый гроб. Представляет собой две прямоугольные рамы, между которыми вставлены в специальные пазы короткие вертикальные плашки; между ними широкие зазоры.

Гробы типа БII С. А. Плетнева считает половецкими. Но решетчатые гробы зафиксированы только в IV периоде, когда половцы уже давно господствовали в степях Восточной Европы. Гробы типов А I и Б I встречаются во все периоды. Ладьевидные гробы типа А II встречаются сравнительно редко (см. табл. 12).

Таблица 12

Типы гробов	Периоды			
	I	II	III	IV
AI	1	3	1	10
AII	—	—	—	1
БI	1	4	1	31
БII	—	—	—	3

Иногда гробы окрашивались в красный цвет. В некоторых случаях покойника обертывали берестой и лубом. В некоторых погребениях сохранились следы ткани от покрова или савана.

Важной деталью погребального обряда является жертвенная пища. Часто в могилу клали часть туши овцы. Более редко встречаются захоронения куска лошадиного мяса (ноги, ребра), очевидно, положенные также в качестве заупокойной пищи. Такие случаи отмечены главным образом в Поволжье в I и IV периодах. В некоторых погребениях находят части скелета собаки (например, Суклея 314, №914). В одном случае найден скелет положенной в качестве заупокойной пищи рыбы (Недвиговка 3, №371).

В ряде случаев дно могилы посыпано мелом или другим каким-то белым веществом. За небольшим исключением, могилы с подсыпкой относятся к Поволжью и датируются II—IV периодами. Встречаются погребения, где дно могил посыпано галькой или песком.

Интересной деталью кочевнического погребального обряда являются перекрытия могил частями повозки (дверь, дно повозки, колеса и т. п.) и захоронения повозки или ее деталей вместе с костяком коня[9].

[9] У казахов в недавнем прошлом в женских могилах хоронили детали кибитки (И. А. Кастанье. Ук. соч., стр. 85). Н. Ф. Катанов писал, что хакасы после похорон бросали в степи сани или телегу, на которых везли умерших, повернув оглобли в противоположную от жилья сторону, боясь, видимо, возврата в поселок покойника (Н. Ф. Катанов. Ук. соч., стр. 116—140). Об этом же обычае у монголов писал Плано Карпини («Путешествия...», стр. 32). Известно, что Чингиз-хан был похоронен в повозке (В. В. Бартольд. К вопросу..., стр. 71).

Известно шесть таких погребений: Белая Гора 2 (№ 59): Три Брата 14 (№ 335), 12 (№ 333); Луганск 2 (№ 450), Пески 2 (№ 462), Афанасьевка 7 (№ 594), из которых четыре относятся к IV периоду, а два — не датированы.

В кочевнических курганах встречаются захоронения нескольких костяков в одной могиле. В некоторых случаях это одновременно умершие люди или дети, умершие вместе с родителями: Суклея 337, (№ 932); Шандра 409 (№ 813); Старица 30/4 (№ 318); Аткарск 29 (№ 57); Енотаевка (№ 145); Заплавное 3/6 (№ 152); Нижняя Дуванка 4 (№ 455). Некоторые коллективные погребения на Северном Кавказе в каменных ящиках можно считать склепами с последовательным захоронением нескольких людей. Таковы погребения в каменных ящиках: Мысхако (№ 504); Мысхако 1 (№ 503); Раевская (№ 514), а также погребения без каменных ящиков: Анапа 1 (№ 490); Анапа 4 (№ 494); Анапа 5 (№ 496). Эти склепы, видимо, составляли характерную черту именно северокавказских половецких племен.

В других случаях под одной насыпью встречаются единовременно сооруженные рядом друг с другом могилы. Они также предназначались для одновременно умерших людей и представляют собой редкие исключения: Ленинск 18 (№ 194 г); Казицкое (№ 163); Плоское 213 (№ 893); Терновка 65 (№ 935); Забара 322 (№ 709); Лучки 3 (№ 781); Межеричка 5 (№ 854); Скатовка 14 (№ 297).

Выделяется еще одна группа коллективных захоронений или нескольких одновременных могил под одной насыпью. Она связана с обычаем сооружать над могилами настил или оградку из сырцовых кирпичей (насыпь типа VII). Под этими сырцовыми сооружениями обычно бывает несколько могил или несколько погребений в одной яме. Таковы погребения Скатовка 19 (№ 298); Подстепное 2 (№ 236); Калиновка 2 (№ 165); Калиновка 30 (№ 175); Старица 1 (№ 304); Максютово 4 (№ 209). Эти погребения известны только в Поволжье.

МОГИЛЬНИКИ

Погребения кочевников X—XIV вв. встречаются или в виде основных погребений под курганными насыпями, или в виде вводных погребений в более ранних курганах (незначительное количество бескурганных погребений относится к кочевникам, перешедшим к оседлости, и будет рассмотрено особо).

Рассмотрим распределение основных и вводных погребений по периодам (табл. 13).

Легко заметить, что с течением времени уменьшается доля вводных могил. Этому сопутствует увеличение числа кочевнических могильников. В I период известен только один могильник у Саркела. Во II—III периоды кроме Саркельского курганного могильника нам известно еще несколько могильников в Поросье. В IV период кочевнические могильники появляются повсеместно. Особенно характерно Поволжье: в I—III периоды здесь неизвестно ни одного кочевнического могильника, а впускные погребения составляют 73%. В IV период в Поволжье появилось несколько кочевнических могильников и компактных групп кочевнических курганов среди более ранних могильников, а количество впускных погребений сократилось до 20%.

Чаще всего курганы поздних кочевников встречаются среди курганных групп более ранних эпох (бронзового века или скифо-сарматской эпохи). В этих случаях невозможно определить время сооружения всех курганов. Они могли сооружаться на месте древней курганной группы постепенно, в течение многих столетий без определенного по-

Таблица 13

Периоды	Виды погребений	Районы										Всего	
		Южное Приуралье	Нижнее Поволжье	Нижнее Подонье	Бассейн Северного Донца	Северный Кавказ	Крым	Северное Приазовье	Нижнее Поднепровье	Поросье	Поднестровье	количество	%
I	Основное	2	7	8	—	—	—	1	—	—	3	21	42
	Вводное	2	21	1	1	—	—	—	2	—	1	28	58
II	Основное	—	2	10	1	1	1	2	—	8	4	29	55
	Вводное	1	2	1	2	1	—	1	2	11	3	24	45
III	Основное	—	—	—	—	—	—	—	—	5	2	7	64
	Вводное	—	1	—	1	1	—	—	—	1	—	4	36
IV	Основное	22	93	5	10	16	1	—	14	8	53	222	86
	Вводное	1	22	1	1	—	2	1	5	2	1	36	14

рядка, разными кочевыми группами, проходившими через этот район.

К числу беспорядочно насыпанных среди древнего курганного некрополя (который служил «ориентиром» для разных групп кочевников) относятся такие скопления курганов, как Каменка в Поднестровье, Краснополка, Лучки в Поросье, Кут, Никополь в Нижнем Приднепровье и Приазовье и многие другие группы курганов. В них встречаются погребения I—IV периодов.

Но кочевнические курганы и вводные могилы могли быть сооружены в определенном порядке, могли образовать компактную группу среди более ранних курганов, четко выделяющуюся среди остальных насыпей. В таком случае следует думать, что эти компактно расположенные среди более раннего кладбища курганы насыпаны какой-то одной группой кочевых народностей, систематически из года в год проходившей через этот район и сохранявшей память о том, где они в прошлый раз хоронили покойников (понятно, что если бы такой традиции не существовало, если бы пришли новые племена кочевников, то они соорудили бы новые курганы где-либо в другом месте могильника, и компактность в расположении курганов поздних кочевников не отмечалась бы). Следовательно, хронологический диапазон таких групп курганов не был большим. А если это так, то всю группу можно датировать по тем комплексам, в которых сохранились датирующие вещи. Такими компактными курганными группами среди более раннего курганного кладбища являются позднекочевнические курганы 40—44 (№ 64—68) в I Бережновском могильнике (Поволжье), где они образуют цепь курганов, курганы 5, 8, 27, 31, 34, 35, 74, (№ 74, 75, 77, 80, 82—84,) во II Бережновском могильнике (Поволжье). Характерно, что в ряде случаев кочевнические курганы группируются вокруг какого-нибудь древнего кургана. Так, например, шесть курганов в I Бережновском могильнике отходят цепочкой от более древнего кургана. Видимо, такого же типа была группа курганов поздних кочевников «Рясные могилы» у д. Вороная (№ 619); здесь среди большого количества ко-

чевнических могил всех трех периодов имеются курганы скифо-сарматского времени. Аналогичное явление отмечается и в могильнике у с. Варваровки (№ 600) бывшей Екатеринославской губ., где среди поздних кочевнических вещей, собранных из погребений этого могильника, была найдена скифская стрела и т. п.

Более редки случаи образования отдельных групп позднекочевнических курганов. При этом возможны два вида отдельных курганных групп поздних кочевников. Во-первых, группа погребений может быть кладбищем одного кочевого племени; во-вторых, погребения одной курганной группы могли быть оставлены разными племенами, проходившими через данный район в течение определенного времени.

Некоторые курганные могильники содержат погребения с весьма однообразным обрядом, причем такого типа, который редко встречается в позднекочевнических курганах и составляет ничтожно малую примесь к другим типам погребений. Так обстоит дело с Худайбергенским (№ 34—35) и Недвиговским (№ 369—371) могильниками (где сосредоточены насыпи из камня типа VI) и группой кочевнических погребений из Моздокского могильника (№ 527—530) с погребениями исключительно типа Д I, редкого в других курганных группах. То же относится к могильнику у с. Нижняя Дуванка (№ 454—456) на Северном Донце (здесь встречены погребения только типа В I, сравнительно редкие среди других погребений поздних кочевников Восточной Европы), могильнику Ново-Григорьевка (№ 656—660) на Днепре (здесь все погребения имеют подбой, что для этих мест не характерно: подбои встречаются обычно в Поволжье) и могильнику у с. Балымеры (№ 993—997), где все захоронения были типа Д I.

Эти могильники, безусловно, можно рассматривать как памятник одной группы кочевников. Это в свою очередь позволяет считать, что хронологический диапазон таких групп курганов не был особенно большим. В противном случае могильники содержали бы какие-либо более распространенные у кочевников типы могил и насыпей. Следовательно, весь могильник мы вправе приблизительно датировать лишь по некоторым его комплексам, в которых сохранились датирующие вещи.

Иначе обстоит дело с курганными группами, где встречаются общераспространенные типы погребений. Эти могильники могли быть оставлены несколькими проходившими через эту территорию племенами кочевников. Тем более это должно относиться к группам курганов, беспорядочно подсыпанных к более древним могильникам, или группам вводных погребений. Поэтому мы из таких групп должны выбирать только датированные и синхронные погребения (в пределах установленных нами четырех хронологических периодов).

Собрав все датированные погребения и распределив их по периодам и по районам, мы сможем конкретно показать, какие обряды, в какое время и на каких территориях совершались кочевниками при погребении людей.

ТОПОГРАФИЯ ТИПОВ ОБРЯДОВ ПОГРЕБЕНИЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ КОЧЕВЫХ ГРУПП

Подвижность кочевого населения не позволяет нам рассматривать каждый кочевнический могильник (если в нем нет признаков особой компактности и чистоты подбора редкого обряда погребений) как памятник одной этнической группы. Только совокупность всех синхронных погребений в каком-либо районе дает характеристику употребления типов погребений у того кочевого населения, которое обитало в этот исторический момент на исследуемой территории. Этот совокупный

состав типов погребений, отнесенный к определенной территории в определенный период, приблизительно отражает особенности этнического состава населения.

Составим таблицы (табл. 14—17) территориального распределения типов погребений по периодам. Эти таблицы показывают, что районы степи в тот или иной период отличаются друг от друга не столько самими типами погребений, сколько удельным весом тех или иных типов.

I период

Табл. 14 включает только приблизительные данные о распространении типов в I период, так как материал чрезвычайно скуден. Но все же из нее явствует, что тип А I имел довольно широкое распространение (особенно часто эти погребения встречаются в Поволжье, где составляют больше четверти всех погребений этого периода). Типы погребений с захоронением частей коня (Б I—Б III) встречаются в Южном Приуралье, Поволжье и Нижнем Подонье. В более западных районах захоронения с костями коня встречаются в Нижнем Поднестровье.

Таблица 14

Типы погребений	Районы						Всего	
	Южное Приуралье	Нижнее Поволжье	Нижнее Подонье	Бассейн Северного Донца	Нижнее Поднепровье	Поднестровье	количество	%
AI	1	8	1	1	1	—	12	28
AIV	—	4	—	—	—	—	4	10
AVI	—	2	—	—	—	—	2	5
БI	1	11	1	—	—	1	14	34
БII	—	—	2	—	—	1	3	7
БIII	—	1	—	—	—	—	1	3
БVI	—	2	—	—	—	—	2	5
БX	—	—	—	—	—	1	1	3
BI	1	1	—	—	—	—	2	5
Всего	3	29	4	1	1	3	41	100

Отдельные погребения с восточной ориентировкой типа В I встречаются в Приуралье и Поволжье.

Таким образом, I период, когда в степях господствовали печенеги и торки (X—XI вв.), характеризуется распространением погребений типов А I и Б I—Б III. На востоке степей в этот период появляются погребения с ориентировкой на восток, типа В I.

Типы погребений, видимо, никак не связаны с социальным положением умершего. Следовательно, состав кочевнических могил X—XI вв. по типам погребений отражает не социальный состав погребенных, а частоту, степень употребительности того или иного типа погребений именно у этих кочевников. Можно полагать, что этот состав зависит от этнической принадлежности кочевников и очень чутко реагирует на изменения этнического состава населения степей, на приход новых масс кочевников и перегруппировку старых.

Нет необходимости освещать здесь всю историю печенегов и торков. Достаточно привести свидетельства современников об их расселении в степях Восточной Европы в IX—XI вв.

Известно, что печенеги[10] до середины IX в. обитали в заволжских степях, будучи частью племенного объединения тюрок-огузов[11].

Константин Багрянородный (X в.) сообщает, что до своего продвижения на запад печенеги обитали у реки Итиля, граница с хазарами и узами.[12].

Ал-Бакри (XI в.) помещает в IX в. печенегов вблизи Хорезма[13].

Этимология слова «печенег» до сих пор остается спорной. Большинство исследователей склонны видеть в этом слове значение «шурин», «свояк»[14] и считают, что в имении «печенег» отразился тот факт, что печенеги были когда-то привилегированной частью кочевого объединения огузов, среди аристократических родов которых выбирались невесты для правивших династий гузов[15].

Константин Багрянородный называет три племени печенегов общим именем «кангар»[16]. Это имя также вызывает споры. Некоторые ученые сопоставляют его с именем «канга», «канг», обычным в топонимике низовьев Сыр-Дарьи и Хорезма[17]. Характерно, что слово «кангар» в передаче Константина Багрянородного означает «знатный»,

---

[10] Обзор форм имени «печенег» см. А. М. Щербак. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела—Белой Вежи. МИА, 1959, № 75.

[11] По Махмуду Кашгарскому (XI в.), печенеги — одно из племен в стране Рума, входившее в состав племенного объединения огузов. Язык печенегов, по Махмуду Кашгарскому, имеет ряд общих черт с огузским и кыпчакским (T. D. K. Divanü. Lûgat-it-türk tercümesi. Ankara, 1939, SS. 57—58). Анна Комнина (XII в.) писала, что печенеги одного рода с команами («Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081—1118). Труд Анны Комниной», СПб., 1859, стр. 332). С. Г. Кляшторный убедительно доказал, что в середине I тыс. н. э. местом обитания печенегов-кангар (кенгерес-орхонских надписей) было среднее течение Сыр-Дарьи — Канга (см. С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники. М., «Наука», 1964, стр. 177).

[12] Constantin Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Budapest, 1949, pp. 166—167.

[13] А. Куник, В. Розен. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I. СПб., 1878, стр. 59—60. Ал-Бакрй передает более раннее сообщение и, видимо, неточно. Поэтому в его тексте имеется противоречие. Он знает печенегов и в районе Хорезма и в южнорусских степях.

[14] А. М. Щербак. Ук. соч., стр. 369.

[15] См. обоснование этого мнения О. Р. Pritsak. Stammesnamen und Titulaturen der Altaischen Völker. Ural-Altaische Jahrbücher. XXIV, 1—2. Wiesbaden, 1952, SS. 52, 79.

[16] Constantin Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, p. 171. Характерно, что Константин Багрянородный относит это название печенежских племен к прошлому: «...печенеги, которые раньше назывались кангар (кангар было именем, обозначающим благородство и доблесть среди них)». Вариант этого имени «кангиты» дает Карпини (XIII в.) («Путешествия...», стр. 57, 72). Рубрук (XIII в.) и Абу-л-Гази (XVI в.) знают имя «канглы» («Путешествия...», стр. 118, 122, 123) и помещают эти племена к востоку от Сыр-Дарьи. Против этой весьма широко распространенной точки зрения о преемственности между «кангар» и «канглы» высказывался Маркварт (I. Marquart. Über das Volkstum der Komanen. Abhandlungen der königl.-Gesellschaft der Wiessenschaft zu Göttingen. Phil. Hist., Cl. N. F. XIII. Berlin, 1914, S. 168). С. П. Толстов видел в переоформлении имени «кангар» в «канглы» результат влияния кыпчаков (С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 101). Заслуживает внимания то обстоятельство, что по Махмуду Кашгарскому, «канглы» у кыпчаков — это наименование знатного человека. Это созвучно сообщению Константина Багрянородного о значении имени «кангар». С. Г. Кляшторный видит в этом выражение стремления аристократии кыпчаков «связать себя с древней генсалогической традицией завоеванных земель» (см. С. Г. Кляшторный. Ук. соч., стр. 179). Вероятно, имя «кангар» и его варианты было распространенным названием печенегов или их части в ту эпоху, когда они кочевали в Азии. В Восточной Европе по каким-то причинам это имя уступило место имени «печенеги».

[17] J. Marquart. Op. cit., S. 26; В. В. Бартольд. Новый труд о половцах. «Русский исторический журнал», кн. 7. Пг., 1921, стр. 152; С. П. Толстов. Огузы, печенеги, море Даукара. СЭ, 1950, № 4, стр. 23; С. Г. Кляшторный. Ук. соч., стр. 164.

«благородный», и это близко к значению слова «печенег» как «свояк» в толковании, например, О. Прицака и В. Банга [18]. В связи с исследованием слова «кангар» в филологической и исторической литературе возникла гипотеза о связи печенегов и тюргешей [19].

Во второй половине IX в. [20] печенеги переходят Волгу и вторгаются в южнорусские степи.

Непосредственной причиной этого движения на запад, как пишет Константин Багрянородный [21], было давление гузов, возможно находившихся в сговоре с Хазарским каганатом.

Положение печенегов в конце IX — начале X в. Гардизи (XI в.) определяет следующим образом: «Владения печенегов простираются на тридцать дней пути. С каждой стороны к ним примыкает какой-нибудь народ: с востока — кыпчаки, с юго-запада — хазары, с запада — славяне» [22]. В первой половине X в. ибн Фадлан встретил на Волге отдельные группы печенегов, видимо отколовшиеся от основных племен. К печенегам ибн Фадлан попал только после того, как проехал западноказахстанские степи до реки Вабна (Малая Анкаты). После посещения печенегов, переправившись через реки Джайх (Яик) и Джаха (Чеган, приток Яика), он попал к башкирам [23].

Мас'уди называет соседями аланов и хазар четыре тюркских народа, из которых третий — печенеги [24].

Расселение печенегов в южнорусских степях ал-Бакри описывает следующим образом: с юга от печенегов — хазары, с севера — кыпчаки, с востока — гузы, на западе земля славян. Сомнение вызывают только кыпчаки. Эти сведения ал-Бакри восходят, видимо, к X в. [25].

По Худуд ал-'Алем, печенеги делятся на тюркских и хазарских, [26] Тюркские печенеги живут в районе, который с востока ограничен землей гузов, с юга — буртасами, или барадасами, на западе — землей мадьяров и русов, на севере — рекой Рута. Положение хазарских печенегов описано так: на востоке от них — Хазарские горы, на юг — аланы, на запад — море Гурдж, на север — Мирват [27]. Комментаторы отождествляют реку Рута с Донцом, Доном [28] или Дунаем, [29], горы Ха-

---

[18] O. Pritsak. Op. cit., SS. 52, 79; W. Bang. Über den Volksnamen besenjo. Túrán, VI—VII. Budapest, 1918, S. 436.

[19] A. N. Kurat. Peçenek tarihi. Istanbul, 1937, SS. 29—30; А. М. Щербак. Ук. соч., стр. 369—370.

[20] Константин Багрянородный писал в 940-х годах, что начало продвижения печенегов на Запад было 50—55 лет назад. Есть ряд других подтверждений этой даты (см. П. В. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв. Киев, 1884, стр. 66).

[21] Constantin Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, pp. 166—167.

[22] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. «Записки Академии наук», т. VIII, серия I, № 4. СПб., 1897, стр. 95.

[23] А. П. Ковалевский. Ук. соч., стр. 130, 192.

[24] Maçoudi. Les Prairies d'or. II. Texte et trad. par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1863, p. 59.

[25] Ch. Defrémery. Fragments des géographes et d'historiens arabes et persans-inédits, relatif aux anciens peuples du Caucase et de la Russie méridionale. JA, 4, s. XIII. Paris, 1849, p. 467.

[26] Hūdūd al-'Alam. Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H.— 982 A. H. London, 1937, pp. 67, 83, 160—162.

[27] М. И. Артамонов считает возможным сопоставить их с Моравией, сам удивляясь такой огромной территории расселения хазарских печенегов. См. М. И. Артамонов. История хазар. Л., изд. Гос. Эрм., 1962, стр. 351.

[28] Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г. КСИИМК, 1952, вып. XLIII, стр. 23—24; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 1958, № 62, стр. 213.

[29] В. В. Бартольд. Худуд ал-'Алем. Рукопись Туманского. Л., 1930, стр. 30.

зарские — с предгорьями Кумо-Манычской впадины[30], с Ергенями[31] или даже с Уралом[32]. Море Гурдж сопоставляется с Азовским морем[33]. Кто такие мирваты — неясно. Местоположение аланов — это предгорья Северного Кавказа.

Рассматривая вопрос о названиях ветвей печенегов, современных анонимному сочинению, С. А. Плетнева предполагала, что эти названия даны по имени самого сильного соседа: для первой группы печенегов таким был огузский каганат (торки), для второй — хазары[34]. Однако это решение вызывает сомнения. Для первой группы хазары были соседями в такой же мере, как и для второй.

М. И. Артамонов без каких-либо объяснений помещает тюркских печенегов к западу от Днепра, а хазарских — к востоку от Днепра до Дона[35].

Нам представляется, что хазарские печенеги — это те группы печенегов, которые еще в IX в. входили в состав Хазарского государства, кочевали на его территории и в ряде случаев использовались хазарской администрацией как военные отряды. Существует предположение о том, что в главной части Саркела, там, где располагался гарнизон, жили не сами хазарские воины, а отряд наемников, возможно печенегов. Об этом говорят черты быта, напоминающие о материальной культуре в кочевой Средней Азии[36]. С наступлением с востока основных масс печенегов эти печенежские отряды в Хазарии ушли на юг, в земли, не затронутые непосредственно волной кочевнического переселения конца IX — начала X в. Они и стали называться хазарскими печенегами.

Основные массы печенегов получили название тюркских, возможно, по имени тюрок-гузов. Возможно также, что печенеги, разгромившие Хазарский каганат, были восприняты в арабской и персидской историографии как восстановители Западнотюркского каганата.

В X в. продолжается борьба Хазарии и печенегов. На западе печенеги столкнулись с мадьярами. Мадьяры, теснимые печенегами, ушли на запад, в Паннонию, предоставив Причерноморье печенегам. В борьбе с мадьярами печенеги опирались на союз с Дунайской Болгарией. С середины X в. появляются первые известия о печенегах в Паннонии[37]. К концу IX в. относится и вытеснение уличей в Поросье, где они выстроили крепость против кочевников. Мощный удар в конце IX в. испытали тиверские города в Приднестровье, которые были разрушены печенегами (как отметил Константин Багрянородный). По остроумному предположению С. А. Плетневой, первые столкновения русских с печенегами можно отнести ко времени до 898 г.[38].

Положение печенегов в середине X в. описывает Константин Багрянородный, который сообщает нам имена восьми племен печенегов.

---

[30] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 213.
[31] М. И. Артамонов. История хазар, стр. 351.
[32] А. М. Щербак. Ук. соч., стр. 374.
[33] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 213.
[34] Там же, стр. 213.
[35] М. И. Артамонов. История хазар, стр. 424, карта.
[36] Можно указать на такие следы печенежского влияния в дериватах салтовской культуры, как погребения с черепом и костями четырех ног коня, встреченные в Больше-Тарханском раннеболгарском могильнике в ТАССР.
[37] Д. А. Рассовский. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. SK, VI. Praha, 1933, стр. 5.
[38] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 214. Первое упоминание печенегов в русских летописях относится к 915 г., когда Игорь заключил с печенегами мир, нарушенный уже в 920 г. (ПСРЛ, II, стр. 32).

По Константину Багрянородному[39]

ӕртім	харабоі
чур	талмат
јула	хопон
кӕlnэі	чопон[40]

Первые три племени Константин называет именем «кангар», о котором уже говорилось. Константин писал: «От нижнего течения Дуная, напротив Силлистрии, до города Саркеля на Дону простирается Печенегия»[41]. И далее: «Печенегия находится на расстоянии 5 дней пути от Узии и Хазар, 6 дней пути от Алании, 10 дней пути от Мордии, на расстоянии одного дня пути от Руси, 4 дней пути от Туркии, полдня пути от Болгарии, очень близко к Херсону и еще ближе к Боспору»[42].

Очевидно, разделение на тюркских и хазарских печенегов Константин не принимает во внимание, описывая эту территорию. Судя по приведенному описанию, Печенегия Константина не включала Северный Кавказ («6 дней пути от Алании»). Поэтому о хазарских печенегах нет ничего в его сочинениях. На западе печенеги ко времени Константина доходили до Серета[43].

Попытки определить границы расселения печенегов по топонимическим данным были сделаны рядом ученых[44]. Топонимы, связанные с именем «печенег», встречаются на следующей территории: Румыния, Сербия, Анатолия, Галиция, Волынь, Харьковщина, у Можайска, у Калуги, у Новгород-Северского.

Константин Багрянородный сам приводит кое-какие сведения о локализации в его время печенежских племен: четыре из них — на правом берегу Днепра, четыре — на левом,

Рассмотрим данные о восточной части печенегов. Это племена чур, кӕlnэі, талмат и чопон. Общее местоположение этих племен следующее: «Они обращены восточной и северной сторонами к Узии, Хазарии, Алании, Херсону и прочим климатам»[45]. А. М. Щербак сделал попытку по названиям населенных пунктов с именем «чур» определить место кочевий этого племени. Он показал, что села, названия которых состоят из имени «чур» или включают это имя, встречаются главным образом в северных районах предполагаемой «Печенегии» (Калужская, Рязанская, Черниговская, Пензенская, Курская области). Что касается трех оставшихся племен, то, по А. М. Щербаку, они занимали южные степи левобережной Печенегии. О проживании племени талмат на Волге есть свидетельство у Иосифа бен-Гориона[46].

Племена хопон, јула, харабоі и ӕртім заселяли западную часть «Печенегии». Именно их и имеет в виду Брун (XI в.), говоря о четырех

---

[39] Constantin Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, p. 166.

[40] А. М. Щербак неправильно сообщает, что такой же список приведен у Мас'уди (А. М. Щербак. Ук. соч., стр. 371).

[41] Constantin Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, p. 167.

[42] Ibid., pp. 168—169.

[43] Constantin Porphyrogenitus. De Administrando. Imperio, p. 174.

[44] Печенежской топонимикой занимались К. Киричек, Д. А. Рассовский, М. Фасмер, А. М. Щербак. Этими учеными взяты топонимы: «печенижин», «печенеги», «печенея», «печенюги», «печенежин» и т. п. А. М. Щербак сделал попытку связать некоторые топонимы с именами отдельных печенежских племен (см. А. М. Щербак. Ук. соч., стр. 375).

[45] Constantin Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, pp. 168—169.

[46] А. Я. Гаркави. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. ЗВОРАО, 1874, 17, стр. 219 (вариант имени «тилман»).

печенежских племенах[47]. Об их локализации можно судить более обоснованно по данным Константина Багрянородного. Он пишет, что хопон обитали в округе, соседящем с Болгарией. Округ јула соседит с «Туркией» (т. е. мадьярами), округ харабоі — с Русью а округ эртім — с подвластными Руси землями ултинов, древлян и др.[48].

Г. Цебе и А. Курат составили схему расположения печенежских родов по Константину Багрянородному. Основываясь на топонимических данных этой схемы, А. М. Щербак предложил весьма гипотетическое размещение печенежских племен в середине X в. (рис. 20).

Судя по сообщениям византийских источников (например, Кедрина) в середине XI в. расселение печенежских племен сильно меняется. По сведениям Кедрина, в районе Северного Причерноморья, примерно между Днепром и Дунаем, жило 13 родов печенегов[49]. Формально они были объединены властью одного хана — Тираха. В борьбе с наступавшими с востока гузами-торками выдвинулся новый хан — Кеген. Он пытался свергнуть Тираха и подчинить все племена печенегов, но потерпел поражение и ушел в Византию. Видимо под давлением гузов в Византию ушел со своими племенами и хан Тирах. Печенеги были размещены Византией на ее северных границах[50]. В русских летописях последнее упоминание о печенегах относится к 1169 г.[51].

Гузы-торки[52] в истории степей Восточной Европы сыграли значительно меньшую роль, чем печенеги. Гузы еще в начале X в. отдельными, видимо, группами приходили на Волгу или Дон. Мас'уди (X в.) писал, что «иногда кочевники из тюрок — гузы — приходят на эту сушу и зимуют там. Иногда вода, соединяющая реку Хазар с заливом (моря) Бонтус (точнее «Нитас» — Черное море. — *Г. Ф. -Д.*), замерзает, и гузы переправляются через нее со своими лошадьми... Они переправляются в страну хазар, и иногда, когда те, кто расположен там из его (хазарского царя. — *Г. Ф. -Д.*) людей, не может отразить их, против них выступает хазарский царь, не дает им переправляться по этому льду и отражает их от своей страны. А летом тюрки не могут переправляться через нее [реку]»[53].

Ал-Истахри (X в.) писал, что Итиль служит границей между кимаками и гузами. Но имеется в виду верховье Волги (Кама), которое, по мнению арабских географов, находилось на востоке, в стране Киргиз[54].

Географическое положение гузов в X в. хорошо описано в Худуд ал-'Алем: «И еще Каспийское море. С восточной стороны его пустыня, примыкающая к [области] гузов и Хорезму, северная сторона примыкает к [области] гузов и отчасти хазаров; западная сторона его примыкает к городам хазаров и Азербайджана... И еще море Хорезмское [Аральское]... Вокруг него все места принадлежат гузам... И еще река Рас (по-видимому, Илек — *Г. Ф. -Д*) на севере, в области гузов. Река...

---

[47] «Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.». М., 1936, стр. 77.

[48] Constantin Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, pp. 168–169.

[49] В. Васильевский. Труды, т. I. iСПб., 1908, стр. 9.

[50] См. В. Васильевский. Ук. соч., стр. 11; C. Jiriček. Einige Bemerkungen über die Überzets der Petschenegen und Kumanen. Praga, 1890, SS. 3—30; T. Kowalski. Les Turks et la langue turque de la Bulgarie du Nord-Est. Krakow, 1933.

[51] ПСРЛ, II, стр. 533.

[52] Тождество гузов и торков было показано еще П. В. Голубовским (см. П. В. Голубовский. Об узах и торках. ЖМНП, 1884, июль). Он показал, что торками русские называли гузов, вторгшихся в восточноевропейские степи.

[53] МИТТ, стр. 167. Трудно согласиться с В. Ф. Минорским, который считает, что в это время гузы «появлялись из степей, тянущихся на запад от Дона» (В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда М., ИВЛ, 1963, стр. 198, прим. 46).

[54] МИТТ, стр. 169—170.

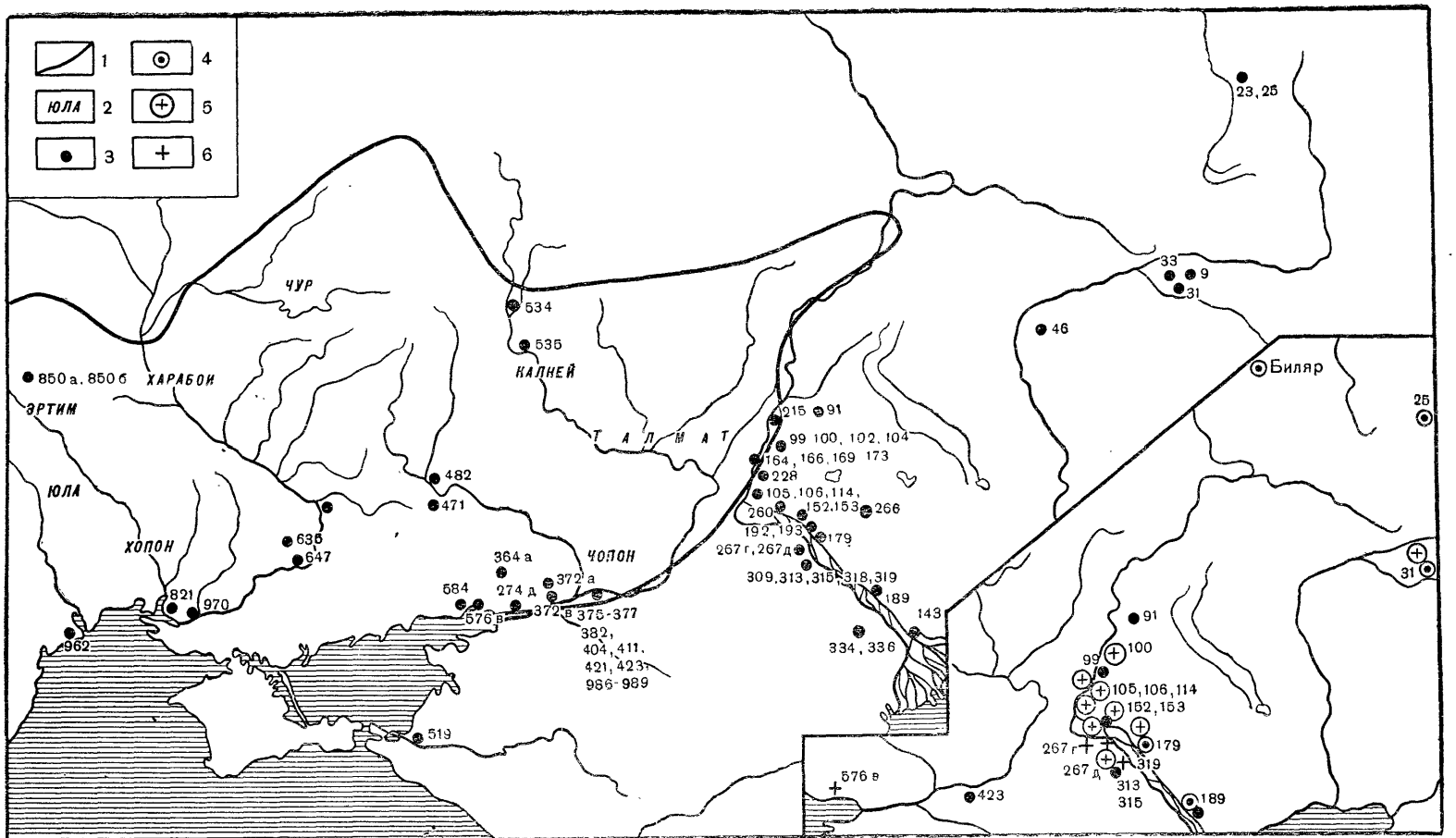


Рис. 20. Карта погребений I периода: *1* — граница расселения печенегов по А. М. Щербаку; *2* — племена печенегов по А. М. Щербаку; *3* — копоушки типа II; *4* — нашивки ДII; *5* — нашивки ДIII, ДIV; *6* — лепные сосуды типов AI, БI—БIII

вытекает из той горы, которая находится между областью кимаков и хиргизов [киргизов], проходит по области гузов и впадает в Хазарское море»[55]. Верховья Итиля здесь также названы границей между кимаками и гузами. Далее в Худуд ал-'Алем земля гузов с точки зрения ее положения описана так: «Слово об области гузов. К востоку от нее — гузская пустыня и города Мавераннахра. С южной стороны — часть этой пустыни, другая же часть — Хазарское море. С запада и севера области — река Атиль»[56].

Представляя мощное государственное объединение в Приаралье, с городами, земледелием, с центральной властью ягуб, гузы в XI в. положили начало движению тюркских племен на запад, которое осуществлялось двумя ветвями. Южное, известное как движение сельджуков, шло через Среднюю Азию, Иран, Малую Азию. Северное движение гузов (торков, как их называет русская летопись) шло через степи Восточной Европы. Гузы-торки в сообществе с частью присоединившихся к ним печенегов быстро разбили главные силы печенегов и наводнили в 1050—1060 гг. южнорусские степи. Начинаются столкновения гузов-торков с Русью. В 1055 г. русские войска разбили северную ветвь гузского союза. В 1060 г. гузы, побоявшись столкновения с русским войском Всеволода Ярославича, ушли в степь. В конце XI в. торки были вытеснены половцами и уступили им первую роль в восточноевропейской степи.

Интерпретируя кочевнические погребения I периода (конца IX—XI в.) как печенежско-торческие, мы исходим из исторических свидетельств, характеризующих это время господством именно этих народностей. Выше мы показали спорность попыток выделения торческих древностей. Они пока неотличимы от печенежских. Родство торков и печенегов, засвидетельствованное древними письменными памятниками, заставляет сомневаться в наличии существенного различия в ритуале этих двух групп населения. Описанный у ибн Фадлана[57] обряд захоронения торка ближе всего походит на тип погребения Б I—Б III, т. е. наиболее распространенные у печенегов I периода типы погребений.

Археологический материал вносит существенные коррективы в наше представление о заселении восточноевропейской степи в X—XI вв., в печенежско-торческую эпоху. Судя по письменным источникам, основные кочевые массы этого времени сосредоточивались в районах, прилегающих к Приднепровью, где и обитали восемь племен печенегов. Карта распространения погребений I периода (рис. 20) показывает совершенно иную картину. Значительное количество погребений I периода сосредоточено в Поволжье, т. е. в восточных районах степи. Очевидно, именно эти степные территории были наиболее многолюдными в I период, и основные массы печенежско-торческого населения концентрировались в восточной части южнорусских степей (в Поволжье и Заволжье). Но они были неизвестны византийским писателям, в частности Константину Багрянородному. Поэтому западные печенежские земли, менее заселенные и игравшие, видимо, в жизни всего печенежского и торческого населения меньшую роль, оказались охарактеризованными современниками более полно.

Можно установить некоторое своеобразие археологического материала этой восточной зоны печенежско-торческого мира. Нашивки типа

---

[55] МИТТ, стр. 209—210.
[56] МИТТ, стр. 211.
[57] А. П. Ковалевский. Ук. соч., стр. 128.

Д II, Д III, Д IV, привески-копоушки типа II, а также лепные сосуды типов А I, Б I—Б III имеют ареал, ограниченный Поволжьем, Нижним Подоньем и Приуральем (рис. 20). Эти вещи представляют собой единственные локальные признаки восточных районов печенежско-торческих степей, которые не встречаются на западе. Что касается типов погребений, то вся степь Восточной Европы от Урала и до Днестра представляет собой одну картину, неделимую пока на локальные варианты.

II период

Табл. 15 при сравнении с табл. 14 выявляет существенные изменения в топографии типов погребений, происшедшие во II период.

Таблица 15

Типы погребений	Районы										Всего	
	Южное Приуралье	Нижнее Поволжье	Нижнее Подонье	Бассейн Северного Донца	Северо-Западный Кавказ	Крым	Северное Приазовье	Нижнее Поднепровье	Поросье	Поднестровье	количество	%
AI	—	—	1	—	—	—	—	—	3	2	6	11
AII	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2	4
AVIII	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	2
БI	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	3	6
БII	1	—	6	—	—	—	1	—	13	1	22	40
БIII	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	2	4
БX	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	4	2
БXIII	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	4
БXVII	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	2
БXXI	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	2	4
БXXIII	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2
BI	—	—	—	1	3	—	—	—	1	1	6	11
ГI	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2	4
ГII	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	2
ДIV	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	2
Всего	1	4	10	2	4	1	2	2	19	8	53	100

Иначе, чем в I период, локализуются типы Б I, Б II, Б III. В I период они встречались в Южном Приуралье, Поволжье, Нижнем Дону и Поднестровье. Во II период погребения типов Б I—Б III встречаютсся главным образом в Поросье (14 из 27 погребений этих типов, т. е. 52%); погребения этих типов продолжают встречаться в Нижнем Подонье (9 из 27 погребений этого типа, т. е. 33%), но почти совсем исчезают в Южном Приуралье и Поволжье (1 из 27 погребений этих типов, т. е. 4%). Очень мало погребений этих типов в Нижнем Поднестровье и в Приазовье (2 из 27 погребений этого типа, т. е. 5%).

Во II период появляются погребения новых типов: Б XIII, Б XVII, Б XXI, Б XXIII.

Погребения с восточной ориентировкой, известные в I периоде,

существуют и во II период, но их локализация меняется. Если в I период погребения типа В I встречались только в Поволжье и в Приуралье, то во II период погребения типов В I, Г I и Г II встречены кроме Поволжья на Северном Донце, Северо-Западном Кавказе, в Приднепровье, Поросье и Поднестровье

Впервые появляются в этот период погребения с северной ориентировкой (Д IV).

Резко сокращается количество погребений с западной ориентировкой без коня. Если в I период их было 43%, то во II периоде их стало всего 17%.

Кроме того, мы должны вернуться к табл. 10 и вспомнить, что во II периоде в Приазовье и Поднестровье обнаружены курганы с камнем (насыпи II и III типов), известные ранее только в Приуралье и Поволжье.

Как связать эту топографию обрядов погребений кочевников с той картиной расселения племен во II период, которая документирована письменными источниками?

Датировка II периода XII в. заставляет нас обратиться к истории половцев — главных кочевых племен в южнорусских степях этого времени.

Половцы русских источников, команы — западных и кыпчаки — восточных арабо-персидских — все это разные названия одной группы кочевых племен[58], родственных кимакам и входивших в кимакский племенной союз, в X в. обитавший в верхнем течении Иртыша. О кыпчакской области в составе земель кимаков в X в. говорит Худуд ал-'Алем: «Андараз-Хифчак. Область, принадлежавшая кимакам. Люди ее некоторыми обычаями похожи на гузов»[59].

Г. Е. Грум-Гржимайло доказывал, что кыпчаки — это западная ветвь динлинов, которая смешалась с кочевым населением Казахстана и стала известна под именем кыпчаков, команов и половцев[60]. Эта теория имеет много сторонников[61]. И. Маркварт считал команов отреченной ветвью монголов, вытесненных киданями в начале X в[62]. Однако эта гипотеза не принята в науке[63].

Продвижение кыпчаков на запад относится уже к началу XI в. Кыпчаки в составе кимакских отрядов совершают набеги на Дженд, Янгикент и другие районы гузов. В середине XI в. их передовые орды переходят Волгу. История завоевания южнорусских степей кыпчаками-половцами описана в русских летописях. Первые столкновения русских с половцами относятся к 1060-м годам[64]. В начале 1116 г. пала Белая Вежа. С конца XI в. половцы-кыпчаки занимают главенствующее по-

---

[58] Возможно, что «команы» — это самоназвание западных кыпчаков. Русское название команов — «половцы» — объясняется учеными по-разному. А. Куник выводил слово «половцы» от слова «половый» — светло-серый, соломенный. Это было одним из главных аргументов теорий о том, что половцы — представители светловолосой европеоидной расы в Азии (см. А. Куник. О торкских печенегах и половцах по венгерским источникам. ЗАН, отд. I, III, 1854, ч. II). А. Н. Пономарев предлагает считать имя «половцы» переводом самоназвания западных кыпчаков — «команы», понятого как бранное слово (куба-кубан-куман-светлый) (см. А. Н. Пономарев. Куманы-половцы. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 366—369).

[59] МИТТ, стр. 211.

[60] Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. М. — Л., 1926.

[61] Л. Н. Гумилев. Хунну. М., ИВЛ, 1960, стр. 250.

[62] J. Marquart. Op. cit.

[63] В. В. Бертольд. Новый труд о половцах, стр. 133.

[64] В 1061 г. «придоша половцы первое на рускую землю воеватъ». ПСРЛ, II, стр. 152.

ложение в степях Восточной Европы. С этого времени мы начинаем II период. Племена печенегов и торков, оттесненные кыпчаками, в этот период занимают только некоторые районы степей и лесостепей. Известно, что разгромленные торками печенеги в значительной части своей влились в торческий племенной союз. Разгромленные русскими в 1055 г., а затем и кыпчаками, торки и влившиеся в их массу остатки печенегов сначала пытались соединиться с сельджуками на территории Византии. В 1064 г. торки появляются на Дунае, но вскоре уходят под напором византийских регулярных армий. Часть торков, подобно печенегам в начале XI в., осталась на службе у императора, но большая часть ушла и подчинилась киевскому князю, обосновавшись в Поросье. С 1060-х до 1140-х годов здесь обитали кочевники, которых русские летописи называют торками, печенегами и берендеями. Летописи отличают друг от друга эти племенные группировки[65].. Для Киева эти кочевники были не только «щитом» против половцев, но в некоторых случаях оружием в борьбе с растущей раздробленностью страны[66]. С 1140-х годов в русских летописях появляется термин «черные клобуки», общий, видимо, для всех трех племен[67].С. А. Плетнева предполагает, что главной силой среди черных клобуков были берендеи[68]. В это время окончательно оформляются вассальные отношения кочевников Поросья с киевским князем.

Вместе с берендеями, печенегами и торками летописи упоминают в XII в., видимо, также вассальные по отношению к Руси племена коуев, обитавших на Черниговщине[69], каепичей[70], турпеев[71] и боутов[72]. Кроме южной Киевщины поселения вассальных печенежско-торческих кочевников были под Черниговом[73], Переяславлем[74], возможно также

---

[65]Это заметила С. А. Плетнева (С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 218).

[66] Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 344.

[67] ПСРЛ, II, стр. 323.

[68] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 218. Следует отметить, что в летописях имеется указание на родство берендеев и торков: «Търчинъ именем Береньди» (ПСРЛ, II, стр. 235). Есть предположение, что берендеи происходят от баяндур — племени, которое входило в гузский племенной союз. Среди кимаков также был род бояндур, как сообщает Гардизи (см. В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 105; С. П. Толстов. Города гузов; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 165).

[69] ПСРЛ, II, стр. 427, 517.

[70] ПСРЛ, II, стр. 507. С. П. Толстов считает возможным сопоставлять имя каепичи с именем одного из племен, входивших в гузский союз (С. П. Толстов. Города гузов).

[71] ПСРЛ, II, стр. 398.

[72] ПСРЛ, X, стр. 51.

[73] ПСРЛ, II, стр. 638. В «Слове о полку Игореве» Святославу приписаны следующие слова: «А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовоя брата моего Ярослава (Черниговского.— *Г. Ф.-Д.*), съ черниговьскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчакы, и съ ревугы, и съ ольберы» («Слово о полку Игореве». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 21). Б. А. Рыбаков считает, что здесь поименованы тюркские племена или дружины на службе у Чернигова (Б. А. Рыбаков. Первые века русской истории. М., Изд-во АН СССР, 1964, стр. 198). Есть другие точки зрения. С. Малов считал, что это социальные термины или титулы (С. Малов. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». ИАН СССР, отд. литературы и языка, 1946, № 2, стр. 139); П. М. Мелиоранский считал, что эти имена принадлежат тюркским племенам или подразделениям вассальных от черниговского князя отрядов тюрков. В. Гордлевский и Л. Рашоньи считали возможным выводить слово «ольбиры» из сочетания слов алп-ер (предводитель) (В. Гордлевский. Что такое «босый волк». ИАН СССР, отд. литературы и языка, т. IV, 1947, № 4, стр. 32; L. Rasonyi. Les nomes de tribus dans le «Слово о полку Игореве». SK, VIII. Praha, 1936).

[74] Здесь кроме торков переяславских упоминаются турпеи у Сакова (ПСРЛ, II, стр. 398).

в Ростово-Суздальской земле[75], на Трубеже[76] и под Белой Вежей[77] (рис. 21). Есть известие о печенежских отрядах под Рязанью[78].

Можно связать ряд типов могил и курганных насыпей с новым, половецким, населением. Мы уже писали о том, что курганы с камнями в насыпи, наводнившие восточноевропейские степи в конце XI—XII в., были оставлены, по всей вероятности, половцами. Вполне естественно, что в XI в. (I период) такие курганы были насыпаны только на восточных окраинах степи, а в XII в. (II период) их сооружали, видимо, повсюду в степях Восточной Европы, вплоть до Молдавии и прилегающих районов.

Половецкими следует считать подобно курганам с камнями в насыпи также курганы с восточной ориентировкой покойника. Погребения с восточной ориентировкой встречаются в I периоде главным образом на востоке, а во II периоде — по всей степи, до ее западных пределов.

С приходом половцев, вероятно, появляется обряд погребения с покойником целого коня, ранее в Восточной Европе не известный (типы Б XIII, Б XVII), а также обряд погребения коня в отдельной яме (типы Б XXI, Б XXIII).

Характерные для I периода погребения типов Б I—Б III (с частями коня, разложенными в анатомическом порядке) встречаются во II периоде чаще всего в Поросье. Если учесть, что именно сюда перемещается большая часть разгромленных торческо-печенежских племен, можно считать, что могилы этих типов были оставлены торческо-печенежско-берендеевским населением Поросья, известным со второй половины XII в. под именем черных клобуков. Группы погребений таких же типов сохранились на нижнем Дону близ развалин Саркела — Белой Вежи, где, очевидно, жили отряды и группы печенежско-торческого населения в течение первых 20 лет XII в. Основные районы распространения погребений типов Б I, Б II, Б III в I период — земли Поволжья — оказались очищенными от печенежско-торческого населения новыми хозяевами степей — половцами (рис. 21). В соответствии с этим в Поволжье во II период погребений таких типов очень мало.

III период

III период датируется концом XII — началом XIII в. Это непосредственно предмонгольский период. Возможно, он захватил начало монгольского ига в Восточной Европе. Погребения этого периода настолько малочисленны, что трудно судить о тех изменениях в размещении обрядов погребений, которые произошли в этот период. Отметим лишь (табл. 16), что новая, связанная с приходом половцев, черта погребального обряда — захоронение вместо частей коня целого коня — зафиксирована в Поросье одним погребением типа Б XIII, отмеченного здесь еще во II период. Очевидно, под влиянием половцев типы погребений Б I—Б III изменяются. Все детали остаются прежними, лишь вместо разложенных в анатомическом порядке костей коня кладут коня целиком (типы Б XII, Б XIII, Б XIV, соответствующие типам Б I, Б II, Б III).

---

[75] Б. Д. Греков. Ук. соч., стр. 344. Это предположение основано на данных топонимики.

[76] ПСРЛ, I, 1908, стр. 295, 303; К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., Географиз, 1948, стр. 136.

[77] ПСРЛ, II, стр. 284; С. А. Плетнева. Кочевнический могильник близ Саркела—Белой Вежи. МИА, 1963, № 109, стр. 258—259.

[78] ПСРЛ, IX, стр. 160.

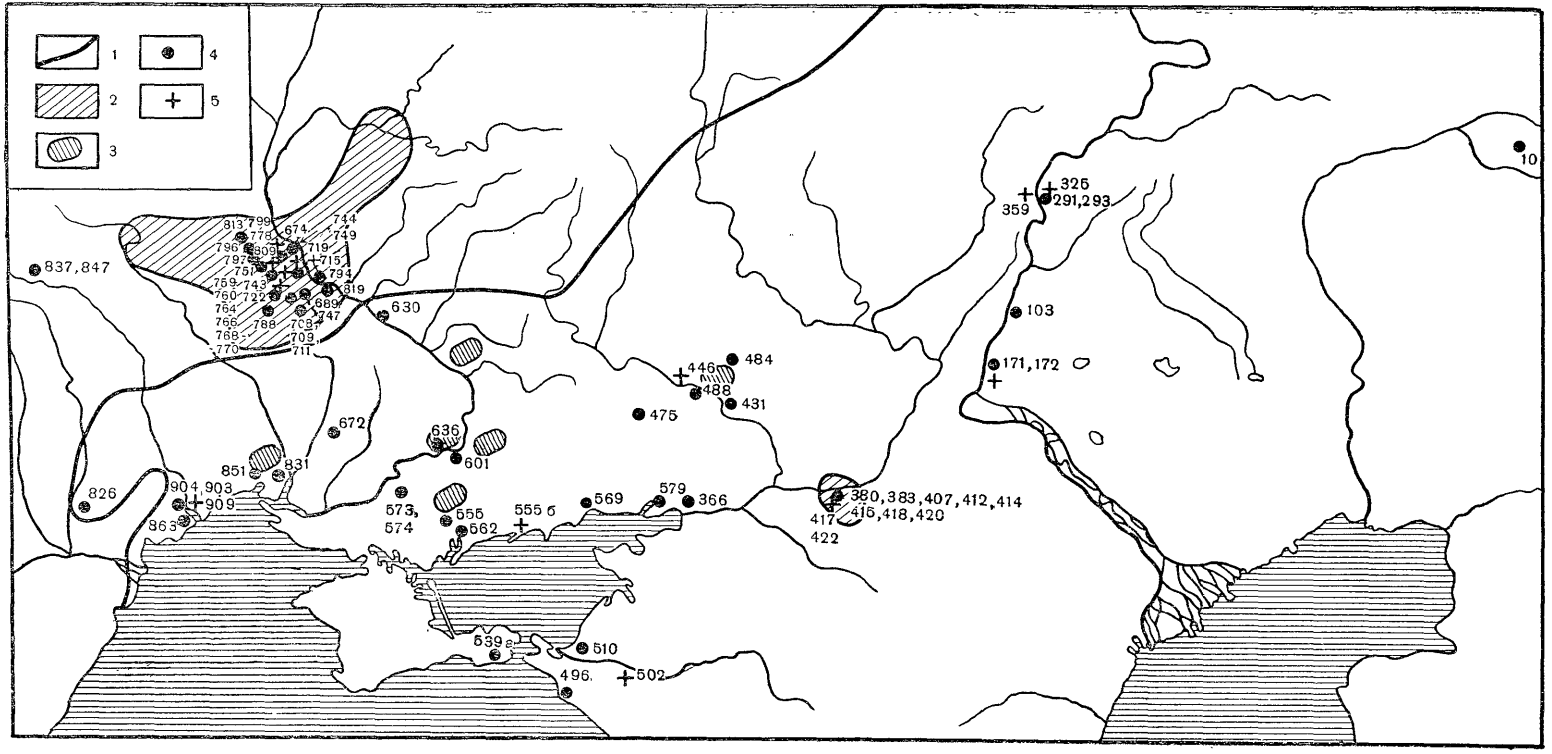


Рис. 21. Карта погребений II и III периодов: *1* — граница русских земель в XII в.; *2* — территория остаточного печенежско-торческого населения; *3* — половецкие центры, по К. В. Кудряшову; *4* — погребения II периода; *5* — погребения III периода

Таблица 16

Типы погребений	Районы			Всего	
	Нижнее Поволжье	бассейн Северного Донца	Поросье	количество	%
AI	—	—	1	1	14
БII	—	1	2	3	44
БXIII	—	—	1	1	14
BI	1	—	—	1	14
ГII	—	—	1	1	14
Всего	1	1	5	7	100

В связи с этим следует обратить внимание на наличие в Поросье погребения с восточной ориентировкой (тип Г II). Погребения с восточной ориентировкой в Поросье почти все сосредоточены в одном могильнике — Зеленка. Этот могильник содержит курганы II, III и IV периодов. Курганы II и IV периодов все имеют погребения с западной ориентировкой. Из 12 погребений с восточной ориентировкой (35%) одно погребение относится к III периоду. В предыдущий период погребений с восточной ориентировкой в Поросье совсем не отмечено. Нельзя считать, что весь могильник насыпан группой половцев, проникшей в Поросье, как полагает С. А. Плетнева[79]. В течение длительного времени этот могильник был кладбищем для многих кочевых групп. Только в III период какие-то группы кочевников хоронили здесь своих мертвых, обращая их головой на восток. Этот обычай мы связываем с половцами[80]. Таким образом, проникновение половцев в III период в Поросье зафиксировано частью погребений могильника Зеленка, а также трансформацией старых обрядов типов Б I—Б III в новые, очевидно, характерные главным образом для черных клобуков обряды типов Б XII—Б XIII.

Карта погребений II и III периодов (рис. 21) показывает, что в половецкое время западные районы степи были значительно многолюднее Поволжья и Заволжья. Наиболее интенсивное заселение происходит в придонецких, приазовских, приднепровских и приднестровских степях, а кочевники Поволжья, видимо, теряют первенствующее значение в общей массе кочевнического населения.

Представляется важным сопоставление карты погребений II и III периодов с картой основных половецких кочевий и веж XII в. К. В. Кудряшов, используя летописные сведения о направлении походов русских князей в половецкую степь, сделал попытку определить основные центры половцев (его топография половецкой степи может быть существенно дополнена.)

Лукоморские и подунайские половцы. В летописях имеются сведения об этой группе половцев и о походах русских к «луке моря», т. е. Черноморскому побережью между Дунаем и Днепром[81] (например, походы 1106[82], 1187[83], 1193[84] гг.).

Приднепровские половцы. Есть сообщение о походах русских «до Протолчии и ту заяша стада многа половецкая в лузе в Днепреском»

[79] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 182.

[80] Следует отметить, что именно к концу XII в., т. е. к III периоду, относятся летописные сообщения о половцах в Поросье (ПСРЛ, II, стр. 694—695; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 182).

[81] К. В. Кудряшов. Ук. соч., стр. 131.

[82] ПСРЛ, II, стр. 257.

[83] ПСРЛ, II, стр. 659.

[84] ПСРЛ, II, стр. 675.

(поход 1190 г.) [85] и о вежах, которые «бехуть остался в Лузе». Известны вежи половцев на расстоянии дневного перехода к востоку от Ивли. Если вслед за К. В. Кудряшовым принять Ивлю за Ингулец, то один из центров половецких кочевий можно поместить к востоку от излучины Днепра. Кроме этого центра половцы имели вежи к востоку от Днепра. К. В. Кудряшов помещает их за Сулой на основании сопоставления известий о походе Святополка и Владимира 1095 г. и «Поучения Мономаха» [86]. В этом центре половецких кочевий, видимо, в 1095 г. был заключен мир русских с половецким ханом Тугорканом.

Известны в начале XII в. приднепровские становища половцев за рекой Псел [87], а во второй половине XII в. русские совершают походы на становища половцев за Самарой и Орелью: походы 1152 [88] 1170 [89] 1183 [90], 1187 [91] гг. В 1183 г. здесь был захвачен сам Кобяк, что говорит о том, что этот центр половцев был весьма важным в политическом отношении.

Половцы на Сутени (приазовские). Этот район половецких кочевий подвергся нападению русских войск в 1103 г. Здесь было убито 20 князей половцев [92]. К. В. Кудряшов отождествляет Сутень с рекой Молочной [93]. Здесь был еще один центр половецких кочевий и веж.

Донецкие половцы. Сюда были совершены походы 1109 [94], 1111 [95] и 1116 [96], 1168 [97], 1183 [98], 1185 [99], 1191 [100] гг. Здесь были донецкие города половцев, очевидно, крупные вежи на Северном Донце: Сугров, Балин и Шарукань. На Северном Донце были кочевья и вежи половецких ханов Гзы Бурновича, Кончака, Беглюка. Эти центры К. В. Кудряшов склонен локализовать в районе впадения в Северный Донец реки Тора [101].

Донские половцы. В этот район половецких веж русские совершали походы в 1160 [102] и, возможно, в 1199 [103] г. Походы были организованы владимирскими, муромскими и рязанскими князьями, и выражение, употребленное в данном случае летописью: «За Дон далече», возможно, означает правый берег Дона: отметим, однако, спорность вопроса о том, что́ летописи называли Доном [104]: современную реку Дон или Северный Донец.

На среднем течении Дона и Северного Донца исследователи размещают половецкие племена токсобичей, елтуковичей, отперлюевичей, бурчевичей (бурновичей?), етебичей, терьтробичей, кулобичей [105].

---

[85] ПСРЛ, II, стр. 671.
[86] ПСРЛ, I, стр. 249; ПСРЛ, II, стр. 219; К. В. Кудряшов. Ук. соч., стр. 131.
[87] ПСРЛ, I, стр. 249—250, 281—282.
[88] ПСРЛ, I, стр. 339; ПСРЛ, II, стр. 460.
[89] ПСРЛ, II, стр. 539—540.
[90] ПСРЛ, I, стр. 395; ПСРЛ, II, стр. 631—632.
[91] ПСРЛ, II, стр. 653.
[92] ПСРЛ, I, стр. 276—279; ПСРЛ, II, стр. 255.
[93] К. В. Кудряшов. Ук. соч., стр. 91—95, 132.
[94] ПСРЛ, I, стр. 284; ПСРЛ, II, стр. 260.
[95] ПСРЛ, I, стр. 289; ПСРЛ, II, стр. 266.
[96] ПСРЛ, I, стр. 291; ПСРЛ, II, стр. 284.
[97] ПСРЛ, II, стр. 532; К. В. Кудряшов. Ук. соч., стр. 133.
[98] ПСРЛ, II, стр. 629; К. В. Кудряшов. Ук. соч., стр. 133.
[99] ПСРЛ, II, стр. 636.
[100] ПСРЛ, II, стр. 673.
[101] К. В. Кудряшов. Ук. соч., стр. 133.
[102] ПСРЛ, IX, стр. 222.
[103] ПСРЛ, I, стр. 414.
[104] Б. А. Рыбаков показал, что в «Слове о полку Игореве» и некоторых других источниках Доном названо нижнее течение Северного Донца и нижнее течение Дона (Б. А. Рыбаков. Дон и Донец в «Слове о полку Игореве». НДВШ, 1958, № 1).
[105] ПСРЛ, II, стр, 455, 641—642.

Некоторые имена племен домонгольских половцев передают арабские авторы XIII—XIV вв.; ан-Нувайри писал: «После ухода в 616 г. Западных татар племена тюркские опять утвердились на своих местах в Северных землях. Эти обитатели шатров, которые не живут в ямах и не селятся в строениях, но проводят лето в одной земле, а зиму в другой. Их много племен; и их племенам принадлежат те, которые приводит эмир Рукн ад-Дин Бейбарс ал-Мансури в своей летописи: именно 1) Токсоба, 2) Иета, 3) Бурджоглы, 4) Бурлы, 5) Кангуоглы (или Кангароглы), 6) Анджоглы, 7) Дурут, 8) Карабароглы, 9) Джузан, 10) Карабиркли, 11) Котян. Не пробовали они, говорит он (Бейбарс), расходиться по своим жилищам, и селиться на своих местах, до 626 г.» [106].

Ибн-Халдун, передавая эти сведения, замечает, что Дурут были из кыпчаков, Токсоба из татар, а тюрки в Египте из кыпчаков [107]. Однако совершенно несомненно, что под именем токсоба имеются в виду токсобичи русской летописи; возможно, что именем бурджиоглы в арабской графике передано имя бурчевичи русских летописей (ч-дж), а иета соответствует летописным етебичам. В списке ан-Нувайри отразилось и древнее имя печенегов-кангар (кангароглы). Племя Бурджоглы упомянуто у Элайни как то племя, из которого вышли мамлюкские султаны Бейбарс и Калаун [108].

В летописных свидетельствах о половцах, связанных главным образом с походами русских князей, вполне естественно, не нашло отражения существование половецкого населения на Северо-Западном Кавказе и в Поволжье.

Нижневолжские половцы (*саксин*). В Нижнем Поволжье, которое часто именуется «Саксин», жила также какая-то группа половцев, которые иногда в источниках именуются «саксины».

На карте Идриси 1154 г. команы показаны только к западу от Дона. В Поволжье Идриси помещает хазар и город Итиль, что является для XII в. анахронизмом. Очевидно, Идриси следовал при описании и составлении карты хорасанской географической традиции, восходящей к IX—X вв. (ибн Хордадбех и др.). Для районов западной части степи Идриси использовал информации, проходившие через Византию, чем и объясняется, на наш взгляд, применение термина «куманы» вместо обычного для восточных писателей «кыпчак» [109]. Византийские информаторы Идриси, видимо, не дают сведений о племенах восточнее Дона, а хорасанские источники по Поволжью кыпчаков не знают, так как они относятся ко времени, когда кыпчаков в Поволжье еще не было [110]. Таким образом, отсутствие куманов по Волге у Идриси не является

---

[106] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 540—541.

[107] Там же, стр. 542.

[108] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 503.

[109] Текст Идриси был широко использован западными арабскими географами XIII—XIV вв. ибн-Са'идом и Абу-л-Фидой. У этих авторов западная часть кыпчакских степей названа куманской, но восточная степь, расположенная к востоку от башкир, именуется кыпчакской. В этих источниках, таким образом, кыпчакская степь оказалась разделенной на собственно кыпчакскую и куманскую («Géographie d'Abulféda», II. Trad. par M. Reinaud. Paris, 1840, p. 292).

[110] K. Miller. Arabische Welt-und Länderkarten. Stuttgart, 1927—1931, Bd. I, Lief 2, Taf. V; Bd. II, S. 150; Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г. Спорным нам представляется деление Кумании Идриси на две части — белую и черную. Идриси называет западную часть степи — Белая Кумания. Черная Кумания у него — городок близ устья Кубани (?). Там же есть и другой городок — Белая Кумания. Возможно, в двух городках Идриси, расположенных на противоположных берегах р. (Кубани?), нашло искаженное выражение представление о социальном, видимо, делении некоторых городов в степи, в частности Итиля, на две части — черную и белую. Идриси

свидетельством об их действительном отсутствии в этом районе степи в XII в.

В персидской исторической литературе имя «Саксин» употреблялось в XIII—XIV вв. для обозначения области, а не племени. В летописной традиции на русском языке саксины упоминаются как племя в связи с событиями 1229 г. Летописец называет именем «Саксин» половцев, обитавших в районе Нижнего Поволжья. Вообще русские летописи считают восточной границей половецкой степи именно Волгу: «Вся Половецкая земля между Волгою и Днепром» [111]. Имя «саксины» употребляется в венгерских источниках: например, у Юлиана (XIII в.): Саксин, Фулгар, Ведин, Меровия, Сасция, Пойдавия, царство морданов-мордванов [112]. Саксины здесь, очевидно, заменяют половцев-команов.

Таким образом, карта расселения племен половцев документирована источниками главным образом XII в., а для Поволжья — XIII—XIV вв. Половецкие центры были связаны прежде всего, видимо, с зимовками. Там же располагались половецкие вежи. Именно в этих районах и наблюдаем мы сосредоточение половецких погребений во II период (рис. 21).

IV период

Табл. 17 при сравнении с табл. 15 и 16 показывает существенные изменения в топографии типов погребений, которые произошли в течение IV периода.

Иначе, чем в предыдущие периоды, распределяются по областям типы БI, БII, БIII. Эти типы, характерные для остаточного печенежско-торческого населения степи в половецкую эпоху, раньше, в течение II периода, локализовались почти исключительно в Поросье и Нижнем Подонье (близ Саркела). В этих районах во II период зарегистрировано 85% всех погребений этих типов. В Поволжье их совсем нет в это время, в Приуралье отмечено только одно погребение этого типа. В IV период в Нижнем Подонье совсем нет погребений этих типов. В Поросье их найдено всего лишь два, что составляет 20% всех поросских погребений этого времени и всего 16% всех погребений этих типов. В Поволжье в IV период обнаружено три погребения типов БI—БIII, что составляет 3% всех поволжских погребений и 23% всех погребений этого типа.

То же следует сказать и относительно типов БXII, БXIII, БXIV, поздних вариантов поросских погребений. Погребения этих типов в III период были найдены только в Поросье. В IV период они также составляют значительную долю погребений Поросья (60%). Это подтверждает тезис, что погребения типов БI—БIII (их в Поросье в IV период оставалось совсем мало) с течением времени уступают свое место

знал рассказ ал-Бакри о делении Итиля на две части. В наиболее архаичных вариантах этого рассказа у ибн Русте приведены названия этих частей: Сар'ш. н и Х. б. н. л. В первом имени ряд исследователей усматривают эпитет «белый». Кроме того, Истахри, ибн Хаукал и другие авторы (вероятно, известные Идриси) сообщают о черных хазарах, возможно, как о населении, противопоставленном белым (об этом см.; Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., ИВЛ, 1962, стр. 186—194). Вообще у тюрков-кочевников названия городов Белый и Черный были широко распространены (см. П. В. Голубовский. Ук. соч., стр. 200—203). Конечно, раз есть степная территория, область, обозначенная как Белая Кумания, можно предполагать существование и Черной Кумании, и при этом не городка или части города, а области половецкой степи. Но такой области у Идриси не отмечено.

[111] ПСРЛ, II, стр. 455.

[112] С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах. ИА, 1940, III, стр. 25.

Таблица 17

Типы погребений	Районы											Всего	
	Южное Приуралье	Нижнее Поволжье	Нижнее Подонье	Бассейн Северного Донца	Северо-Западный Кавказ	Центральный Кавказ	Крым	Северное Приазовье	Нижнее Поднепровье	Поросье	Поднестровье	количество	%
AI	13	36	—	1	5	—	—	—	3	2	20	80	36,3
AII	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1
AIII	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5
AIV	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	5	7	3,2
AV	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1,5
AVI	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1
AVII	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5
AVIII	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	2	1
БII	—	2	—	1	—	1	—	—	2	2	2	10	4,6
БIII	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	1,5
БV	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5
БVI	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5
БVII	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5
БVIII	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	2	1
БIX	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	1
БX	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2	1
БXI	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5
БXII	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	1
БXIII	—	—	—	—	1	—	—	—	—	5	—	6	2,7
БXIV	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	2	1
БXV	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5
БXVI	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5
БXX	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5
БXXI	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	7	8	3,8
БXXIII	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	0,5
БXXIV	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5
БXXVI	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5
BI	1	19	1	5	—	—	1	1	1	—	4	33	15,1
BII	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1
BIII	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5
BIV	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1
BV	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5
ГII	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1,5
ГIII	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5
ГV	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5
ДI	3	1	1	1	—	4	—	1	1	—	1	13	6,0
ДII	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5
ДIII	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5
ДIV	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1
ЖI	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	1	5	2,3
ЗI	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	0,5
Катакомбы	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1
Всего	22	94	3	10	8	5	2	2	12	10	46	214	100

погребениям типов БХII—БХIV. В IV период в Поросье в погребения клали не отдельные кости коня или его чучело, а хоронили всего коня.

Но в IV период погребения типов БХII—БХIV, локализованные прежде только в Поросье, встречаются и в Поволжье. Здесь зарегистрировано два погребения этих типов, что составляет 2% всех поволжских погребений, но 20% всех погребений этих типов.

Следовательно, таблицы выявляют перемещение типов Б I—Б III и Б XII—Б XIV из районов прежнего обитания печенежско-торческого и черноклобуцкого населения в Поволжье. В результате этого процесса типы, столь характерные в XII — начале XIII в. для черных клобуков южной Киевщины, составляют в IV период заметную примесь среди погребений поволжских степей. Мы связываем это перемещение с переселением в золотоордынский период (IV период) части черноклобуцких племен в Поволжье.

В связи с этим исследуем распределение всех погребений независимо от их типа по районам в различные периоды (табл. 18) (погребения, датированные по локальным признакам, например по бокке, не учитываются).

Таблица 18

Районы	Периоды							
	I		II		III		IV	
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
Южное Приуралье	5	8	1	1	—	—	23	8
Нижнее Поволжье	32	50	4	6	3	23	121	43
Нижнее Подонье	12	19	11	18	—	—	12	4
Бассейн Северного Донца	2	3	4	6	1	8	11	4
Северо-Западный Кавказ	2	3	2	3	1	8	5	2
Центральный Кавказ	—	—	—	—	—	—	5	2
Среднее течение Дона	2	3	—	—	—	—	1	1
Крым	—	—	1	1	—	—	3	1
Северное Приазовье	2	3	6	10	1	8	3	1
Нижнее Поднепровье	2	3	3	5	—	—	25	9
Поросье	—	—	23	37	6	45	12	4
Поднестровье	5	8	8	13	1	8	59	21
Всего	64	100	63	100	13	100	280	100

Заметно увеличилась доля погребений Поволжья и Поднестровья в общем количестве погребений IV периода, при этом заметно уменьшились доли погребений Поросья, Нижнего Дона, Приазовья. На карте (рис. 22) видно полное исчезновение в IV период погребений на Молочной и в районе Саркела.

Запустение района Саркела и всего нижнего Дона связывается с событиями начала XII в., с половецким вторжением. Поредение населения Поросья связывается с переселением массы черных клобуков из этого района в Поволжье в золотоордынскую эпоху.

Характерным явлением для IV периода было образование новых смешанных типов. При классификации погребений мы отмечали следующие смешанные, гибридные типы могил: А VI (в котором соединены типы А II и А V), Б V (в котором соединены типы А IV и Б II), Б XXIV (в котором соединены типы Б XVIII и А V), Б XXII (в котором соединены типы А IV и Б XXI). Два из этих типов — Б XXIV и А VI — датированы IV периодом. Характерно, что оба эти типа отме-

чены только в Поволжье, где происходит увеличение населения за счет переселения сюда масс кочевников из других районов, и, следовательно, создается в IV периоде наиболее благоприятная обстановка для смешения различных типов погребений.

Следует отметить продвижение кочевых масс в IV (золотоордынский период) в район Тираспольского течения Днестра и в район реки Самары на Днепре. В этих местах в предыдущие периоды половецкое население было весьма скудным (хотя летопись знает заорельские кочевья половцев). Из каких мест происходило это заселение? Точно указать на источники заселения этих районов в IV период невозможно, но, основываясь на составе погребальных типов в этих местах, можно в какой-то степени реконструировать направление основных движений половцев в золотоордынский период.

Так, следует обратить внимание на тот факт, что увеличению населения в Поднестровье соответствует резкое уменьшение кочевого населения в Поросье. Учитывая это, мы можем предположить, что часть поросских племен передвинулась в Молдавию, подобно тому как другая часть поросских кочевников переселилась в Поволжье.

Это движение поросских племен в IV период в районы Поднестровья и Поволжье находит подтверждение и в вещевом материале. Особое внимание в связи с этим вызывают серьги или височные кольца типа IV и (их вариант) типа V. Эти серьги в домонгольское время были распространены только в Поросье и на Киевщине. Такой узкий ареал ранних находок серег IV и V типов заставляет предположить, что они принадлежали черным клобукам [113]. В IV период серьги типов IV и V в Поросье не встречены, но известны находки таких серег в Поднестровье (клад XIV в. в Будешты), в Поволжье (т. е. в районах предполагаемого нами переселения части черных клобуков в золотоордынскую эпоху) и в Маджарах (в слое XIV в.) (рис. 23). Тезис о принадлежности серег типов IV и V черным клобукам подтверждается также и характеристикой погребений с этим украшением по типам могил. Известны могилы следующих типов с серьгами типов IV и V: типа А I — 1, типа Б II—1, типа Б III—1, типа Б XIII—1, типа Б XIV—1, типа В I — 2, типа Г I — 1. Половина погребений с данными серьгами относится к типам, характерным именно для черноклобуцкого Поросья (Б I—Б III, Б XII — Б XIV).

Заселение самарского течения Днепра, возможно, шло с юга, из районов Молочной, обезлюдевших в IV период, и из степей никопольского течения Днепра. Известно, что заорельские половцы были оттеснены русскими князьями вниз по Днепру. Возможно, в золотоордынский период, когда сила Руси была сломлена, кочевники продвинулись несколько на север.

Но в целом в IV периоде вряд ли были какие-либо крупные переселения кочевых племен в этот район нижнего течения Днепра. Табл. 18 показывает, что удельный вес погребений этой области в IV период в целом существенно не изменяется по сравнению со II периодом. То же самое, очевидно, следует сказать и относительно Крыма, Южного Приуралья, бассейна Донца, Северного Кавказа и Приазовья.

При изучении этнической карты и передвижений племен в IV период мы не можем обойти вопроса о переселении в восточноевропейские степи монголов, о численности их и значении в сложении этнической карты Дешт-и-Кыпчака. Важно выделить все те элементы в материальной культуре кочевников Восточной Европы IV периода, которые мож-

[113] В археологической литературе за серьгами типа IV закрепилось ни на чем не основанное название «половецкие» серьги, или височные кольца.

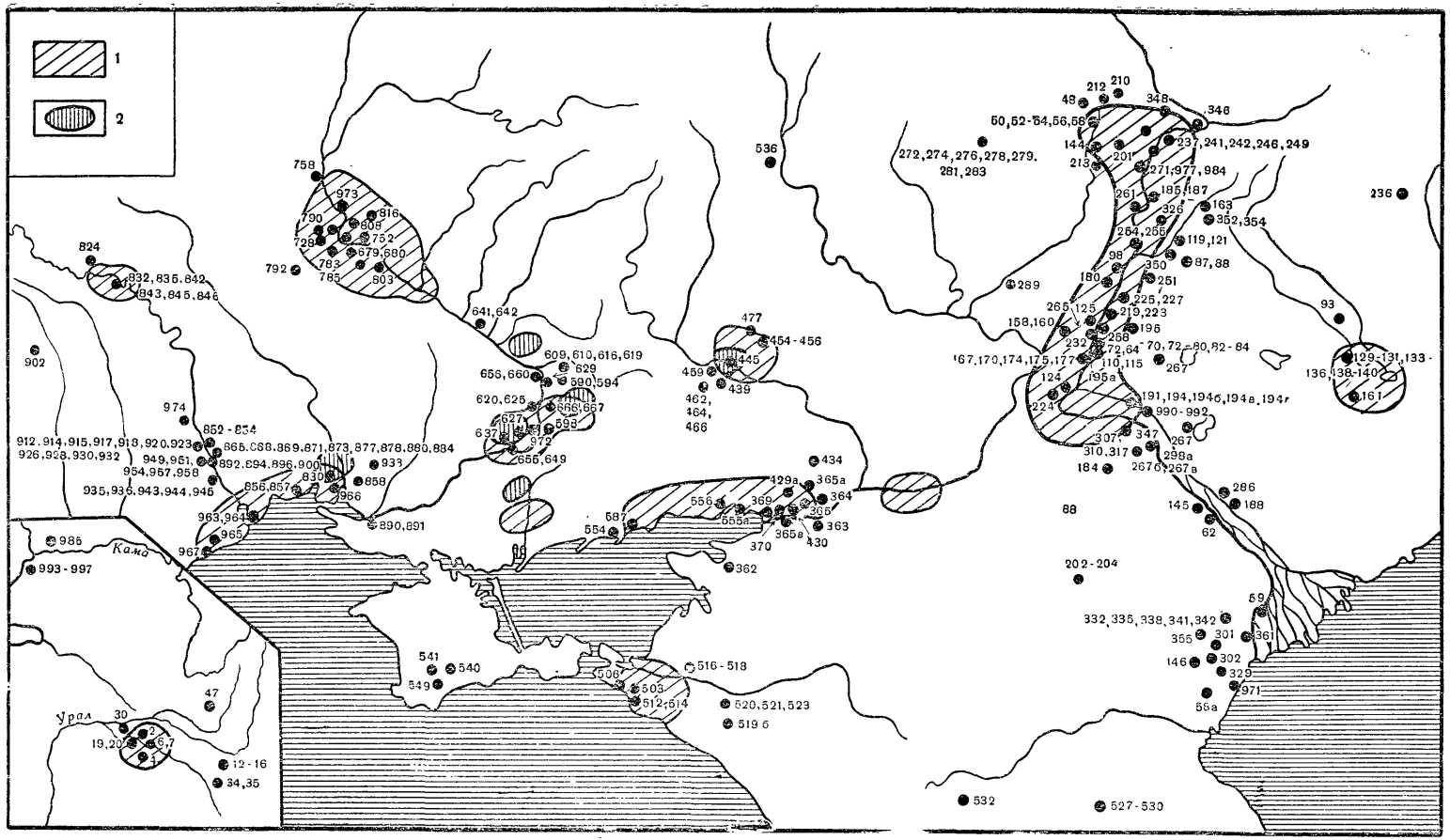


Рис. 22. Карта погребений IV периода: *1* — ареал погребений II—III периодов; *2* — половецкие центры по К. В. Кудряшову

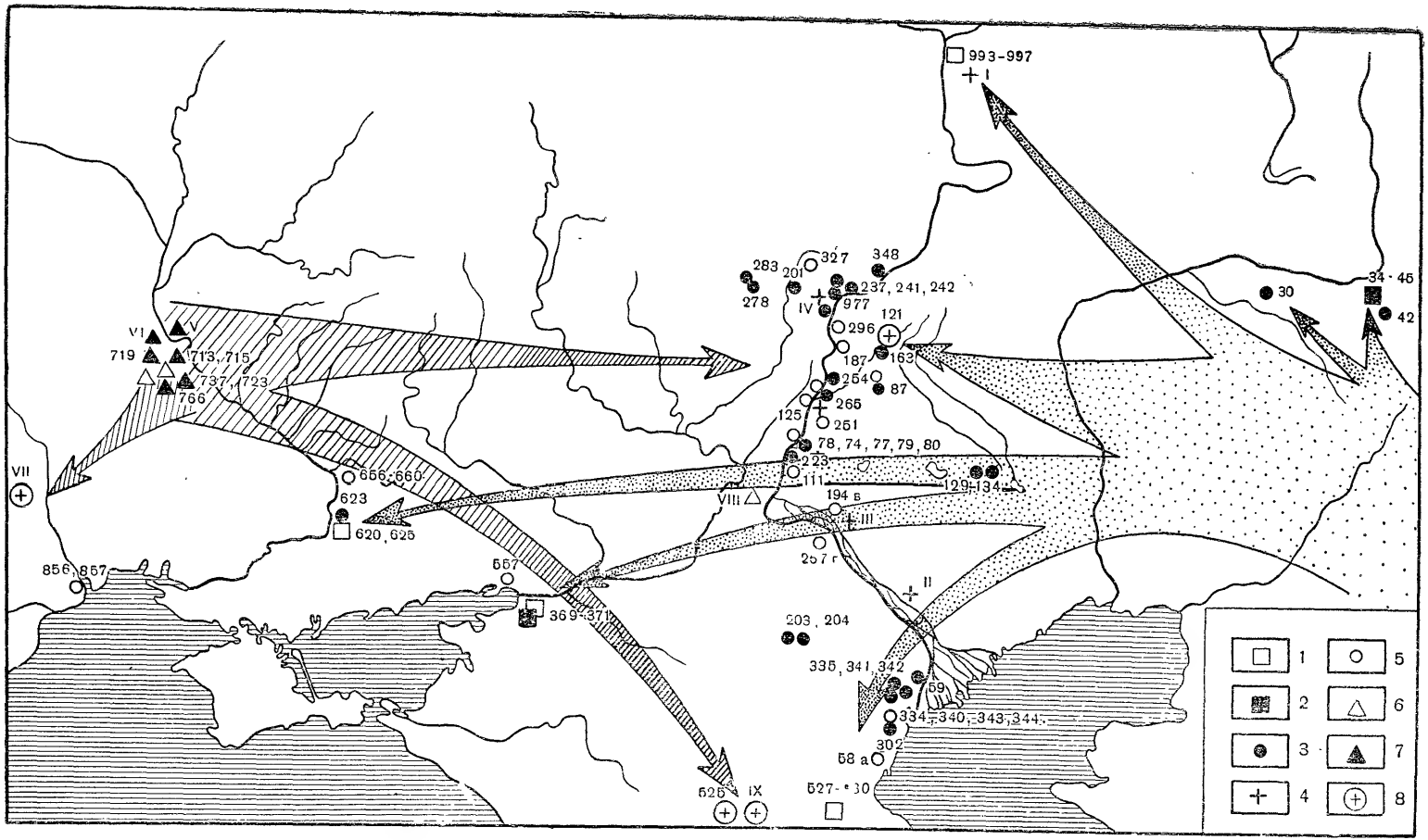


Рис. 23. Карта погребений с восточными чертами: *1* — могильники с меридиональной ориентировкой; *2* — могильники с насыпями типа V; *3* — погребения с боккой; *4* — погребения с фигурками человека; *5* — погребения с подбоями; *6* — находки серег типов IV и V в комплексах без даты; *7* — находки серег типов IV и V в комплексах II—III периодов; *8* — находки серег типов IV и V в комплексах IV периода: *I* — Болгары; *II* — Селитренное; *III* — Царев; *IV* — Увек; *V* — Княжая Гора (клад.); *VI* — Пивцы (клад.); *VII* — Войнешты (клад.); *VIII* — Волгоград (случ. н.); *IX* — Маджары

но было бы связать с монголами или вообще с пришлыми восточными племенами, и установить их роль в общей картине материальной культуры этого народа.

Выше мы показали, что с монголами были принесены в Восточную Европу бокка и фигурки человечков из бронзы. Но погребения с боккой не выделяются каким-либо специфическим признаком обряда погребений, который мы могли бы назвать собственно монгольским. Это видно из табл. 19.

Таблица 19

Типы погребений	Погребения с боккой или фигуркой человека		Доля всех погребений этого типа среди погребений Поволжья (%)
	количество	%	
AI	9	36	38
AII	1	4	2
AIV	1	4	2
AV	1	4	3
AVI	1	4	2
БIII	1	4	1
БX	1	4	1
БXV	1	4	1
BI	6	24	20
ГII	1	4	3
ДI	1	4	1
ЖI	1	4	—
Всего	25	100	—

Погребения с боккой дают такое же примерно распределение по типам, как вообще все погребения IV периода в районе Поволжья. Если бы бокку в степях Поволжья и Заволжья носили только монголы, то и состав погребений с боккой по типам отличался бы от состава всех золотоордынских по времени погребений этой области.

Карпини описывает погребальный обычай татар следующим образом: «Когда же он умрет, то, если он из знатных лиц, его хоронят тайно в поле, где им будет угодно, хоронят же его с его ставкой, именно сидящего посередине ее, и перед ним ставят стол и корыто, полное мяса, и чашу с кобыльим молоком и вместе с ним хоронят кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом, а другого коня съедают и набивают кожу соломой и ставят ее повыше на двух или четырех деревяшках, чтобы у него была в другом мире ставка, где жить, кобыла, чтобы получать от нее молоко и даже иметь возможность умножать себе коней, и кони, на коих он мог бы ездить, а кости того коня, которого они съедают за упокой его души, они сжигают. И часто также женщины собирают для сожжения костей за упокой душ людей, как это мы видели собственными глазами и узнали там же от других... Золото и серебро они хоронят таким же образом вместе с ним. Повозку, на которой везут его, ломают, а ставку его разрушают, никто вплоть до третьего поколения не дерзает назвать умершего его собственным именем»[114].

В другом месте Карпини описывает несколько иначе погребальный обряд у знатных татар: «Они идут тайком в поле, удаляют там траву с корнем и делают большую яму и сбоку этой ямы делают яму под землею и кладут под покойника того раба, который считается его любимцем. Раб лежит под ним так долго, что начинает как бы впадать в агонию, а затем его вытаскивают, чтобы он мог вздохнуть, и так посту-

[114] «Путешествия...», стр. 32.

лают трижды; и если он уцелеет, то впоследствии становится свободным, делает все, что ему будет угодно, и считается великим в ставке и в среде родственников усопшего. Мертвого же кладут в яму, которая сделана сбоку, вместе с теми вещами, о которых сказано выше, затем зарывают яму, которая находится перед его ямой, и сверху кладут траву, как было раньше, с той целью, чтобы впредь нельзя было найти это место» [115].

О тайне захоронения у монголов сообщают восточные источники: «По прибытии на место погребения гроб глубоко зарывался в землю; потом прогоняли по могильной насыпи несколько тысяч лошадей или уносили лишнюю землю в другое место. Когда всходила трава, все было кончено, могила представляла ровное место, где нельзя было ничего распознать» [116]. Об этом же писал Джузджани по поводу смерти Бату [117].

Л. П. Зяблин отметил, что подчеркнутая Карпини и другими авторами секретность места погребений не позволяет видеть в курганах погребения собственно монголов [118].

Карпини и Джузджани писали о подбоях в монгольских погребениях. И действительно в IV период известны (в Поволжье главным образом) погребения с подбоями (только одно из 20 датированных относится к I периоду, все остальные — к IV). Эти подбойные погребения, видимо, распространились в золотоордынский период. Но можно ли их связывать с прямым или косвенным воздействием монголов на погребальный обряд местных половецких племен [119]? За исключением одного погребения типа БXV, бокка не встречается в подбойных погребениях и, следовательно, взаимосвязи между монгольской шапкой-боккой и подбойными погребениями нет.

Таким образом, в Восточной Европе нет погребальных памятников, которые можно было бы связать с монголами по комплексу характерных черт. Бокка встречается в погребениях, обычных для половецкого населения Поволжья и Заволжья в IV период.

Следовательно, или бокка утратила свой специфический монгольский характер и ее стали носить половцы и другие кочевые племена Восточной Европы, или монголы в Восточной Европе быстро утратили свой специфический обряд погребений и хоронили по обычаям местных кочевых племен. Нам кажется, что процесс был двусторонним.

Ареал бокки и бронзовых фигурок, а также погребений с подбоями ограничен Поволжьем, Заволжьем, Уралом и нижним Доном (рис. 23). Погребения с указанными признаками малочисленны. К тому же эти признаки не образуют устойчивого комплекса. Все это говорит о незначительном влиянии монгольской кочевой культуры, ограниченном при этом восточной частью южнорусских степей.

Судя по историческим источникам, монголов, переселившихся в Восточную Европу и вообще в Дешт-и-Кыпчак, было сравнительно немного, и они не составили значительной и компактной массы населения. Известно, что Джучи располагал четырьмя тысячами монгольских войск, т. е. за ним шло такое количество монголов, которое могло вы-

---

[115] «Путешествия...», стр. 32—33.

[116] П. Кафаров. Старинные монгольские сказания о Чингиз-хане. «Тр. Пекинской духовной миссии», т. IV. СПб., 1866, стр. 251.

[117] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 16.

[118] Л. П. Зяблин. О «татарских» курганах. СА, 1955, XXII, стр. 86.

[119] В. А. Городцов решал этот вопрос положительно (В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 410—428). Но он неправильно связывал эти типы кочевнических могил с подбоями в мусульманских некрополях, в частности в современной Татарии.

ставить четыре тысячи воинов[120]. На незначительность монгольского населения, оставшегося в Золотой Орде, на половецкую природу ее основного кочевого населения указывал еще В. В. Бартольд[121]. Археологические аргументы в пользу этой точки зрения привел Л. П. Зяблин, показав, что так называемые татарские погребения представляют собой памятники населения, обитавшего в степях Восточной Европы еще с домонгольского времени.

Весьма важно свидетельство ал-Омари: «Кыпчаки сделались их [монголов] подданными. Потом они смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного [с ними] рода, оттого, что монголы поселились на земле кыпчаков, вступили в брак с ними и остались жить на земле их»[122].

Господство в Золотой Орде тюркских языков, причем западнотюркских, в частности и кыпчакского, также свидетельствует о незначительности монгольского этнического элемента в Золотой Орде. Мы знаем, что в золотоордынских городах был распространен и в области литературы, и в области живой речи кыпчакский язык (об этом ниже); мы знаем документы, вышедшие, видимо, из среды кочевой аристократии, написанные на кыпчакском языке (например, берестяная грамота с кыпчакскими стихами из с. Подстепного). При Берке в качестве официального языка звучит тюркская речь[123], хотя употреблялись при дворе ханов арабский и монгольский языки[124]. Ярлыки Токтамыша и Кутлук-Тимура написаны на кыпчакском языке.

Сами монголы не оставили могильников или отдельных погребений с выраженным специфическим комплексом признаков. Однако имеется пять могильников, возникших в IV период, которые выделяются необыкновенной для восточноевропейских кочевников выдержанностью и чистотой обряда во всех своих погребениях (рис. 23).

Обычно при исследовании кочевнического могильника мы наблюдаем сочетание в определенной пропорции (в той или иной мере устойчивое для этого района и периода) нескольких типов. Но в открытом недавно кочевническом могильнике в Татарской АССР у с. Балымеры (№ 993—997) наблюдается один только, и притом редкий, тип Д I. Материал этого могильника не выходит за хронологические рамки IV периода. Отдельные аналогии этому типу могил, столь выдержанному в Балымерском могильнике, можно найти повсюду и в степях Восточной Европы, но всегда в виде отдельных случайных погребений среди погребений с западной, восточной или иной ориентировкой. Исключительное единообразие погребений в Балымерах заставляет усматривать в людях, оставивших здесь могильник, какое-то вторгшееся извне на-

---

[120] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II, стр. 33. В «Сокровенном сказании» приводится цифра в 9 тыс. юрт. Н. И. Веселовский считал, что приведенные цифры у Рашид ад-Дина свидетельствуют по крайней мере о 30 тыс. человек монголов в улусе Джучи. Юлиан сообщает, что у Бату армия насчитывала 375 тыс. человек, из них монголов было 135 тыс. «отборнейших из закона» (С. А. Аннинский. Ук. соч., стр. 90). Рассказ Симона Сент-Кентина, переданный Винцентом, комментатором XIII в., определяет численность армии Бату в 6100 тыс. человек, из которых монголов 160 тыс. (Д. И. Языков. Сборник путешествий к татарам и другим восточным народам в XII, XIII, XIV вв. СПб., 1825, стр. 47). Абулгази приводит свидетельство о том, что Бату выделил Орду и Шибану 15 тыс. монголов.

[121] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 86. Этот тезис стал традиционным в русской исторической науке (ср. А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М., Изд-во АН СССР, 1940, стр. 53.)

[122] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 235.

[123] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 64, 285.

[124] Там же, стр. 251, 435.

селение, не затронутое еще влиянием восточноевропейских кочевых племен.

Такого же типа была группа кочевнических курганов в Моздокском могильнике (№ 527—530). Здесь из четырех кочевнических курганов в двух покойники ориентированы на север, а в двух — на северо-запад. Ориентировка на северо-запад в данном случае, очевидно, должна рассматриваться как отклонение от северной ориентировки, и все четыре погребения можно отнести к типу Д I, как и погребения Балымерского могильника. Из четырех погребений три датируются золотоордынским временем (IV период).

С приходом монголов (в IV период) увеличилось количество погребений с северной ориентировкой, без коня (типы отдела Д). И действительно, погребения с северной ориентировкой во II периоде составляют всего 2%, в III периоде их нет совсем, а в IV период они встречаются в качестве заметной примеси к погребениям Южного Приуралья, Поволжья и Заволжья, Нижнего Подонья и Приазовья, Северного Донца, Северного Кавказа, Нижнего Приднепровья, Молдавии и прилегающих районов. Всего в IV период насчитывается 17 погребений с северной ориентировкой без костей коня (8%). Увеличение числа погребений с северной ориентировкой нам представляется возможным связывать с приходом в IV периоде восточных племен. Известно, что в Сибири именно в XIII—XIV вв. появляются многочисленные погребения в ямах и на горизонте, без коня, с северной ориентировкой, соответствующие типу Д I [125]. Кроме того, известно, что у монголов был распространен культ Юга, в отличие от культа Востока у тюрок [126]. Очевидно, этим объясняется погребение покойника головой на север так, чтобы он смотрел на юг, подобно тому как погребали головой на запад с тем, чтобы покойник смотрел на восток.

Возможно, что Балымерский могильник и курганы у Моздока можно рассматривать как занесенный монголами в их движении на запад вариант алтайских и сибирских погребений монгольской эпохи типа Кудыргэ, Яконур и Часовенная Гора. В Балымерах, возможно, хоронили своих покойников если не монголы, то какое-то сибирское племя, втянутое монголами в их движение на запад.

Возможно, что с влиянием Востока, усилившимся в связи с событиями монгольского завоевания, нужно связывать и распространение в половецкой степи каменных кладок, заменяющих насыпи над могилами. Такими памятниками являются Худайбергенский (№ 34—45) и Недвиговский (№ 369—371) могильники, датирующиеся IV периодом (рис. 23).

В связи с отмеченным распространением у кочевников в IV периоде могил с каменными кладками нужно вспомнить, что, видимо, подобные выкладки Рубрук наблюдал у половцев, причем он указывал на их восточные истоки. «Я видел другие погребения в направлении к востоку, именно большие площади, вымощенные камнем, одни круглые, другие четырехугольные, а затем четыре длинных камня, воздвигнутых с четырех сторон мира по сю сторону площади» [127].

---

[125] А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л., «Наука», 1965, стр. 73.

[126] В. В. Бартольд. К вопросу.., стр. 72.

[127] «Путешествия...», стр. 102—103; С. А. Плетнева именно с вымостками Недвиговского могильника сопоставляет эту цитату из Рубрука. С. А. Плетнева. Половецкие погребения в урочище Каменная балка. Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962, стр. 136. Но еще В. В. Бартольд считал возможным отнести это высказывание к сибирским каменным курганам (В. В. Бартольд. К вопросу.., стр. 60—61)

Кроме Моздокского, Балымерского, Недвиговского и Худайбергенского могильников, известен Новогригорьевский (№ 656—660) могильник IV периода на Днепре, содержавший одни только подбойные погребения (рис. 23). Эта выдержанность обряда (при этом очень редкого) в Новогригорьевском могильнике свидетельствует о том, что его оставила какая-то одна группа племен, причем, вероятнее всего, пришлая, так как у местных племен не были столь выдержанными, устойчивыми и единообразными типы погребений.

Почти все погребения с подбоями сосредоточены в Поволжье (рис. 23). При этом они встречаются в Поволжье не компактно — в могильнике, а среди погребений других типов без подбоев. Те же немногочисленные погребения с подбоями, которые встречены вне территории Поволжья, все сконцентрированы в одном могильнике (Новогригорьевском). Можно предположить, что эту черту погребального обряда принесли в Поволжье какие-то племена, которые первоначально хоронили только в могилах с подбоями. Одна из групп этих племен прорвалась далеко на запад еще тогда, когда эти племена не утратили специфической черты своего погребального обряда — хоронить в могилах с подбоями. Но основная масса этих кочевников осталась в Поволжье, смешавшись с другими племенами. В результате этого процесса появились в Поволжье погребения с подбоями смешанных типов среди погребений других видов.

Таким образом, северная ориентировка человека, погребенного без частей коня, каменные выкладки над могилами и подбои в могилах — вот те черты, которые появились или значительно участились в золотоордынский период. Встречаются могильники, в которых всем погребениям присущ какой-либо из этих довольно редких среди общей массы кочевнических погребений признаков. Это обстоятельство заставляет видеть в каждом таком могильнике памятники одной группы племен, носителей этого признака. Сами же могильники нужно считать кратковременными, а племена — пришлыми и еще не успевшими вступить в контакт с местными кочевниками. Иначе в этих могильниках были бы погребения различных типов и не наблюдалось бы такой чистоты и выдержанности признаков.

Передвижения и смешения групп племен — такова одна из тенденций в жизни кочевой степи в золотоордынскую эпоху (IV период). Но археологический материал позволяет выявить и другую тенденцию: сложение локальных вариантов в кочевнической культуре IV периода.

Процесс сложения локальных вариантов кочевнической культуры, прежде всего в области погребальных обычаев, начался еще в домонгольскую эпоху. Черноклобуцкое Поросье четко выделяется в XII—начале XIII в. преобладанием погребений типов Б I—Б III и Б XII—Б XIV. В последующее время, после расселения кочевников из этого района, исключительно поросский характер этих типов был утрачен: они появились и на Волге, и в Молдавии.

Но в собственно половецкой степи локальные особенности во II и III периодах едва намечаются. Более четкими и определенными становятся они в IV (золотоордынский) период. Но в ряде случаев мы можем наметить некоторую преемственность от домонгольской эпохи тех черт, которые являются местными, выявляющими локальный вариант.

Поволжье и Заволжье (область Саксин). Здесь сложение локальных черт шло под влиянием монголов и других племен, пришедших с ними с востока. Черты, которые можно связывать с этим движением, немногочисленны в общей массе кочевнических погребений, но в Поволжье они составляют существенную долю, так как концентрируются

почти исключительно в этой области. В частности, Поволжье и Заволжье характеризуются распространением здесь в это время подбойных захоронений (типы А V, А VI, А VII, Б VI, Б VII, Б XV, Б XVI, Б XXIV, В V, Г V). Они составляют в целом около 15% всех поволжских погребений этого периода. Кроме того, в Поволжье и Заволжье в это время распространяются и другие признаки погребального обряда, носящие ярко выраженный локальный характер. Так, например, здесь концентрируются встречающиеся в поволжских погребениях еще II периода подсыпки мелом. Около 75% всех погребений с ритуальной загробной пищей и остатками огненного ритуала сосредоточено в Поволжье. И, наконец, такие характерные монгольские предметы, встречающиеся почти только в Поволжье, как бокка и фигурки человечков из бронзы (рис. 23), дополняют характеристику поволжских погребений IV периода как локального варианта кочевнических памятников XIII—XV вв.

В IV периоде в Поволжье, и только в Поволжье, появляется еще одна характерная черта погребальных обрядов. В это время здесь встречаются курганы с сырцовыми вымостками, покрывающими или огораживающими одно или несколько погребений обычно без вещей (насыпи типа VII, рис. 24).

Северный Кавказ. В западной части, в низовьях Кубани, распространяются погребения в ящиках из каменных плит и коллективные погребения (рис. 24). На коллективность погребений половцев Северного Кавказа обратил внимание еще Рубрук в XIII в.[128]. Кроме того, для Северного Кавказа характерны круговые оградки под насыпью вокруг могилы (конструкция насыпи типа VI), известные здесь еще со II периода.

В золотоордынский (IV) период сохраняется ареал погребений, наметившийся на Северном Кавказе во II период, за исключением группы погребений в восточной части Северного Кавказа, возникшей в IV период и, судя по Моздокскому могильнику, образованной пришлыми из Сибири или Монголии племенами кочевников. Отметим некоторое расширение ареала характерных для Северо-Западного Кавказа черт к северу (до нижнего Дона).

Поднестровье и прилегающие районы (район лукоморских половцев). Здесь еще со II периода появляются почти нигде в других местах не встречающиеся погребения с отдельной ямой для коня (типы Б XXI—Б XXIII). В IV период этот обычай стал характерным локальным признаком (рис. 24). Погребения этих типов составляют среди всех погребений этого района в IV период 17%. В целом сохраняется и ареал погребений этого района, наметившийся во II период, он только несколько расширяется за счет переселения группы племен в область Тирасполя.

Поросье (черные клобуки). Так же, как и во II период, в этом районе обитания черных клобуков встречаются особо часто погребения типов Б I—Б III и Б XII—Б XIV. В целом сохраняется ареал погребений этого района, наметившийся во II—III периоды.

Среднее течение Северного Донца. Обращает на себя внимание значительная и характерная для этого района степи доля погребений типа В I. Обычно составляя очень незначительную примесь к погребениям с западной ориентировкой, погребения этого типа в районе Северного Донца составляют в IV период 50%. Здесь известна даже одна

[128] Рубрук, проезжая по Северному Кавказу, отметил, что у современных ему команов в этом районе существует обычай хоронить родственников вместе («Путешествия...», стр. 108).

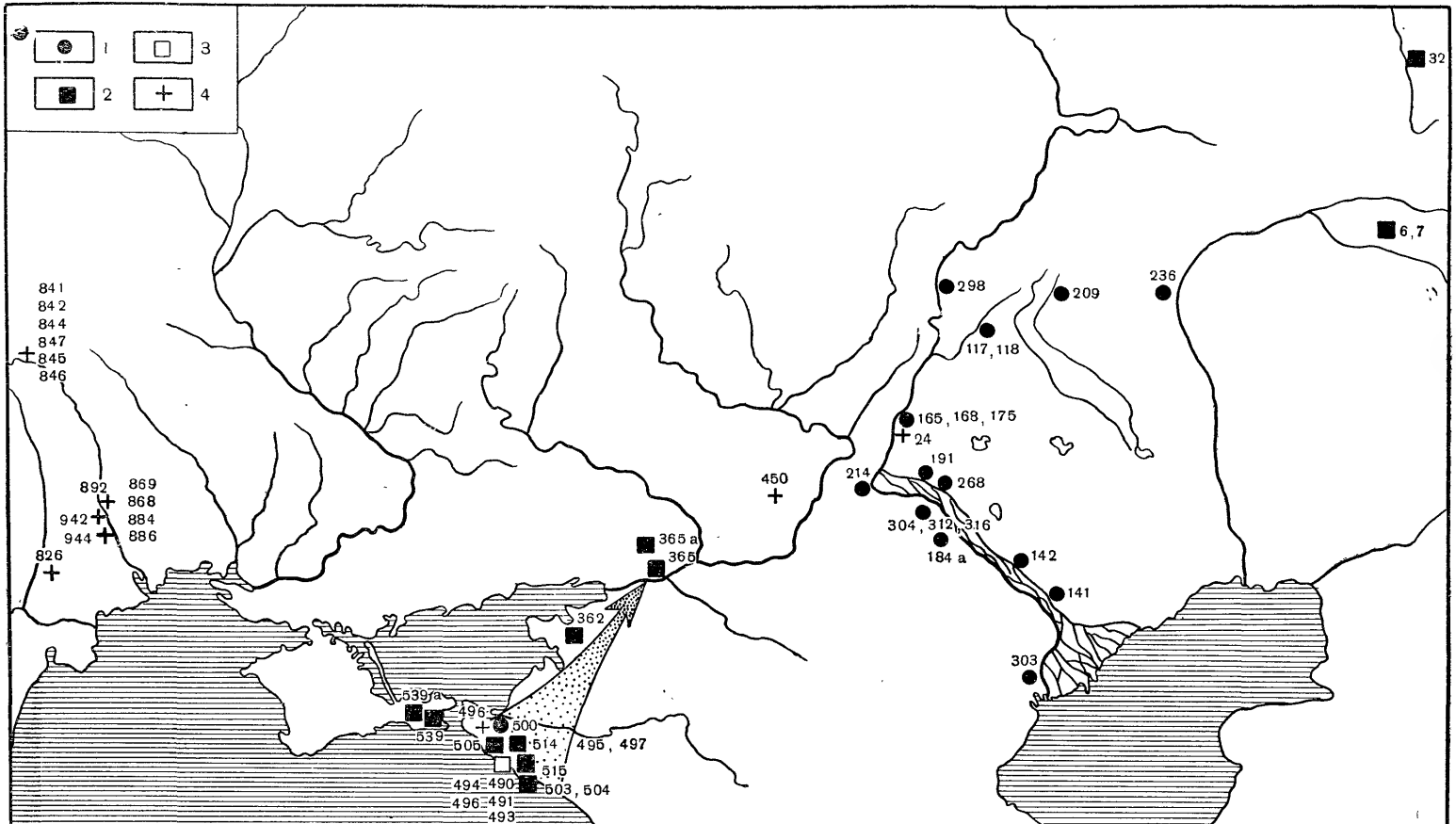


Рис. 24. Карта погребений различных типов: *1* — погребения с насыпями типа VII; *2* — погребения в склепах; *3* — погребения с насыпями типа VI; *4* — погребения с отдельной ямой для коня

группа кочевнических курганов, в которых содержались погребения только с восточной ориентировкой типа В I (Нижняя Дуванка, № 454—456), — три погребения IV периода.

Что касается ареала погребений, оставленных кочевниками, обитавшими в IV период на Северном Донце, то он примерно совпадает с ареалом погребений домонгольских кочевников, живших в этом районе.

Подытоживая наше исследование географического размещения кочевнических групп в IV период, мы должны отметить следующие явления.

Часть племен меняет свои традиционные районы обитания, переселяется на новые места. В связи с этим некоторые районы степи пустеют, в других же население увеличивается. Но значительная часть половецких и других племен остается на местах своих традиционных кочевий. Это находит свое выражение в сохранении ареалов погребений II и III периодов на карте кочевнических погребений IV периода.

Кроме того, в IV период выявляется несколько локальных вариантов кочевой культуры половецкой степи со специфическими признаками погребального обряда.

Взаимоотношение этих тенденций, выявляемое конкретными исследованиями каждой большой группы погребений, составляет реальную картину расселения кочевых племен в степях Восточной Европы в XIII—XIV вв.

БОЛГАРСКИЕ И АЛАНСКИЕ ПЛЕМЕНА В СОСТАВЕ КОЧЕВНИКОВ X—XIV вв.

В работах С. А. Плетневой и Л. П. Зяблина сделана попытка выделить те археологические детали в обряде погребений поздних кочевников, которые можно было бы связать с остатками алано-болгарских и позднесарматских племен в южнорусской степи. И действительно, по письменным источникам мы знаем о существовании отдельных групп этих племен аланов-яссов в составе населения половецкой степи. Например, известно по летописям о проживании яссов в Подонье в XII в., Ярополк, сын Владимира Мономаха, в 1116 г. взял в плен яссов в районе городов Балин, Сугров и Шарукань и привел себе жену, дочь ясского князя [129]. Ю. А. Кулаковский, анализируя летописное известие от 1111 г. о походе русских на города Шарукань и Сугров, пришел к выводу о христианском аланском населении в Шарукани в XII в. [130]. Есть известия об аланах-яссах в степях Восточной Европы в золотоордынское время [131].

Некоторые исследователи подчеркивали, что, сталкиваясь с поволжскими поздними сарматами и донскими аланами, печенеги восприняли много сарматских черт, чем и объясняется их европеоидность. Однако никаких письменных или археологических свидетельств этого процесса нет. Археологические доказательства этого взаимодействия или влияния позднего сармато-аланского населения на печенегов, при-

[129] ПСРЛ, II, стр. 284.

[130] ПСРЛ, II, стр. 266; Ю. А. Кулаковский. Христианство у аланов. ВВ, V, вып. 1 и 2. СПб., 1898, стр. 17—18.

[131] Например, Рихард сообщает, что доминиканские миссионеры в 1230-х годах «пришли в страну, что называется Ассанией, где живут вместе христиане и язычники». С. А. Аннинский. Ук. соч., стр. 78—79. О яссах-аланах в Крыму сообщает Рубрук («Путешествия...», стр. 105). Ю. А. Кулаковский доказывал существование аланских поселений в степях на нижнем Дунае и Днестре. Об этом же писал и Ю. В. Готье (Ю. В. Готье Яссы-аланы в ранней русской истории. «Изв. ТОИАЭ», т. I (58). Симферополь, 1927, стр. 46—47).

водимые С. А. Плетневой, должны быть пересмотрены. Они не являются доказательствами, так как нет прямой и достаточно убедительной связи между вещевым материалом, отражающим этническую принадлежность кочевников, и обрядом погребений печенегов, с одной, и сармато-аланского населения, с другой стороны.

С. А. Плетнева считает возможным видеть в погребениях с меридиональной ориентировкой (пятая группа ее классификации), распространенных, по ее мнению, главным образом на Северном Донце, остатки племен салтовской культуры Она пишет: «Географически погребения пятой группы располагаются в основном в районе распространения в VIII—IX вв. салтово-маяцкой культуры на Северном Донце. С погребениями салтово-маяцкой культуры захоронения пятой группы связываются следующими признаками: ориентировкой, наличием камышовых подстилок, извести, углей и керамики в могилах и (редко) небольших подбоев для покойника в стенах могил. О датировке погребений пятой группы поздним временем (XI—XIII вв.) говорит инвентарь, а о связях их с кочевниками X—XIII вв. — изменения, происшедшие в погребальном обряде: сооружение курганов, накатов, присыпки и приступок в могилах, захоронения частей коня вместе с человеком» [132].

Но, во-первых, как известно, салтовские могилы не имеют постоянной ориентировки.

Во-вторых, в материале тюркских кочевников погребения с северной и южной ориентировкой встречаются не только на Северном Донце. Ареал северной ориентировки в курганах кочевников не совпадает с ареалом салтовской культуры. Из перечисленных С. А. Плетневой комплексов пятой группы только часть является позднекочевническими, а часть могил не является таковыми, например Смелы 14, в котором встречена скифская стрела. Большая часть погребений с меридиональной ориентировкой, приведенных С. А Плетневой, не содержит вещей и поэтому отнесение их к эпохе X—XIV вв. необоснованно. Но даже если сосчитать погребения с меридиональной ориентировкой, приведенные С. А. Плетневой, то в районе Северного Донца их всего 17 из 40. Остальные распределяются на широкой территории степи. В наших материалах, собранных по Северному Донцу и отобранных по определенным методическим принципам (см. приложение I), погребения с меридиональной ориентировкой составляют определенную долю среди погребений поздних кочевников на территории почти всех районов степи. При этом они совсем отсутствуют в I период, когда, казалось бы, связи с салтовским обрядом должны чувствоваться более остро; их мало во II период и только в поздний, IV период, их доля среди других погребений составляет 10%. По нашим материалам на Северном Донце не более 5% всех погребений составляют погребения с меридиональной ориентировкой.

В-третьих, известь и мел в кочевнических могилах характерны также не для Северного Донца, а для районов Поволжья, а что касается керамики из погребений пятой группы (по С. А. Плетневой), то, поскольку ее формы неизвестны, слабость этого аргумента очевидна.

В-четвертых, подбои в кочевнических погребениях X—XIV вв. совершенно не похожи на салтовские катакомбы с дромосами. К тому же подбои почти все относятся не к раннему, а к позднему периоду и распространены были не на Северном Донце и Днепре, а в Нижнем Поволжье. Некоторые ассоциации с салтовскими катакомбами вызывают лишь два особых погребения с дромосами позднекочевнического перио-

[132] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 184.

да: Молчановка, ЮВ гр., 1, № 221 и Верхне-Погромное, 8, № 110; оба IV периода и расположены в Поволжье.

Если отнесение меридионально ориентированных типов кочевнических могил к салтовским племенам, на наш взгляд, неудачно, то не более обоснованным нам представляется объяснение некоторых деталей погребального обряда кочевников X—XIV вв. как пережитков позднесарматских обрядов погребений V—VIII вв. на Волге. Позднесарматские комплексы Поволжья были выделены Е. К. Максимовым [133]. Это могилы с подбоем, сходные с теми могилами с подбоем, которые появились на нижней Волге в IV период. Однако разрыв между сопоставляемыми деталями составляет 500 лет (с VIII до XIII в.). Редкие ранние погребения с подбоями, которые, быть может, действительно восходят к позднесарматским традициям, не могут восполнить этот пробел. К тому же имеется отличие и в ориентировке покойника.

Для Л. П. Зяблина свидетельством пережитков позднесарматских обрядов у кочевников служат наличие мела и огненный ритуал. Это типично для Поволжья. Но такие кочевнические погребения отделены от сарматских погребений Поволжья значительным промежутком времени. И огненный ритуал, и куски мела в могилах известны уже в предмонгольскую половецкую эпоху (с конца XI в.). Но в позднесарматских погребениях именно эти детали культа вырождаются и фактически исчезают.

Решетчатые гробы, которые для Л. П. Зяблина также были свидетельством пережитков сармато-аланских черт в печенежско-торческо-половецкой культуре., — явление, столь редкое в погребениях поздних кочевников, что не может быть аргументом о серьезном влиянии позднесарматского населения на обряды и культуру кочевников X—XIV вв.

Таким образом, нам представляется, что если позднесарматские и болгаро-аланские племена I тыс. н. э. и оказали какое-то влияние на антропологический тип, культуру и обычаи тюркских кочевников первой половины II тыс. н. э., то это воздействие было очень незначительно и в археологических материалах не оставило следа.

---

[133] Е. К. Максимов. Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья. «Тр. Саратовского обл. музея», 1951, вып. I.

ГЛАВА IV

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ

К числу памятников поздних кочевников в степях Восточной Европы относятся каменные изваяния — так называемые каменные бабы [1]. Об этих изваяниях существует большая литература, высказывались самые разнообразные точки зрения. Можно назвать ряд теорий, сторонники которых не приводили обычно никаких доказательств в пользу своих предположений относительно этнической принадлежности «каменных баб»: скифская, гуннская, готская, венгерская, половецкая, кельтская, монгольская, финская, теория, относившая изваяния к бронзовому веку, славянская, тюркская, болгарская [2]. Существовали и безнадежно скептические взгляды на возможность определения этнической принадлежности каменных изваяний [3].

Характерно для многих старых исследований отождествление или по крайней мере сближение южнорусских каменных изваяний с изваяниями совершенно другого облика, встречающимися в более западных районах Европы [4]. Невнимание к типологии собственно восточноевропейских степных статуй не позволяло выделить их как особое конкретное явление и детально его изучить. Лишь в работе Н. И. Веселовского сделана попытка дать сводку каменных изваяний степей Восточной Европы [5]. Более поздняя статья А. А. Спицына по-прежнему грешит не-

[1] Это название относится, видимо, к XVIII в. Раньше степные статуи называли «человек камен», «девка камена» и т. п. А. И. Кельсиев пытается вывести слово «бабы» в данном значении из тюркского «баба» — отец (А. И. Кельсиев. О каменных бабах. «Тр. V АС». М., 1887, стр. 77). Слово «баба» в применении к статуям встречается в Новгородской летописи под 1398 г. Статуя в Тмутаракани названа в древнерусской литературе «болваном» («болван», очевидно, от «балбал»). Об этом см. Д. И. Эварницкий. Каменные бабы. «Исторический вестник», 1890, июль. Отметим, что, кроме того, были деревянные статуи такого же типа, но они, естественно, до нас не дошли. Известны две деревянные «стоящие» фигуры, найденные у дер. Жуковка, Дубовского р-на, Ростовской обл., хранящиеся в Ростовском музее, и четыре деревянные статуи, из них три — женщины из кургана у балки Средней Аюлы (№ 428а) в Сальских степях, раскопанного в 1901 г. И. М. Сулиным (см. В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903 г. «Тр. XIII АС», т. I. М., 1907, стр. 250—251).

[2] Сводку литературы см. Н. И. Веселовский. Современное состояние вопроса о каменных бабах. ЗООИД, 1915, т. XXXII.

[3] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 250; его же. Краткий путеводитель ГИМ. М., 1923, стр. 81, 107.

[4] А. А. Спицын. Археологические заметки. ТСА, IV. М., 1929, стр. 487—489.

[5] Н. И. Веселовский. Ук. соч.

вниманием к коренным различиям некоторых типов южнорусских изваяний и центральноевропейских каменных «баб»[6].

В настоящее время из массы степных южнорусских изваяний легко можно исключить определенный и характерный тип более ранних изваяний, относящихся к бронзовому веку и скифской эпохе. Это облегчает нашу задачу, так как оставшаяся масса изваяний представляет более удобный для изучения, более компактный материал.

Относительно этнической принадлежности изваяний Н. И. Веселовский высказал единственное аргументированное предположение о том, что статуи оставлены кыпчаками-половцами. Для доказательства этого положения Н. И. Веселовский отметил ряд сходных черт в одежде статуй и в погребальном инвентаре половцев, а также указал на свидетельства Рубрука и Низами о существовании у половцев-кыпчаков обычая сооружать каменные изваяния.

После Н. И. Веселовского в науке укрепилось мнение о половецкой принадлежности статуй[7]. Работа С. А. Плетневой следует этой традиции. В разделе, посвященном каменным изваяниям, дается подробный обзор деталей одежды, оружия, украшений, изображенных на статуях, а также вводится в науку большой новый материал по этому вопросу.

Изучение половецких изваяний протекало, естественно, в связи с исследованием сибирских, монгольских, семиреченских, казахстанских и алтайских изваяний более раннего времени[8]. В литературе, посвященной этому вопросу, мы не найдем отрицания связи этих более ранних восточных тюркских изваяний с изваяниями южнорусских степей. Более развитой способ передачи объема, больший реализм и разнообразие деталей и поз западных, южнорусских, статуй, их более поздняя предположительная дата по сравнению с тюркскими изваяниями Казахстана, Семиречья, Алтая и Монголии — все это заставляло видеть в южнорусских изваяниях последнее звено в цепи развития тюркских каменных изваяний, которое началось в VI—VII вв. в Монголии и на Алтае и закончилось в XII—XIII вв. в южнорусских степях.

ТИПОЛОГИЯ И ДАТИРОВКА ИЗВАЯНИЙ

В основу классификации каменных изваяний мы кладем иконографический характер позы статуи (тип) и пол изображенного (подтип).

---

[6] А. А. Спицын. Археологические заметки.

[7] Уже после работ Н. И. Весловского Г. Фехер и Н. Мавродинов выдвинули теорию о принадлежности каменных изваяний древним болгарам. Эта теория базировалась на том, что несколько изваяний было найдено близ Плиски — древней столицы болгар в Подунавье, а также на весьма далеком сходстве деталей прически на изваяниях и на некоторых вещах VIII в. Первый аргумент весьма слаб, так как сотни изваяний найдены не только вдали от Плиски, но и вдали от мест обитания болгар вообще. Второй аргумент отпадает, так как Н. Мавродинов сравнивает косы на рельефах VI, VII и VIII вв. с так называемыми роговидными украшениями у женских фигур. Но эти украшения — не косы. Подмеченное Н. Мавродиновым некоторое сходство может быть только случайным (см. G. Fehér. Les monuments de la culture protobulgare et leurs relations hongroises. AH, VII. Budapest, 1931, p. 89; N. Mavrodinov. Le trésor protobulgare de Nadyszentmiklós. Budapest, 1943, pp. 101, 155—156).

[8] О сибирских и монгольских изваяниях см. Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Северного Алтая. ТГИМ, 1941, вып. 16; ее же. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 1952, № 24; А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. М., Изд-во АН СССР, 1961. О казахстанских изваяниях см. Л. Ф. Семенов. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа. «Вестник Центрального музея Казахстана», 1930, № 1, стр. 85; С. С. Черников. Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. «Изв. АН Каз.ССР», вып. 3. Алма-Ата, 1956, стр. 56. О семиреченских изваяниях см. Я. А. Шер. Памятники алтайско-орхонских тюрок на Тянь-Шане. СА, 1963, № 4; Л. И. Альбаум. Об этнической принадлежности некоторых «балбалов». КСИИМК, 1960, вып. 80.

Оба эти признака не зависят от степени мастерства скульптора и улавливаются даже при очень плохой сохранности изваяний (рис. 25—29). Фрагментированные и незаконченные изваяния, по которым нельзя определить пол и позу, из классификации исключаются.

Тип I

«Стоящие» статуи с соединенными на животе руками. В руках — сосуд. Ноги до половины прикрыты полами одежды.

Подтип а (85 экз.). Женские (рис. 26, *1—6, 8;* рис. 27, *1, 2, 4;* рис. *28, 4*; рис. 29, *1, 2, 5, 8*).

Подтип *б* (42 экз.). Мужские (рис. 25, *1—6*; рис. 28, *1*).

Тип II

«Сидящие»» статуи с соединенными на животе руками. В руках — сосуд.

Подтип *а* (27 экз.). Женские (рис. 27, *3*; рис. 28, *3*; рис. 29, *4*).

Подтип *б* (41 экз.). Мужские (рис. 26, *7*).

Тип III

Без изображения рук и ног. Тело трактовано как прямоугольная в сечении стела. Объемно дана только голова. Это статуи особого, сильно упрощенного стиля, в котором скульптор пренебрег даже такими важными деталями, как руки, ограничиваясь передачей объема головы и оставляя туловище в виде прямоугольного в сечении каменного столба.

Подтип а (13 экз.). Женские (рис. 26, *8*, рис. 28, *2*).

Подтип б (7 экз.). Мужские (рис. 27, *5*; рис. 29, *7*).

Особый интерес представляют детали одежды, снаряжения, оружия, украшений, изображенные на изваяниях. Даем перечисление этих вещей с классификацией разновидностей их трактовки.

На женских статуях

Шляпы. 1 (на 101 экз.). Широкополые с узкой тульей, с ребром спереди (рис. 26, *3—6, 8, 9,* рис. 27, *2;* рис. 28, *3;* рис. 29, *1—6*).

2 (на 9 экз.). Конусовидные с валиком (рис. 26, *1*).

3 (на 1 экз.). В виде шапки, плотно облегающей голову, с выступом наверху и спускающейся углом на лоб.

Козырьки у шляп (на 13 экз.). В виде полукруглой лопасти, спускающейся спереди на лоб (рис. 26, *3—6*; рис. 29, *2, 6*).

Роговидное украшение у висков (на 42 экз.). Изображались в виде дуговидных валиков с косой насечкой (рис. 26, *1, 3—6, 9*; рис. 27, *2, 3*; рис. 28, *4*; рис. 29, *1—6*). Видимо, прототипом этой детали на изваяниях были реальные украшения, от которых в кочевнических погребениях остались войлочные валики с нашитыми серебряными изогнутыми дугой пластинами.

Налобная повязка. 1 (на 17 экз.). В виде узких полос под шляпой (рис. 26, *2, 3, 5*).

2 (на 6 экз.). В виде широкой полосы, закрывающей весь лоб до бровей с зигзагообразной линией (рис. 26, *9*; рис. 27, *2*; рис. 28, *3*).

Привески (на 10 экз.). В виде двух симметрично расположенных дугообразно спускающихся от лба к ушам линий (рис. 26, *3, 4, 5*; рис. 29, *5*).

Рис. 25. Каменные изваяния: *1* — ГИМ, 2; *2* — Симферопольский музей, 2; *3* — там же, 3; *4* — Благовещенье (зарегистрировано на месте 9); *5* — там же, 8; *5а* — предметы справа; *6* — Краснодарский музей, 26

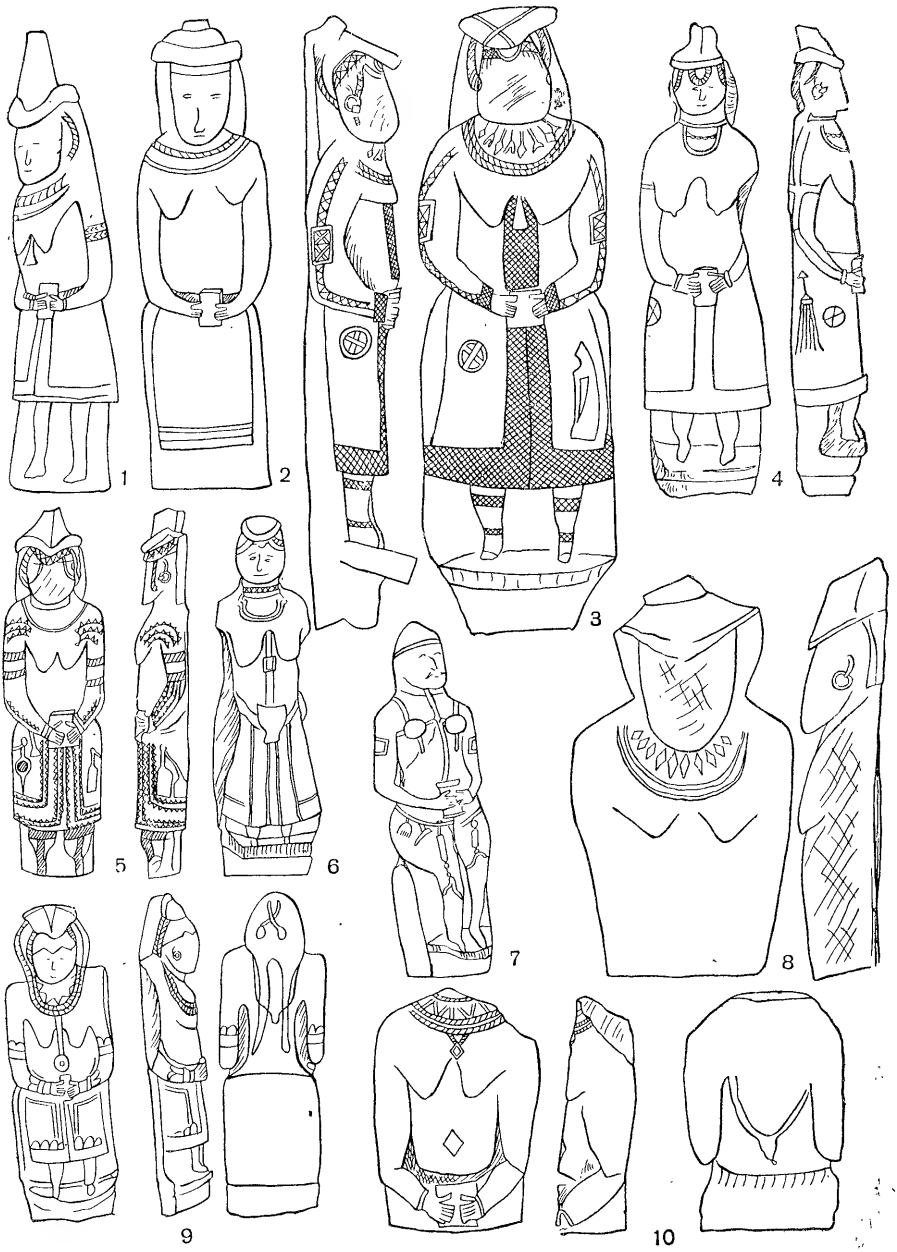


Рис. 26. Каменные изваяния: *1* — место находки неизвестно, 5; *2* — место неизвестно, 6; *3* — Киевский музей, 3; *4* — Днепропетровский музей, 22; *5* — там же, 32; *6* — там же, 26; *7* — там же, 38; *8* — Краснодарский музей, 11; *9* — Днепропетровский музей, 12; *10* — Краснодарский музей, *15*

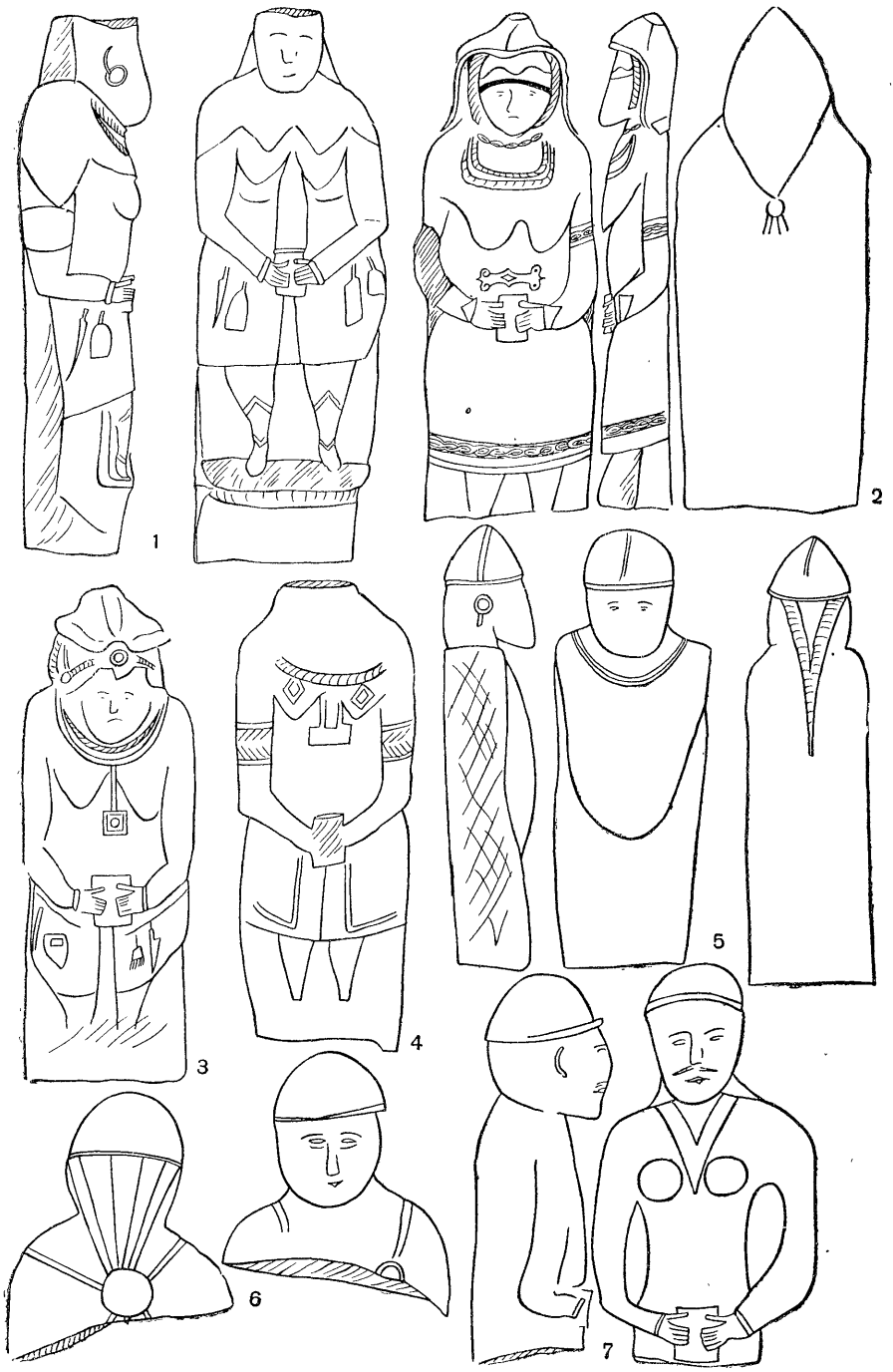


Рис. 27. Каменные изваяния: *1* — ГИМ, 16; *2* — там же, 22; *3* — там же, 7; *4* — там же, 25; *5* — там же, 10; *6* — Краснодарский музей, 23; *7* — Чокрак (зарегистрировано на месте, 1)

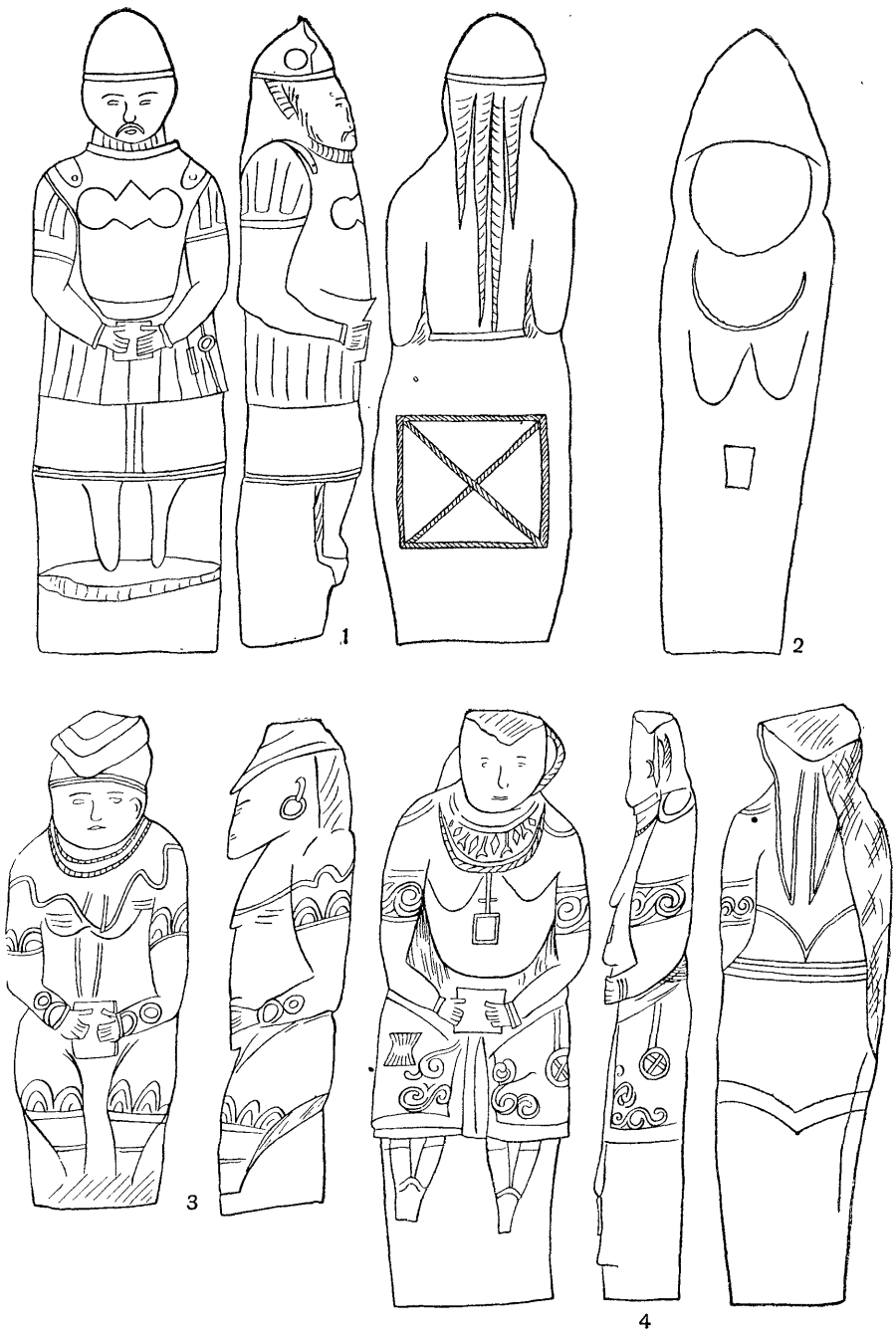


Рис. 28. Каменные изваяния: *1* — I ИМ, 1; *2* — Краснодарский музей, 12; 3 — ГИМ, 6; *4* — Краснодарский музей, 25

«Пелерины». В виде спускающейся от шляпы на затылок и плечи лопасти. 1 (на 8 экз.). Одна лопасть с полукруглым окончанием, с выступом внизу, спускающаяся до плеч (рис. 26, *9*).

2 (на 8 экз.). Одна лопасть с острым окончанием, спускающаяся до середины спины (рис. 27, *2*).

3 (на 1 экз.). Одна лопасть листовидной формы, спускающаяся до середины спины.

4 (на 6 экз.). Две узкие лопасти, доходящие до талии (рис. 28, *4*).

5 (на 8 экз.). Три лопасти: средняя, более длинная, спускается до середины спины, боковые лопасти лежат на плечах и лопатках.

Серьги. 1 (на 28 экз.). Кольцеобразные (рис. 26, *8, 9*; рис. 28, *3*).

2 (на 12 экз.). Кольцеобразные с утолщением в нижней части, передающие, очевидно, напускную бусину (рис. 26, *3—5*; рис. 29, *5, 6*).

3 (на 1 экз.). Кольцеобразные с треугольной лопастью внизу.

4 (на 2 экз.). Кольцевидные с отростком внизу (рис. 27, *5*).

Гривны. 1 (на 38 экз.). Одна гривна (рис. 26, *4—5*; рис. 27, *4*).

2 (на 65 экз.). Две гривны (рис. 26, *1—3; 8—10*; рис. 27, *2*; рис. 28, *3—4*; 29, *1—5*).

3 (на 1 экз.). Три гривны (рис. 26, *6*).

Ожерелья. Расположены выше гривны. 1 (на 17 экз.). С ромбовидными подвесками (рис. 26, *8*).

2 (на 8 экз.). С палочковидными и ромбовидными чередующимися подвесками. Ромбовидные подвески, видимо, имеют своим прототипом лазуритовые подвески — бусы (тип AI) ромбовидной формы (рис. 26, *3*; рис. 28, *4*; рис. 29, *1, 2*).

3 (на 2 экз.). С подвесками, трактованными в виде полукруглых лопастей.

4 (на 4 экз.). В виде зигзагообразной линии (рис. 26, *9, 10*).

5 (на 2 экз.). В виде цепочки мелких овалов (рис. 26, *4*).

«Медальон». Изображается в центре, на груди или на животе. 1 (на 1 экз.). Ромбовидный на двух расходящихся ремнях с насечками (рис. 26, *10*).

2 (на 5 экз.). Ромбовидный на одном ремне.

3 (на 6 экз.). Прямоугольный на одном ремне (рис. 26, *6*; рис. 27, *3*; рис. 28, *4*; рис. 29, *1*).

4 (на 2 экз.). Прямоугольный на двух вертикальных ремнях (рис. 27, *4*).

5 (на 3 экз.). Круглый на одном ремне (рис. 26, *9*).

6 (на 5 экз.). В виде лопасти (рис. 26, *1, 3*).

7 (на 1 экз.). В виде сложной фигуры с орнаментом, без ремней (рис. 27, *2*).

Верхний край рубахи[9]. 1 (на 5 экз.). В виде зигзагообразной линии.

2 (на 1 экз.). В виде волнистой линии (рис. 28, *3*).

«Плети». Изображались подвешенными к поясному ремню. 1 (на 2 экз.). В виде многоугольника с отходящими от него вниз вертикальными линиями, обозначающими хвост плети (рис. 26, *4*).

2 (на 1 экз.). В виде треугольника с отходящими от него вниз двумя полосами с косой насечкой, обозначающими, видимо, хвост плети.

Зеркала. Изображались подвешенными на поясном ремне. 1 (на 1 экз.). В виде окружности.

---

[9] Существует мнение, что грудь у женских статуй обнажена (С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 1958, № 62, стр. 211). Но если считать зигзагообразные линии верхним краем одежды, то следует признать, что грудь была прикрыта рубахой (Н. И. Веселовский. Ук. соч., стр. 435).

Рис. 29. Каменные изваяния: *1* — Краснодарский музей, 25; *2* — Изюмский музей, 2; *3* — там же, 9; *4* — там же, 10; *5* — Новочеркасский городской сад, 3; *6, 8* — Ростовский музей, 9; *7* — Ставропольский музей, 7; *8* — там же, 6

2 (на 5 экз.). В виде окружности с крестовидно пересекающимися линиями (рис. 26, *3, 4*; рис. 28, *4*). Трактовка этих деталей как зеркал сомнительна, но допустима потому, что во многих кочевнических погребениях, при этом почти только в женских, находят зеркала в ряде случаев в футляре на боку, видимо, подвешенных к поясу.

На мужских статуях

Шлемы. Имеют близкую к полушаровидной форму, слегка вытянуты вверху. 1 (на 81 экз.). Простой с одной или двумя линиями внизу, обозначающими, очевидно, приклепанную к шлему полосу (рис. 25, *3, 5*; рис. 26, *7*; рис. 27, *6, 7*; рис. 28, *1*; рис. 29, *7*).

2 (на 16 экз.). Такой же, как тип 1, с четырьмя линиями, спускающимися с вершины, обозначающими, видимо, швы, по которым склепан шлем из четырех листов (рис. 25, *1*; рис. 27, *5*).

3 (на 1 экз.). Такой же, как тип 2, с розеткой на вершине. Прототипом такой трактовки шлема являются, видимо, шлемы типа IV из кочевнических погребений (рис. 25, *6*).

Наплечники (на 1 экз.). В виде двух полос, спускающихся по плечам на ключицы (рис. 28, *1*). Эти полосы на плечах показывают, возможно, металлические пластины, защищавшие плечи воина.

Нагрудные и спинные бляхи (на 52 экз.; рис. 25, *1, 3, 6*; рис. 26, *7;* рис. 27, *6, 7;* рис. 28, *1*; рис. 29, *7*). Принадлежность мужских изваяний. Держатся на груди и спине системой ремней. На груди всегда имеются две бляхи. На спине только одна. Возможно, эти бляхи и ремни, их держащие, надевались для того, чтобы кольчуга плотно облегала туловище и не скользила при движении. В Херсоне в средневековых слоях была найдена бронзовая фигурка всадника (деталь подсвечника) в кольчуге, с двумя такими же бляхами на груди и одной на спине [10]. Система ремней, которые держали эти бляхи, в точности повторяла один из видов системы ремней на статуях. Бляхи имеют, видимо, своим прототипом находимые в кочевнических погребениях войлочные диски с металлической обкладкой.

Нагрудные ремни. 1 (на 30 экз.). От блях ремни идут на плечи и подмышки. Обе бляхи соединены горизонтальным ремнем (рис. 25, *1*; рис. 26, *7*; рис. 29, *7*).

2 (на 2 экз.). То же, что тип 1, с дополнением двух ремней, отходящих от блях и охватывающих плечи.

3 (на 6 экз.). То же, что тип 1. От центрального ремня спускается вниз ремень с острым концом (рис. 25, *6*). Такого типа система ремней изображена на херсонской фигурке.

4 (на 1 экз.). От обеих блях ремни идут на плечи. Бляхи соединены двумя изогнутыми под прямым углом ремнями (рис. 28, *1*).

5 (на 3 экз.). От обеих блях ремни идут на плечи и подмышки. Бляхи соединены одним изогнутым (углом вверх) ремнем.

6 (на 3 экз.). От обеих блях ремни идут на плечи и подмышки. Бляхи соединены изогнутым под острым углом (углом вниз) ремнем.

7 (на 1 экз.). С плеч спускаются два ремня, соединенные острым углом между бляхами (рис. 27, *7*).

8 (на 1 экз.). Ремень спускается с одного плеча и поднимается на другое плечо, образуя спереди дугообразную полосу (рис. 25, *5*).

Ремни на спине. 1 (на 2 экз.). С плеч спускаются ремни, доходя до центральной бляхи между лопатками (рис. 25, *3*).

[10] «Херсонес Таврический». Путеводитель по музею. Симферополь, 1956, стр. 109; Н. В. Пятышева. Железная маска из Херсонеса. М., изд. ГИМ, 1964, стр. 16, рис. 5.

2 (на 9 экз.). Ремни спускаются с плеч и уходят под мышки, перекрещиваясь под центральной бляхой (рис. 25, *5*; рис. 27, *6*).

3 (на 2 экз.). Ремень идет от одного плеча к другому, образуя полукруглую полосу.

4 (на 2 экз.). Две бляхи, соединенные горизонтальным ремнем. От блях отходят ремни на плечи и подмышки.

Луки. Изображались подвешенными на ремнях к поясному ремню. 1 (на 1 экз.). В виде сегмента круга с оттянутыми концами (рис. 25, *5*).

2 (на 3 экз.). Такой же, как тип 1, но прорисована только верхняя часть лука. Возможно, это показывает, что лук находился в налучье (рис. 25, *4*).

Колчаны. Изображались подвешенными на ремнях к поясному ремню. 1 (на 2 экз.). В виде наклонно поставленной удлиненной прямоугольной фигуры с продольными линиями в верхней части, обозначающими, видимо, стрелы.

2 (на 1 экз.). В виде наклонно поставленной удлиненной фигуры с расширяющейся нижней частью и с оканчивающейся дугой верхней частью, в которой продольными линиями показаны, видимо, концы стрел, торчащие из колчана (рис. 25, *5а*).

«Сабли». Изображались подвешенными к поясному ремню. 1 (на 4 экз.). В виде изогнутой и заостренной внизу полосы (рис. 25, *3*).

2 (на 1 экз.). В виде слабоизогнутой полосы, заостренной внизу, с прямоугольным окончанием вверху, обозначающим, возможно, навершие или рукоятку.

3 (на 8 экз.). В виде слабоизогнутой полосы, заостренной внизу, с диском в верхней части (рис. 25, *3, 6*).

4 (на 1 экз.). В виде широкой изогнутой заостренной на конце полосы с брусковидным перекрестием.

Трактовка этих деталей как сабель сомнительна, тем более что «сабли» изредка встречаются на женских изваяниях.

«Кресала». Изображались подвешенными на поясном ремне. 1 (на 1 экз.). В виде прямоугольной рамки (прототип — кресала А I).

2 (на 3 экз.). В виде овальной рамки (прототип — кресала AII) (рис. 25, *2, 5*).

На мужских и женских статуях

Косы. Изображались без насечек или с косыми насечками, которые, возможно, передают плетение косы. 1 (на 7 экз.). Одна коса.

2 (на 5 экз.). Две косы (рис. 26, *9*).

3 (на 7 экз.). Две косы, соединенные на спине в узел (рис. 26, *10*; рис. 27, *5*).

4 (на 24 экз.). Три косы (рис. 25, *5*).

5 (на 5 экз.). Три косы, соединенные на спине в узел (рис. 25, *3*).

6 (на 1 экз.). Четыре косы (рис. 28, *1*).

Рукава. Часто украшены орнаментом, видимо, передающим вышивку. 1 (на 18 экз.). Полоса на предплечье и «манжеты» у запястья (рис. 26, *1, 9;* рис. 27, *2, 4*; рис. 28, *1, 3, 4*; рис. 29, *1*).

2 (на 12 экз.). Такая же полоса, как тип 1. От горизонтальной полосы идут по краю рукава вверх к шее и вниз к «манжетам» узкие полосы (рис. 25, *3*; рис. 26, *4*; рис. 29, *2*).

3 (на 1 экз.). Круглая фигура на предплечье и узкая полоса, спускающаяся по краю рукава от плеча к «манжетам».

4 (на 1 экз.). Прямоугольная фигура на предплечье и узкая полоса, спускающаяся по краю рукава от плеча к «манжетам» (рис. 26, *3*).

Нижняя часть одежды спереди. Трактовка передней части одежды ниже пояса может быть классифицирована следующим об-

разом. 1 (на 17 экз.). Без разделения вертикальными линиями на две части. Возможно, отсутствие таких линий говорит о том, что фигура человека изображена в юбке, а не в кафтане с двумя полами. По нижнему краю одежды орнаментированная горизонтальная линия или полоса (рис. 25, *4*).

2 (на 1 экз.). То же, что тип 1. В средней части «юбки» горизонтальная орнаментированная полоса (рис. 27, *2*).

3 (на 6 экз.). В виде «фартука» (рис. 26, *2*).

4 (на 54 экз.). Нижняя часть одежды разделена вертикальной линией или полосой. Это обозначает, видимо, что одежда имеет две полы. По нижнему краю одежды горизонтальные линии часто с орнаментом (рис. 25, *3, 5, 6*; рис. 26, *1, 3—6, 9;* рис. 27, *1, 4;* рис. 28, *1, 4;* рис. 29, *1, 2*).

Нижняя часть одежды сзади (на 6 экз.). Трактована очень условно; в виде квадрата или прямоугольника с двумя диагоналями (рис. 28, *1*).

Поясной ремень (на 11 экз.). Спереди скрыт руками и сосудом. Сзади показывается в виде простой горизонтальной полосы (рис. 25, *3, 5;* рис. 28, *1*).

Обувь. Трудно сказать, сапоги или какой-либо другой вид обуви изображен на статуях. Возможно, это кожаные чулки. Ноги трактованы в виде резко сужающихся книзу конусов или рюмкообразных фигур. 1 (на 10 экз.). Верхний край «сапог» изображен в виде горизонтальной полосы (рис. 26, *3;* рис. 28, *3*).

2 (на 22 экз.). Верхний край «сапог» изображен в виде изогнутой дугой полосы (рис. 25, *3, 6;* рис. 26, *7*; рис. 28, *4*).

3 (на 2 экз.). Верхний край «сапог» трактован в виде горизонтальной полосы и спускающейся от нее посредине ноги вертикальной полосы, доходящей до изогнутой под тупым углом линии в нижней части «сапога» (рис. 26, *5*).

4 (на 4 экз.). Верхний край «сапога» показан в виде ломаной линии, изогнутой под острым углом вверх. Внизу другая линия, изогнутая в другом направлении (рис. 27, *1*).

Ремни для держания «сапог». 1 (на 6 экз.). Ремень в виде узкой полосы отходит от «сапога» вверх до поясного ремня и перехватывается горизонтальным ремнем в верхней части ног (рис. 25, *1*).

2 (на 4 экз.). Ремень в виде узкой полосы отходит от «сапога» вверх до горизонтального ремня в верхней части ноги.

3 (на 4 экз.). Ремень в виде узкой полосы идет от «сапога» вверх к поясному ремню.

Пряжки для держания «сапог». 1 (на 5 экз.). Ромбовидные (рис. 25, *1*).

2 (на 5 экз.). В виде широкой полосы с острым концом, нижний конец соединен с «сапогом», а верхний конец — с круглой бляхой на горизонтальном ремне в верхней части ноги (рис. 26, *7*).

3 (на 1 экз.). Круглые.

Сосуды. 1 (на 17 экз.). Кубический.

2 (на 134 экз.). Цилиндрический, прямоугольный (рис. 25, *1, 3—5;* рис. 26, *1—5, 7, 9, 10;* рис. 27, *1—3, 7;* рис. 28, *1—3;* рис. 29, *3, 4, 8*).

3 (на 16 экз.). Усеченно-конический.

4 (на 5 экз.). Биконический (рис. 28, *4*; рис. 29, *1*).

5 (на 4 экз.). Бокалообразный (рис. 26, *6*).

6 (на 19 экз.). Сосуд с расширенным туловом и суженным дном и горлом (рис. 25, *2*).

7 (на 4 экз.). Горшкообразный.

«Гребни». Изображаются подвешенными к поясному ремню.

1 (на 4 экз.). В виде полукруга с насечкой в нижней части, передающей зубья (рис. 26, *7*).

2 (на 4 экз.). В виде трапециевидной фигуры с насечкой в нижней части, показывающей зубья (рис. 27, *3*).

3 (на 1 экз.). В виде прямоугольника с насечками по верхнему и нижнему краям, передающими зубья с двух сторон гребня.

4 (на 1 экз.). В виде битрапециевидной фигуры с насечками по верхнему и нижнему краям, передающими зубья с двух сторон гребня (рис. 28, *4*).

«Ножи». Изображаются подвешенными на ремнях к поясному ремню. Толкование этих деталей как ножей сомнительно и допускается нами только потому, что нож был, судя по инвентарям погребений, почти обязательной принадлежностью кочевника. 1 (на 7 экз.). В виде вытянутого прямоугольника (рис. 25, *6*; рис. 26, *7*; рис. 28, *1*).

2 (на 5 экз.). В виде вытянутого треугольника с отростком, обозначавшим ручку (рис. 27, *1, 3*).

Воротник (на 8 экз.). Изображается в виде полосы на шее, часто с вертикальной насечкой (рис. 25, *6;* рис. 26, *4, 6*; рис. 28, *1*).

Борт кафтана выше пояса (на 20 экз.). Изображается в виде вертикальной двойной или тройной линии или полосы с насечкой (рис. 25, *3;* рис. 26, *3, 6, 7;* рис. 27, *1*; рис. 28, *3*).

«Мешочки». Изображаются подвешенными на поясном ремне. 1 (на 8 экз.). В виде полукруглой фигуры (рис. 25, *6*; рис. 27, *1*).

2 (на 6 экз.). В виде квадрата (рис. 25, *5*).

3 (на 5 экз.). В виде трапеции.

4 (на 2 экз.). В виде «кисета».

5 (на 1 экз.). В виде прямоугольника с отходящей от него вниз трапециевидной лопастью.

Трактовка этих деталей как мешочков сомнительна и допустима только потому, что в кочевнических погребениях часто находят туалетные принадлежности, огниво и кремень, иногда и зеркало в специальном мешочке, подвешенном к поясу.

Непонятные изображения вещей, подвешенных к поясу. 1 (на 1 экз.). В виде ромба.

2 (на 2 экз.). В виде квадратной рамки с перекрестием.

3 (на 2 экз.). В виде пятиугольника.

4 (на 1 экз.). Сложная фигура, изображающая, по мнению Я. И. Смирнова и Н. И. Веселовского, музыкальный инструмент [11] (рис. 26, *5*).

Ножницы (на 1 экз.). Изображались на затылке. Это говорит о том, что они не составляли (рис. 26, *9*) детали изображения, а воспринимались самостоятельно вне связи с фигурой человека [12].

Кроме ножниц также изображались и воспринимались, видимо, как самостоятельные объекты фигуры собаки (рис. 25, *3*) и птицы с боков или на тыловой стороне статуи и фигура из двух ромбов на затылке статуи (на 5 экз.). На одном изваянии на плоской задней поверхности была грубо изображена рука, держащая саблю [13]. На некоторых стату-

[11] Так называемая «кожа» — инструмент в виде двуструнной мандолины (см. Н. И. Веселовский. Ук. соч., стр. 438). С. А. Плетнева (Ук. соч., стр. 212) по этому поводу пишет: «О наличии в половецкой среде музыкантов (гудцев) и певцов сообщает нам русский летописец в знаменитом рассказе о Сырчане и Отроке («оставъшю у Сырчана, единому гудьцу же Орели, посля й в Обезы... пой же ему песни половецкии»)».

[12] С. А. Плетнева видит в этих изображениях ножниц оберег, сопоставляя их с фактом захоронения ножниц в погребениях женщин (С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 205).

[13] На изваянии у ст. Сейлерской в Крыму обнаружено в 1898 г. Ю. Кулаковским.

ях на задней стороне или сбоку имеется схематическое изображение человеческих фигур с поднятыми вверх руками [14] (рис. 25, *2*).

Орнаментальные мотивы. 1 (на 3 экз.). Прямая насечка (рис. 25, *6*).

2 (на 3 экз.). Косая насечка (рис. 25, *2, 3*).

3 (на 6 экз.). Зигзаг (рис. 25, *3*).

4 (на 5 экз.). Косая сетка (рис. 26, *3*).

5 (на 1 экз.). Треугольники (рис. 26, *5*).

6 (на 1 экз.). Крестики (рис. 25, *5*; рис. 26, *3*).

7 (на 3 экз.). «В елочку» (рис. 26, *1*; рис. 27, *4*).

8 (на 2 экз.). Спиралевидный (рис. 28, *4*; рис. 29, *1*).

9 (на 5 экз.). Арочковидный (рис. 28, *3*).

10 (на 1 экз.). В виде цепочки кружков и овалов (рис. 27, *2*).

Следует отметить, что распределение различных деталей одежды и изображений вещей по половому признаку статуй повторяет во многом распределение инвентаря в мужских и женских кочевнических погребениях. Так, например, кресало, предметы вооружения, защитный доспех встречаются почти исключительно в мужских погребениях, а изображения этих предметов мы находим тоже почти только на мужских статуях. Украшения составляют более частую находку в женских могилах. Украшения изображены, за очень редким исключением, только на женских статуях. В могилах зеркала и ножницы находят почти исключительно в женских погребениях, а изображения этих предметов встречаются только на женских изваяниях.

Рассмотрим теперь распределение вариантов трактовки различных деталей по типам статуй. Применим тот же критерий (k) для определения существенного расхождения между теоретически определенными вероятностями появления того или иного признака на определенном типе каменных «баб» и фактической частости этого признака (сущность и практическое применение этого метода были изложены в главе I).

В табл. 20 даются для каждого признака следующие величины: число статуй с этим признаком (a), число статуй с той категорией признаков, к которым относится данный признак (n_a), число изваяний каждого типа с данным признаком (m_a) и критерий (k). Кроме того, в таблице указано для каждого типа статуй: число статуй данного типа (b) и общее количество определимых по типу статуй (n_b) (в скобках знак + означает, что $k \geqslant 2$, знак — означает, что $k \leqslant -2$, знак 0 означает, что $-2 \leqslant k \leqslant 2$).

Табл. 20 показывает, что между различными типами статуй и различными типами трактовки деталей одежды и вещей в некоторых случаях есть существенные связи, отражающие какие-то закономерности в распределении признаков. Ряд связей мы можем объяснить половыми различиями статуй. В этих случаях значения k оказываются выше двух для мужских или женских статуй и I и II типов.

Так, например, обстоит дело со шляпами типа 1, роговидными украшениями, с налобными повязками типа 1, гривнами типа 2, ожерельями типа 1 (признаки, встречающиеся только на женских статуях), шлемами типа 1, нагрудными бляхами, нагрудными ремнями типа 1 (признаки, характерные для мужских изваяний), косами типа 4. Отметим, что соответствующие графы этих типов в табл. 20, предназначенные для изваяний противоположного пола, оказываются заполненными

[14] Д. И. Эварницкий сообщил о статуе типа I б из с. Котово Ново-Московского у Екатеринославской губ. с изображением на оборотной стороне фигуры с разведенными руками и фалосом (см. Д. И. Эварницкий. Каменные бабы, стр. 188).

Таблица 20

Тип А	a	n_a	n_{ab}	Типы и подтипы изваяний (В)					
				Ia b=85 n_b=215	Iб b=42 n_b=215	IIa b=27 n_b=215	IIб b=41 n_b=215	IIIa b=13 n_b=215	IIIб b=7 n_b=215
Шляпы 1	101	111	97	61 (+)	— (—)	20 (+)	— (—)	7 (0)	— (—)
2	9	111	97	7 (+)	—	1 (0)	—	—	—
3	1	111	97	—	—	1 (+)	—	—	—
Козырьки у шляп	13	13	13	10 (+)	—	3 (0)	—	—	—
Роговидные украшения	42	42	36	29 (+)	— (—)	7 (+)	— (—)	—	—
Налобные повязки 1	17	23	21	12 (+)	— (—)	3 (+)	— (—)	—	—
2	6	23	21	6 (+)	—	—	—	—	—
Привески	10	10	10	9 (+)	—	1 (0)	—	—	—
Пелерины 1	8	31	29	3 (0)	2 (0)	1 (0)	1 (0)	—	—
2	8	31	29	6 (0)	—	2 (0)	—	—	—
3	1	31	29	1 (0)	—	—	—	—	—
4	6	31	29	4 (0)	—	1 (0)	—	—	—
5	8	31	29	6 (0)	—	2 (0)	—	—	—
Серьги 1	28	43	41	20 (+)	— (—)	5 (0)	— (—)	1 (0)	—
2	12	43	41	8 (0)	1 (0)	3 (0)	—	—	—
3	1	43	41	1 (0)	—	—	—	—	—
4	2	43	41	1 (0)	—	—	—	1 (+)	—
Гривны 1	38	104	92	17 (0)	— (—)	8 (+)	— (—)	7 (+)	—
2	65	104	92	43 (+)	1 (—)	13 (+)	— (—)	2 (0)	—
3	1	104	92	1 (0)	—	—	—	—	—
Ожерелья 1	17	33	28	10 (+)	— (—)	5 (+)	— (—)	2 (0)	—
2	8	33	28	6 (0)	—	—	—	1 (0)	—
3	2	33	28	1 (0)	—	—	—	—	—
4	4	33	28	1 (0)	—	1 (0)	—	—	—
5	2	33	28	1 (0)	—	—	—	—	—
Медальоны 2	5	23	22	3 (0)	—	1 (0)	—	1 (0)	—
3	6	23	22	4 (0)	—	1 (0)	—	1 (0)	—
4	2	23	22	1 (0)	—	1 (0)	—	—	—
5	3	23	22	3 (0)	—	—	—	—	—
6	5	23	22	3 (0)	—	2 (0)	—	—	—
7	1	23	22	1 (0)	—	—	—	—	—
Верхний край рубахи 1	5	6	5	3 (0)	—	1 (0)	—	—	—
2	1	6	5	—	—	1 (+)	—	—	—
Плети 1	2	3	3	2 (0)	—	—	—	—	—
2	1	3	3	1 (0)	—	—	—	—	—

Продолжение

Тип А	a	n_a	n_{ab}	Типы и подтипы изваяний (В)					
				Ia b=85 n_b=215	Iб b=42 n_b=215	IIa b=27 n_b=215	IIб b=41 n_b=215	IIIa b=13 n_b=215	IIIб b=7 n_b=215
Зеркала 1	1	6	6	1 (0)	—	—	—	—	—
2	5	6	6	5 (+)	—	—	—	—	—
Шлемы 1	81	98	87	3 (—)	28 (+)	— (—)	32 (+)	3 (0)	5 (0)
2	16	98	87	— (—)	4 (0)	—	6 (+)	—	3 (+)
3	1	98	87	—	1 (+)	—	—	—	—
Наплечники	1	1	1	—	1 (0)	—	—	—	—
Нагрудные бляхи	52	52	46	— (—)	19 (+)	— (—)	27 (+)	—	2 (0)
Наспинные бляхи	2	2	2	—	2 (+)	—	—	—	—
Нагрудные ремни 1	30	47	43	— (—)	12 (+)	— (—)	16 (+)	—	2 (0)
2	2	47	43	—	1 (0)	—	1 (0)	—	—
3	6	47	43	—	2 (0)	—	1 (0)	—	—
4	1	47	43	—	1 (+)	—	—	—	—
5	3	47	43	—	1 (0)	—	2 (+)	—	—
6	3	47	43	—	—	—	3 (+)	—	—
7	1	47	43	—	1 (+)	—	—	—	—
								—	
Ремни на спине 1	2	15	14	—	2 (+)	—	—	—	—
2	9	15	14	— (—)	3 (0)	—	5 (+)	—	—
3	2	15	14	—	2 (+)	—	—	—	—
4	2	15	14	—	2 (+)	—	—	—	—
Луки 1	1	4	4	—	1 (0)	—	—	—	—
2	3	4	4	—	3 (+)	—	—	—	—
Колчаны 1	2	3	3	—	2 (+)	—	—	—	—
2	1	3	3	—	1 (0)	—	—	—	—
Сабли 1	4	14	14	1 (0)	3 (+)	—	—	—	—
2	1	14	14	—	1 (0)	—	—	—	—
3	8	14	14	1 (0)	6 (+)	—	1 (0)	—	—
4	1	14	14	—	1 (0)	—	—	—	—
Кресала 1	1	4	4	—	1 (0)	—	—	—	—
2	3	4	4	—	3 (+)	—	—	—	—
Косы 1	7	49	46	1 (—)	2 (0)	—	1 (0)	2 (+)	—
2	5	49	46	2 (0)	—	1 (0)	1 (0)	1 (0)	—
3	7	49	46	2 (0)	1 (0)	1 (0)	2 (0)	—	—
4	24	49	46	1 (—)	10 (+)	— (—)	12 (+)	—	1 (0)
5	5	49	46	—	2 (0)	—	2 (0)	—	—
6	1	49	46	—	1 (0)	—	—	—	—
Рукава 1	18	32	30	11 (+)	2 (0)	3 (0)	1 (0)	—	—
2	12	32	30	6 (0)	3 (0)	—	2 (0)	—	—
3	1	32	30	1 (0)	—	—	—	—	—
4	1	32	30	1 (0)	—	—	—	—	—

Продолжение

Тип А	a	n_a	n_{ab}	Типы и подтипы изваяний (В)					
				Ia b=85 n_b=215	Iб b=42 n_b=215	IIа b=27 n_b=215	IIб b=41 n_b=215	IIIа b=13 n_b=215	IIIб b=7 n_b=215
Нижняя часть одежды спереди 1	17	78	74	10 (0)	7 (0)	—	—	—	—
2	1	78	74	1 (0)	—	—	—	—	—
3	6	78	74	4 (0)	2 (0)	—	—	—	—
4	54	78	74	33 (+)	17 (+)	— (—)	— (—)	—	—
Нижняя часть одежды сзади	6	6	6	1 (—)	5 (+)	—	—	—	—
Поясной ремень	11	11	11	1 (—)	5 (+)	1 (0)	3 (0)	1 (0)	—
Обувь 1	10	38	37	3 (0)	4 (0)	1 (0)	1 (0)	—	—
2	22	38	37	4 (0)	6 (0)	3 (0)	9 (+)	—	—
3	2	38	37	2 (0)	—	—	—	—	—
4	4	38	37	3 (0)	—	—	1 (0)	—	—
Ремни для сапог 1	6	14	14	—	—	1 (0)	5 (+)	—	—
2	4	14	14	—	—	—	4 (+)	—	—
3	4	14	14	—	—	—	4 (+)	—	—
Пряжки для сапог 1	5	10	10	—	—	1 (0)	4 (+)	—	—
2	5	10	10	—	—	1 (0)	4 (+)	—	—
Сосуды 1	17	199	172	3 (0)	4 (0)	2 (0)	8 (+)	—	—
2	134	199	172	54 (0)	25 (0)	10 (—)	21 (0)	2 (0)	1 (0)
3	16	199	172	4 (0)	4 (0)	2 (0)	4 (0)	—	—
4	5	199	172	3 (0)	—	—	—	—	—
5	4	199	172	3 (0)	1 (0)	—	—	—	—
6	19	199	172	4 (0)	5 (0)	3 (0)	6 (0)	—	—
7	4	199	172	3 (0)	—	—	—	—	—
Гребни 1	4	10	10	1 (0)	1 (0)	—	2 (0)	—	—
2	4	10	10	—	—	1 (0)	3 (+)	—	—
3	1	10	10	1 (0)	—	—	—	—	—
4	1	10	10	1 (0)	—	—	—	—	—
Ножи 1	7	12	12	1 (0)	1 (0)	—	5 (+)	—	—
2	5	12	12	2 (0)	—	1 (0)	2 (0)	—	—
Воротник	8	8	7	2 (0)	4 (+)	—	1 (0)	—	—
Борт кафтана	20	20	18	9 (0)	3 (0)	1 (0)	5 (0)	—	—
Мешочки 1	8	22	22	4 (0)	1 (0)	—	3 (0)	—	—
2	6	22	22	2 (0)	2 (0)	—	2 (0)	—	—
3	5	22	22	—	1 (0)	—	4 (+)	—	—
4	2	22	22	1 (0)	1 (0)	—	—	—	—
5	1	22	22	—	—	—	1 (0)	—	—
Ромбы на затылке	5	5	5	5 (+)	—	—	—	—	—

Окончание

Тип А	a	n_a	n_{ab}	Типы и подтипы изваяний (В)					
				Ia b=85 n_b=215	Iб b=42 n_b=215	IIa b=27 n_b=215	IIб b=41 n_b=215	IIIa b=13 n_b=215	IIIб b=7 n_b=215
Орнаментация 1	3	29	28	2 (0)	1 (0)	—	—	—	—
2	3	29	28	3 (0)	1 (0)	—	—	—	—
3	6	29	28	3 (0)	1 (0)	—	1 (0)	—	—
4	5	29	28	3 (0)	1 (0)	1 (0)	—	—	—
5	1	29	28	1 (0)	—	—	—	—	—
6	1	29	28	—	1 (0)	—	—	—	—
7	3	29	28	1 (0)	—	—	—	—	—
8	2	29	28	2 (0)	—	—	—	—	—
9	5	29	28	3 (0)	—	2 (+)	—	—	—
10	1	29	28	1 (0)	—	—	—	—	—

отрицательными показателями. Это свидетельствует о том, что такие типы закономерно не встречаются на статуях данного пола.

Но некоторые признаки оказываются характерными для статуй определенного типа, а не пола, т. е. для «стоящих», «сидящих» или стелообразных изваяний. Эти признаки дают высокие показатели связи ($k \geqslant 2$) с мужскими или женскими статуями одного из трех типов. Есть признаки, которые сопряжены и с мужскими, и с женскими статуями одного из типов. Очевидно, такие признаки связаны с иконографической позой изваяния, т. е. с типом, а не с полом.

Для «стоящих» статуй типичен следующий набор признаков:

Шляпа типа 2
Козырьки
Налобная повязка типа 2
Привески
Серьги типа 1
Зеркала типа 2
Шлемы типа 3
Наспинные бляхи
Нагрудные ремни типов 4 и 7
Наспинные ремни типов 1, 3, 4
Луки типа 2
Колчаны типа 1
Сабли типов 1 и 3
Кресала типа 2
Рукава типа 1
Нижняя часть одежды спереди типа 4
Нижняя часть одежды сзади
Пояс
Воротник
Ромбы на затылке

Для «сидящих» статуй характерен следующий набор признаков:

Шляпы типа 3
Гривны типа 1
Верхний край рубахи типа 2
Шлемы типа 2
Наспинные ремни типа 2
Нагрудные ремни типов 5 и 6
Сапоги типа 2
Ремни для сапог типов 1, 2 и 3

Пряжки для сапог типов 1 и 2
Сосуды типа 1
Гребни типа 2
Ножи типа 1
Для стелообразных статуй характерны:
Серьги типа 4
Гривны типа 1
Шлем типа 2
Косы типа 1

Маловероятно, что эти различия между I, II и III типами статуй отражают какие-то социальные традиции. Шлем, который встречается в богатых по преимуществу погребениях и является признаком высшего класса воинов, на изваяниях изображается повсюду. Если бы поза статуи была как-то связана с имущественным состоянием изображаемого или передавала социальную принадлежность человека, ставившего статую, то мы имели бы, вероятнее всего, резкое отличие статуй этих двух групп по высоте и набору самих предметов, изображенных на них. В нашем же материале среди и «сидящих» и «стоящих» статуй имеются и роскошные, полные деталей экземпляры, и бедные, сравнительно небольшие статуи, почти без реалий. По всей вероятности, различие статуй заключается в том, что для статуй одного типа характерны набор и иная передача предметов, иная манера их изображения, чем для статуй другого типа. А так как и «сидящие» статуи, и «стоящие» встречаются на одной территории, мы можем сделать вывод о том, что эта разница в манере передачи некоторых деталей отражает хронологическое различие типов статуй.

Нам кажется, что «сидящие» статуи относятся к более позднему времени. Древнейшими образцами изваяний для кыпчаков служили казахстанские и семиреченские «бабы», всегда «стоящие». Следует думать, что и в южнорусских степях первоначально появились «стоящие» статуи, а потом «сидящие». Трудно предположить полную смену одного типа другим. Слишком много общего в облике этих статуй. Скорее всего, более поздние варианты «стоящих» статуй существовали параллельно статуям, передающим человеческую фигуру в сидячем положении.

Таким образом, с известной долей вероятности мы можем отметить постепенную трансформацию статуй типа I в статуи типа II. Этот процесс связан с изменением позы статуй, сопровождался изменением набора и манеры изображения различных деталей одежды, украшений и вещей. Одновременно происходило и изменение соотношения числа мужских и женских статуй (табл. 21).

С распространением в Восточной Европе тюркских каменных изваяний, до этого почти исключительно мужских, на западе евроазиатских

Таблица 21

Пол статуй	Типы статуй						Всего	
	I		II		III			
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
Женские	85	67	27	37	13	65	125	58
Мужские	42	33	41	63	7	35	90	42
Всего	127	100	68	100	20	100	215	100

степей быстро создается женский тип статуй. Но постепенно, в более позднее время, в связи с изменением позы статуи господствующими стали опять мужские статуи.

Изваяния типа III связаны со статуями типа I: статуи типа III разделяются на мужской и женский подтипы в той же пропорции, что и статуи типа I. Упрощенная форма III типа может быть объяснена тем, что эти статуи были или ранними вариантами типа I, или поздними упрощенными его вариантами, в которых реалистические черты в передаче объемов были утрачены. Второе предположение подтверждается наблюдением над некоторыми деталями статуй типа III, которые можно понять только как рудименты (например, изображение сосуда, бессмысленное само по себе без изображений рук (рис. 28, *2*), медальона без ремня). Обращает внимание то обстоятельство, что статуи III типа являются упрощенными и, очевидно, поздними вариантами статуй именно I, а не II типа. Видимо, тенденция к образованию упрощенного «стелообразного» варианта была и у статуй «сидящего» типа. Но она по каким-то причинам не развилась. Пока известен только один экземпляр «сидящей» стелообразной статуи (Таганрогский музей, № 8).

Вместе с тем у статуй II и III типов есть некоторые общие детали, закономерно встречающиеся именно на этих статуях (гривна 1, шлем 2). Мы полагаем, что манера трактовки деталей изменялась во времени. Поэтому наличие общих, сходных в манере изображений, деталей сближает по времени «сидящие» и стелообразные изваяния.

Схематически эволюцию каменных изваяний в восточноевропейских степях можно представить так:

Статуи I типа ↗ статуи II типа
↘ статуи III типа

При этом та ветвь эволюции, которая дала стелообразные упрощенные статуи, сохранила традицию «стоящих» статуй в пропорции мужских и женских подтипов. Другая же ветвь эволюции, которая привела к изменению позы статуй и появлению «сидящих» изваяний, была связана с резким изменением соотношения мужских и женских подтипов.

Нам представляется, что статуи II типа также имели некоторое количество поздних вариантов стелообразного облика. Но эта разновидность статуй не развилась: более поздние статуи «сидящего» типа исчезли, очевидно, не постепенно, как статуи I типа, а сразу, в течение сравнительно короткого времени.

Для датировки статуй [15] следует выбрать те детали изваяний, которые передают определенные типы реально бытовавших вещей, например:

шлемы с розеткой наверху, передающие тип IV шлема погребений, который датируется III периодом (конец XII — начало XIII в.);

роговидные украшения в виде войлочных дуг или венца с металлическими пластинами, найденные в погребениях II и IV периодов (XII—XIV вв.);

ожерелья бус в виде ромбовидных подвесок, передающие ромбовидные подвески из ляпис-лазури, встречающиеся с IX—X до XIII в.

[15] Мы не можем согласиться с ранней датировкой одной статуи типа III из ГИМ концом I тысячелетия н. э., предложенной А. П. Смирновым (см. А. П. Смирнов. Куйбышевская каменная баба. КСИИМК, 1946, XII). Основанием для этой датировки у А. П. Смирнова служат серьги кольцевые с прямым стержнем, передающие, по мнению автора, тип аланской серьги, и шлем типа «Spangelhelm». Но изображенная на статуе серьга может иметь прототипом и серьгу в виде знака вопроса, а шлем передает обычный шишак.

Для датировки каменных изваяний имеют значение два кургана, раскопанные у дер. Торской (№ 484, 485). Курганы были насыпаны в XII в. Следовательно, и установленные на них статуи датируются не раньше этого времени.

Интересно также впускное погребение 2 кургана 4 близ ст. Кременской. В основной яме находилось основание одной из двух статуй, лежащих под восточной полой кургана. Эта яма прорезана впускным ограбленным погребением. Оно может быть датировано примерно золотоордынским временем по характерной корчаге с горизонтальной гофрировкой нижней части тулова, типичной для посуды из Нового Сарая, Увека и других золотоордынских городов. Так как это погребение пересекает яму с основным погребением, то очевидно, что и главное погребение не моложе XIII—XIV вв., а следовательно, и статуи, разбитые при сооружении этой могилы, также относятся ко времени не позднее золотоордынской эпохи, а скорее всего — к домонгольской эпохе, поскольку в этот период они были разбиты и использованы при строительстве кургана и устройстве могилы, т. е. утратили свои функции.

Для установления верхней даты изваяний существенны наблюдения, сделанные при исследовании погребения 3 кургана «Акритова могила» близ с. Чермалык (№ 587). Здесь погребение IV периода, т. е. золотоордынского времени, было связано с каменной плитой, которая представляла собой обитую, стесанную каменную статую. Отсюда следует, что эта «баба» старше IV периода, в котором ее использовали вторично, просто как каменную плиту.

Характерно, что на изваяниях почти нет серег VI типа (в виде знака вопроса), столь типичных для IV периода.

Все собранные факты позволяют датировать каменные изваяния II—III периодами, т. е. XII — началом XIII в.

Наша датировка каменных изваяний подтверждается письменными сообщениями. Рубрук, посетивший половецкие степи в середине XIII в., писал, что у команов имеется обычай ставить каменные статуи на курганах [16]. Низами (XII в.) сообщает, что кыпчаки ставят каменные статуи и поклоняются им [17].

ТОПОГРАФИЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И НАЗНАЧЕНИЕ ИЗВАЯНИЙ

В настоящее время карту размещений кочевнических изваяний составить невозможно. Большинство сохранившихся статуй были перемещены в музеи, бывшие поместья, парки, городские бульвары, переставлены как межевые знаки и т. п. [18]. Однако еще в первой половине XIX в. большая часть каменных изваяний стояла на своем первоначаль-

[16] «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., Географгиз, 1957, стр. 102. Ю. А. Кулаковский (Ю. А. Кулаковский. К вопросу о каменных бабах. АИЗ, № 7—8. М., 1898) без достаточных оснований считал сообщение Рубрука сомнительным. П. Кеппер, Н. И. Веселовский, С. А. Плетнева и Л. П. Зяблин считали сообщение Рубрука заслуживающим доверия.

[17] На свидетельство Низами, имеющееся в поэме «Искандер-намэ», впервые обратил внимание В. В. Бартольд (В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894. ЗАН, историко-филологический отд., VIII, т. I, № 4. СПб., 1897, стр. 20). Хотя действие происходит, по Низами, при Александре Македонском, имеется в виду современная Низами половецкая степь XII в. Содержание отрывка Низами следующее: Александр Македонский убеждал кыпчаков ввести у себя обычай, чтобы женщины закрывали лица. Но он не мог добиться их согласия. Тогда один из мудрецов Александра сделал каменную статую женщины, покрытой чадрой; пример статуи пристыдил женщин, и желание Александра было исполнено. Поэт прибавляет, что такие истуканы и теперь стоят в степи.

[18] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований.., стр. 250.

ном месте. Они тогда были зафиксированы рядом исследователей и путешественников, топографов и просто случайными лицами. А. А. Пескарев собрал сведения о месте находок изваяний и опубликовал в 1851 г. их сводку [19].

Есть другая сводка П. С. Уваровой [20], превосходящая по количеству зарегистрированных изваяний сводку А. А. Пескарева, однако в конце XIX в., когда составлялась эта вторая сводка, уже многие статуи были перемещены.

Сравнение этих сводок показывает, что различия между ними значительны (табл. 22). В сводке П. С. Уваровой значительно меньше в процентном отношении изваяний в Екатеринославской губ. и больше в области Войска Донского. Сводка П. С. Уваровой основывалась на материалах опросных листов, разосланных Московским археологическим обществом [21].

Таблица 22

Губерния	По А. А. Пескареву	По П. С. Уваровой	По делам МАО
	%	%	%
Астраханская	0,3	—	0,1
Саратовская	0,5	0,9	0,5
Самарская	—	0,2	—
Ставропольская	0,8	2,9	3,9
Кубанская	—	3,4	0,2
Воронежская	0,7	0,7	—
Курская	—	0,4	0,1
Полтавская	0,8	1,0	—
Киевская	0,4	0,2	—
Харьковская	7,2	11,7	16,4
Екатеринославская	73,6	29,0	33,4
Херсонская	1,9	0,6	15,4
Таврическая	7,5	17,5	28,6
Таганрогская	0,3	—	0,7
Область Войска Донского	6,0	30,9	0,7
Подольская	—	0,6	—
Всего	100	100	100

Существенные замечания сделал В. Пассек о том, что в Харьковском, Васильковском и Полтавском уездах нет своих каменных статуй. Все встреченные здесь «бабы», по словам В. Пассека, привезены были из Екатеринославской губ. или из-за Дона с юга [22]. Д. И. Эварницкий подчеркивал особенно большое количество «баб» в Славяносербском у. Екатеринославской губ. и в Александровском у. Херсонской губ. [23]. А. А. Спицын отметил отсутствие в районе Киева местных каменных изваяний [24].

[19] А. А. Пескарев. О местонахождении каменных баб в России. ЗРАО, 1851, т. III.

[20] П. С. Уварова. К вопросу о каменных бабах. «Тр. XIII АС», т. II. М., 1907, стр. 92.

[21] Архив III археологического отдела ГИМ, д. № 47, 48; вслед за Л. П. Зяблиным мы снова пересмотрели эти дела.

[22] В. Пассек. Курганы и городища в Харьковском, Васильковском и Полтавском уездах. «Русский исторический сборник», 1838—1840, т. III, стр. 226.

[23] Д. И. Эварницкий. Каменные бабы.

[24] ИРАО, XI, стр. 275.

Зарегистрированные каменные изваяния в большинстве беспаспортные. Картографирование тех изваяний, паспорт которых сохранился, не даст картины действительного распространения изваяний, так как сохранение паспорта зависело главным образом от постановки музейного учета и охраны старины в том или ином районе. Поэтому все приведенные выше сводки необходимо корректировать исходя из коллекций современных музеев, которые в большинстве случаев (за исключением Одесского музея [25] и ГИМ) составлены на материале изваяний, найденных в данной области или в сопредельных районах. Так, например, в сводках почти нет изваяний из Таганрогского у., что явно не отражает действительного распространения каменных изваяний [26]. Известно, что в музеях Северного Приазовья каменных «баб» насчитывается несколько десятков. Таким образом, материалы, собранные в 1851 г. А. А. Пескаревым, а затем МАО и П. С. Уваровой, требуют дополнения материалами, полученными при обследовании музейных фондов и литературных источников (см. приложение II).

Все эти данные в своей совокупности позволяют представить себе топографическое распространение статуй в степях Восточной Европы. Наибольшее количество изваяний концентрировалось в б. Екатеринославской, части Таврической и Харьковской губерниях (Изюмский и Бахмутский уезды), в низовьях Дона, западной части Северного Кавказа и в Северном Приазовье. На запад отдельные изваяния распространялись до Болгарии [27].

Следует отметить почти полное отсутствие каменных изваяний к востоку от Дона и в полосе лесостепи. Нет их в районе Поросья, где обитали черные клобуки. На Северном Кавказе каменных изваяний нет в восточной части и довольно много в западной части. К востоку от Волги встречаются изваяния совершенно другого типа, характерного для Казахстана и Семиречья. Они близки по своему облику к более ранним тюркским статуям Монголии и Алтая.

Таким образом, мы установили, что в степях Восточной Европы, главным образом в районах нижнего Днепра, Северного Донца и Дона, в районах Северного Приазовья и Западного Предкавказья в XII—начале XIII в. было очень много изваяний, мужских и женских, «стоящих» и «сидящих».

Датировка статуй южнорусских степей концом XI — началом XIII в., их локализация в пределах степей восточной части СССР, концентрация изваяний именно в тех районах, где обитали хорошо известные домонгольские объединения половцев (в районе Северного Донца и нижнего Днепра), отсутствие изваяний в степных районах, не занятых половцами, например в Поросье, и, наконец, свидетельства Рубрука и Низами, которые прямо связывают обычай ставить статуи с половцами — команами и кыпчаками,— все это позволяет нам принять точку зрения Н. И. Веселовского о принадлежности каменных «баб» в степях Восточной Европы половцам-кыпчакам.

Казахстанские изваяния привлекли довольно мало внимания. Однако по имеющимся у нас материалам мы можем себе представить эти

---

[25] В одесское собрание статуй попали изваяния из различных мест Причерноморья (Таганрогского у., Екатеринославской и Таврической губ. и т. д.). См. заметку «Как составлялось собрание «каменных баб» музея Одесского общества истории и древностей» (ЗООИД, 1915, т. XXXII).

[26] Много изваяний близ Таганрога отмечает Б. В. Лунин (см. Б. В. Лунин. К изучению далекого прошлого Таганрога и прилегающих к нему местностей. «Краеведческие записки», т. I. Таганрог, 1957).

[27] Н. Мавродинов. Старобългарското искуство. София, 1959, стр. 63. См. также N. Mavrodinov. Le trésor protobulgare.., p. 101.

статуи. Для них характерна схематическая трактовка тулова, при которой оно сохраняет форму каменного столба. Детали (руки, сосуд) изображаются углубленной линией. Голова высечена без головного убора и по овалу и деталям лица напоминает тюркские статуи Монголии и Алтая. В нашу задачу не входит изучение археологических памятников Казахстана вообще и каменных изваяний в частности. Мы привлекаем их только как сравнительный материал. Очевидно, каменные изваяния Казахстана также оставлены кыпчакским населением, только восточными кыпчаками, населявшими азиатскую часть Дешт-и-Кыпчака.

Обычай ставить каменные фигуры, сначала только мужские, возник у алтайских, монгольских и тувинских тюрок в VII—VIII вв. и был, видимо, связан с особым культом, отправляемым в каменных оградках, которые на этом этапе сопутствуют изваяниям. В более поздние периоды каменные оградки исчезли, а статуи сохранились почти до X в. на этой же территории.

В конце I тыс. н. э. тюркские изваяния распространяются на запад, в Семиречье и на Тянь-Шань. В Семиречье насчитывается несколько иконографических типов этих «баб». Наряду с мужскими статуями, держащими сосуд в одной руке, исполненными в традиционном стиле, характерном для наиболее ранних изваяний Монголии, Тувы и Алтая, в Семиречье и Тянь-Шане встречаются статуи других композиций, в частности статуи с птицей в руке, с сосудом, зажатым в обеих руках, и, наконец, женские статуи с сосудом в обеих руках. Именно статуи последнего типа — мужские и женские с сосудом, зажатым в обеих руках,— оказываются, по исследованиям Я. А. Шера, наиболее поздними и могут быть датированы началом II тыс. н. э. [28].

Видимо, находясь по соседству с Семиречьем, восточнокыпчакские племена — кимаки — заимствовали обычай ставить статуи, да и сами основные типы статуй. Таким образом, позднейшие типы статуй Семиречья, будучи заимствованы кимаками, распространились затем по всей территории Казахстана в X—XI вв. при движении половецких племен на запад.

Та часть кыпчаков, которая прорвалась на запад и обосновалась в степях Восточной Европы, в XII в. обособилась от своих восточных соплеменников. Это обособление весьма ярко прослеживается на материале каменных изваяний. Резкое отличие западных, восточноевропейских, каменных изваяний от казахстанских и оренбургских свидетельствует о том, что западные кыпчаки, заимствовав саму идею и обычай сооружать статуи и сохранив черты изваяний восточных родственных племен, сильно изменили стиль исполнения и облик статуй, освоили совсем другое, значительно более реалистическое понимание формы и снабдили статуи множеством деталей, совершенно неизвестных у восточнокыпчакских, казахстанских, изваяний [29].

Встречающиеся ранее в Семиречье и Казахстане как исключение женские изваяния и статуи, держащие сосуд обеими руками [30], становятся обычными в восточноевропейских степях.

---

[28] Я. А. Шер. Памятники алтайско-орхонских тюрок.., стр. 158—165. Отдельные мужские статуи с сосудом в обеих руках появились в Сибири еще в VIII—IX вв. (см. Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении). ВМУ, сер. IX, история, 1964, № 4, стр. 74).

[29] Следует отметить, что отдельные «бабы» в такой трактовке скульптурного образа имеются и в Семиречье, например изваяние из Алма-Аты (см. А. С. Уваров. К вопросу о каменных бабах. ЗРАО, 1898, вып. 1—2, стр. 342).

[30] См., например, Х. С. Бабаджанов. О каменной бабе, найденной в Киргизской степи. «Этнографический сборник РГО», вып. VI. СПб., 1864, стр. 9—10.

Каменные изваяния долгое время считались надгробными памятниками. Однако специальные исследования установили, что нет связи между погребениями в курганах и статуями, стоящими на курганах [31]. Кроме того, было показано, что везде в тюркском мире каменные изваяния не связаны с погребениями человека [32].

Вопрос о назначении каменных изваяний не может решаться в отрыве от изучения сибирских и монгольских каменных статуй. Там статуи и сопутствующие им оградки являлись местом поминального культа, непосредственно не связанного с погребением умершего. Л. Р. Кызласов отметил, что установка статуй при оградках свидетельствует, видимо, об определенной знатности и богатстве умершего или его рода [33]. Рядом со статуями в Сибири обычно стоят вереницы простых камней-балбалов. Существуют две основные точки зрения на изваянии и камни-балбалы в Сибири и Монголии. Одни исследователи считают, что изваяния изображали умершего, а простые камни — убитых врагов, которые должны стать после смерти слугами погребенного [34]. Другие, будучи согласны в вопросе о назначении простых камней, приписывают изваяниям роль изображения главного врага и соответственно — главного вассала погребенного в загробном мире [35].

Обряды, связанные с каменными статуями в Восточной Европе, отличаются существенно от восточносибирских и монгольских. Во-первых,

---

[31] В. А. Городцов специально обследовал с этой целью восемь курганов с каменными бабами (В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии, 1901 г. «Тр. XII АС», т. I. М., 1905, стр. 215). Кроме шести примеров отсутствия связи между «бабой» и погребениями в кургане, на котором она была поставлена, данных В. А. Городцовым, можно указать еще на следующие: погребения кургана у с. Покровского Мариупольского у., на котором стояла «баба», относятся к эпохе бронзы (Н. Е. Бранденбург. К вопросу о каменных бабах. «Тр. VIII АС», т. III. М., 1897, стр. 13—18); курган «Баба» у с. Константиновки на Дону (ОАК, 1891, стр. 80—82); курган в урочище «Золотой Рудник» у с. Новониколаевки Славяно-Сербского у. (ОАК, 1892, стр. 37—39); курган, раскопанный Ю. А. Кулаковским у Симферополя (ОАК, 1895, стр. 117—118), и курган у ст. Сейтлар в Крыму, также раскопанный Ю. А. Кулаковским (ОАК, 1898, стр. 20). Итого насчитывается 11 случаев, когда «баба» на кургане не относится к погребению внутри кургана. Однако встречаются «бабы» и на кочевнических курганах, относящихся к XII—XIII вв. (например, курганы у с. Торская № 484, 485, Ямполь, № 488).

[32] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири... Интересно, что сам В. А. Городцов хотя и высказывал сомнения, но все же считал статуи намогильными памятниками и связывал их с погребениями. Он указывал на два погребения, которые, по его мнению, связывают изваяния с определенным видом погребений. Это погребение в Сальских степях у балки Средней Аюлы (№ 428а) и погребение у дер. Переездной в Бахмутском у. В первом кургане действительно было найдено четыре больших деревянных статуи, чрезвычайно похожих на каменные изваяния. Но характер этого погребения особый, и оно, видимо, представляет собой не обычное погребение, а какой-то культовый памятник. Во втором погребении среди инвентаря была миниатюрная статуэтка из камня, весьма отдаленно напоминавшая каменные статуи. Первое погребение не датируется, второе датируется I тыс. н. э., но для датировки каменных изваяний это погребение с миниатюрной статуэткой использовать нельзя (см. В. А. Городцов. Результаты археологических исследований.., стр. 250).

[33] СА, 1964, № 1, стр. 350.

[34] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири.., стр. 116; В. А. Казакевич. Намогильные статуи в Дариганге. «Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР», вып. 5. Л., 1930, стр. 26; Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 86—87; Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата VI—VIII вв. ВМУ, сер. IX, история, 1960, № 1, стр. 57, 60, 64.

[35] Н. И. Веселовский. Ук. соч.; В. В. Бартольд. К вопросу о погребальном обряде тюрок и монголов. ЗВОРАО, 1918, т. XXV, стр. 2; А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния.., стр. 73. Критику этой теории см. в рецензиях Л. Р. Кызласова и Я. А. Шера на книгу А. Д. Грача в СА, 1964, № 1, а также статью Л. Р. Кызласова «О назначении древнетюркских изваяний, изображавших людей» (СА, 1964, № 2).

в степях Южной России нет верениц простых камней-балбалов [36], во-вторых, нет каменных оградок около изваяний, в-третьих, кроме мужских статуй, составляющих почти единственный вид статуй в Сибири и Монголии, в южнорусских степях представлено большое количество женских статуй. Все эти отличия зародились еще в Семиречье [37].

Сторонники второй точки зрения, видевшие в изваянии изображение главного убитого врага, подчеркивали детали одежды и особенности антропологического типа статуй, отличного от антропологического типа населения тех районов, где эти статуи были поставлены. Что касается половецких «баб», то все говорит о сходстве деталей вещей и одежды на изображении и в кочевнических захоронениях Восточной Европы. Это заставляет склониться к первой точке зрения и видеть в половецких «бабах» изображение умершего вождя [38]. Кроме того, трудно предположить, что среди главных убитых врагов половцев было так много женщин, к тому же не воинов.

Низами и Рубрук в своих кратких сообщениях об изваяниях говорят о поклонении этим статуям, что свидетельствует в пользу гипотезы об изображении погребенного предка и о поклонении этому предку.

«Все племена кыпчаков,— писал Низами,— когда попадают туда, сгибаются вдвое перед этой единственной в своем роде статуей. Пешком ли зайдут они туда с пути, или верхом поклонятся ей как творцу. Всадник, который подгонит к ней коня, кладет стрелу из колчана в честь ее. Пастух, который заведет туда свое стадо, опускает перед ней овцу» [39].

Этот обычай поклонения статуям и приношения им в жертву скота, а также оставление в знак почтения стрел находит многочисленные этнографические параллели в культе предков у тюрок.

Но в западнокыпчакских степях культ каменных изваяний был связан не только с культом умерших вождей и их жен. То обстоятельство, что более половины всех статуй и около 70% ранних, «стоящих» изваяний представлены фигурами женщин, не находит объяснения в особой, большой роли женщины в среде родо-племенной аристократии. Возможно, вначале культ каменных изваяний был связан с каким-то культом женского божества, как смутно намекает Низами, сообщая о том, что первые статуи у кыпчаков были женскими.

Мы знаем один очень интересный курган в Крыму у дер. Чокрак, раскопанный П. Н. Шульцем в 1933 г. Курган был сложен из камней. Яму покрывали две статуи воинов, положенных рядом, одна вверх лицом, другая — вниз. Рядом с ямой были обнаружены основания этих статуй, врытые в материк. В яме находились черепа коня, быка, четырех баранов, обломки кувшина и гвоздь. Признаков человеческого погребения не было. Рядом с ямой под каменной закладкой лежал костяк собаки. Судя по краткому описанию этого кургана [40], здесь не было погребения. Очевидно, это сохранившиеся остатки жертвоприношений перед каменным изваянием, следы культовых действий, связанных со ста-

[36] Ибн Фадлан писал о деревянных изображениях убитых врагов, которые гузы помещали на могилах и которые должны превратиться на том свете в слуг погребенного (А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 128). Именно такого типа изображения были найдены в погребении Марченко 27/1 (№ 453).

[37] На эти отличия обратил внимание еще Н. И. Веселовский (Н. И. Веселовский. Ук. соч., стр. 432).

[38] В «Codex Cumanicus» имеется термин «sin», который переводится как «изображение умершего». На это обратил внимание еще В. В. Бартольд. Может быть, так назывались и половецкие «бабы».

[39] Низами. Искандер-намэ. Баку, 1940, стр. 315—318.

[40] П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции. СА, 1937, III, стр. 254.

туями. По каким-то причинам статуи были сломаны и положены в яму, а сверху была сооружена каменная насыпь.

Другой случай находки статуй в кургане описан И. М. Сулиным и В. А. Городцовым. Это курган у балки Средней Аюлы в Сальском округе (№ 428а). Здесь было погребение ребенка, и рядом стояли четыре деревянные статуи, три из которых женские. Сзади статуй в яме были найдены череп собаки и череп и кости овцы. Если считать статуи намогильными памятниками вождям родов и племен, то трудно объяснить, почему четыре такие статуи поставлены у могилы ребенка. Более вероятно (учитывая такие детали, как захоронение черепа собаки, сближающее этот комплекс с курганом у дер. Чокрак), что в кургане у балки Средней Аюлы сохранились остатки каких-то жертвенных приношений, связанных с культом половецких статуй.

В. А. Городцов отметил, что в некоторых случаях статуи группировались по нескольку экземпляров в одном месте. Возможно, что были небольшие святилища, посвященные культу предков, где ставили каменные и деревянные изваяния. В обоих курганах (у дер. Чокрак и у балки Средней Аюлы) было найдено несколько статуй.

Характерно, что в обоих курганах имеются ритуальные, видимо, погребения собаки. Эти погребения приобретают больший смысл, если вспомнить роль собаки и волка в религиозных представлениях тюрок и изображения собаки на изваянии [41].

В раскопанном в 1960 г. В. П. Шиловым у ст. Кременской на Дону кургане № 4 была обнаружена вводная яма, в которой лежала нижняя часть одной из двух «баб», найденных у восточной полы насыпи. Рядом с ямой было прослежено пятно золы, а в яме найден сосуд. Основание одной из «баб» найдено над ямой. Признаков погребения не было обнаружено [42]. Как и в курганах Чокрак и Средняя Аюла, здесь было, видимо, не погребение, а остатки культа, посвященного изваяниям, поставленным на более раннем кургане, вероятно, перед ямой. Позднее яма была засыпана, а изваяния сломаны.

В ряде случаев зафиксированы каменные обкладки курганов со стоящими на них «бабами» [43]. Причем погребения в курганах относятся к таким эпохам, когда обкладка курганов камнем не практиковалась. Это позволяет предполагать, что обкладки связаны со статуями, а не с погребением. Значит, в ряде случаев установка изваяния была связана с выкладкой места вокруг бабы камнем. Быть может, это отдаленное «воспоминание» о сибирских каменных оградках — местах отправления культа около изваяния.

Таким образом, изучая каменные изваяния половцев, мы касаемся мира религиозных представлений кочевников, очевидно, в основе шаманистических с сильной примесью тотемизма [44]. Однако сведения об этих

[41] Ряд фактов по этому вопросу привел В. А. Гордлевский (В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк». ИАН СССР, отд. литературы и языка, 1947, т. IV, вып. 4). Ипатьевская летопись сообщает о волховании Боняка перед боем, при котором Боняк перекликался с волком. В. А. Гордлевский указывает на пережитки тотемизма, сохранившиеся в именах половцев: кобяк — собака, кончак — сука и т. п. Культ собаки и волка очень широко распространен у тюрков вообще (см. Г. А. Федоров-Давыдов. Тигашевское городище. МИА, 1962, № 111, стр. 86).

[42] АИА, д. 2155, лл. 10—11.

[43] Например, курган близ Симферополя (раскопки Ю. А. Кулаковского 1895 г. ОАК, 1895, стр. 117—118); курган «Баба» на Дону (ОАК, 1891, стр. 80—82) и курган в урочище «Золотой Рудник» близ с. Новониколаевки, Славяно-Сербского у., Екатеринославской губ. (ОАК, 1892, стр. 37—39).

[44] Ал-Бакри сообщает, что печенеги придерживались веры маджусов (язычество). См. А. Куник, В. Розен. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I. СПб., 1878, стр. 59. Наджиб Хамадани сообщает об идолопоклонстве у печенегов (А. П. Ковалевский. Ук. соч., стр. 152).

верованиях скудны. Мы знаем только отрывочные свидетельства о страхе перед мертвыми [45], некоторые обряды побратимства и клятвы [46]. Ряд свидетельств древних авторов о культах и обрядах являются ложными, ошибочными [47].

Известны еще три культовых памятника кочевников. Под одним из курганов в Нижнем Поволжье у с. Иловатки имеется сооружение не погребального типа: в центре на горизонте — слой твердой глины со следами огня. Юго-восточная часть огорожена плахами, на площадке — кости коровы и лошади. У северо-восточного края — череп лошади с удилами, другой череп положен в стороне от площадки, к северу. Костяка человека не было. Аналогий этому сооружению мы не знаем. Очевидно, это культовое место, связанное с отправлением огненного ритуала. Это сооружение относится к I периоду. Рядом с этим курганом находится второй, также без захоронения человека. Под насыпью на горизонте здесь найдены следы древнего сооружения. Следов огня нет. По линии север-восток — юго-запад лежал костяк лошади головой на запад. Так как вещей не было найдено, то этот курган остался недатированным [48].

В кургане у Покровска (№ 244) открыто культовое сооружение другого типа: жертвенник из глины с костями животных и золой на нем. Рядом с этим жертвенником найдены два костяка подростков в неестественных позах. Кругом были обнаружены уголь, кости животных, черепки. Возможно, в курганах Средняя Аюла и у Покровска сохранились следы человеческих жертвоприношений.

Эти курганы представляют собой, очевидно, какие-то жертвенные места кочевников, специально засыпанные землей или с наземными сооружениями, образовавшими после разрушения земляной холм. Кроме этих скудных данных археология пока ничего не может представить нам для характеристики культов у кочевников Восточной Европы.

---

[45] Ибн Фадлан писал, что у гузов «если заболевает человек, у которого есть рабыни и рабы, то они служат ему и никто из домочадцев не приближается к нему. Для него разбивают палатку в стороне от домов и он остается в ней, пока не умрет или не выздоровеет» (А. П. Ковалевский. Ук. соч., стр. 128). Аналогичное наблюдение сделал Карпини у монголов («Путешествия...», стр. 32). Рубрук также заметил, что у половцев «никто не посещает недужного, кроме прислуживающих ему». Рубрук это объясняет тем, что команы боятся, «чтобы со входящими не явился злой дух или ветер» («Путешествия...», стр. 103). Этнографы отмечают поспешность захоронений покойника у татар; объясняется это представлениями о том, что мертвый является «нечистым». Этот языческий пережиток у татар-мусульман сохранялся до XIX в. (см. Я. Д. Коблов. Религиозные обряды и обычаи татар-магометан. ИОАИЭ, 1908, вып. XXIV, стр. 53).

[46] Об этом см. С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 204. Известны (по сообщению Петахья) обряды побратимства и клятв, при которых льют кровь и молоко из чаши в виде головы человека. Есть данные о принесении в жертву богам пленных (см. П. В. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884, стр. 223).

[47] Так, например, видимо, не соответствуют археологическим фактам сообщения авторов XIII и XIV вв. ибн Са'ида и Абу-л-Фида о трупосожжениях у печенегов («Géographie d'Aboulféda». II, p. 292). Возможно, в этих поздних компиляциях спутаны сведения арабских географов о русах и печенегах X—XI вв.

[48] К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское. МИА, 1959, № 60, стр. 224—227.

ГЛАВА V

КОЧЕВАЯ СТЕПЬ И ГОРОДА

КОЧЕВОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЭЛЕМЕНТЫ ОСЕДЛОСТИ

В среде болгарских племен Подонья и Приазовья в VIII—X вв. шел интенсивный процесс перехода к оседлости. Этот процесс усиливался тем, что болгары были соседями оседлых аланских племен, близких им по культуре. Памятники прочной оседлости — городища и селища, относящиеся к салтовской культуре, к эпохе хазарского господства, — составляют характерную черту Подонья в VIII—X вв.[1]. Известны хазарские поселения на Ахтубе[2]. Пришедшие в X в. печенеги отличались ярко выраженным кочевым бытом и хозяйством. Оседлые поселения были в большинстве своем разрушены. Их место заняли временные убежища кочевников.

Подвижность кочевников X—XII вв. хорошо описали византийцы. Высказывания греческих писателей, проникнутые страхом перед печенегами, гузами и половцами, которых эти авторы именуют скифами, неоднократно приводились историками. Примерами могут быть отрывки из сочинений Феофилакта Болгарского (XI в.), Евстафия Солунского (XII в.) и др.[3].

Для арабской историографии характерны две тенденции при описании быта Дешт-и-Кыпчака в XIII—XIV вв. С одной стороны, арабские писатели, привыкшие к оседлому мусульманскому земледельческо-городскому быту, подчеркивают «варварство» кочевников, их «жестокость», «дикость». Так, ал-'Омари писал: «Тюркский народ на крайнем севере, у пределов его; он в нищете вследствие бедственного существования, ибо это не оседлые люди, у которых есть посевы, и сильная

[1] Быть может, тот факт, что арабско-персидская литература вплоть до XIII—XIV вв. не имеет представления о сплошной степи в Восточной Европе, объясняется господством в литературной географической традиции сведений, восходящих к салтово-хазарскому времени. Это представление было вызвано чередованием оседлых поселений в степи с кочевыми массивами, а также сохранностью в степи в VIII—X вв. некоторых лесных зон (например, по нижнему Дону). Только новые сведения, принесенные людьми, приехавшими из Золотой Орды, использованные ал-'Омари, Абу Захиром, ибн Баттутой и др., вызвали изменение в арабской и персидской историко-географической литературе представлений о степях к северу и западу от Каспия. Теперь, в XIII—XIV вв., эта область рисуется в восточной литературе как сплошные степи (см. Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., ИВЛ, 1962, стр. 113).

[2] Л. Н. Гумилев. Хазарское погребение и место, где стоял Итиль. СГЭ, вып. XXII. Л., 1962.

[3] В. Г. Васильевский. Труды, I. СПб., 1908, стр. 4.

стужа губит их скотину. Это тупоумный и жалкий народ, у которого нет ни привязанности к какой-либо вере, ни проницательности ума. Вследствие бедственности их, происходящей от дурного положения [случается, что] когда кто из них находит кусок мяса, то варит его, но не доваривает, выпивает отвар и оставляет мясо на съедение в другой раз; затем собирает кости, переваривает их снова и выпивает отвар. По этому суди об остальном образе жизни их... Многие из степных жителей этого государства одеваются в шкуры [животных], не разбирая, заколоты ли были они [животные] или сдохли, дубленка ли это от животного чистого или от животного нечистого. В еде они не отличают скверного от нескверного и запрещенного от дозволенного. По временам, когда в иные годы они находятся в стесненных обстоятельствах, они продают детей своих, чтобы на выручку с них прокормить себя, и говорят относительно тех из детей своих, которых они продают: «Лучше остаться в живых нам и ему [дитяти], чем умирать нам и ему»» [4].

Но тот же автор дает восторженные описания Дешт-и-Кыпчака как родины племен, от которых произошли некоторые султаны-мамлюки: «Тюрки этих стран... [один] из лучших родов тюркских по своей добросовестности, храбрости, избеганию обмана, совершенству своих станов, красоте своих фигур и благородству характеров. Из них [состоит] большая часть войска Египетского, ибо от них [происходят] султаны и эмиры его [Египта], с тех пор, как Эль-Мелик-Эссалих Неджмеддин Эйюб, сын [Эльмелик] Элькамиля, стал усердно покупать кыпчакских невольников. Потом господство перешло к ним. Цари из них (т. е. египетские султаны из тюркских мамлюков. — *Г. Ф.-Д.*) чувствуют склонность к своим родичам и хлопотали об усилении числа их, так как Египет заселился ими и стал охраняемым ими со всех сторон. Из них были светила государевого совета, председатели Собраний, предводители войска и вельможи земли его [Египта]» [5].

Несомненно, что оба свидетельства тенденциозны. В одном сказались ужас и неприязнь мусульманина-горожанина к «диким» язычникам-кочевникам, в другом — стремление прославить племена, из которых происходят султаны-мамлюки.

Более независимыми от обеих этих тенденций представляются свидетельства о быте Дешт-и-Кыпчака у ибн Баттуты, давшего целый ряд спокойных и конкретных описаний: «Местность эта, в которой мы остановились, принадлежит к степи, известной под именем Дешт-Кыпчак. Степь эта зеленая, цветущая, [но] нет на ней ни дерева, ни горы, ни холма, ни подъема. Нет на ней и дров, а жгут они [жители ее] только [сухой] помет... Видишь, как [даже] старейшины их подбирают его и кладут в полы одежды своей. Ездят по этой степи не иначе как на телегах, а расстилается она на шесть месяцев пути; из них три [едешь] по землям султана Мухаммеда Узбека, а три по другим владениям» [6].

Разведение скота было, естественно, главным промыслом кочевников южнорусских степей X—XIV вв. Стадо состояло из лошадей, овец, коз, верблюдов, крупного рогатого скота.

Автор Худуд ал-'Алем сообщает, что хазарские печенеги владели всяким скотом и баранами. По Константину Багрянородному, русы по-

---

[4] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 232.

[5] Там же, т. I, стр. 232. Подобное же восхваление кочевников Дешт-и-Кыпчака содержится у ибн'Араб шаха, заимствованные им у его предшественников (там же, т. I, стр. 460).

[6] Там же, т. I, стр. 279.

купают у печенегов быков, коней и овец[7]. Русские летописи в ряде случаев сообщают о составе половецкого стада: в него входили лошади, буйволы, верблюды, овцы и крупный рогатый скот, который летописец называет «скоты»[8]. Верблюд на фреске киевского Софийского собора был навеян, как предполагает С. А. Плетнева, образами, заимствованными из быта кочевников — ближайших южных соседей Киева[9]. Гардизи писал: «Кимаки живут в ущельях и степях, все владеют стадами коров и баранов; верблюдов у них нет... Летом они питаются кобыльим молоком, которое у них называется кумысом; на зиму они заготавливают сушеное мясо баранье, лошадиное, коровье, каждый по мере своих средств...»[10]. Карпини сообщает: «Они очень богаты скотом, верблюдами, быками, овцами, козами, лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет ни у кого в целом мире»[11]. Ал-Асир рассказывает: «Затем они [татары] не нуждаются в следовании за ними провианта и припасов, потому что при них овцы, коровы, лошади и другая скотина, и они ничем иным не питаются, как их мясом. Животные же их, на которых они ездят, [сами] разгребают землю копытами и едят корни растений, не зная ячменя. Вот почему, делая привал, они [татары] не нуждаются ни в чем постороннем. Что касается религии их, то они поклоняются солнцу, при восходе его, и ничего не считают запрещенным, а потому едят любые животы, даже собак, свиней и других. Не знают они брака и к женщине приходит не один мужчина, когда является [на свет] дитя, то оно не знает своего отца»[12].

Содержался скот круглый год на подножном корму. Ибн Фадлан писал, что у печенегов зимой «чаще всего пасутся овцы на снегу, выбивая копытами и разыскивая траву». Неприспособленность европейских коней к такому зимнему содержанию была причиной их гибели, как рассказывает Карпини. Ибн Баттута писал: «Никто не отпускает [особого] корму скотине, ни султан, ни другие. Особенности этой степи [заключаются в том], что растения ее заступают скоту место ячменя; такой особенности нет у других стран. Вот почему в ней много скота; притом у скотины их [кыпчаков] нет пастухов, ни сторожей, вследствие строгости постановлений их [кыпчаков] за воровство. Постановление же их по этой части такое, что тот, у кого найдут украденного коня, обязан возвратить его хозяину его, и вместе с тем дать ему 9 таких же [коней], а если он не в состоянии сделать это, то отбирают у него за это детей его, если же у него нет детей, то его зарезывают, как зарезывается овца»[13].

Обычными были перекочевки зимой в южные районы[14]. Кочевой быт не следует рассматривать как беспорядочное блуждание групп кочевого населения по степи. Отдельные коллективы кочевников имели

---

[7] Constantin Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, p. 5.

[8] ПСРЛ, XXV, стр. 119.

[9] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 1958, № 62, стр. 187—188.

[10] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894. ЗАН, историко-филологическое отд., VIII, т. I, № 4. СПб., 1897, стр. 107.

[11] «Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., Географгиз, 1957, стр. 28.

[12] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 3—4.

[13] Там же, т. I, стр. 282—283.

[14] О перекочевках на юг зимой писал Рубрук («Путешествия...», стр. 91). По Рашид ад-Дину, летние стойбища именуются у монголов айлак, зимние — кишлак (В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 78). Зимовки обычно являются местом сбора войска (там же, стр. 81).

определенные устойчивые маршруты, изменить которые могли только серьезные экономические, социальные или политические причины.

Известны приводившиеся выше описания кочевнической арбы, сохранившиеся у ибн Баттуты [15]. Часто фигурирует в литературе свидетельство ибн Баттуты о торговле кыпчакскими лошадьми в Индии [16]. Сохранились сведения о еде и напитках кочевников Восточной Европы. Так, например, Рубрук писал, что кочевники, через земли которых он проезжал, делают зимой напиток из риса, проса, ячменя и меда. Вино, по его словам, привозят из отдаленных стран. Летом делают кумыс. О приготовлении кумыса и масла и о способе консервации у этого автора также имеются интересные подробности [17]. Ибн Баттута писал, что тюрки не едят ни хлеба, ни плотной пищи, а приготовляют еду из проса (дуки). Далее приводится способ приготовления теста «бухрани». Этот автор описывает также манеру еды баранины и ришты (род лапши), приготовление напитка бузы из дуки [18]. О приготовлении кумыса есть известия у Петахьи [19]. О приготовлении других молочных продуктов имеются сведения в Ипатьевской летописи [20]. Засвидетельствован обряд питья молока при клятве [21]. В хозяйстве кочевников развивались те области производства, которые были связаны со скотоводством. Скот был источником всех материальных ценностей кочевников и тягловой силой. Кочевые группы легко преодолевали реки. Скот заставляли плыть, а скарб, людей и мелкий скот переправляли на кожаных мешках [22]. Известно, что кочевники с легкостью переходили горы и большие пустынные пространства.

Значительную роль в хозяйстве кочевников играла охота. Об этом сохранились известия современников. В XIV в. охота в Золотой Орде была, видимо, главным образом промыслом и развлечением аристократии. Известны крупные охотничьи кампании ханов, в которых вассалы обязаны были принимать участие.

Ярко выраженный кочевой характер быта у населения степи в X—XIV вв. сказался в почти полном отсутствии ремесел. В то время как в салтовских поселениях представлены гончарное, железоделательное и другие ремесла, у печенегов, торков и половцев следов ремесла почти нет. Не было гончарного ремесла. Печенежская керамика вся сделана без круга. Кроме того, ее так мало, что говорить о ремеслен-

[15] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 281.

[16] Там же, стр. 286.

[17] «Путешествия...», стр. 95, 97.

[18] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 282—283, 291—292, 304.

[19] П. В. Марголин. Три еврейских путешественника XI—XII вв. СПб., 1881, стр. 3 (комментарии к этому сообщению см. С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 204).

[20] ПСРЛ, II, стр. 651.

[21] П. В. Марголин. Три еврейских путешественника XI—XII вв. СПб, 1881, ч. III, стр. 4.

[22] По этому поводу ибн Фадлан писал: «Люди вытащили свои дорожные мешки, а они [сделаны] из кож верблюдов... Потом они наложили их одеждами и вещами, и когда они наполнились, то в каждый дорожный мешок села группа [человек] в пять, шесть, четыре,— меньше или больше. Они берут в руки шесты из хаданча и кладут их как весла... Что же касается лошадей и верблюдов, то на них кричат, и они переправляются вплавь» (А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 130). Карпини сообщает: «Этот корабль (т. е. мешок), таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть впереди наравне с лошадью человека, который бы управлял лошадью» («Путешествия...», стр. 52). О переправе печенегов через Босфор на мешках из шкур, набитых сеном, писал византийский писатель Кедрин. О переправе половцев, которых гнали татары, через Дунай на мехах сообщает Георгий Акрополит (XIII в.). Об этом же способе переправы писал также Петахья. См. также «Excepta ex breviario historicео. Ioanuis Scylit ae Curopolatae», II. Bonnae, 1839, pp. 655—656.

ном производстве посуды нельзя. У половцев в могилах керамики почти нет. Ремесло кочевого населения было исключительно домашним, а хозяйство — натуральным, о чем сообщают Рубрук и Карпини. Карпини в разделе о татарах, видимо улуса Джучи, писал, что «мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют попеченье о стадах» [23]. О незнакомстве кочевников Дешт-и-Кыпчака с деньгами писал Рубрук [24]. Он так описывал кочевническое домашнее хозяйство: «Они (татары. — *Г. Ф.-Д.*) делают также войлок и покрывают дома. Мужчины делают луки и стрелы, приготовляют стремена и уздечки и делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, то есть кобылье молоко, делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и вьючат их. Овец и коз они караулят сообща и доят иногда мужчины, иногда женщины. Кожи приготовляют при помощи кислого сгустившегося и соленого овечьего молока» [25]. Обязанности женщины сводятся к следующим занятиям: править повозкой, ставить жилища, доить коров, делать масло и грут, приготовлять и сшивать шкуры и изготовлять обувь и платье [26]. Мы видим, что все производство кочевого аила связано с животноводством и переработкой продуктов скотоводства [27].

В связи с этим становится понятным отсутствие длительных поселений у кочевников X—XIV вв. Ни развитого сельского хозяйства, ни ремесла у них не было. Однако о «чистом» кочевническом хозяйстве в землях Дешт-и-Кыпчака говорить нельзя. Несмотря на всю отсталость и неразвитость оседлых форм быта и хозяйства, они были. Мы располагаем целым рядом свидетельств о существовании у кочевников земледелия, подчиненного кочевому быту [28].

В равнинных степях известны три главные формы кочевого хозяйства [29]:

1. Таборное, при котором люди и скот все время перекочевывают с места на место, не имея более или менее длительных остановок и поселений.

---

[23] «Путешествия...», стр. 36.

[24] Там же, стр. 110.

[25] Там же, стр. 101.

[26] «Путешествия...», стр. 36—37, 100.

[27] С. А. Плетнева (С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 190) напрасно привлекает для характеристики кочевого быта и хозяйства термины так называемой итальянской части «Codex Cumanicus», которая была составлена для нужд итальянской колонии в одном из причерноморских золотоордынских городов в конце XIII в. и отражает городской быт (см. Д. А. Рассовский. К вопросу о происхождении «Codex Cumanicus». SK, III. Praha, 1929; W. Bang. Beiträge zur Kritik des Codex Cumanicus. «Bulletin de la Classe des Lettres de l'Academie. R. de Belgique», 1911, n° 1).

[28] Приведем свидетельства о сельском хозяйстве у кочевников Восточной Европы. Рубрук сообщает, что небольшая часть кочевников возделывает просо («Путешествия...», стр. 98). Ал-'Омари писал о кыпчаках: «Посевов у них мало и меньше всего пшеницы и ячменя, бобов же почти нельзя отыскать. Чаще всего встречается у них просо, им они питаются и по части произведений земли в нем заключается главная еда их». В другом месте ал-'Омари сообщает о Дешт-и-Кыпчаке: «Эта страна [одна] из самых больших земель [обилующая] водой и пастбищами, дающая богатый урожай, когда сеется в ней [хлеб], но они [т. е. жители ее] народ бродячий и кочующий, обладающий скотом; у них нет [никакой] заботы о посевах и посадках. До покорения ее [этой страны] татарами она была повсюду возделана, теперь же в ней [только] остатки возделанности. В ней [растут] разные деревья, разные плоды [как-то]: виноград, гранаты, айва, яблоки, груши, персики и орехи. В ней [есть] плод, который на языке кыпчацком зовется батени [даден-джан?], похожий на винную ягоду. Плоды, существующие у них в настоящее время, суть остатки того, что погибло из насажденного теми, кто был до них из таких [людей], у которых страсть к посевам и насаждениям» (В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 233).

[29] С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. Сб. «Материалы по этнографии», вып. I. Л., 1961.

2. Полукочевое, при котором род или все племя кочует от весны до осени по определенным и закрепленным традицией маршрутам, зиму же проводит во временных поселениях. При этом способе ведения скотоводческого хозяйства за каждой кочующей группой закрепляются определенные летние, осенние и весенние пастбища; появляются термины, обозначающие зимовку и летовку.

3. Полукочевое, при котором бедные хозяйства ведут оседлый образ жизни, а богатые кочуют по определенным маршрутам с обязательным возвращением к зимовке.

Следует признать, что второй и третий варианты ведения кочевого равнинного хозяйства были, видимо, наиболее распространенными в среде поздних кочевников Восточной Европы. Выше мы отмечали (см. главу I), что в X—XIV вв. постепенно уменьшается количество вводных кочевнических погребений и увеличивается количество кочевнических могильников. Очевидно, случайные, эпизодические вводные погребения более характерны для населения, ведшего «таборное» кочевое хозяйство. Возникновение кочевнических могильников или компактных групп курганов — явление, связанное с упорядочением перекочевок, сезонностью движения кочевых групп, при которой складываются устойчивые маршруты кочевий. Эти маршруты приводят из года в год кочевой коллектив на одно и то же место в степи, где и возникает могильник.

На сравнительно короткий срок, зимой, печенеги, торки и половцы устраивались на поселение, представлявшее сосредоточие юрт, кибиток и постоянных домов на заброшенном старом городище, стены которого, подновленные и реставрированные, могли еще служить убежищем.

Здесь же, видимо, велось и земледельческое хозяйство. Засеяв весной землю, кочевники возвращались к ней только осенью. Однако не исключена возможность, что часть, очевидно, наиболее бедного населения оставалась в зимовках. Интересно сообщение Барбаро (XV в.): «В исходе февраля месяца по всей орде громогласно возвещают желающим делать посев, дабы они заблаговременно подготовили все для того нужное, ибо в такой-то день марта положено отправиться к такому-то месту, для посева избранному; вследствие этого объявления все желающие немедленно делают приготовления свои, запасают семенной хлеб на повозки и отправляются с рабочим скотом, с женами и детьми... к назначенному месту, которое обыкновенно бывает не далее двух дней пути от пункта, где находилась орда во время возвещения о посеве. Тут остаются они до тех пор, пока не вспашут землю, посеют хлеб и окончат полевые работы, а потом возвращаются назад в орду... Когда же хлеб созреет, то все отправляются для жатвы»[30].

Следует отметить, что классовое, имущественное расслоение кочевников ускоряло переход к оседлости и земледелию. Наиболее интенсивно процесс перехода к оседлости шел в среде обедневшей массы кочевников[31].

---

[30] «Библиотека иностранных писателей о России», т. I. СПб., 1837, стр. 65.

[31] Это хорошо показал А. Ю. Якубовский в ряде своих работ (см., например, Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 19). М. А. Леваневский собрал данные, по которым видно, как казахи после суровой зимы 1879/80 г., потеряв скот, стали селиться постоянными поселками, заниматься земледелием, запасать хлеб и корма на зиму (М. А. Леваневский. Очерк киргизских степей. «Земледелие», кн. IV. М., 1895). С. И. Руденко показал на примере башкир, как недостаток пастбищ заставлял кочевников переходить к оседлости (С. И. Руденко. Башкиры, т. II. Л., 1925). См. также А. Калачев. Очерк современного экономического положения башкир Уфимской губернии. ЖС, вып. I, год IX. СПб., 1899; П. Лессар. Заметки о Закаспийском крае. СПб., 1884, стр. 104—105; Г. Е. Марков. Очерк истории формирования северных туркмен. Изд-во МГУ, 1961, стр. 123—124.

В археологических памятниках этот процесс перехода к оседлости именно беднейшей части населения сказался в исчезновении признаков всаднического быта в рядовых женских погребениях. Чтобы установить этот факт, рассмотрим распределение признаков всаднического быта (кости или костяк коня или предметы сбруи в погребениях) по периодам и по имущественным группам в женских погребениях (табл. 23).

Таблица 23

Период	Наличие или отсутствие признаков всадничества	Разряд женских погребений				Всего	
		Жа		Жб			
		количество	%	количество	%	количество	%
I	С костями коня или предметами сбруи	2	67	10	71	12	70
	Без костей коня и предметов сбруи	1	33	4	29	5	30
II—III	С костями коня или предметами сбруи	2	100	5	100	7	100
	Без костей коня и предметов сбруи	—	—	—	—	—	—
IV	С костями коня или предметами сбруи	4	29	10	6	14	15
	Без костей коня и предметов сбруи	10	71	68	94	78	85

Из табл. 23 хорошо видно, что с течением времени уменьшается число как богатых, так и бедных женских погребений с признаками всадничества. Уменьшение количества таких богатых могил идет медленно, а бедных — быстро. В IV периоде процент бедных женских погребений с костями коня или с конской сбруей очень мал. Обычай класть кости коня или вещи, связанные с конем, в могилу, отражающий кочевой скотоводческий быт, утрачивают прежде всего женщины и притом бедного круга. У мужчин, хотя и бедных, этот обычай держится еще очень прочно, очевидно потому, что мужчина принимает непосредственное участие в скотоводческом производстве и в конной армии. Среди мужских погребений различных разрядов признаки всадничества по периодам распределяются примерно одинаково, тогда как бедные погребения женщин с течением времени лишаются почти всяких признаков связи с конем и кочевым хозяйством. Это хорошо объясняется тем, что именно бедные слои номадов обнаруживают тенденцию к оседанию, остаются в зимовках, так как их маломощные и бедные скотом хозяйства не могут кочевать на длительные расстояния [32].

Переход к оседлости отразился, по-видимому, в появлении у кочевников грунтовых могильников. К числу последних относятся некрополи у сел Каменки (№ 972) и Лески (№ 973) в Поднестровье, исследованные Э. А. Сымановичем, датирующиеся IV периодом, т. е. золотоордынским временем. Таков же могильник у с. Ханска (№ 974) в Молдавии, раскопанный А. И. Мелюковой; таков, видимо, и могильник у с. Басы (№ 971) в Поволжье, изученный И. В. Синицыным, датированный XIV в. Эти могильники на основании их географического расположения (в кочевнических степных районах), на основании их датировки и, наконец, на основании характерного кочевнического набора инвентаря в некоторых погребениях (необычного для русских христианских грунтовых кладбищ) можно отнести к памятникам поздних кочевников.

[32] С. И. Руденко. К вопросу.., стр. 5.

Переход от курганного обряда к совершению захоронений в грунтовых могильниках без насыпей, по мнению исследователей, отражает переход кочевников к оседлости [33].

Некоторое влияние на изменение обряда оказала, видимо, частичная христианизация [34] и мусульманизация [35] кочевников.

Христианство никогда не было особенно распространено в среде кочевников южнорусских степей. Отдельные вещи, относящиеся к христианскому культу, в кочевнических погребениях Таганча (№ 803), Парканы (№ 872) носят случайный характер. Мусульманство, особенно в эпоху золотоордынского господства, возможно, было распространено в кочевой степи более широко. В частности, об этом свидетельствует появление курганов с сырцовыми выкладками и оградами (насыпи VII типа). Мы склонны рассматривать эти сооружения как результат влияния мусульманских золотоордынских погребальных обрядов, принятых в городах.

Сырцовые вымостки и оградки появляются только на Волге и только в IV период, т. е. в золотоордынскую эпоху, и именно в центре золотоордынской городской жизни — на нижней Волге. Среди городских золотоордынских некрополей погребения в склепах обычно имеют поверх сводчатого или ложносводчатого перекрытия еще вымостку из сырцовых кирпичей. Сближает обряд курганных степных захоронений, имеющих кирпичные оградки и вымостки, с городскими мусульманскими захоронениями и то обстоятельство, что погребения этих двух видов обычно лишены вещей (сказались требования мусульманской религии) и довольно часто бывают коллективными (т. е. склепами).

Захоронения под сырцовыми оградками и выкладками появляются несколько раньше в Казахстане [36]. Там эти погребения также возни-

---

[33] Э. А. Сымонович. Погребения X—XII вв. Каменского могильника. КСИИМК, 1956, вып. 65, стр. 106.

[34] Об обращении кочевников в христианство сообщает епископ Бруно, который провел пять месяцев у печенегов в 1008—1009 гг. («Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.». М., 1936, стр. 76—77). Наиболее мощным было влияние христианства в XII в. в среде половцев, соседей Киева. О христианизации половцев сообщают «Житие черноризца Никона», «Сказанье о пленном половчанине». Эти сообщения несомненно тенденциозны, но их подкрепляют некоторые места летописей. Известны следующие факты: крестились два печенежских хана (ПСРЛ, IX, стр. 57, 64), половецкий хан Бастий крестился в 1223 г. для вступления в союз с Русью против татар (ПСРЛ, II, стр. 741; X, стр. 90); при договоре с Константином Мономахом печенеги приняли христианство; половцы, переселившиеся в Венгрию, стали христианами; христианские имена у половецких ханов отмечает П. В. Голубовский (П. В. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884, стр. 225); известно о крещении половецких ханов Амурата в Рязани в 1132 г., Айдара в Киеве в 1168 г. (ПСРЛ, IX, стр. 158, 236). В «Кириковых вопрошениях» записано: «И се ми поведалъ чернець пискупль Лука Овдокимъ молитвы оглашеныя творити: болгарину, половчину, чюдину, преди крещения 40 дней поста, ис церкви исходити от оглашенных» («Хрестоматия по русской истории», сост. Н. Аристов. Варшава, 1890, стр. 858).

[35] О распространении мусульманства в среде печенегов в XI в. сообщает ал-Бакри: «...после 400-го года хиджры случился у них пленный из мусульман, ученый богослов, который и объяснил ислам некоторым из них, вследствие чего те и приняли его. И намерения их были искренни, и стала распространяться между ними пропаганда ислама. Остальные же, не принявшие ислама, порицали их за это, и дело кончилось войной. Бог же дал победу мусульманам, хотя их было только 12 000, а неверных вдвое больше. И они [мусульмане] убивали их и оставшиеся в живых приняли ислам. И все они теперь мусульмане и у них есть ученые и законоведы, и чтецы корана». Несомненно, что ал-Бакри тенденциозно преувеличивал значение победы ислама (А. Куник, В. Розен. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I. СПб., 1878, стр. 58—60).

[36] Например, курган 9 у совхоза 499 Павлодарской обл. (1955 г.), см. Е. И. Агеева, А. Г. Максимова. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г. «Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР», т. 7. Алма-Ата, 1959, стр. 50—53. По удилам салтовского типа этот памятник датируется временем не позднее X—XI вв.

кали, видимо, под влиянием мусульманских городских погребальных обрядов [37]. Позднее погребения этого вида стали наиболее характерными для мусульман-кочевников [38].

Оседание кочевников в зимних убежищах вызвало к жизни долговременные городки в степи. По письменным источникам известны города половцев Шарукань, Сугров и Балин, которые локализуются, видимо, на Северном Донце [39]. Мы приводили уже соображения Ю. А. Кулаковского об аланском населении в некоторых из этих городов (Шарукань). Но настойчивый эпитет «половецкие», применяемый к этим пунктам русскими летописцами, не оставляет сомнения в том, что основное население было там половецким, возможно в некоторой степени христианизированным.

В землях, где обитали черные клобуки, под влиянием русских строились для защиты от половцев укрепленные крепости. Здесь же возникли города Канев, Торческ, Юрьев, хорошо известные летописцам. Есть упоминание о городах печенегов и о шести городах берендеев [40].

Археологически изучено только одно поселение кочевников — верхний слой Белой Вежи, со всеми признаками запустения, лежащий над слоем разрушенной в начале XII в. Белой Вежи. Здесь стояли наземные глинобитные жилища, обычно из сырцового кирпича. Сырцовые стены возведены на фундаментах из старого саркельского кирпича. Среди развалин домов не найдено ничего, кроме редких фрагментов гончарной русской керамики и некоторых железных и костяных изделий. Кроме того, прослежены легкие наземные постройки с открытыми очагами [41].

Этот поселок существовал в XII — начале XIII в. М. И. Артамонов отмечает, что в татарский период здесь не было населения. Место Саркела к XIV в. было забыто, что явствует из описания путешествия Пимена, ошибочно указавшего положение этого города [42].

Таким образом, очевидно, в XII в. на развалинах Белой Вежи возник смешанный русско-кочевнический поселок. Так как у кочевников не было своего ремесла, а специфическая печенежская керамика отно-

[37] Например, у с. Малявка Чимкентского у. (И. А. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910, стр. 162); у городища Баба-Ата (Семиречье) имеются погребения с подражанием мусульманским намогильным сооружениям (сагона), в виде сырцовых выкладок (Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 1. Алма-Ата, 1956, стр. 49—50). Эти погребения правильно охарактеризованы исследователями как свидетельства о влиянии мусульманства на переходившее к оседлости кочевое население. По существу, эти казахстанские погребения — явление, сходное с рассматриваемыми нами курганами в Поволжье.

[38] С. И. Руденко. Очерки быта северо-восточных казахов. Алма-Ата, 1930, стр. 49; А. Левшин. Описание киргиз-кайсацкой орды и степей, ч. III. «Этнографические известия». СПб., 1832, стр. 113.

[39] Н. В. Сибилев сопоставляет Шарукань с Теплинским городищем, Сугров — с Сидоровским городищем, Балин — с Маяцким (М. В. Сібільов. Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимера Мономаха та Ігоря Сіверського. «Археологія», 1950, т. 4). Все эти памятники являются салтовскими городищами. Б. А. Рыбаков считает, что Донецкое городище называлось Шаруканью (Б. А. Рыбаков. Дон и Донец в «Слове о полку Игореве». НДВШ, 1958, № 1, стр. 10). Большинство исследователей воздерживается от каких бы то ни было точных локализаций этих городов.

[40] ПСРЛ, II, стр. 603; Constantin Porhyrogenitus. De Administrando Imperio, pp. 168—169.

[41] М. И. Артамонов. Саркел-Белая Вежа. МИА, 1958, № 62, стр. 82—83; В. Д. Белецкий. Жилища Саркела-Белой Вежи. МИА, 1959, № 75, стр. 123, 130.

[42] Раскопки М. И. Артамонова на городище близ ст. Цимлянской не оставили сомнения, что Саркел был именно здесь. Поэтому указание Пимена на то, что Саркел был выше по Дону, которому поверил К. В. Кудряшов (см. К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., Географгиз, 1948, стр. 9), является просто ошибкой.

сится к X—XI вв., то естественно, что здесь сохранилась русская керамика, тем более что и в погребениях половцев XII в. мы находим именно русскую гончарную керамику. О том, что кроме русского населения в поселке, очевидно, жили и кочевники, можно заключить и по железным и костяным предметам, выпадающим из комплекса обычных русских вещей [43].

На нижнем Дону известна целая серия подобных становищ кочевников, которые жили бок о бок с небольшими группами русского населения. П. В. Голубовский, а вслед за ним М. И. Артамонов сопоставляют их с той группой населения южнорусских степей, которая получила название «бродников». Однако, судя по источникам, бродники были специфически военной категорией населения, составляя русские отряды, примкнувшие к кочевым группам [44]. На зимовищах типа верхнего слоя Белой Вежи жило и обычное мирное население, сотрудничавшее и, быть может, зависимое от кочевников [45].

Другим путем перехода кочевников к оседлости являлось проникновение их в среду жителей больших городов. Хорошо известно, что кочевники-половцы поддерживали связи с рядом городов, расположенных на окраинах степи, часто держа крупные торговые, транзитные центры в своем подчинении [46]. Половцы служили иногда посредниками между кочевой степью и городами. Через их территорию пролегали важнейшие пути торговли. Ибн ал-Асир писал о том, что южные страны от кыпчаков получают меха, невольников и т. п. [47]. Проникновение кочевников в города отразилось и в том, что кочевническая керамика

---

[43] В. Д. Белецкий. Ук. соч., стр. 127—130.

[44] Эти бродники составляли отряды, принимавшие участие в битвах половцев и русских. Существует предположение (впрочем, не аргументированное строго), что бродники — это предки казаков (П. В. Голубовский, А. И. Попов, С. А. Плетнева). С. А. Плетнева считает, что бродники оставили погребение в Таганче (№ 803) и ряд поросских курганов. Это, по ее мнению, следует из того факта, что в этих погребениях были найдены длинноголовые европеоидные черепа (С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы..., стр. 186). Этот аргумент не может быть принят во внимание, так как среди кочевников постоянно встречаются европеоидные типы, к тому же старые определения черепов из раскопок Н. Е. Бранденбурга не внушают особого доверия. Христианство погребенного в Таганче воина еще не доказывается образком, найденным в могиле. Он мог служить просто украшением. Да и среди кочевников получило некоторое распространение христианство. Приходится признать, что бродники в настоящий момент археологически неуловимы в массе кочевнических погребений.

[45] С. А. Плетнева говорит о верхнем слое Белой Вежи как о половецком городке-зимовище (С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 192). В свое время П. В. Голубовский не считал возможным называть эти города зимовищами. Он полагал, что, будучи оборонительными пунктами половцев, они были населены не половцами, потому что половцы были, по мнению П. В. Голубовского, исключительно кочевыми племенами. П. В. Голубовский думал, что в этих городах сохранилось старое население (см. П. В. Голубовский. Ук. соч., стр. 194—195), главным образом русское и аланское, жившее здесь еще до печенегов. Представление о половцах как о «чистых» кочевниках неверно, но предположение о том, что население городов по Донцу и Дону было смешанным, кажется нам правильным.

[46] Относительно Судака ибн Баттута писал: «Это один из городов Кыпчакской степи, на берегу моря... Населяют его тюрки и, под их покровительством, несколько византийцев, которые занимаются ремеслами» (В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 303). О подчинении крымских городов («замков») команам еще до татарского завоевания есть свидетельства у Рубрука («Путешествия...», стр. 90). Возможно, именно эту зависимость приморских поселений от половцев отмечают названия двух городов Белая и Черная Кумании близ Тмутаракании на карте Идриси.

[47] «Этот город [Судак] кыпчаков, из которого они получают свои товары, потому что он [лежит] на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них девушки и невольники, буртасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их» (В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 25—26).

X—XI вв. (очевидно, печенежская) встречается в материале таких городов, как Саркел — Белая Вежа и Тмутаракань [48].

Материалы Тмутаракани особенно наглядно показали, что проникновение кочевнической керамики в города южнорусских степей относится главным образом к X—XI вв., т. е. к печенежско-торческому периоду. На этом основании мы и считали, что эта керамика принадлежит к печенежско-торческому населению степей Восточной Европы. В последующий — половецкий — период в Тмутаракани почти нет кочевнической керамики, население ее к концу XII в. почти совсем не знает лепной керамики. Господствует посуда местных типов, вышедшая из местных городских мастерских. Соответственно и в погребениях степей Восточной Европы XII—XIII, а затем и XIII—XIV вв., т. е. в половецкие периоды, керамика встречается чрезвычайно редко и главным образом типов, заимствованных у оседлых соседей, например русские горшки.

ПОЛОВЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДАХ

Проникновение кочевников в состав населения городов, расположенных в зоне степей [49], приводило к тому, что постепенно некоторые южные города становились преимущественно или гузскими, или половецкими. Известно, что домонгольский город Саксин был заселен гузами [50].

Процесс проникновения кочевников в среду городского населения отражают погребения в городских некрополях с типично кочевническим составом инвентаря.

Известны погребения с кочевническим инвентарем и в ранних городских могильниках. В Саркеле — Белой Веже, кроме большого курганного кочевнического могильника у стен крепости, имеется христианский русский городской бескурганный некрополь. Среди этих христианских могил горожан — жителей Белой Вежи известны несколько погребений, по инвентарю относимых к кочевникам: насыпь 19/1, погребения 15, 22, 26, 29 (№ 986—989), а также погребение 128 (по кочевническому горшку М. И. Артамонов считает, что здесь похоронен представитель хазар, а может быть печенегов); эти пять погребений следует относить к бывшим кочевникам, жившим в Белой Веже и, очевидно, превратившимся в оседлых горожан.

Для городских золотоордынских некрополей характерны бескурганные захоронения в простых ямах [51] или в сложенных из сырцового

---

[48] С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи. МИА, 1959, № 75, стр. 230; ее же. Средневековая керамика Таманского городища. В кн.: «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 14.

[49] П. В. Голубовский приводил сообщения венгерских монахов XIII в. о некоторых чертах быта жителей Тмутаракани, которые, по его мнению, можно сопоставлять с чертами быта кочевников, и свидетельство о полигамии в княжеской семье, которое П. В. Голубовский также сопоставляет с влиянием половцев (см. П. В. Голубовский. Ук. соч., стр. 187). Этот же исследователь обратил внимание на слова византийского автора XI в. Атталиота о варваризации городов Подунавья под воздействием кочевников, которых Атталиот называет скифами (там же).

[50] Al-Garnatī. Le Tuhfāt al-albāb de Abū-Hāmid al-Andalusi al-Garnatī. Ed. par G. Ferrand. Paris, 1925, p. 116.

[51] Маджары: погребения № 1, 2, 3, 5, 6 — на усадьбе Архиманова и № 3. 6 — у кирпичного завода (В. А. Городцов. Результаты археологических исследований на месте развалин города Маджар в 1907 г. «Тр. XIV АС», т. III. М., 1911, стр. 189—205). Могильник близ золотоордынского городища у с. Терновки Камышинского у. (Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи. М.— Пг., 1923, стр. 50—51) и у Царева (Новый Сарай).

или из жженого кирпича склепах[52]. Встречаются также погребения в мавзолеях[53] и в полу жилых домов (возможно, к моменту захоронения заброшенных)[54]. Погребенные ориентированы головами на запад, как правило, лишены вещей. Однако встречаются среди городских мусульманских некрополей, иногда в склепах и мавзолеях, погребения с довольно богатым и разнообразным инвентарем, состав которого повторяет характерный для половцев или вообще для кочевников южнорусских степей этого времени инвентарь.

Типичными бескурганными, кочевническими по инвентарю могилами являются погребения женщин в мусульманском городском могильнике у Соленого озера (№ 990), на Царевском городище (Новый Сарай) и в мусульманском могильнике близ того же городища у современной дер. Сарай (№ 991). Здесь среди типичных мусульманских, совершенно лишенных вещей погребений встречены две могилы: женская — с серьгой в виде знака вопроса, зеркалом, привеской, бляшками-нашивками, бусами, и мужская — с удилами, монетами, стременами и колчаном со стрелами. Эти половецкие по инвентарю погребения следует рассматривать как погребения половцев, перешедших к оседлости и, вероятно, превратившихся в горожан-мусульман (раз они похоронены на мусульманском кладбище), но сохранивших обычай класть в могилу характерные вещи. Аналогичные погребения половцев-горожан среди мусульманских могил на городском некрополе известны в Маджарах (№ 975, 976). В одном из них найдены костяк коня и сбруя, в другом — сбруя и зеркало.

Среди мусульманских погребений с кочевническим инвентарем следует отметить погребения 1 и 2 в мавзолее Увека, исследованном в 1913 г. А. А. Кротковым (№ 977, 978).

Особенно интересно погребение с кочевническим инвентарем в мусульманском грунтовом могильнике у с. Рождественского (№ 985) в Татарии, исследованном В. Ф. Генингом в 1956—1958 гг. Исследователь склонен усматривать в этом погребении памятник половцев, попавших далеко на север и влившихся в местную мусульманскую среду.

Другим подтверждением тезиса о существовании значительного по-

---

[52] Маджары: погребения № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 у кирпичного завода и кладбища и № 1 в южном могильнике (В. А. Городцов. Результаты археологических исследований на месте развалин города Маджар, стр. 173—196); склепы в Маджарах, описанные Г. Н. Прозрителевым (см. Г. Н. Прозрителев. Маджары. Ставрополь, 1906, стр. 169); склепы в Подстепном (П. С. Рыков. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926—1927 гг. М.— Саратов, 1929, стр. 16); склепы в Увеке (ИАК, приб. к вып. 53, 1907, стр. 104; ТСУАК, № 32, стр. 126—127; ОАК, 1893, стр. 27); склеп у Ак-Сарая (АЛОИА, ф. 2, 1928, д. 154, лл. 47—48; П. С. Рыков. Археологические разведки и раскопки в Нижневолжском крае, произведенные в 1928 г. «Известия НВИК им. М. Горького», т. III. Саратов, 1929, стр. 154); склеп у станицы 10 Калмыкской АССР (П. С. Рыков. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. «Известия НВИК им. М. Горького», т. IV. Саратов, 1931, стр. 63—64); склепы на с. Селитренном Харболинского р-на (Старый Сарай) (ОАК, 1893, стр. 30, 84, 88); склепы на городище Шареный Бугор близ Астрахани (ОАК, 1893, стр. 29—79); склепы в Царевском городище (Новый Сарай) (ЖМВД, 1847, ч. 19, стр. 357, 363, 371, 362, 355); склепы на Мечетном городище (Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи, стр. 25—26); склепы на городище Кара-Азмра в Крыму (А. Башкиров, У. Боданинский. Памятники крымско-татарской старины. НВ, № 8—9. М., 1925, стр. 310—311).

[53] Мавзолеи в Наровчате, раскопанные А. Е. Алиховой в 1960—1961 гг., мавзолей в Солхате (И. Бороздин. Солхат. М., 1926, стр. 28—29), мавзолей на оз. Кисляне в Башкирии (А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. МИА, 1961, № 58, стр. 94), мавзолей близ Нового Сарая у Колобовки (ЖМВД, 1847, ч. 19, стр. 358—359).

[54] Например, в Царевском городище (Новый Сарай), см. ЖМВД, 1847, ч. 19, стр. 95; в Селитренном (Старый Сарай), см. Ф. В. Баллод. Старый и Новый Сарай — столица Золотой Орды. Казань, 1923, стр. 57.

ловецкого населения, бывшего ранее кочевым, в золотоордынских городах являются письменные источники, в частности произведения литературы на кыпчакском языке, написанные в золотоордынских городах. Тюркй Поволжья и Урала, по заключению Э. Наджипа, включал очень много огузских элементов и сложился на кыпчакско-огузской основе. Это был особый литературный язык Золотой Орды [55], отличавшийся от сложившегося в Средней Азии чагатайского языка. Кыпчакский литературный язык отличался, видимо, от живого языка, на котором говорили в золотоордынских городах Поволжья, большим количеством гузских элементов. В сложение литературного языка Золотой Орды значительный вклад внесли деятели культуры из городов в низовьях Сыр-Дарьи. Некоторый элемент среднеазиатского тюркй был принесен выходцами из Хорезма, игравшими в Золотой Орде огромную роль. От переписчиков-бахши, которые были обычно уйгурами, в этот литературный язык попало некоторое количество уйгурских слов. Но в целом литературный язык городов Золотой Орды сложился на кыпчакской основе. Известно, что официальные бумаги в Золотой Орде писались на разных языках. Но источники отметили, что в числе языков, употреблявшихся в государственной жизни Золотой Орды, был и кыпчакский.

В 1961 г. в развале одного из зданий Нового Сарая была найдена лопатка быка с надписью. Надпись сделана, как определил Э. Наджип, на кыпчакском языке. Этот документ живой речи подтверждает, что в Сарае и в ряде других золотоордынских городов во всяком случае часть населения говорила на кыпчакском языке [56].

Кроме этой находки в архивах и публикациях имеются сведения о других вещах с надписями на тюркском языке, близком кыпчакскому [57].

Итальянский финансист XIV в. Франческо Пеголотти в своем руководстве для купцов рекомендует торговцам, которые собираются вести дела в Золотой Орде (в Тане-Азаке), иметь переводчиков, знающих команский язык [58]. Это свидетельствует о распространении половецкого языка среди горожан в Золотой Орде. Об этом же говорит и «Codex Cumanicus», составленный в конце XIII в. в одном из золотоордынских городов Причерноморья.

Таким образом, половецкое население, прежде знавшее в основном только временную оседлость, в эпоху Золотой Орды частично превра-

---

[55] Памятниками этого языка являются «Мухаббат-Намэ», написанная в 1353 г. где-то на берегах Сыр-Дарьи поэтом Хорезми, поэмы «Хосров и Ширин» и «Нахджу-л-Фарадис», написанные там же, перевод на кыпчакский язык «Гюлистана» Саади, сделанный в кыпчакской колонии в Египте. Общей чертой этих произведений было преобладание в их грамматике и лексике кыпчакских элементов. См. Хорезми. Мухаббат-Намэ. Пер. Э. Н. Наджипа. М., ИВЛ, 1961, стр. 7—21.

[56] Г. А. Федоров-Давыдов, И. С. Вайнер. О надписи и рисунке на кости из Нового Сарая. СА, 1963, № 3, стр. 245; М. Усманов. О языковых особенностях надписи из Нового Сарая. СА, 1963, № 3, стр. 246.

[57] Интересной в этом отношении находкой в Сарайчике является кувшин с тремя начертанными на нем двустишиями из дидактической поэмы «Кутадгу билик», восходящей к XI в. Двустишья написаны по-тюркски (А. Самойлович. Среднеазиатско-турецкая надпись на глиняном кувшине из Сарайчика. ЗВОРАО, 1913, т. XXI, вып. I, стр. 38; В. В. Бартольд. Сочинения, т. II. М., ИВЛ, 1963, стр. 256). В 1847 г. в Новом Сарае было найдено серебряное блюдо с нацарапанной надписью на тюркском языке: «5 сум и 20 с половиной мискалей серебряных» (ЖМВД, 1847, ч. 19, стр. 375). На другом сосуде, найденном в 1850—1851 гг., была надпись также на тюркском языке: «Лишив меня чести и славы, ты отнял мою чашу золотую... Наполнив вином золотую чашу, обратил ее в золото» (А. Терещенко. Окончательное исследование местности Сарая с очерком следов Дешт-Кыпчакского царства. «Уч. зап. отд. АН по I и III отд., вып. I, II. СПб., 1853, стр. 93).

[58] F. B. Pegolotti. La Pratica della Mercatura, ed. by Allan Evans. Cambridge-Massachusetts, 1936, p. 21—22.

щается в постоянно оседлое городское население. Незначительная инфильтрация кочевнического населения степей в русские города X—XI вв. и в такие города, как Тмутаракань и Судак предмонгольского времени, уступает место новому явлению: образованию половецкого городского населения, причем это явление протекало не как длительный процесс постепенного оседания половцев и аккумуляции этого оседлого населения в поселениях типа городов. Золотоордынские города возникли в течение короткого периода времени в результате градостроительной деятельности центральной власти, золотоордынских ханов.

В наших рассуждениях значительную роль играет тезис об отсутствии развитых и длительных традиций оседлости в половецком обществе в домонгольскую эпоху. Мы исходим из того, что кочевники половецких степей к началу XIII в. лишь частично, в беднейшей своей части, переходили к оседлости, главным образом к полуоседлости, при которой существуют лишь зачатки поселений типа зимних убежищ-городков и зародыши земледелия. В этом смысле можно говорить об отсутствии традиций городской жизни, развитых форм городского быта и производства у половцев в домонгольскую эпоху. Такие города, как Тмутаракань или Судак, хотя источники иногда и называют их кыпчакскими, половецкими, были населены чуждым половцам населением и лишь политически и экономически эксплуатировались половцами как важные транзитные города на окраинах степи. Отсутствовали развитые и длительные традиции городской, а возможно, и сельской оседлости и в Нижнем Поволжье. Малое число находок кладов и отдельных монет в Поволжье X—XI вв., несмотря на то, что через волжский путь шло громадное количество восточной монеты, оседавшей на рынках Волжской Болгарии и Руси, очень большая редкость хазарских поселений на Ахтубе и полное отсутствие массовых археологических памятников (городищ и селищ) половецкой домонгольской эпохи — все это говорит о справедливости этого тезиса.

Рассмотрим письменные свидетельства о городах в Поволжье до золотоордынской эпохи. Какие это были города?

В хазарскую эпоху в Поволжье существовал город Итиль, до сих пор не найденный археологами. Прежде всего он рисуется как перевалочный пункт транзитной торговли, эксплуатируемый хазарской властью путем сбора различных пошлин. Мы находим в источниках перечисление торговых факторий Итиля (об этом сообщают ибн Руста[59], Истахри[60], ибн Хаукал[61], Мас'уди[62], Мукаддаси[63], Худуд ал-'Алем[64] и др.). Сведения о ремесленниках, переселившихся из мусульманских стран на постоянное жительство в Итиль, впервые мы находим у Мас'уди, у которого, как заметил Б. Н. Заходер, они дополняются сообщением о справедливости и безопасности в стране[65], что явно указывает на тенденциозность этого отрывка. Вместе с тем такие сообще-

---

[59] Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али-Ахмеда Бен Омари Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 17; BGA, VII, 139—140.

[60] BGA, I, 220—222.

[61] BGA, II, 278, 281; BGA, II$_2$, 389, 392.

[62] Maçudi. Le Praires d'or. Texte et trad. par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1862, II, pp. 11—12; J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historische-topographische Studien zur Geschichte des 9 und 10 Jahrhunderts (ca. 840—940). Leipzig, 1903, S. 149.

[63] BGA, III, 360, 361.

[64] В. В. Бартольд. Худуд ал-'Алем. Рукопись Туманского. М., 1930, л. 38б, введение, стр. 31; Hudud al-'Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 a. h.— 982 a. h. London, 1937, v. 161.

[65] Б. Н. Заходер. Ук. соч., стр. 188.

ния, как древнейший вариант рассказа о летней откочевке жителей из города (впоследствии преобразованный в рассказ об уходе летом жителей города пахать в районы, отдаленные от города) [66], свидетельство об отсутствии аграрной периферии Итиля, о запрещении каганом строить кирпичные дома и о том, что городские дома — это шатры из войлока и дома из глины или дерева, подчеркивают, что Итиль был лишь зародышем города, главным образом ставкой, политическим центром и перевалочным транзитным пунктом [67]. По сравнению с нижним Доном и с дагестанским побережьем Каспийского моря развитие оседлости в Поволжье в хазарскую эпоху отставало очень сильно [68].

Продолжалось ли это развитие городов в Поволжье в XII — начале XIII в. и привело ли оно к развитию городов в полном смысле этого слова, т. е. ремесленных в первую очередь центров? В эту эпоху господства половцев в Поволжье мы знаем только один город — Саксин. Первые упоминания о нем имеются у ал-Гарнати (XII в.) [69].

Есть довольно веские основания предполагать, что Саксин XII в. — единственный известный источникам город в Поволжье в половецкую эпоху — это часть восстановленного Итиля [70]. Судя по ал-Гарнати, это гузский, а не половецкий город. Был ли это город типа Сугрова, Балина или Шарукани (т. е. зимнее убежище кочевников) или это был центр ремесла и торговли? На этот счет у нас нет никаких данных. Следует все же отметить, что, по описанию ал-Гарнати, население в городе жило в значительной, видимо, массе в палатках: «В городе существует сорок племен гузов, каждое из которых обладает собственным эмиром. У них большие жилища; в каждом жилище громадная палатка, вмещающая сотню человек и укрытая войлоком» [71].

Это сообщение показывает живучесть родо-племенных традиций в Саксине. Вместе с тем, видимо, город сохранил традиции Итиля и был важным транзитным центром. Очевидно, именно в этом качестве он интересовал половцев, так же как Тмутаракань и Судак. Сама единичность Саксина, его исключительность в степях Поволжья и отсутствие синхронных ему городищ и селищ — все это говорит о слабом развитии оседлости населения Поволжья в предмонгольскую эпоху.

Таким образом, лишь в золотоордынскую эпоху у кыпчакского населения складывается городской оседлый быт в золотоордынских городах, где значительная масса населения была, видимо, кыпчакской. Причем этот оседлый городской быт сложился не в результате местного

---

[66] О сочетании кочевого и оседлого быта у хазар интересно повествует рассказ о жителях Итиля, которые весной уезжают на поля для обработки их, а осенью с урожаем возвращаются. В более ранней версии этого рассказа хазары уходят из Итиля кочевать, а не заниматься хлебопашеством. В более древнем рассказе описано сезонное кочевание хазар, в более позднем — в той же структурной форме рассказа, как отметил Б. Н. Заходер, отражено появление земледелия с сохранением кочевого быта (Б. Н. Заходер. Ук. соч., стр. 202).

[67] В районе волжских степей Б. А. Рыбаков по карте Идриси (XII в.) помещает еще два города: Байда' и Хамлидж (Б. А. Рыбаков. К вопросу о роли хазарского каганата в истории Руси. СА, 1953, XVIII, стр. 145). Однако вероятнее всего, что Хамлидж и Байда' — это части Итиля, которые в позднем источнике стали искаженно пониматься как отдельные города (см. J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge.., S. 18; A. Zajączkowski. Ze studiów nad zagadnieniem chazarskim. Krakow, 1947; D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars. Princeton — New Jersy, 1954; Hudūd al-'Ālam. p. 454; Б. Н. Заходер. Ук. соч., стр. 174.

[68] М. И. Артамонов. История хазар. Л., изд. Гос. Эрм., 1962, стр. 398.

[69] Al-Garnati. Op. cit., p. 116.

[70] Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП, 1908, ч. 14, стр. 37; М. И. Артамонов. История хазар, стр. 445; Б. Н. Заходер. Ук. соч., стр. 191 и сл.

[71] Al-Garnati. Op. cit., p. 116.

развития и постепенного оседания части кочевнических племен на землю, а под воздействием политики золотоордынских ханов, чьи усилия были направлены на то, чтобы руками покоренных народов и вывезенных из покоренных стран ремесленников в короткий срок построить большие торгово-ремесленные центры на важнейших путях мировой торговли.

Конечно, переход части половецкого населения к городской жизни в эпоху Золотой Орды был обусловлен наличием элементов оседлости в половецкой степи еще в домонгольское время. Но города Поволжья и Северного Кавказа — Сарай, Новый Сарай, Укек, Маджар — выросли сразу как мощные города и (судя по археологическим исследованиям их развалин) на пустом месте, где не было до них никаких поселений. Еще ни разу в золотоордынских городах Нижнего Поволжья не обнаружен достаточно яркий домонгольский вещевой материал или четкий культурный слой. Да и длительные систематические археологические исследования Нижнего Поволжья не привели еще к открытию поселений предмонгольского времени.

Иное дело в окраинных районах Золотой Орды. В отличие от Нижнего Поволжья, здесь существовала древняя оседлая и городская традиция. Города золотоордынской эпохи Волжской Болгарии и в культурном, и в социальном, и в территориальном отношениях были продолжением домонгольских городов, являясь городами местного болгарского населения, попавшего под власть Золотой Орды. То же можно сказать о городах Крыма, Хорезма. Болгары, Ургенч, Судак, городища Молдавии XIV в. имеют четко прослеживаемые местные традиции в культуре и прежде всего в керамике.

В золотоордынском Нижнем Поволжье традиции оседлости к XIII в. не существовало. Почти полное отсутствие каких бы то ни было связей между керамикой XIV в. Нижнего Поволжья и салтовской культурой говорит о перерыве традиций керамического производства салтово-хазарской эпохи. Неполивная керамика Нового Сарая и других поволжских золотоордынских городов сложилась под влиянием керамического производства разных районов традиционной оседлости. Образовался керамический комплекс, представляющий смесь разнообразных элементов, но в целом отличный от керамики тех областей, откуда почерпнуты были слагающие его компоненты.

Говоря о культуре Золотой Орды, обычно чрезвычайно расширяют понятие золотоордынской культуры, перенося ее на все города, попавшие в состав Золотой Орды. Дело обстоит иначе. Тот внешний, поверхностный налет городской культуры Золотой Орды, который действительно очень широко распространился в улусе Джучи, захватив все периферийные центры, состоит из ряда элементов: это — распространение характерной золотоордынской поливной керамики (бытовой и архитектурной), джучидских монет и некоторых категорий вещей, широко вошедших в моду и обиход городского населения (такими были, например, некоторые типы бронзовых зеркал и т. п.).

Однако анализ археологического материала из золотоордынских городов Нижнего Поволжья, Заволжья и степного Северного Кавказа показывает, что сложившийся здесь керамический комплекс по формам и орнаментации отличен от керамики других районов Золотой Орды. Если же обратимся к этническому составу населения именно этих центральных, золотоордынских городов и их округи, то мы увидим, что такой комплекс керамики распространен в тех городах, которые были построены на территории половецкой степи. Другие же города Золотой Орды оказываются расположенными в районах, где были сильны мест-

ные оседлые традиции, они окружены оседлым населением главным образом периферийных районов Золотой Орды: Крым, Хорезмский оазис, земли мордвы, Волжская Болгария, Молдавия.

Рассмотрение золотоордынской городской культуры во всей сложности ее проявлений — это задача будущего; решение ее возможно только после длительных и широких археологических работ на Царевском, Селитренном, Увекском, Маджарском, Сарайчикском и других городищах. Но мы уже сейчас можем поставить проблему в двух аспектах.

С одной стороны, — это культура синкретическая, культура торгово-ремесленного смешанного населения, созданная в результате градостроительной деятельности ханов и питавшаяся ресурсами, выкачиваемыми у покоренных народов, т. е. имевшая своей основой деспотическую власть золотоордынских ханов как покровителей ремесла и торговли, но лишенная местных традиций, корней.

С другой стороны, — это культура части половецкого населения, перешедшей в условиях Золотой Орды к оседлому городскому быту, т. е. половецкого городского населения. Подобно тому как эти города представляли собой островки в кочевнической степи, так и городская культура половцев резко выделялась на фоне их кочевнической культуры. Половцы не имели своей оседлой культуры, которая могла бы дать основу культуре городской, а получили ее из рук согнанных ханами в степи Нижнего Поволжья пленных среднеазиатских, крымских, русских и других ремесленников.

Даже самое поверхностное изучение и знакомство с этой культурой показывает ее резкое отличие от степной кочевнической культуры половецких племен. Ни о каком сходстве керамики как комплекса не может быть и речи. Только язык да некоторые сохранившиеся рудиментарные черты обряда захоронений половцев в мусульманских некрополях городов связывают половцев кочевой степи и население золотоордынских городов, которое в значительной части состояло из половцев.

Если же обратиться к тем предметам, которые встречаются и в кочевнических могилах, и в золотоордынских городах, то их список будет чрезвычайно ограничен. Это вырезанные из листа бронзы «идольчики», серьги типов IV и VI, некоторые виды зеркал, предметы конской упряжи (стремена, удила), некоторые виды пряжек, резные накладки на колчан и, наконец, золотоордынские монеты.

Часть этих вещей была просто общераспространенной в ту эпоху, а часть была импортом из городов или, наоборот, из степи. Но при малочисленности археологических связующих моментов между золотоордынским городом и степью имеются резкие расхождения в основных, массовых находках — в керамике, которая в городах получила большое развитие на базе развитого ремесла, рассчитанного на рынок, а в степи даже в золотоордынское время почти отсутствует. Мы должны признать, что перед нами две разные культуры: культура половцев степи, продолжавшая традиции кочевнической культуры восточноевропейской степи XII — начала XIII в., и синкретическая культура золотоордынского города.

Этот факт отражает собой то обстоятельство, что в Золотой Орде сосуществовали две основные стихии — степные кочевники и оседлое городское население. Борьба и взаимосвязь этих двух стихий и начал нашли выражение, с одной стороны, в политических взаимоотношениях золотоордынских ханов — представителей кочевой степи — и оседлых порабощенных периферийных стран, с другой стороны, в культурных и экономических взаимоотношениях кочевой степи и золотоордынских по-

ловецких городов. При этом между степью и городом наступали периоды то политического и экономического сближения, то резкого разрыва. И в зависимости от этих периодов золотоордынские ханы в своей политике выступают во взаимоотношениях с оседлыми периферийными районами то как представители кочевой аристократии, традиционного кочевого быта, то как представители государства, в котором уживаются и находятся в равновесии кочевники и города, то как покровители городов и торговли.

Различия в материальной культуре, отсутствие массового проникновения городской керамики в степи (а это было бы показателем действительно прочных экономических связей) говорят о том, что сосуществование кочевой степи и городской цивилизации в Золотой Орде было непрочным. Действительно тесных и прочных связей между золотоордынским городом и степной его округой не сложилось. Те периоды, во время которых степи вступали в близкие взаимоотношения с золотоордынскими городами, были периодами политического объединения кочевнической и городской части населения Дешт-и-Кыпчака под властью определенного круга феодальной монгольской аристократии, сблизившейся с верхушкой городского торгового населения.

Весьма важным представляется сравнение степной территории XIV в. со степями хазарско-салтовского периода. В VIII—X вв. в степях Подонья и Северного Донца также жило кочевническое население болгар, смешанное с аланами. Трудно усомниться в кочевой природе приазовских болгар, но на стадии салтовской культуры эти племена освоили хозяйство комплексного характера; оседлый быт и земледелие уживались у них с кочевым скотоводством. При этом и кочевое и оседлое население было представлено одной археологической культурой, как об этом свидетельствует, например, единство керамики.

В XIV в. материальная культура кочевого населения и культура степных городов в Золотой Орде были разнородными явлениями, имевшими мало точек соприкосновения. Объединяет эти два вида населения главным образом общая принадлежность к Золотой Орде, т. е. общая деспотическая ханская власть.

Удобства для ведения комплексного хозяйства, которые предоставляло крупной аристократии Нижнее Поволжье, где узкая полоса городов с оседлым населением по Волге и Ахтубе граничила со степью, обусловили в какой-то мере тот факт, что Поволжье делается центром Золотой Орды и побеждает в соревновании с другими претендентами на эту роль в улусе Джучи. «Немалую роль сыграло и то обстоятельство,— писал А. Ю. Якубовский, — что, будучи совокупностью земледельческих районов и городских поселений, культурная полоса по нижней Волге была так близка от степи, что здесь легко было сочетать оседлое и кочевое хозяйство» [72].

Интересно сопоставить взаимоотношения степи и города в Дешт-и-Кыпчаке и у гузских племен IX—XI вв. в Приаралье. В Приаралье образуются города на базе развития комплексного хозяйства и постепенного оседания части кочевников. Керамика этих городов сходна в основных чертах с гузской (и в общих чертах с печенежской) керамикой кочевого населения (т. е. из погребений кочевников)[73]. Это, видимо, связано с тем, что города гузов развиваются как следствие процессов, происходивших в самом гузском обществе, т. е. как результат истории самих гузов. Керамика золотоордынских городов — это синкретический

[72] Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 68.
[73] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., ИВЛ, 1962, стр. 274.

сплав разнородных, привнесенных в Дешт-и-Кыпчак элементов. У самих же половцев керамика исчезает из быта к началу XII в. Это ярчайшее различие (культурное и хозяйственное) двух археологических явлений (половецкая кочевая культура и культура золотоордынских городов) связано с природой золотоордынских городов, появившихся не в результате естественного внутреннего развития Дешт-и-Кыпчака, а как следствие политики ханов и сложившихся благоприятных обстоятельств для транзитной торговли в условиях больших монгольских империй. В этом смысле сосуществование ремесла и торговли в городах с аграрной округой и их кочевого степного окружения — это также результат монгольского завоевания степи. Начавшееся в XII—XIII вв. в степи развитие оседлости и связи с городами получило в градостроительной деятельности Джучидов такой толчок, что естественный ход этого процесса был болезненно нарушен. Вот почему города в Дешт-и-Кыпчаке живут лишь до тех пор, пока сильна деспотическая власть хана, и исчезают, не оставляя следа, когда эта их основная поддержка, причина и условие сосуществования со степью, пропадает, т. е. когда сильная государственная власть в Золотой Орде разлагается.

Анализ взаимоотношений золотоордынских городов и степи должен быть положен в основу периодизации внутренней жизни Золотой Орды, так как именно в этой области выразились ярче всего социально-экономические тенденции отдельных периодов внутреннего развития золотоордынского общества.

Уровень развития феодальных отношений в степи приводил или к сближению с городами, или, наоборот, к разрыву с ними, тогда как уровень развития городов, их ремесла и торговли стоял в тесной связи с политикой кочевой аристократии, ее социальным развитием и политической ориентацией.

ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОЧЕВЫХ СТЕПЯХ

Мы приводили свидетельства Рубрука и Карпини о натуральном хозяйстве кочевников. Отсутствие ремесел сказалось в слабом развитии товарно-денежных отношений в кочевой среде. Однако взаимоотношения с городами как домонгольских, так и золотоордынского периодов, проникновение кочевнического элемента в среду горожан (на примере Саркела, Тмутаракани и золотоордынских городов), господство половцев над торговыми городами, такими, как Судак, контроль со стороны половецкой аристократии над их экономической жизнью — все это говорит о том, что в какой-то степени кочевники Восточной Европы были втянуты в торговлю с городами, расположенными на окраинах степи, а через них и в международную торговлю.

И действительно, в археологическом материале кочевников X—XIV вв. имеются привозные вещи, а в погребениях кочевников находят монеты, что говорит о товарно-денежном обращении.

Предметы роскоши иноземного производства встречаются редко и главным образом в богатых погребениях. Они могли попасть в степь в результате торговли, грабежа, набегов на города. Примером богатых погребений с восточными вещами являются погребение Пески 2 (№ 462), где была обнаружена ткань с арабскими буквами, погребения Афанасьевка 7 (№ 594) и Вороная 4 (№ 607), где были найдены украшения с арабскими надписями, погребение Праздничный (№ 510) с мечом, на котором также имелись арабские буквы. Византийские вещи были обнаружены в Таганче (№ 803). Наиболее сложные индивидуальные ювелирные украшения также попадали в степь посредством торговли.

Из Руси в кочевые степи привозились шиферные пряслица, найденные в погребениях Поросья (№ 705—706), гончарные сосуды типа Б II, найденные в Поросье (№ 714, 715, 721) и на Донце (№ 459), шлемы IV и V типов. Из мордовских земель в степь занесены были сюлгамы, как отмечалось выше, встречающиеся в Нижнем Поволжье главным образом в погребениях золотоордынского периода.

Несомненно привозными были шелковые и парчовые ткани[74]. Статистика погребений с тканями этого типа очень показательна (см. табл. 24).

Таблица 24

Разряд погребений	Периоды				Всего	
	I	II—III	IV	недатированные погребения	количество	% от всего количества погребений данного разряда
Ма	1	—	7	4	12	7
Мб	—	—	10	4	14	6
Мв	—	—	1	—	1	1
М?	—	—	1	2	3	9
Жа	—	—	9	1	10	34
Жб	1	1	16	8	26	15
*?а**	—	1	—	1	2	10
?б	—	—	—	1	1	1
Всего	2	2	44	21	69	6

* Разряд не определенных по полу погребений с золотыми вещами (*?а*) и без золотых вещей (*?б*).

Следует отметить малое общее количество погребений с шелковыми и парчовыми тканями. Основная масса населения степей их не получала. В первые три периода число погребений с шелковыми и парчовыми тканями крайне незначительно: всего четыре погребения, что составляет 3% всех погребений I, II и III периодов. Несколько увеличивается доля погребений с привозными тканями в золотоордынский (IV) период (44 погребения, что составляет 16% всех погребений этого периода). Но средний процент погребений с импортными тканями незначителен (6%).

Привозные ткани составляли предметы роскоши, употреблялись богатой, аристократической прослойкой номадов. Среди богатых женских погребений могилы с шелковыми и парчовыми тканями встречаются чаще. Они составляют 34% среди погребений разряда *Жа* (с золотом) и только 14% среди погребений разряда *Жб* (без золота). Среди мужских погребений шелковые и парчовые ткани встречаются реже. Они составляют 7% среди погребений разряда *Ма*, 6% среди погребений разряда *Мб* и 1% среди погребений разряда *Мв*. Среди не определенных по полу погребений могилы с шелковыми и парчовыми тканями составляют 10% всех богатых погребений (разряда *?а*) и только 1% всех бедных (разряда *?б*).

[74] О драгоценных тканях у тюркоязычных кочевников южнорусских степей упоминается в «Слове о полку Игореве»: «...помчаша красныя девкы половецкыя, а с ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмами и япончицами и кожухы начашя мосты мостити по болотом и грязивым местом, и всякыми узорочьи половецкыми» («Слово о полку Игореве». М.— Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 13).

Важным показателем развития торговли в кочевой степи являются находки монет в погребениях номадов. Они показывают степень охвата торговлей различных слоев кочевников (табл. 25).

Количество кочевнических могил с монетами очень незначительно (6% всех погребений). В I, II, III периоды число погребений с монетами составляло только 4%. Несколько увеличивается доля погребений с монетами в золотоордынский (IV) период (57 погребений, что составляет 20% всех погребений этого периода). Известно, что в домонгольские периоды начиная с XI в. в Восточной Европе наступила безмонетная эпоха, и монет было в обращении очень мало. Если учесть, что в

Таблица 25

Разряд погребений	Периоды			Всего	
	I	II—III	IV	количество	% ко всем погребениям данного разряда
Ма	1	2	6	9	5
Мб	2	—	18	20	8
Мв	—	—	3	3	3
М?	—	—	2	2	6
Жа	1	—	2	3	10
Жб	—	—	13	13	7
?а	—	—	1	1	5
?б	—	—	12	12	12
Всего	4	2	57	63	6

золотоордынское время в городах, расположенных в непосредственном соседстве с кочевой степью, чеканилось очень много монет, а на территории половецкой степи много случайных находок джучидских монет, то отмеченное увеличение доли погребений с монетами в IV период нужно признать очень незначительным.

В I—III периоды распределение весьма малочисленных погребений с монетами показывает, что в торговлю втянут был преимущественно богатый слой кочевников: все монеты приходятся на разряды *Ма*, *Мб* и *Жа*. В IV период погребения с монетами составляют примерно одинаковую долю и в богатых, и в бедных группах.

Таким образом, табл. 24 и 25 показывают:

во-первых, ограниченное проникновение товарно-денежных отношений в кочевую степь, не способное разрушить натуральное хозяйство;

во-вторых, некоторое оживление торговли в IV (золотоордынский) период, что сказалось в увеличении привозных вещей (шелк, парча);

в-третьих, связь с торговлей (главным образом с торговлей предметами роскоши — шелк, парча) богатых слоев кочевников;

в-четвертых, большее вовлечение в торговые связи и денежные отношения социальных низов кочевников именно в IV (золотоордынский) период по сравнению с предыдущими.

Таким образом, в золотоордынский период наблюдается, с одной стороны, увеличение числа привозных вещей, с другой — сравнительно большее вовлечение в сферу действия товарно-денежных отношений средних, а возможно, и бедных слоев общества. Но все же денежное обращение очень мало затрагивало бедные слои кочевников, а мелкий розничный торг в степях не развился совсем. Это объясняет тот факт,

что среди монет XIII—XIV вв., найденных в погребениях кочевников, очень мало медных (табл. 26).

Погребений с медными монетами среди всех погребений IV периода насчитывается только 5, что составляет 2%. Среди погребений с монетами IV периода погребения с медными монетами составляют только 10%.

Таблица 26

Разряд погребений	Погребения с монетами			
	золотыми	серебряными	серебряными и медными	медными
Ма	1	4	—	—
Мб	—	14	—	2
Мв	—	1	—	1
М?	—	1	1	—
Жа	—	2	1	—
Жб	—	11	1	1
?а	—	—	1	—
?б	—	8	—	1
Всего	1	41	4	5

В культурном слое золотоордынских городов медные монеты попадаются очень часто, а дирхемы встречаются сравнительно редко. Это свидетельствует о развитом городском мелком торге. Слабое развитие экономических связей с городами в области мелкой розничной торговли обусловило малое проникновение медных монет в кочевую периферию золотоордынских городов. Даже в ближайшем соседстве с золотоордынскими городами находок медных монет мало, а в памятниках кочевников они почти совсем пропадают.

В какой отрезок времени золотоордынской эпохи (IV периода) и в каких именно областях кочевой степи торговые связи развивались более успешно? Обратимся к табл. 27.

Таблица 27

Районы	Погребения			Всего с монетами	
	XIII в.	XIV в.	начало XV в.	количество	% от всего количества погребений IV периода в данном районе
Нижнее Поволжье	—	15	1	29	24
Нижнее Подонье	—	2	—	2*	—
Северо-Западный Кавказ	—	3	—	4*	—
Среднее течение Дона	—	1	—	1*	—
Приазовье Северное	1	—	—	1*	—
Нижнее Поднепровье	—	5	—	5	20
Поднестровье	6	1	—	15	25
Всего	7	27	1	57	6

* Погребений здесь настолько мало, что вычисление процентов теряет смысл.

Проникновение монет в среду кочевников отмечается в Поволжье, Поднестровье, Нижнем Поднепровье и Северо-Западном Кавказе. В этих же районах имеются скопления кладов и отдельных находок джучидских монет[75]. Совсем нет кочевнических погребений с монетами в Поросье, хотя там обнаружено довольно много погребений IV периода. На территории Киевщины, в близком соседстве с черными клобуками, в XIV в. денежное обращение существовало, однако проникновения денег в кочевническую среду не было. Иначе обстоит дело с донецкими степями и степями Южного Приуралья. Здесь не было почти денежного обращения в XIV в. и, естественно, нет и погребений с монетами.

Выше, в главе III, мы отмечали, что численность населения одних территорий кочевых степей в IV (золотоордынский) период увеличивается, а других — резко сокращается. Особенно резкое сокращение населения отмечается в IV период в Поросье, откуда кочевое население уходит. И именно здесь нет погребений с монетами, несмотря на наличие в этих районах или по соседству денежного обращения. Очевидно, откочевка населения из этого района способствовала общему упадку экономической жизни кочевников Поросья.

При всей ограниченности проникновения монет в среду кочевников взаимосвязь города и окружавших его степей была важным фактором золотоордынской истории. Поэтому существенным представляется то наблюдение, что в XIII в. монеты регистрируют в степи наибольшее развитие торговли в Поднестровье. В XIV в. развитие денежных отношений у кочевников Поднестровья приостанавливается. В XIV в. проникновение монет в среду номадов усиливается в поволжских степях. В Поволжье были наиболее благоприятные условия для того слоя монгольской аристократии, которая сочетала кочевое хозяйство с эксплуатацией городского ремесла и торговли, а также активно участвовала в государственном управлении. В Поволжье кочевая степь окружала небольшие островки торгово-ремесленного и сельскохозяйственного населения. Поэтому Поволжье, где располагались кочевья Токты, одерживает в конце XIII в. верх в соревновании за первенство в Золотой Орде над улусом Ногая, расположенным в Поднестровье. Трудно сказать, что́ послужило причиной победы Токты над Ногаем. Это требует анализа классовых сил, боровшихся на рубеже XIII—XIV вв.[76]. Возможно, что в Поволжье были более благоприятные условия для сосуществования кочевой степи и городов с их аграрной периферией. В Поднестровье золотоордынские сельскохозяйственные и городские поселения образуют замкнутый массив оседлого населения — так называемые «кодры». Эта территория была окружена степью. В Поволжье степь «омывала» каждый населенный пункт, каждый малый островок оседлости, превращая сосуществование кочевого и оседлого населения в своеобразное срастание двух укладов, своеобразный «симбиоз».

Следует отметить еще один очень важный факт. И учет погребений с монетами, и регистрация находок кладов и отдельных монет показывают, что денежное обращение в обширных степях Казахстана совершенно отсутствовало. Здесь известно только одно кочевническое погребение с монетами[77]. Даже в непосредственном соседстве с городами по нижней Сыр-Дарье в степи нет находок монет. Очевидно, отмеченная

---

[75] Г. А. Федоров-Давыдов. Клады джучидских монет. НЭ, 1960, I, стр. 130, рис. 5; его же. Находки джучидских монет. НЭ, 1963, IV, рис. 1.

[76] Мы предполагаем дать этот анализ во второй части нашего исследования «Кочевой феодализм в Золотой Орде».

[77] А. Х. Маргулан. Раскопки погребения воина XIV в. близ Караганды в долине р. Нуры. «Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР», т. 7. Алма-Ата, 1959.

выше связь между гузской степью и гузскими городами Приаралья (выраженная в сходстве керамики) была связью генетической. Здесь не происходило массового превращения в сравнительно короткий срок части кочевого населения в городское, как в Поволжье в результате строительства новых городов. Здесь, в степях низовьев Сыр-Дарьи, города выросли как следствие длительного экономического развития полукочевого — полуоседлого населения. Кочевники-скотоводы вышли из этого же архаического полуоседлого — полукочевого населения в результате экономического развития и перехода от пастушества к сезонным перекочевкам хозяйств, экономически достаточно развитых. Не случайно, что печенеги, бывшие именно такой, исключительно кочевой, группой в составе гузов, являлись какой-то привилегированной группой в гузском племенном союзе[78]. Действительно, превращение в настоящих кочевников, образование кочевых хозяйств, где не пастухи кочуют со стадами, а вся семья, род, все хозяйство, шло прежде всего в среде экономически мощных групп скотоводов, обладавших большим количеством скота. Разумеется, кочевая масса состояла не только из одних богатых семей. В силу общинно-родовых связей кочевыми становились род или большая патриархальная семья[79].

В Поволжье связи между золотоордынскими городами и половецкой степью не носили генетический характер, хотя в значительной части население городов было тюркским, половецким, в прошлом, очевидно, кочевым. Генетические связи были заглушены новой, совершенно чуждой кочевым половцам синкретической культурой золотоордынского города, которая нивелировала различия многоплеменного населения золотоордынских городов. Но в Поволжье между городом и степью существовала другая связь, которой не было в Приаралье: здесь происходило, хотя и слабое и ограниченное, не разрушавшее натуральной основы кочевого хозяйства, проникновение монет в среду номадов, вовлечение их в сферу товарно-денежных отношений.

---

[78] Об этом говорит прежде всего наиболее распространенная в науке этимологическая расшифровка племенного имени «печенег» как «шурин», «свояк» (А. М. Щербак. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела — Белой Вежи. МИА, 1959, № 75, стр. 369). Известно, что у кочевых племен (в частности, у монголов) поставлять девушек для ханского рода было определенной привилегией некоторых племен, которые тем самым становились «свояками» ханского дома (см. В. В. Бартольд. Соч., т. I. М., ИВЛ, 1963, стр. 533).

[79] Исследователи отмечали застойность родового архаического строя у печенегов — «ятуков», оставшихся на старых землях после откочевки основных масс на запад (см. С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 87, 90; С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические надписи. М., «Наука», 1964, стр. 178).

ГЛАВА VI

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КОЧЕВНИКОВ И МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КОЧЕВНИКОВ ДО МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Основой общественной организации половцев в конце XI—XII в. был патриархальный род. О половецких родах неоднократно говорится в русских источниках. Так, например, под 1172 г. упомянут Кончак «с родом своим» [1], а в «Житии черноризца Никона» говорится о половчанине, который «крестился и был монах и с родом своим» [2].

Роды были объединены в племена, которых исследователи часто называют «ордами». Этот социальный термин в «Codex Cumanicus» переводится словом «curia» [3]. Наименования половецких групп русской летописи: Токсобичи, Улашевичи, Отперлюевичи, Читеевичи, Елтуковичи, Бурчевичи (Вобурчевичи) и т. п., а также имена половецких группировок у ан-Нувайри и ибн Халдуна являются, видимо, названиями половецких племен. Ан-Нувайри называет эти группировки термином « » [4], наиболее близким соответствием которому является термин «племя».

Общественный строй половцев конца XI — начала XII в., видимо, мало отличался от социальной структуры печенежского населения. Главное, что сближает их, — это наличие хорошо выраженных и устойчивых родо-племенных членений общества.

Константин Багрянородный и Масуди сообщают нам имена восьми печенежских племен. Видимо, Днепр делил печенежские племена на две группы по четыре племени в каждой.

Эти восемь племен (или «округов», по Константину Багрянородному) делились каждый на пять родов. Главой племени были «великие» князья (Константин Багрянородный передает их имена: Куэль, Куркут, Ипай, Кондум, Коста, Батан, Гиази, Маину), а во главе рода стояли «меньшие» князья [5].

[1] ПСРЛ, II, стр. 548.

[2] «Памятники русской литературы XII—XIII вв.». СПб., 1872, стр. 96.

[3] Codex Cumanicus bibliothecae at templum Divi Venetiarum. Budapest, 1880, p. 105.

[4] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 540—541.

[5] Constantin Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Budapest, 1949, p. 166—167.

Русские летописи называют таких печенежских князей: Куря — упоминается под 972 г. [6], Метигай — упоминается под 988 г. [7], Кучюг — упоминается под 991 г. [8], Темир — убит в 1004 г. [9].

Управляла делами рода родовая аристократия, которая, вероятно, выбирала князя. Об этой аристократии свидетельствует русская летопись («лепшие мужья в родах») [10], а венгерская хроника сообщает, что из числа этой аристократии в печенежском роде выбирают должностных лиц: сотников, десятников и т. п. [11]. О родовой аристократии, «старейшинах» писали Бруно и Анна Комнина [12].

Родо-племенная структура печенежского общества, судя по Константину Багрянородному, строилась по принципу деления печенегов на две части (границей между ними был Днепр) с последующим делением этих ветвей (крыльев) два раза на два, т. е. на восемь округов-племен, каждый из которых в свою очередь делился на пять родов [13].

Константин Багрянородный сообщает о выборности предводителей племен [14]. Эта выборность князя сочеталась с сохранением власти за одним аристократическим родом.

Общественный строй печенегов X в. можно назвать военной демократией. Выборные военачальники-князья, совет аристократии, народное собрание [15], отсутствие длительных племенных объединений — все это характерные признаки именно такого общественного строя [16].

В XI в. печенежское общество продвинулось значительно вперед в своем социальном развитии. Появляются зародыши раннефеодального государства, наследственная власть [17], имеют место попытки объединения нескольких племен под властью одного «князя». Возникают характерные междоусобные смуты между князьями, стремившимися к распространению своей власти на соседние печенежские племена. Характерным примером такой усобицы является борьба рода Тираха и рода Кегена, описанная византийскими источниками [18].

---

[6] ПСРЛ, II, стр. 62; IX, стр. 38.

[7] ПСРЛ, IX, стр. 57.

[8] ПСРЛ, IX, стр. 64.

[9] ПСРЛ, IX, стр. 68.

[10] На это и на целый ряд приведенных ниже свидетельств источников об общественном строе печенегов и половцев обратила внимание С. А. Плетнева.

[11] А. Куник. О торских печенегах и половцах по мадьярским источникам. ЗАН, 1855, т. III, вып. 5, стр. 733.

[12] «Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.». М., 1936, стр. 76; «Сокращенное сказание о делах Алексея Комнина (1081—1118). Труд Анны Комниной». СПб., 1859, стр. 334.

[13] Интересно отметить, что такая же родо-племенная схема сохранилась у современных каракалпаков (Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. «Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции. 1945—1948». М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 481). А. М. Щербак называет широкораспространенной точку зрения о тесной этнической связи печенегов и каракалпаков (см. П. П. Иванов. Очерки истории каракалпаков. «Сборник материалов по истории каракалпаков». М.—Л., 1935, стр. 10; А. М. Щербак. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи. МИА, 1959, № 75, стр. 372).

[14] Constantin Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, p. 78.

[15] Очевидно, именно народные собрания имел в виду Бруно, упоминая о «совете» у печенегов. Анна Комнина писала о сходках, которые устраивают печенеги для решения дел.

[16] С таким определением общественного строя печенегов согласна С. А. Плетнева (С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 1958, № 62, стр. 193).

[17] Константин Багрянородный сообщает о выборной власти у печенегов (Constantin Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, p. 78). Абу-л-Фида (XIV в.) сохранил свидетельство о более позднем этапе общественного строя. Он писал о наследственной власти у печенегов. «Géographie d'Aboulféda», II, Trad. par M. Reinaud. Paris, 1848, p. 293.

[18] В. Г. Васильевский. Труды, I. СПб., 1908.

Отсутствие развитого рабства, использование рабов только в качестве домашних слуг говорит об архаичности социальных отношений. Однако очень важное сообщение ал-Бакри о «равноправных» пленниках, которых печенеги, видимо, превращают в своего рода вассалов, свидетельствует, быть может, о зарождении феодальных отношений. Ал-Бакри писал, что печенеги предоставляют военнопленным «на выбор, желают ли они остаться у них на условиях полной равноправности и даже вступления в брак у них, если того пожелают, или быть отправлены обратно в безопасное для них место»[19]. С. А. Плетнева[20] склонна видеть в этом сообщении намек на то, что печенеги превращали пленных в зависимых людей, своих вассалов, давая им на определенных условиях на выпас скот — так называемый «суан», обычай, бывший, по выражению С. П. Толстова, «зерном кочевого феодализма»[21].

Социальная имущественная дифференциация в кочевническом обществе прекрасно иллюстрируется археологическими источниками. Выделяются богатые погребения с золотыми вещами.

Распределение погребений с золотыми вещами по периодам дается в табл. 28.

Таблица 28

Период	Количество погребений с золотыми вещами	Доля погребений с золотыми вещами в % от общего числа погребений данного периода
I	11	17
II—III	14	18
IV	27	9

Распределение погребений с золотыми вещами по периодам и по разрядам мужских погребений дается в табл. 29.

Золотые вещи в I период найдены примерно в 17% погребений. Среди мужских погребений с золотом $^3/_8$ приходятся на разряд *Ма*, т. е. на погребения тяжело вооруженных всадников. Среди погребений разряда *Ма* в 25% могил есть золотые вещи.

Еще большее имущественное расслоение кочевого общества наблюдается в половецкие периоды (II и III). Погребения с золотом состав-

Таблица 29

Разряд погребений	Периоды					
	I		II—III		IV	
	количество	% от всего числа погребений данного разряда	количество	% от всего числа погребений данного разряда	количество	% от всего числа погребений данного разряда
Ма	3	25	8	35	6	13
Мб	5	21	—	—	2	2
Мв	—	—	—	—	2	6

[19] А. Куник и В. Розен. Известия Ал-Бакри и других авторов о Руси и славянах, ч. I. СПб., 1878, стр. 60.

[20] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 193.

[21] С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. ИГАИМК, 1934, т. 103, стр. 188.

ляют также около 18%. Но при этом среди мужских погребений с золотом все погребения приходятся на разряд *Ма*. Среди погребений этого разряда 35% содержат золотые вещи. Золотые вещи почти не выходят из круга знати, составлявшей прослойку тяжело вооруженных всадников, контрастирующих с рядовыми легко вооруженными лучниками.

Существенные изменения в распределении богатых погребений с золотыми вещами наблюдаются в IV период. Почти вдвое сокращается доля могил с золотыми вещами среди всех погребений этого периода (9%). Следовательно, происходит еще бóльшая концентрация богатств в руках немногих. В среде тяжело вооруженных всадников (составивших погребения разряда *Ма*) концентрация имущества также усиливается (среди могил тяжело вооруженных всадников — разряд *Ма* — погребения с золотыми вещами составляют только 13%). Прослойка легко вооруженных всадников, обедневшая еще во II—III периоды, в IV периоде представлена также только бедными погребениями, почти без золотых вещей (2% от всего количества погребений этого разряда IV периода). Но среди погребений разряда *Мв*, где в I—III периоды отсутствовали погребения с золотом, в IV период появляется 6% могил с золотыми предметами.

С учетом возможных случайных отклонений мы все же, подсчитывая погребения с золотом в различных разрядах и в разные периоды, можем выявить закономерность развития социальной дифференциации. Вначале (I период) было сравнительно много богатых захоронений и среди могил тяжело вооруженных, и среди могил легко вооруженных всадников. Прослойка кочевников, которых хоронили без оружия, не оставила могил с золотом. Во II—III периоды сохраняется та же относительная бедность прослойки кочевников, похороненных без оружия, заметно беднеет слой легко вооруженных всадников, а в среде тяжело вооруженных всадников прослойка богатых остается примерно такой же. В IV период сохраняется сравнительная бедность слоя легко вооруженных всадников, в среде тяжело вооруженных всадников происходит значительная концентрация имущества в руках, видимо, узкой группы аристократии, а среди кочевников, похороненных без оружия, появляется некоторое количество зажиточных людей.

В источниках XII в. содержатся данные о наличии у половцев рабов, челяди или какой-либо другой категории социально приниженных людей. В Ипатьевской летописи мы находим сообщение (под 1193 г.): «Ополонишася Ростислав и чернии клобуце... (после похода на половцев в 1193 г. — *Г. Ф.-Д.*) челядью и колодник много изимаша, княжичевых и добрыи мужи имаша и колодники и кони и скота и челяди и всякого полона и не бе числа»[22]. С. А. Плетнева видит в этом сообщении указание на то, что у половцев были «добрые мужи» — привилегированная прослойка, с одной стороны, и челядь — с другой[23]. Под 1103 г. в Ипатьевской летописи говорится о разгроме половцев Владимиром Мономахом: «Взяша бо тогда скоты и овце и кони и вельблуды и веже с добытком и с челядью»[24]. О рабах имеется указание в «Сказании о пленном половчанине».: половец «повеле рабам своим нарядится и стадо коней отлучити»[25].

---

[22] ПСРЛ, II, стр. 677—678.

[23] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 194. Следует отметить, что это сообщение оставляет возможность толковать слово «челядь» просто как пленных половцев.

[24] ПСРЛ, II, стр. 255.

[25] «Памятники старинной русской литературы», т. I. СПб., 1860, стр. 73—74.

Челядь [26], домашние рабы входили в основную ячейку кочевого общества — большую патриархальную семью. Эта семья иногда именуется родом: «Иде в дом свой и созва весь род свой и племя и други и суседи своя» [27]. Термин «чадь», который в ряде случаев русским летописцем упомянут в связи с половцами, возможно, и означает именно такую большую семью [28].

О пережитках группового брака у половцев, в частности об обычае левирата, повествует отрывок из летописи: «Поимают мачехи своя ятровь (жена брата мужа или жены. — *Г. Ф.-Д.*) и ины обычая отец своих творят» [29].

Главы семей — свободные половцы — именуются русскими летописцами «лучшими мужьями», «господичами» [30].

Следующую ступень занимали «князья» и «лепшие князья». С. А. Плетнева сделала попытку сопоставить социальные термины в «Codex Cumanicus» [31] с терминологией летописи для половецкого общества домонгольской поры (бек — барон — «лучшие мужья», султан — царь и хан — император — «князья» и «лепшие князья»). Однако эта попытка С. А. Плетневой [32] не может считаться удачной, так как «Codex Cumanicus» составлен на языковом материале золотоордынского города конца XIII в. и отражает (в использованном С. А. Плетневой разделе его итальянской части) социальный строй Золотой Орды, а не домонгольской кочевой степи.

В летописи встречаются «князья» и «лепшие князья» половцев, при этом, видимо, в весьма расширенном толковании: это и ханы, и, очевидно, беки. Так, например, трактует З. М. Шарапова перечисление множества «лепших князей» у половцев: «И миров есмь сотворил с половечьскими князи без единого 20 и пустил есм половечскых князь лепших без оков толико Шаруканя 2 брата, Богубарсовы 3, Овчины братье 4, а всех лепших князей инех 100» [33].

В «Сказании о пленном половчанине» содержится свидетельство о съездах «князей» половецких [34].

В этом же источнике мы можем найти свидетельство о значительной индивидуализации хозяйства некоторых аристократических семей, обособленности его от рода и племени. Так, ни род, ни племя не присылают выкуп за пленного богатого половчанина. Имущество его на длительное время пленения сохраняется обособленным от родового достояния.

Союзы племен не охватывали ни разу в истории домонгольской половецкой степи все половецкое население. Могущественные ханы Боняк и Тугоркан имели власть главным образом над западными половецкими землями. Хан Шарукан распоряжался в донецких степях. Наиболее последовательно объединительную политику проводил хан Кончак — потомок Шарукана «Старого». Возможно, ему удалось создать сравнительно сильное объединение части половцев в рамках кочевого госу-

---

[26] ПСРЛ, II, стр. 255.

[27] «Памятники старинной русской литературы», т. I, стр. 73.

[28] ПСРЛ, II, стр. 548; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 195. В подтверждение этому тезису С. А. Плетнева приводит толкование термина «чадь» И. И. Срезневским и В. И. Далем.

[29] ПСРЛ, I, стр. 71.

[30] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 195.

[31] «Codex Cumanicus».., pp. 104—105.

[32] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 195.

[33] ПСРЛ, I, стр. 194. См. З. М. Шарапова. Социально-экономический и политический строй у половцев. «Уч. зап. МОПИ», 1953, т. 28, вып. 2, стр. 126.

[34] «Памятники истории Киевского государства...», стр. 73.

дарства и передать власть над этим объединением в руки своего сына Юрия. Но государство Кончака не имело ни управленческого аппарата, ни налоговой системы и было при всей своей значительности лишь зародышем государства.

Наряду с существованием в некоторые периоды XII и начала XIII в. полугосударственных объединений половцев современники отмечают эпохи, в которые отсутствуют какие-либо заметные, крупные половецкие союзы под сильной ханской властью. Так, например, Петахья пишет, что «куманы не имеют общих владетелей, а только князей и благородные фамилии» [35]. С. А. Плетнева трактует эти термины («князья» и «благородные фамилии») как предводители орд и беки родов или семей [36].

Сообщение летописи о том, как реагировали половцы в 1103 г. на известие о нашествии Мономаха после Долобского съезда, позволяет предположить, что в этот период дела в половецком обществе определялись аристократическим советом, съездом родовой и племенной верхушки, подобным аристократическим советам печенегов: «Половци же, слышавше, яко идет Русь, собрашася бещисла, и начаша думати. И рече Урусоба: просим мира у Руси, яко крепко имуть битися с нами, мы бо много зла створихом Русской земли. И реша унейшии Урусобе: аще ты боишися Руси, но мы ся не боим». Урусоба и его противники на этом совете названы дальше летописцем «князьями половецкими» [37].

Характерной чертой раннефеодальных государственных объединений у кочевников является обычай, согласно которому ханская власть с одобрения племенной аристократии передается не сыну, а племяннику или брату.

Если мы обратимся к печенежскому общественному устройству, то найдем там примерно такой обычай наследования власти.

«После смерти князей власть получают их двоюродные братья, потому что у них издревле имеет силу такой закон и обычай — не передавать достоинство сыновьям или братьям, чтобы князья довольствовались властью при жизни, а избирать детей их дядей или двоюродных братьев, чтобы власть не навсегда оставалась в одном роде, но почести передать и боковым линиям, из чужого же рода никто [в это] не входит и не делается князем» [38].

В условиях перехода от военной демократии к классовому строю и раннефеодальному государству отдельные роды захватывают власть и удерживают ее. Однако сила родовых традиций заставляет рассматривать государственную власть именно как родовое достояние и не позволяет закрепиться на престоле отдельной семье или династии внутри этого рода [39].

---

[35] П. В. Марголин. Три еврейских путешественника XI—XII вв. СПб., 1881.

[36] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 195.

[37] ПСРЛ, I, стр. 178—179. Интересно предположение В. Пархоменко о том, что этот летописный рассказ записан со слов половецкой песни о событиях 1103 г. См. В. Пархоменко. Следы половецкого эпоса в летописях. «Проблемы источниковедения», 1940, № 3, стр. 392.

[38] Constantin Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, p. 76.

[39] М. И. Артамонов в «Очерках древнейшей истории хазар» (Л., 1936, стр. 72) писал: «Объединенные в единое политическое целое посредством завоевания такие образования скреплялись очень непрочной связью (М. И. Артамонов имеет в виду многоплеменные варварские образования, в том числе и тюрок.— *Г.Ф. -Д.*), внешним выражением которой было единство правящей династии. Члены ее не только возглавляли наиболее крупные подразделения такого многоплеменного объединения, но и рассматривали его в целом как свое фамильное или родовое достояние. Именно этим фамильным или родовым коллективизмом и следует объяснить тот факт, что в Турецкой (Западно-Тюркский каганат.— *Г. Ф.-Д.*) державе господствовал тот же порядок престолонасле-

В половецкой степи власть была раздроблена между несколькими родами. В конце XI—XIII в. выделяются аристократические роды Тугоркана, убитого в 1096 г.[40], и Боняка[41] — предводителей днепровских половцев. К роду Боняка относились князья Таз, брат Боняка (убит в 1107 г.)[42], и Севенч, сын Боняка (убит в 1151 г.)[43]. Среди донецких половцев выделился род Шарукана Старого (упоминается в летописях с 1068 по 1107 г.). К этому роду принадлежали его сыновья Отрок, бежавший в Грузию от Мономаха[44], и Сарьчан[45], брат Шарукана — Сугр (под 1107 г.)[46], сыновья Отрока Кончак (упоминается с 1172 по 1203 г. как глава донецких половцев) и Елтут[47] и, наконец, сын Кончака Юрий, участник битвы на Калке, упоминаемый с 1205 по 1223 г.

Но кроме этих представителей правящих половецких родов перед нами в конце XI — начале XIII в. проходит целая вереница «князей» и «лепших князей» половецких со своими дружинами и челядью. Это зарождавшийся класс степных феодалов. Назовем некоторых из них, чьи имена упоминаются в летописи:

Болуш (Булуш) упоминается под 1054 г.[48], Искал—под 1061 г.[49], Итлар—под 1095 г.[50], Китян—убит в 1095 г.[51], Куря—под 1096 г.[52], Сакзь— в связи с событиями 1086 г., в «Поучении Мономаха»[53], Овчин—там же[54], Азгулуй Таревьский князь — там же[55], Балкатгин — там же[56], Тугоркан — убит в 1096 г.[57], Саук и Белкатгин — в связи с событиями 1078 г., в «Поучении Мономаха»[58], Асадук — там же[59], Урусоба (Русоба) — под 1103 г.[60], Ченегрепа — под 1103 г.[61], Алтунопа (Олтунопа) — под 1099 и 1103 гг.[62], Асуп (Аисупа) — под 1103 г.[63], Сурьбарь —

дия, какой известен в Киевском государстве Рюриковичей». Интересно отметить, что Абу-л-Фида сообщает о прямой передаче власти у печенегов от отца к сыну. Сведения Абу-л-Фида основаны на более ранних сообщениях ибн Са'ида, писавшем, видимо, о поздних группах печенегов XI в., где возможно, действительно появилось прямое наследование власти князьков внутри отдельных племен. У печенегов с развитием классов и феодальных отношений принцип наследования власти племянником или братом отмирает.

[40] ПСРЛ, II, стр. 222.

[41] ПСРЛ, II, стр. 646. В разговоре Кончака и Гзы, переданном в Ипатьевской летописи, Боняк назван «великий князь наш», что, быть может, свидетельствует о притязаниях днепровского хана Боняка на власть во всей степи.

[42] ПСРЛ, I, стр. 282; IX, стр. 140.

[43] ПСРЛ, II, стр. 432.

[44] ПСРЛ, II, стр. 716. Отрок, возможно, русская переделка имени Артук, как считали Д. А. Рассовский и В. Гордлевский (см. Д. А. Рассовский. Происхождение половцев. SK, VIII. Praha, 1936, стр. 296; В. Гордлевский. Что такое «босый волк». ИАН СССР, отд. литературы и языка, 1947, т. IV, вып. 4, стр. 322).

[45] ПСРЛ, II, стр. 716.

[46] ПСРЛ, I, стр. 282.

[47] ПСРЛ, II, стр. 623.

[48] ПСРЛ, I, стр. 162; II, стр. 152; IX, стр. 91.

[49] ПСРЛ, I, стр. 163; IX, стр. 92.

[50] ПСРЛ, I, стр. 227; II, стр. 217; IX, стр. 123—124.

[51] Там же.

[52] ПСРЛ, II, стр. 221.

[53] ПСРЛ, I, стр. 249.

[54] ПСРЛ, I, стр. 250.

[55] Там же.

[56] ПСРЛ, I, стр. 248.

[57] ПСРЛ, I, стр. 226, 231—232; IX, стр. 125—126.

[58] ПСРЛ, I, стр. 248.

[59] Там же.

[60] ПСРЛ, I, стр. 279; II, стр. 253, 255; IX, стр. 139.

[61] Там же.

[62] ПСРЛ, I, стр. 271—279; II, стр. 254—255; IX, стр. 135, 139.

[63] ПСРЛ, I, стр. 279; II, стр. 255; IX, стр. 139.

под 1103 г.[64], Белдюз (Вельдуз) — под 1103 г.[65], Куртык — под 1103 г.[66], Китанопа — по 1103 г.[67], Кчий (Кочий) — под 1103 г.[68], Арсланапа (Ярославопа)—под 1103 г.[69], Куман (Кунам) под—1103 г.[70], Гиргень (Янев) — под 1107 г.[71], Аепа, сын Гиргеня (Акаепид) — под 1107 г.[72], Таш — под 1127 г.[73], Амурат — под 1132 г.[74], Емгазя — под 1146 г.[75], Саимьчюга—умер в 1147 г.[76], Турбей—под 1150 г.[77], Темир—под 1152 и 1155 гг.[78], Дулеп — под 1152 г.[79], Бердаша — под 1152 г.[80], Чемгура — под 1155 г.[81], Бердебек — под 1155 г.[82], Сантуз — убит в 1160 г.[83], Айдар—под 1168 г.[84], Тотур—под 1180 г.[85], Бякоб—под 1180 г.[86], Кунячюк — под 1180 г.[87], Чюгай — под 1180 г.[88], Козл Сотанович—под 1180 г.[89], Обовл Костукович—под 1183 г.[90], Емяк —под 1184 г.[91], Ексн—под 1185 г.[92], Тарг—под 1185 г.[93], Тарсук—под 1185 г.[94], Толгый (Товлый) — под 1169, 1185 г.[95], Турундай (тесть Кобяка) — под 1185 г.[96], Башкърт — под 1159 и 1185 гг.[97], Глеб Тирьевич — под 1185 г.[98], Бокмиш — под 1183 г.[99], Тетий — под 1185 г.[100], Коряз Калотанович — под 1183 г.[101], Барак — под 1185 г.[102], Даниил — под 1183 и 1185 гг.[103], Алак — под 1185 г.[104], Ярополк Томзакович — под 1190 г.[105], Колдечи (сын Урусобы) — под 1190 г.[106], Кобан (сын Урусо-

---

[64] ПСРЛ, I, стр. 279; II, стр. 255; IX, стр. 139.
[65] Там же.
[66] Там же.
[67] Там же.
[68] Там же.
[69] Там же.
[70] Там же.
[71] ПСРЛ, I, стр. 283; II, стр. 259.
[72] ПСРЛ, I, стр. 279, 282—283; II, стр. 259; IX, стр. 141.
[73] ПСРЛ, I, стр. 296.
[74] ПСРЛ, IX, стр. 158.
[75] ПСРЛ, IX, стр. 170.
[76] ПСРЛ, IX, стр. 173.
[77] ПСРЛ, IX, стр. 183.
[78] ПСРЛ, IX, стр. 195.
[79] Там же.
[80] Там же.
[81] ПСРЛ, IX, стр. 200.
[82] Там же.
[83] ПСРЛ, II, стр. 505.
[84] ПСРЛ, IX, стр. 236.
[85] ПСРЛ, II, стр. 623.
[86] Там же.
[87] Там же.
[88] Там же.
[89] ПСРЛ, II, стр. 623.
[90] ПСРЛ, II, стр. 633.
[91] ПСРЛ, I, стр. 389; X, стр. 9.
[92] ПСРЛ, I, стр. 395; X, стр. 11.
[93] ПСРЛ, I, стр. 395; II, стр. 632; X, стр. 11.
[94] Там же.
[95] Там же. ПСРЛ, I, стр. 361.
[96] ПСРЛ, I, стр. 396; X, стр. 11.
[97] ПСРЛ, I, стр. 395; II, стр. 501; IX, стр. 213; X, стр. 11.
[98] ПСРЛ, I, стр. 395; X, стр. 11.
[99] ПСРЛ, II, стр. 632.
[100] ПСРЛ, I, стр. 396; X, стр. 11.
[101] ПСРЛ, II, стр. 632.
[102] ПСРЛ, I, стр. 395; II, стр. 632; X, стр. 11.
[103] ПСРЛ, I, стр. 395; II, стр. 632; X, стр. 11.
[104] ПСРЛ, I, стр. 396; X, стр. 11.
[105] ПСРЛ, II, стр. 671.
[106] Там же.

бы) — под 1190 г.[107], Самогур — под 1202 г.[108], Котян (Котяк) Сутоевич — под 1202 и 1223 гг.[109], Бастий — под 1171 и 1223 г.[110], Кокусь — в «Поучении Мономаха»[111].

О некоторых половецких князьях можно сказать, к какой группировке половцев они принадлежали.

Объединение донецких половцев

Летописи упоминают следующих князей:

Бурчевичи: Аклан — в «Поучении Мономаха»[112], Беглюк (Белук) и Гза Билюкович (Коза Бурнович) — под 1169, 1185 и 1193 гг.[113], Осолук (Оселук, Селук, Селелук) — под 1127, 1183, 1185, 1193 гг.[114].

Кулобичи: Съдвак — под 1183 г.[115].

Объединение днепровских (?) половцев

Багубарс (Бегъбарс)[116] и Асинь (Осень) — брат Багубарса — в «Поучении Мономаха»[117], Аепа (сын Асеня) — 1107 г. и в «Поучении Мономаха»[118], Кобяк Карлыевич — под 1170, 1183, 1186 гг.[119], Даниил (сын Кобяка) — под 1123 г.[120].

Объединение «лукоморских» половцев

Бегбарс Акочаевич (сын Акума) — под 1090[121], Акуш — под 1190, 1193 г.[122], Итылый — под 1193 г.[123].

Известно несколько имен черноклобуцких князей: Тудор Сатмазович—упоминается под 1159 и 1163 гг.[124], Каракоз Мнюзович—под 1159 г.[125], Карас — под 1159 г[126], Чекъман—под 1169 г.[127], Тошман—под 1169 г.[128], Моначюк Чагрович — под 1169 г.[129], Кулдюр — под 1190 гг.[130], Кунтовдей — под 1183, 1190 и 1192 гг.[131], Чюрнай — под 1190 г.[132].

Тенденции к полному объединению половцев под единой ханской властью прослеживаются только в конце XII — начале XIII в. и связаны с деятельностью хана донских и донецких половцев Кончака, кото-

---

[107] ПСРЛ, II, стр. 671.
[108] ПСРЛ, II, стр. 717.
[109] ПСРЛ, II, стр. 544, 741; I, стр. 505; X, стр. 89—90.
[110] ПСРЛ, II, стр. 741; X, стр. 90.
[111] ПСРЛ, I, стр. 250.
[112] Там же.
[113] ПСРЛ, II, стр. 641, 675, 632, 532.
[114] ПСРЛ, I, стр. 296, 395; II, стр. 291, 675, 632; IX, стр. 154; X, стр. 11.
[115] ПСРЛ, II, стр. 632.
[116] ПСРЛ, I, стр. 249.
[117] ПСРЛ, I, стр. 249.
[118] ПСРЛ, I, стр. 250, 282—283; IX, стр. 141.
[119] ПСРЛ, I, стр. 395; II, стр. 632.
[120] ПСРЛ, X, стр. 89 (возможно, это тот же Даниил, который упомянут под 1183 и 1185 гг.).
[121] ПСРЛ, II, стр. 671.
[122] ПСРЛ, II, стр. 675.
[123] Там же.
[124] ПСРЛ, II, стр. 501.
[125] Там же.
[126] Там же.
[127] ПСРЛ, II, стр. 536.
[128] Там же.
[129] Там же.
[130] ПСРЛ, II, стр. 629.
[131] ПСРЛ, II, стр. 629, 668, 674.
[132] ПСРЛ, II, стр. 669; П. В. Голубовский. Ук. соч., стр. 150—154.

рый в 1185 г. заявил о своих притязаниях и на днепровское объединение половцев [133]. Однако деятельность Кончака не увенчалась успехом. Монгольское нашествие застало половецкую степь неспособной к объединенному отпору завоевателям. Половецкие орды, раздробленные и ослабленные усобицами, стали жертвой монгольских завоевателей.

На протяжении XI—XII вв. в истории печенегов, торков и половцев наблюдаются случаи откочевки групп кочевников на территорию оседлого государства. В пределах этого государства такие отколовшиеся группы кочевников превращались в вассальные отряды, выполнявшие обычно функции сторожевых войск. На службе у византийского императора были отряды печенегов. Группа половцев ушла в Грузию, где превратилась в вассала грузинского царя.

Большая группа печенегов и торков, разбитых половцами, обосновалась в Киевской Руси, вблизи таких городов, как Киев, Чернигов и т. п., и в XII в. получила наименование «черных клобуков». В отличие от современных им половцев, у черных клобуков место хана в политическом строе занимает русский князь, получивший в удел Поросье. Это вело к окончательному включению поросских черных клобуков в систему феодального государства Киевской Руси и чрезвычайно ускоряло у них процессы феодализации.

Известно о существовании у черных клобуков «чади»—видимо, большой патриархальной семьи [134]. В этом можно усматривать сходство с половецким общественным строем. У черных клобуков была родовая аристократия, которую летописцы называют «лепшие мужи»: «...сдумавше лепьшии мужи в Черных Клобуцех и приехаша к Ростиславу к Рюриковичю и почаша ему молвити: поеди княже с нами на вежи половецкыя» [135]. Аристократия в данном случае решает вопросы войны—возможно, это аристократические советы. Отдельные племена черных клобуков имели своих ханов, вассалов русского князя. Летописи называют их князьями. Между этими князьями вспыхивали феодальные войны [136]. Подобно половцам, черные клобуки, несмотря на далеко зашедший процесс имущественной дифференциации и классообразования, сохранили черты родо-племенного деления. Летопись знает до 1140-х годов в Поросье три племенные группы: торков, берендеев и печенегов. После объединения этих племен в союз черных клобуков деления по племенам не исчезают. Каждое племя сохранило свое имя и некоторую самостоятельность, часто выступая как особая войсковая единица [137].

Таким образом, история кочевников Восточной Европы в XII в. представляет собой историю классообразования и перехода от военной демократии к зачаткам государственного строя. Некоторые общие закономерности были свойственны в одинаковой мере процессу развития и печенегов, и половцев. Отдельные стадии, пройденные печенежским обществом, повторены затем половцами Восточной Европы. Наиболее характерным явлением было то, что все новое, связанное с классовым государственным строем, покрыто вуалью общинно-родовых и племенных отношений, а все ступени политического и социального подчинения строятся по ступеням общинно-родовых делений (семья—род—племя—союз племен).

---

[133] В борьбе против Руси Кончаку удалось объединить ряд половецких племен: бурчевичей, токсобичей, елобичей, етебичей, терьтробичей. Подобные объединения возникали спорадически и раньше, например во время похода Боняка и Шаруканя в 1107 г. (ПСРЛ, I, стр. 281—282), но быстро распадались.

[134] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 196.

[135] ПСРЛ, II, стр. 676. Аналогичное сообщение см. там же, стр. 670, 673.

[136] Например, борьба Кунтовдея и Чюрнаева. ПСРЛ, II, стр. 669.

[137] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы.., стр. 218.

МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

В начале XIII в. над Восточной Европой нависла угроза монгольского нашествия. Анализ событий этого драматического периода показывает, что половцы, хотя и занимали в ряде случаев двойственную позицию перед лицом монгольских завоевателей, все же видели в них своих врагов и боролись с ними. Монгольское завоевание несло половцам не только огромные бедствия, но и разрушение общественной системы, которая сложилась к этому времени, изменение традиционного распределения пастбищ между родами и племенами, низвержение племенной аристократии, место которой заняли бы в случае победы сами монгольские феодалы.

Особенно характерно поведение монголов и половцев во время похода Джебе и Субедея в 1222—1223 гг., окончившегося битвой на Калке. Ибн ал-Асир и Рашид ад-Дин передают нам такие подробности этих событий: «Когда они (монголы.—*Г. Ф.-Д.*) пришли в область алан, а жители тамошние были многочисленны, то они [аланы], сообща с кыпчаками, сразились с войском монголов; никто из них не остался победителем. Тогда монголы дали знать кыпчакам: «Мы и вы — один народ и из одного племени, аланы же нам чужие; мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга, и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, [только] предоставьте их [алан] нам». Они прислали много добра; кыпчаки ушли обратно, а монголы одержали победу над аланами, совершив все, что было в их силах по части убийства и грабежей. Кыпчаки, полагаясь на мирный договор, спокойно разошлись по своим областям. Монголы внезапно нагрянули на них, убивая всякого, кого находили, и отбирая вдвое больше того, что перед тем дали. Некоторые из кыпчаков, оставшиеся в живых, убежали в страну русских, а монголы зимовали в этой области, сплошь покрытой лугами» [138].

Рассказ, сохранившийся у ибн ал-Асира и Рашид ад-Дина о предательстве татар, о нарушении ими договора с кыпчаками весьма интересен. «Мы и вы — один народ», — таков дипломатический козырь монголов. И им удается расколоть кочевников-половцев и оседлых алан и разбить их порознь. Такие же шаги попытались предпринять монголы и перед битвой на Калке с тем, чтобы расколоть силы русских и половцев. Но между русскими и половцами монголы не сумели вбить клин. В битве 1223 г. русские войска выступили вместе с половецкими ханами Котяком, Бастией и др. И хотя половцы, не выдержав натиска татар, бежали (что было одной из причин поражения русских), их поведение перед битвой и просьба о помощи у русских князей достаточно убедительно показывают, что половцы панически боялись монголов. Монголы для половцев— жестокий враг, более опасный и непримиримый, чем оседлые народности Северного Кавказа и Руси, хотя последние имеют совершенно другой быт и хозяйственный уклад. Только видимость близости интересов кочевников-половцев и кочевников-монголов могли использовать монгольские дипломаты. Половцы бегут от монгольских завоевателей, спасаясь и находя убежище на службе у феодальных сеньоров оседлых стран [139]. Глубокие противоречия общественного порядка

[138] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 32—33; Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, ч. 2. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 229.

[139] Некоторые половецкие князья в русских землях сохраняли свои имена очень долго. Например, князья Половцы-Рожиновские. В акте XIV в. приводится традиция, согласно которой эти князья происходят от Тугоркана, а их держания были в Поросье. Явно выступает тенденция смешивать половецкую династию на службе у Литвы в XIII—XIV вв. с вассальной от Киева аристократией поросских черных клобуков.

разделяют эти два массива кочевников. С одной стороны — далеко зашедшая форма феодализации под прикрытием родо-племенного уклада у половцев, с элементами оседлости и с развивавшимся комплексным скотоводческо-земледельческим хозяйством. С другой стороны, у монголов — военно-диктаторское государство Чингиз-хана с исключительно скотоводческим укладом, с кочевническо-рабовладельческими тенденциями, с формами кочевого феодализма, совмещенными с жесточайшей военной дисциплиной в войске. Столкновение половецкого и монгольского общественного строя, двух форм феодализма и государственности кочевого населения, могло привести в случае победы монголов к ломке всей общественной структуры половцев, сохранявшей внешние формы общинно-родовой структуры. Родам и племенам половцев грозило уничтожение как социальным организмам. Вместе с тем мы знаем, что на службе у киевского князя или другого оседлого сюзерена, в рамках сильной оседлой державы кочевники долго сохраняли свои племенные и родовые членения (например, черные клобуки XII в.).

Этот вопрос весьма важен и следует рассмотреть его ретроспективно на примерах, которые дает история поздних кочевников Восточной Европы X—XIII вв. В эту эпоху происходили столкновения примитивных в общественном развитии кочевников с кочевниками, более подвинутыми на пути феодализации и классообразования.

В X в. кочевники-печенеги с архаическими формами общественного строя, находившиеся на уровне военной демократии, оказываются врагами более развитых скотоводческих народов, таких, как гузы Приаралья и хазары Поволжья. И у хазар, и у гузов кочевое скотоводство совмещается с оседлым сельским хозяйством, с элементами оседлости и зародышами городов, с государственной властью, с зарождавшимися ремеслами и торговлей. Несмотря на этническую близость гузов Приаралья и печенегов, они оказываются во враждебных лагерях. Гузы идут на союз с Хазарией, чтобы отразить печенегов и оттеснить их из степей Приаралья. Хазары оказываются неспособными противостоять печенегам, сильным в своем варварстве. Но в XI в. социальный строй у печенегов меняется. Военная демократия сменяется зачатками государственной власти и кочевого феодализма, усобицей отдельных князьков, претендовавших на верховную власть. Теперь сами печенеги становятся жертвой более примитивных и более сильных кочевников — кочевой части гузских племен (торков), совершивших в середине XI в. марш на запад через степи Восточной Европы. И хотя торки были такими же кочевниками и даже этнически весьма близкими печенегам, ужас печенегов перед ними от этого не становился меньше[140]. Для них союзником и защитником оказывается Византия, и только внутренняя слабость империи не позволила ей обуздать анархизм бежавших на Дунай печенегов и превратить их в служилые отряды наподобие черных клобуков Поросья[141].

Та же картина повторяется и в конце XI в., когда печенеги и торки становятся жертвами половецкого нашествия. Половцы видят в торках

[140] Характерный случай произошел в момент нашествия сельджуков. Византийский император послал против турок-сельджуков в Малую Азию и Армению отряд в 15 тыс. печенегов. Но печенеги при приближении гузов пришли в ужас и после веча решили отступить и вернуться назад. Византийские источники описывают бегство печенегов и их паническую переправу через Босфор (см. В. Г. Васильевский. Ук. соч.).

[141] История пребывания печенегов на Дунае и в пределах Византии очень сложна; она проходила в обстановке междоусобной борьбы отдельных групп аристократии и грабежей местного населения, службы время от времени императору, участия в дворцовых интригах в Константинополе и т. п. (см. подробно В. Г. Васильевский. Ук. соч.).

и печенегах своих вассалов, и часто их походы на Русь мотивируются тем обстоятельством, что русские князья покровительствуют торкам и печенегам. «Возмем торкы их», — так говорят половцы перед набегом на Переяславскую землю в 1125 г. Образуется союз племен, вассальных от Киева, — черные клобуки. Только под эгидой Киева печенеги и торки (и, добавим, берендеи) сохраняются как племенные массивы.

События 1220-х, а затем 1230-х годов, когда монголы громят половцев, принципиально отличаются от описанных выше. Завоеватели с Востока — монголы — в отличие и от печенегов X в., торков середины XI в. и половцев конца XI в., имеют единое феодальное государство. Их феодальная кочевая система, стянутая цепями жестокой военной дисциплины, не обнаруживает еще никаких признаков центробежных тенденций.

Монголы оказывались сильнее половцев своей дисциплиной, единством власти, отсутствием в момент завоевания розни в среде кочевой аристократии. Чингиз-хан и его эпоха преодолели рознь отдельных племен и родов путем жестокой внутренней борьбы и устремили все хищнические аппетиты монгольской кочевой знати на завоевание новых пастбищ и земель. Чингиз-хан осуществил в Монголии то, что не сумел, да и не смог бы сделать Кончак в половецкой степи в конце XII в.

Монгольское нашествие застает половецкую степь раздираемой внутренней борьбой, соперничеством отдельных князей и предводителей племен [142]. Ярко описывает состояние половецкой степи в начале XIII в. Ан-Нувайри: «Случилось [однажды], что человек из племени Дурут, по имени Мангуш, сын Котяна, вышел охотиться; встретил его человек из племени Токсоба, по имени Аккубуль [?] — а между обоими [племенами] было старинное соперничество — и взял его в плен да убил его. Не доходила весть о Мангуше до отца и людей его и послали они человека по имени Джамгир разведать его. Этот вернулся и сообщил им известие об умерщвлении его. Тогда отец его [Мангуша] собрал людей своих и племя свое и пошел на Аккубуля. Когда до последнего дошло известие о походе их на него, то он собрал людей своего племени и приготовился в сражению с ними [Дурутами]. Они встретились и сразились; победа осталась за племенем Дурут. Аккубуль [сам] был ранен, а рать его разбрелась. Тогда он отправил брата своего Ансара к Джучи-хану, сыну Чингизову, которого Угедей, сидевший в то время на престоле Чингизхановом, отрядил в северные страны. Он [брат Аккубуля] пожаловался ему [Джучи] на то, что приключилось народу его со стороны кыпчакского племени Дурут, и сообщил ему, что если он [Джучи] пойдет на них, то не встретит [там], кроме их [дурутов], ни одного противника. Тогда он [Джучи] двинулся на них с своим войском, пошел на них и большую часть избил и захватил в плен. В это-то время купили их купцы и повезли их в разные города и земли» [143].

Очевидно, упоминание Джучи вместе с Угедеем — это ошибка, анахронизм. Речь идет не о действиях Джучи, а о походе монголов (в том числе войск Бату), организованном в 1230-х годах. Смута в среде половцев относится, очевидно, ко времени между походами монголов 1222 — 1223 гг. и 1230-х годов. Этому предположению соответствует рассказ, приведенный тем же автором перед изложением ссоры племен дурут и токсоба. Ан-Нувайри пишет о том, что после ухода «западных татар» в 616 г. х. (1219—1220 — хронологическая ошибка: имеются в ви-

[142] Абу-л-Фида сообщает, что у команов было много правителей, но татары сокрушили их мощь («Géographie d'Aboulféda», II, p. 294). О борьбе половецких ханов Витофа и Уреха накануне татарского нашествия писали венгерские миссионеры XIII в.

[143] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 541. Этот рассказ повторен Ибн-Халдуном (там же, стр. 542).

ду, должно быть, татары Джебе и Субедея, прорвавшиеся в половецкие земли в 619 г. х.) племена тюркские (т. е. половцы) «опять утвердились в северных землях»[144].

Перед нами картина междоусобицы внутри половецкого общества. Монголы имеют перед собой слабого и разъединенного противника. Им не только, видимо, удается в некоторых случаях оторвать половцев от их союзников по борьбе с татарским нашествием — аланов и русских, используя иллюзию общности интересов кочевников, но и расчленить самих половцев, используя их внутреннюю рознь и соперничество.

Первое нашествие монголов на Дешт-и-Кыпчак не вызвало большого экономического упадка в степи. Ибн ал-Асир свидетельствует о том, что торговля и экономика степи скоро восстановилась[145]. Новое монгольское нашествие имело более тяжелые последствия. Оно было произведено по указу Угедея вскоре после курилтая, избравшего его в 626 г. х. (1228 — 1229) великим кааном. Угедей послал отряд в 30 тыс. монголов во главе с Кутаем и Субедей-бахадуром в сторону «Саксина, кыпчаков и булгар», т. е. на западную часть Дешт-и-Кыпчака[146]. Однако этот набег не привел к длительному порабощению половецкой степи. Он вызвал частичную откочевку половцев в пределы оседлых стран[147].

Планомерное завоевание Дешт-и-Кыпчака, приведшее к образованию в половецкой степи ядра Золотой Орды, началось в 633 г. х. (1235—1236 гг.). Джувайни и Рашид ад-Дин сообщают, что завоевание западных стран было поручено «из детей Тулуй-хана» старшему сыну Мангухану, его брату Бучеку, из уруга (рода) Угедея старшему сыну Гуюку и его брату Кадену, из детей Чагатая — Бури и Бадару, кроме того, брату каана Угедея Кулькану и сыновьям Джучи: Бату, Орде, Шибану и Тангуту, из «почтенных эмиров» Субедей-бахадуру и еще нескольким эмирам. Отметим, что Субедей-бахадур стал в среде монгольских военачальников настоящим «специалистом» по западным походам: без него не обходилась ни одна военная акция монголов против западных народностей. После военных действий против волжских болгар и башкиров часть войск монголов развернула операции по захвату половецких территорий. «Менгу-каан с левого крыла шел облавой по берегу моря [Каспийского], Бачмана, одного из бесстыднейших эмиров тамошних, из народа кыпчаков, из племени ольбурлик, и Качир-укулэ, из племени асов, обоих забрали [в плен]. Дело то происходило так: этот Бачман с группой других воров спасся от меча; к нему присоединилось скопище других беглецов. Он бросался во все стороны и что-нибудь да уносил; бесчинство его увеличивалось со дня на день. Постоянного местопребывания он не имел, и потому войско монгольское не могло его схватить; он скрылся в лесах на берегу Итиля. Менгу-каан приказал изготовить 200 судов и на каждое из них посадить по 100 человек монголов в полном вооружении. Он же [сам] с братом своим Бучеком шли облавой по обоим берегам реки. В одном из итильских лесов они нашли свежий навоз и прочее [оставшееся] от спешно откочевавшего лагеря, а среди этого застали больную старуху. От нее узнали, что Бачман перебрался на один остров и что все, попавшее за это время в руки его, вследствие злодеяний и бесчинства [его], находится на том острове. За отсутствием су-

---

[144] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 541.

[145] Там же, стр. 27—28.

[146] Там же, стр. 21, 34.

[147] К 1229 г. относится сообщение Лаврентьевской летописи: «Саксини и половци взбегоша из низу к болгарам, и сторожеве болгарьскыи прибегоша бьенн от татар близь рекы еиже имя Яик» (ПСРЛ, I, стр. 453). Это свидетельство, между прочим, показывает, что районами действий войск Кутая и Субедея были степи Поволжья и Приуралья.

дна, нельзя было переправиться через Итиль. Вдруг поднялся сильный ветер, вода забушевала и ушла в другую сторону с того места, где переправлялись на остров. Благодаря счастью Менгу-каана, земля стала видна, [и] он приказал, чтобы войска прошли [по ней]. Они схватили его [Бачмана], истребили его сообщников, кого мечом, кого в реке, и взяли там много имущества. Бачман просил, чтобы Менгу-каан собственною благословенною рукою порешил дело [жизни] его; он [Менгу-каан] приказал брату своему Бучеку разрубить Бачмана на две части. Качир-укулэ, [одного] из эмиров ассов, также убили»[148].

Несмотря на фантастические детали, рассказ об усмирении Бачмана отражает реальный эпизод борьбы половцев против монгольского завоевания. Племя ольбурлик, вероятно, не выдуманное, а реально существовавшее. Этот этноним известен в другом, не зависимом от Джувайни и Рашид ад-Дина, источнике (ан-Нувайри)[149].

Рассказ о Бачмане не единственное свидетельство об ожесточенном сопротивлении половцев монгольским завоевателям. Венгерские источники сообщают о борьбе Котяка в Нижнем Поволжье с монголами.

Следующее сообщение о столкновении монголов с половцами относится в 635 г. х. (1237 — 1238 гг.). После военных действий в русских землях Бату отправился в поход на кыпчаков. Менгу уступил Бату поле деятельности в Дешт-и-Кыпчаке, уйдя в Предкавказье. «Берке отправился в поход на кыпчаков и взял [в плен] Арджумака, Куранбаса и Капарана, военачальников Беркути (кыпчакского хана. — *Г. Ф.-Д.*)»[150]. После этого был организован новый поход войск Бату и царевичей Кадана, Бури и Бучека на русские земли. Во время этого похода были покорены народности, которые Рашид ад-Дин называет «народ черных шапок» (в 637 г. х. — 1239—1240 гг.). Это, видимо, черные клобуки Киевщины[151]. После их покорения войска Бату осадили Манкеркан (Киев?)[152].

Германский император Фридрих писал королю Англии о нападении татар на команов, а затем на Русь и Венгрию. Слух о разгроме кыпчаков дошел до западноевропейских стран[153].

Затем монгольские отряды двинулись в Центральную Европу. Где-то в Центральной Европе (точно неизвестно место этих событий) в 639 г. х. монгольские войска Сонгкура, сына Джучи, и одного из монгольских военачальников Кутана подверглись нападению кыпчаков, бежавших до этого в Венгрию под защиту короля. Кыпчаки были в «большом числе». Однако монголы, дав сражение, разбили их[154].

---

[148] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II, стр. 24, 35—36. Этот текст Рашид ад-Дина представляет собой заимствование у Джувайни рассказа о Бачмане (В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II, стр. 24). Кроме того, этот рассказ попал в более поздние китайские источники, однако в редакции, не зависящей от редакции Рашид ад-Дина, видимо из списков произведений Джувайни. (Иакинф. История первых четырех ханов из дома Чингизова. СПб., 1829, стр. 272, 303—304). В китайских хрониках рассказ почти дословно совпадает с изложением Джувайни. У Джувайни нет асского предводиля Качир-укуле, действовавшего совместно с Бачманом (по редакции Рашид ад-Дина). Эта поздняя вставка Рашид ад-Дина в более ранний текст вызывает сомнения в том, что ассы действительно участвовали в этих событиях на острове посреди Итиля.

[149] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 540—541, в варианте «бурлы».

[150] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II, стр. 37.

[151] Там же, стр. 37; Н. И. Березин. Нашествие Батыя на Рязань. ЖМНП, 1855, май, стр. 105.

[152] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II, стр. 37.

[153] E. Hurmozaki, N. Deusuşianu. Documente privitóre la Istoria Românibor, v. I. Bucuresti, 1887, p. 202.

[154] Об уходе части кыпчаков вместе с ханом Котяном в Венгрию в 1241 г. сообщают венгерские источники. Характерно, что монголы стремятся вбить клин между вен-

В 640 г. х. (1242—1243 гг.) монгольские отряды, получив известие о смерти Угедея, устремились на восток. Войска были обессилены в жестоких схватках с Русью. Героическое сопротивление русского народа обескровило монгольские полчища и облегчило борьбу с ними польских, венгерских и других войск. Сопротивление половцев, их борьба с монголами, несмотря на случаи колебания и предательств, совершённых половецкими князьями по отношению к своим союзникам в первый период монгольских набегов, также способствовали ослаблению силы удара монголов по странам Центральной Европы, хотя вклад половцев в дело борьбы против завоевания был несравнимо меньшим, чем вклад русских или волжских болгар. У последних борьба носила характер упорной длительной обороны населенных пунктов, у кочевников-половцев она сводилась к отдельным набегам и стычкам с отрядами монгольских царевичей.

Источники сохранили нам свидетельства об уходе групп половцев со своих старых пастбищ в другие районы, главным образом в пределы оседлых стран, под защиту более сильных правителей, уцелевших от монгольских погромов. Так же, как набеги 1222 — 1223 гг. и события 1229 г., татарские завоевания 1236—1242 гг. вызвали отход части половцев из степи. Ан-Нувайри со слов других авторов передает следующий рассказ: «Когда татары решились напасть на земли кыпчаков в 639 г. х. (1241—1242 гг.—*Г. Ф.-Д.*) и до них [кыпчаков] дошло это [известие], то они вошли в переписку с Унус-ханом, государем Валашским, насчет того, что они переправятся к нему через море Судакское с тем, чтобы он укрыл их от татар. Он дал им на это согласие [свое] и отвел им [для жительства] долину между двумя горами. Переправлялись они к нему в 640 г. х. (1242 — 1243 гг. — *Г. Ф.-Д.*). Но когда они спокойно расположились в этом месте, то он нарушил свое обязательство в отношении к ним, сделал на них набег и избил да забрал в плен многих из них» [155]. И хотя этот рассказ изложен поздним автором, вполне возможно, что он передает факт бегства группы половцев от монголов в Валашские земли.

Часть половцев ушла в Закавказье. Еще в 639 г. х. (1241—1242 гг.) часть монгольских войск из Центральной Европы двинулась на восток и дошла до Дербента и Железных ворот (Тимур-кахалка). «Осенью они

герским королем и половцами, используя тот факт, что половцы — кочевники, а следовательно, союз их с оседлыми народностями якобы невозможен. Бату послал через суздальского князя венгерскому королю письмо с угрозами и выражением недовольства, в котором писал: «Узнал я сверх того, что рабов моих куманов ты держишь под своим покровительством, почему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, так как они, кочуя без домов в шатрах, могут быть и в состоянии убежать, ты же, живя в домах, имеешь земли и города, как же тебе избежать руки моей» (С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе. ИА, 1940, III, стр. 88—89). Отголоски аналогичных угроз монгольских послов 1223 г. в адрес Руси сохранила Никоновская летопись (ПСРЛ, X, стр. 90). Никоновская летопись прямо называет причиной русско-монгольского столкновения нежелание русских князей выдать половцев монголам. Как правильно отметил еще Н. И. Березин, здесь мы имеем дело с дипломатическими хитростями монгольских послов, желавших расколоть русско-половецкую коалицию накануне битвы на Калке (Н. И. Березин. Первое нашествие монголов на Россию. ЖМНП, 1853, сентябрь, стр. 247).

Уход половцев в Венгрию и соседние земли был облегчен тем, что здесь еще в домонгольское время проживало некоторое количество откочевавших на запад половцев, составивших так называемую команскую епископию. Монгольские войска Бурчека в 1241 г. прошли эту епископию, направляясь в район города Брашева (Rogerius. Carmen Miserablile. Izvarela istorier Romanibor. Pub. de g. Pope-Zisslanu. Bucuresti, 1935, p. 33). На территории Северной Венгрии и Румынии половцы оставили след в топонимии (см. V. Donat. Pescárii le vechi all Olteniei. Arhive le Olteniei, XII, p. 163).

[155] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 542.

вторично отправились назад, прошли через пределы Тимур-кахалки и тамошние горы и, дав войско Илавдуру, отправили его в поход. Он двинулся и захватил кыпчаков, которые, бежав, ушли в эту сторону»[156].

После того как в 640 г. х. (1242—1243 гг.) Бату обосновывается на нижней Волге, создание государства Золотой Орды можно считать завершенным. Половцы входят в состав этого государства как один из покоренных народов. Имя половцев-кыпчаков фигурирует в списках завоеванных монголами народов наряду с аланами и черкесами, болгарами, русскими и др.

Последствия монгольского завоевания были для Восточной Европы весьма тяжелы. Монголы стремились превратить завоеванные земли в пастбища для своих стад. «Монголы при опустошении России действовали сообразно с их способом производства, пастбищным скотоводством, для которого большие необитаемые пространства являются главным условием»[157], — писал К. Маркс.

Известно, какие разрушения и какой ущерб производительным силам нанесли монгольские войны в оседлых странах: Средней Азии, Руси, Волжской Болгарии, Закавказье, Иране и т. п. Конечно, для кочевой степи этот ущерб был значительно меньшим. Для оседлых земледельческих народностей монгольское нашествие грозило уничтожением всей экономики, для кочевников-половцев оно несло закабаление, уменьшение поголовья скота, разрушение родо-племенных отношений и членений, но не грозило подрывом самих устоев производства. Именно это и обусловило двойственность в ряде случаев поведения половецких ханов, которых монголам удавалось спровоцировать иллюзорной общностью интересов кочевников.

Мы стремились показать, почему эта общность интересов кочевников (монголов и половцев) была иллюзорной, а призыв монголов «мы и вы одного рода» — провокационным, дипломатическим. Мы стремились показать, почему половцы в монголах видели большего своего врага, чем в старых своих соперниках и соседях: оседлых феодалах и князьях. Монгольское нашествие грозило родо-племенной структуре половецкого общества уничтожением, оно смешало бы роды и племена половцев, в то время как на службе у киевского князя кочевники сохраняли эту структуру. Кроме того, оно нарушило бы комплекс кочевого скотоводческого и зачаточного оседлого пастушеско-земледельческого хозяйств, который сложился в XII в. в ряде мест половецкой степи. Завоевание оборвало бы нити торговых путей, которые проходили через половецкие земли. Кочевники-монголы грозили уничтожением именно этому комплексному хозяйству с зачатками оседлости, сельского хозяйства и торговли, которое сложилось в степи перед их приходом.

Другое дело, что позднее, в XIV в., этот комплекс восстановился как своеобразное сочетание новых торгово-ремесленных золотоордынских городов и их степной периферии. Но в первой половине XIII в. монгольское нашествие несло с собой уничтожение всех видов земледелия и оседлости в степи, превращение степей в «большие необитаемые пространства».

Именно о нарушении этой комплексности хозяйства половцев, об уничтожении земледелия, о прекращении торговли через кыпчакские земли и пишут современники, стремясь передать последствия монгольских войн для степей Восточной Европы.

Особенно красноречиво писал об этом ибн ал-Асир: «Пересекся было путь [сообщения] с нею [Дешт-и-Кыпчак], с тех пор как вторглись та-

[156] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II, стр. 38.
[157] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 724.

тары в нее, и не получилось у них [кыпчаков] ничего по части буртасских мехов, белок, бобров и всего другого, что привозилось из этой страны». И, чтобы подчеркнуть отрицательную роль монголов, автор замечает далее: «Когда же они [татары] покинули ее и вернулись в свою землю, то путь восстановился и товары опять стали провозиться как было прежде»[158].

Одним из тяжелейших последствий монгольского завоевания для половцев, так же как и для оседлых народностей, был вывоз рабов, переселение их и продажа в другие страны. Конечно, половецкие рабы не представляли для монгольских ханов такого ценного человеческого материала, как русские, среднеазиатские, крымские или закавказские ремесленники, которых монгольские аристократы сажали в своих ставках и городах. Половецкие рабы находили сбыт в мусульманских странах, где их использовали как гулямов. О торговле половецкими рабами сохранились сведения у восточных авторов. Некоторые представители мамлюкских правителей Египта были кыпчаками по происхождению: предки их были проданы из Дешт-и-Кыпчака в XIII в. как гулямы в Египет купцам-работорговцам[159].

Часть половецкого населения была насильственно перемещена в Центральную Азию. Известны факты увода половецкой аристократии в ставки монгольских ханов, расположенные в их коренных землях[160]. И, наконец, большой вред производительным силам Дешт-и-Кыпчака принесло бегство больших групп половцев в другие земли.

НАЧАЛО УЛУСНОЙ СИСТЕМЫ В СТЕПЯХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

В эпоху монгольского завоевания те общественные системы, которые существовали на Руси, в Волжской Болгарии, Хорезме, Крыму, в мордовских землях и в ряде других оседлых областей, испытав сильное потрясение в момент нашествия и потеряв огромную массу производительных сил, все же выстояли, выжили, сохранились в основных своих чертах. Власть монголов свелась к сбору дани. Если исключить прямые военные грабительские походы, то власть и управление монголов над оседлыми народностями оказались опосредованными местной феодальной верхушкой.

Иначе обстояло дело в основных — степных, кочевнических — районах этого государства, заселенных половцами. Здесь аристократия была или уничтожена, или продана в рабство, или уведена в коренные земли монголов. После событий середины XIII в. в источниках мы нигде не встречаем упоминаний о половецких ханах, которые владели бы кочевым населением на правах феодальных держателей и получали бы инвеституру из рук монгольских правителей. Это произошло, как нам кажется, по двум тесно взаимосвязанным причинам.

[158] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 28.

[159] «Взятые в плен из этих народов были отвезены в земли Сирийские и Египетские. От них — мамлюки»,— писал ал-'Айни (В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 503). Ср. утверждение ал-'Айни о том, что Бейбарс и Калаун из кыпчакского племени бурджоглы (там же, т. I, стр. 503). Об обращении половцев в рабство см. у Карпини: «Этих команов перебили татары. Некоторые даже убежали от их лица, а другие обращены ими в рабство..» («Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., Географгиз, 1957, стр. 72).

[160] Известно, что после событий 626—627 гг. х. один из монгольских предводителей получил задание от Менгу и Тулуя отправить в орды этих ханов кыпчакских аристократов — «знаменитых кыпчаков» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, ч. 1, стр. 96).

Во-первых, половецкая степь оказалась не периферией, а центром Золотой Орды, где монгольские ханы хозяйничали сами, не допуская местной аристократии к управлению.

Во-вторых, кочевое население представляло первоначально для монголов наиболее естественный объект приложения их хищнических устремлений, интересов, наиболее удобный объект угнетения и эксплуатации. Оседлые земли они грабили, превращали в выжженные пустыни, уводили оттуда народ. Тех, кто оставался, обкладывали тяжелой данью. Но в управление хозяйственной жизнью этих народов монголы не вмешивались. Непосредственным эксплуататором оседлых народов остались местные феодалы. Монголы в XIII в. были далеки от оседлого феодального земледельческого и городского укладов и видели в населении деревень и городов лишь объект грабежа или плательщика дани. Города, сельскохозяйственные районы, расположенные не только в периферийных районах, но и в окружении кочевой степи, ускользают первоначально из поля зрения монгольской кочевой аристократии. Остаются степи и кочевое население степей. К ним могли быть применены те социальные формы феодальной эксплуатации, которые созрели в монгольском кочевом обществе к концу XII в.

Оторванность монгольской аристократии от управления оседлым населением, земледельческим и городским, сказалась в том факте, что сбор налогов производился откупщиками, а налоги шли в Каракорум. Местная же монгольская кочевая аристократия довольствовалась обычно только частью поступлений с тех оазисов, городов и оседлых районов, которые находились на территориях их кочевий. В мирное время кочевая аристократия отошла от управления этим населением, продолжая его периодически грабить. Систематическая эксплуатация перешла в руки общемонгольских имперских властей.

Вопрос об организации власти и эксплуатации покоренных земель вызвал в среде Чингизидов острую борьбу. Наметились две линии. Одна группа Чингизидов стремилась сохранить чисто кочевнический образ жизни и относилась к покоренным оседлым землям только как к объекту периодических грабительских походов. Другая группа монгольской аристократии, во главе которой стал каан Мунке, считала необходимым ограничить произвол завоевателей, дать возможность крестьянам и жителям городов накопить какое-то имущество, восстановить хозяйство, с тем чтобы они и стали предметом постоянного систематического налогового обложения. Другими словами, представители второго направления монгольской аристократии понимали, что нужно взять линию на временные льготы крестьянству, охранение их от грабительского произвола, непосредственное управление городами и земледельческими областями. Это не было милостью крестьянам и ремесленникам. Монгольская аристократия действовала в своих интересах, так как понимала, что налаживание систематической мирной жизни — это единственный путь для создания в покоренных странах экономической базы, которую можно было бы им постоянно использовать.

Обстоятельства сложились таким образом, что кочевнические аристократические круги монголов в западных завоеванных ими землях (Золотая Орда, Иран, Средняя Азия) вначале выступали как сторонники первого направления. Лишь впоследствии, во второй половине XIII в., монгольская аристократия Джучидского, например, улуса повернулась лицом к оседлым землям и городам. Центр империи — Каракорум — со времени Мунке через своих откупщиков, баскаков и даругов проводил вторую линию.

Таким образом, в первый период истории Золотой Орды, до конца

XIII в., эксплуатация оседлых земель, исключая, конечно, прямые грабительские экспедиции монголов, проводилась западной кочевой аристократией не непосредственно, а через имперских откупщиков и чиновников.

Объектом непосредственного хозяйствования и эксплуатации джучидской аристократии были степи и степное население.

Именно половцев-куманов называют монголы своими рабами в обращении к русским князьям и к венгерскому королю. Нежелание выдать монголам половцев и было одним из поводов (не причиной, конечно) для войны Чингизидов с оседлыми государствами.

Какие отношения сложились между монголами и покоренными ими кочевыми народами?

Археологические материалы, разобранные в предыдущих главах, позволили проследить ряд значительных перемещений половецких и других кочевых племен, населявших южнорусские степи. Эти перемещения — увеличение численности кочевого населения Поволжья и Молдавии, переселение черных клобуков, исчезновение кочевнического населения в низовьях Дона и т. п. — хронологически относятся к монгольскому завоеванию и естественно связывать их с этим грандиозным событием.

Для объяснения этих перемещений мы должны обратиться к социальной истории кочевой степи XIII в. и социальной организации самих монголов накануне походов.

XII — XIII вв. были временем сложения феодальной системы общественных отношений в самой Монголии. Б. Я. Владимирцов, а вслед за ним и ряд других ученых считали, что распадается древний куренной способ кочевий — форма патриархальной кочевой общины, и на первое место выдвигается аил—форма хозяйствования индивидуальной кочевой семьи. На основе выделения аильных кочевых хозяйств образуется прослойка знати, в зависимость от которой попадают целые роды и группы родов. Роды, зависимые от какого-либо другого рода или семьи, составляют так называемый унаган-богол этой семьи. В результате войн и грабежей предводители наиболее удачливых и богатых родов и семей монгольской аристократии становятся повелителями очень большого количества унаган-богола, т. е. родов, попавших в феодальную зависимость. Институт унаган-богол внутренне не однороден. В роде, который является унаган-боголом какого-либо другого рода или семьи, могли быть и бедные, и богатые члены. Зависимость и феодальные обязанности их были резко различны. Монгольский род, попавший в унаган-богол, должен был кочевать по новым маршрутам, навязанным ему его родом-властелином. Такова наиболее выразительная, общая для всех членов зависимого рода повинность, обозначавшаяся этим социальным термином. Служба владельческому роду состояла прежде всего в том, что унаган-богол должен был кочевать совместно со своим родом-завоевателем, образовывать по указанию этого последнего свои аилы и курени, позволяя тем самым хозяевам удобно использовать своих членов на различных работах по уходу за скотом и сбору скотоводческих продуктов. Так определяет Б. Я. Владимирцов сущность зависимости, выражаемой этим термином [161]. В древнемонгольском обществе, как замеча-

[161] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 64—65. Владимирцов отверг толкование термина как выражение рабской зависимости. Отметим, что известны термины «уталу-богол» — «простые рабы» (Б. Я. Владимирцов. Ук. соч., стр. 68—69) и «утэгу-богол» — «старые рабы», т. е. потомственные рабы. Главным аргументом против мнения о рабской форме зависимости, выраженной этими терминами, являются свидетельства о сохранении у племен и родов, попавших в «унаган-богол» в XII в., своей структуры и своей аристократии (см. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, ч. 2, стр. 15—16).

ет Б. Я. Владимирцов, сущность феодального владения землей состояла в том, что царевич или эмир-тысячник руководили кочеванием зависимых от них людей, распределяя тем самым по своему усмотрению пастбищные земли и указывая места стоянок в пределах выделенных земель.

Б. Я. Владимирцов ставил вопрос о том, что население, попавшее под власть кого-либо из членов рода Чингиз-хана, становится его унаган-боголом. Таким образом, унаган-богол распространяется как особая форма зависимости на все покоренное монголами население, в том числе и на народности Восточной Европы.

Но эта форма феодальной зависимости применима только к кочевникам. Для взаимоотношений монголов и оседлого населения форма унаган-богол неприменима по самому своему существу. Вот почему мы должны различать формы зависимости от монголов оседлого и кочевого населения. Именно зависимость кочевников от монголов была одним из вариантов унаган-богола. Можно сказать, что кочевое население южнорусских степей и прежде всего половцы стало унаган-боголом монгольских царевичей.

Наиболее яркий пример зависимости кочевников Восточной Европы от монголов, близкой к форме унаган-богол, дают черные клобуки. Археологический материал (как мы показали выше) говорит о том, что в XIII — XIV вв. черные клобуки Поросья частично откочевали в степи Поволжья.

Очевидно, превратившись из вассалов киевского князя в унаган-богол золотоордынских ханов и царевичей, черные клобуки изменили свои кочевья и стали кочевать там, где им было приказано их новыми хозяевами. Вполне естественно, что именно в Поволжье (где мы встречаем больше всего элементов собственно монгольской кочевой культуры и следов пребывания собственно монголов и где были политические центры Золотой Орды) откочевали по принуждению своих завоевателей роды и племена черных клобуков.

В этом примере перекочевок части номадов Восточной Европы под воздействием монгольского завоевания мы можем усмотреть специфический признак зависимости типа унаган-богол. Ими становятся не отдельные рабы или бедняки; это не захваченные в бою пленные, лишенные имущества и социального положения. Унаган-богол как социальный термин обозначает зависимость от рода-победителя всего коллектива номадов, сложившегося до завоевания (род, племя, большая семья и т. п.). Среди могил черноклобуцких типов в Поволжье IV периода (типов БI—БIII, БXII—БXIV) есть погребения разрядов *Ма*, *Мб*, *Мв*, т. е. погребения представителей и имущественных верхов, и низов кочевого коллектива. Если переселение черных клобуков было бы насильственным переселением пленных или угоном захваченных масс населения (как поступали монголы с населением оседлых земель), то среди черноклобуцких (или тех, которые мы можем сопоставить с таковыми) погребений на Волге были бы могилы лишь бедных и социально приниженных людей. Но это далеко не так. Более того. Мы не можем предположить уход в Поволжье только одной аристократической верхушки черноклобуцких номадов, отправившихся на новую службу к золотоордынскому хану, оторвавшихся от своих племен и превратившихся в тысячников, сотников или темников и т. п. В таком случае это были бы только богатые погребения, без бедных. Остается предположить откочевку родов и семей с их богатой, аристократической частью, с одной стороны, и бедной, социально приниженной — с другой.

Насильственная откочевка этой группы племен не вызывает сом-

ний, так как на протяжении предшествующих двух столетий не наблюдается какой-либо большой миграции черных клобуков из пределов южной Киевщины.

Вполне понятно, что конкретные повинности для различных слоев номадов, попавших в унаган-богол к монгольской кочевой аристократии, были различны.

Повинность знатной и богатой части номадов, попавших под власть монголов, выражалась, наверное, в военной службе. Но, к сожалению, относительно Дешт-и-Кыпчака по этому комплексу вопросов источники хранят молчание. Роль половецкой (главным образом кочевой) старой аристократии коренным образом отличается от роли аристократии и старых феодальных династий в оседлых землях: последние были организаторами сбора дани, правителями, хотя и вассальными. Мы знаем их имена. Упоминания о них встречаются в источниках. О половецких князьях, сохранивших под эгидой монголов свою власть над родами и племенами, мы не знаем ничего. Молчание источников говорит, видимо, о почти полном уничтожении этой власти и о замене ее властью монгольских ханов. Местная кочевая аристократия домонгольского периода в Золотой Орде не упоминается (ни местные феодалы, держатели кочевых владений, ни служилая прослойка при хане). За плотным рядом монгольских кочевых феодалов в Дешт-и-Кыпчаке старая кочевая знать не видна, она утрачивает свое значение.

Если в конце XI — начале XIII в. русские летописи знают десятки имен половецких князей (их списки мы приводили выше)[162], то со второй половины XIII в. и в XIV в. летописи не упоминают ни одного половецкого князя или хана.

В этой связи следует вспомнить, что в XIII—XIV вв. исчезает обычай половцев сооружать каменные изваяния. Мы отмечали, что именно более поздние типы («сидящие» статуи типа II) не имеют поздних схематизированных вариантов, в отличие от статуй более ранних, I типа. Это говорит о быстром исчезновении обычая ставить статуи половецкой знати, что вполне уместно связывать с монгольским вторжением, поскольку верхняя хронологическая граница обычая ставить статуи у половцев не выходит за пределы XIII в.

Объяснения этого факта, исходившие из предположения об общем упадке искусства и культуры в Восточной Европе после монгольского погрома, не убедительны. Дело здесь не в упадке ремесла или искусства у половцев, а в потере серьезного значения в социальной жизни кочевников самого оригинала этих скульптурных изображений — аристократической верхушки собственно половецких родов. Каменные «бабы», бывшие, видимо, атрибутом культа умерших предводителей племен и родов и изображавшие представителей родо-племенной аристократии, исчезают именно тогда, когда роль этой аристократии была сведена монголами на нет.

Первоначально унаган-богол — это зависимость одного рода от другого, причем зависимость такая, которая не исключает наличия аристократии в роде, составлявшем унаган-богол. Так было в среде монгольских племен XII в. Однако после сложения государства Чингиз-хана, которое создавалось в острой внутренней борьбе, роды попадают в унаган-богол к одному роду монголов — к Чингизидам, трансформируясь в новые образования, сопряженные с воинскими единицами (десятками, сотнями и т. д.). Уже в самой Монголии на рубеже XII—XIII вв. происходит ломка патриархальных родо-племенных членений и связан-

[162] См. стр. 224—226.

ная с ней потеря власти и авторитета старой аристократией подчиненных родов. С одной стороны, масса кочевников попадает в унаган-богол к какому-нибудь царевичу Чингизиду, уже не представляя собой рода или племени, а являясь обычно смесью различных родов; с другой стороны, выделяется прослойка кочевой аристократии, оторванной от своих сородичей, среди которых некогда она процветала, и превратившейся в вассалов и дружинников (нукеров) тех же царевичей Чингизидов. Понятно, что когда монголы (у которых процесс феодального развития зашел далеко в ломке старых родо-племенных отношений) появились среди номадов чужих степей, среди половцев, черных клобуков и других кочевников Восточной Европы, то этих кочевников монголы стали рассматривать как материал для построения улусной системы, создания «сотен», «тысяч» и «туменов», т. е. новых улусов, которые могли быть даны в феодальное владение монгольским царевичам и найонам. Военный путь создания монгольского государства, где процесс объединения кочевых родов прошел как военное завоевание, порабощение большинства родов одним домом Чингиз-хана, вызвал особенно бурный процесс ломки старых племенных и родовых отношений и смешение старых границ и членений. У половцев же те зачатки централизованного государства, которые наблюдаются в конце XII в., не привели к какой-либо радикальной ломке этих патриархальных отношений. Государственная власть у них развивалась по линиям родо-племенных отношений (семья — род — племя — союз племен во главе с ханом).

Столкновение этих двух общественных систем номадов, двух разновидностей раннего кочевого феодализма обусловило то, что в сложившейся во второй половине XIII в. улусной системе в Золотой Орде нашли выражение элементы и первой и второй. Основные контуры этой улусной системы были близки к собственно монгольской, но традиции половецкой общественной структуры в рамках родо-племенных пережитков обусловили большую консервативность некоторых элементов, в частности некоторых основных племенных и этнических границ в Дешт-и-Кыпчаке, сложившихся еще в XII в.

«Выделение уделов основывалось на том признании, что государство (ulus irgen) является достоянием всего рода того лица, которое создало державу и стало ханом. Так же, как род или его ответвление владеет определенной территорией, на которой совместно кочуют его члены urux'и и владеет людьми, которые являются его потомственными крепостными вассалами (unaġan boġol), совершенно так же род является владельцем народа-государства (ulus), проживающего на определенной территории (nuntux~nutuġ). Происходит, следовательно, перенесение понятий о родовой собственности на более широкую область, на область народа-государства. С этой точки зрения все племена и народы, вошедшие в состав монгольской империи Чингиз-хана, все делаются unaġan-boġol'ами, его или его рода... Власть рода Чингиз-хана над его улусом, т. е. народом-государством, выражается в том, что один из родичей altun urüg'a (urux'a) становится императором, ханом (xan, xaġan), повелевающим всей империей, избираемым на совете родовичей (xuriltai~xurultai); другие же члены рода... признаются царевичами (köbe'ün~köbegün), ...имеющими право на то, чтобы получить в наследственное пользование удел-улус» [163].

[163] Б. Я. Владимирцов. Ук. соч., стр. 98—99. Неправильно трактует «улус» Б. Шпулер как свиту из зависимых людей при хане или царевиче (B. Spuler. Die Mongolen in Iran. Berlin, 1955, SS. 399—400). Представление об улусе как о народе, населении, данном в удел, сохраняется в источниках до начала XIV в. Например, у Рашид ад-Дина: «Кому поручить улус найманов, который рассеян, разбросан и волнуется как море» (В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 136).

Так Б. Я. Владимирцов определяет сущность улусного строя, улусной системы в монгольских государствах, не разбирая частных особенностей и конкретных форм этой системы в отдельных государствах, где правили ветви Чингизидов.

В результате монгольского завоевания Юго-Восточная Европа почти целиком стала рассматриваться как улус Джучидов, как их унаган-богол. Однако мы видели, что в оседлых районах складываются особые условия подчинения монгольским завоевателям. Улусная система, так же как и форма зависимости унаган-богол, могла быть в действительности распространена только на кочевые степи.

Возникновение монгольского государства Чингиз-хана было связано с борьбой с сепаратистскими ханами, а затем с грандиозными завоевательными войнами. Мы отмечали, что поэтому формы зависимости типа унаган-богол носят на себе отпечаток военных обстоятельств сложения феодального монгольского государства. Те взаимоотношения зависимости вассальных кочевников от родов победителей, которые выражены в системе улусов, приходят в столкновение с патриархальным и родо-племенным делением. Попавшие в зависимость роды и племена дробятся, кочуют по новым местам, теряют связь с близкими родами или коллективами. Еще больший удар родо-племенным пережиткам нанесло построение взаимоотношений кочевых феодалов-сеньоров и их вассалов по принципу армейских подразделений на десятки, сотни, тысячи и тумены. Темники получили такое количество кочевых хозяйств, которые могли выставить 10 тыс. воинов, тысячники — 1000 и т. д.

Войско делилось на правое и левое крыло. В соответствии с этим улусы тоже были правого и левого крыла. Дешт-и-Кыпчак, так же как и собственно монгольское население, коренной юрт Чингиз-хана (после выделения племен Джучи и других сыновей), разделялся в соответствии со старой традицией кочевников Евразии на две части, два крыла.

История сложения улусной системы в Золотой Орде была такова.

Первоначально удел Джучи, т. е. тот народ, который был дан ему как улус, составил население, способное выставить 4 тыс. войска. Рашид ад-Дин пишет: «Удел старшего сына Джучи-хана. Четыре тысячи человек.

Тысяча Мунгкура. Он был из племени сайджиют и в эпоху Бату ведал левым крылом. В настоящее время из его потомков есть [эмир] по имени Черкес, из эмиров Токты; он ведает должностью отца.

Тысяча Кинкетай Кутан-нойона. Он был из племени кингит, и сын его по имени Хуран, который был у царевича Коничи, принадлежит к числу старших эмиров того улуса.

Тысяча Хушитая. Он был из эмиров племени хушин; он был из числа родичей Бурджи-нойона.

Тысяча Байку. Он был из племени хушин, он ведал бараункаром, то есть правым крылом.

Чингиз отдал этих четырех упомянутых эмиров с 4000 войска Джучи-хану; в настоящее время большая часть войска Токты и Баяна суть из рода этих 4000, а то, что прибавилось в это последнее время, [состоит] из войск русских, черкесов, кыпчаков, маджаров и прочих, которые присоединены к ним. В смутах между родственниками некоторые ушли туда» [164].

---

[164] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II, стр. 30, 33. В первом случае более расширенный пространный вариант того же рассказа. В описании племен у Рашид ад-Дина эти факты повторяются без каких-либо дополнений (Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, ч. 1, стр. 183, 177, 172). Вассаф приводит совершенно другие имена четырех личных тысяч Джучи: Керк, Азак, Азль, Алгуй (В. Г. Тизенгаузен. Ук.

Из последних фраз отрывка видно, что покоренные народы составили новые улусы монгольской аристократии и новые войсковые подразделения[165]. Учитывая оторванность монгольской аристократии от непосредственного управления оседлым населением, мы можем внести корректив, что из присоединенных народов главную роль играли степные кочевники, а среди последних, естественно, большая часть была кыпчаками.

Ко времени Бату относится деление улуса Джучи на две части. Левое крыло отходит к сыну Джучи — Орде, правое к другому сыну — Бату. Хан Орда со своими братьями Удуром, Тука-Тимуром, Шингкуром, Сингкумом (по Рашид ад-Дину) занял восточные и юго-восточные земли, отошедшие потомкам Джучи[166]. Улус его стал именоваться Синей Ордой (Кок-Орда), а улус Бату — Белой Ордой (Ак-Орда)[167].

соч., т II, стр. 84), но чтение этих последних имен, как замечают редакторы второго тома «Материалов» В. Г. Тизенгаузена, сомнительно. Кроме указанных четырех тысяч Джучи в XIII в. в Золотую Орду переселилось некоторое количество других монгольских племен: Мунгэту-киян (Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, ч. 2, стр. 46), кунгират (там же, т. I, ч. 1, стр. 162), хадаркины (там же, т. I, ч. 1, стр. 190). Видимо, за период, прошедший от Джучи до Токты, прибавилось некоторое количество населения.

[165] Поздний источник «Муизз» считает возможным к последней фразе приведенного отрывка из Рашид ад-Дина прибавить сообщение о том, что «большая часть войска в Дешт-и-Кыпчаке, Сарае и Хаджи-Тархане до Руси и черкесов происходит от этого народа; к войску его присоединилось еще много других эмиров, но в подробности имена их не известны» (В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II, стр. 34). Автор «Муизза» подчеркивает свое понимание этого отрывка из Рашид ад-Дина как сообщения о том, что монгольское войско обросло местными кочевыми соединениями, а следовательно, и кочевые держания монгольской аристократии в значительной части были из местных номадов. Венгерские монахи XIII в. сообщают, что у татар в войске есть куманы (Fejer. Codex diplomaticus Hungarae ecclesiasticae et civilis. IV. Budae, 1829, pp. 212—213).

[166] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II, стр. 41—42.

[167] М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, стр. 14. В исторической литературе закрепились названия улуса Орды — Ак-Орда, а улуса Берке — Кок-Орда. Эти наименования, принятые большинством авторов, писавших по Золотой Орде, основаны на следующих свидетельствах: сообщение «Анонима Искандера» (В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II, стр. 127, 129), Гаффари (там же, т. II, стр. 211), Хайдера Рази (там же, т. II, стр. 214). Последние два сообщения есть пересказ «Анонима Искандера» или не дошедшего до нас общего для Гаффари и «Анонима Искандера» источника. Таким образом, эта точка зрения основывается на одном только сообщении позднего источника и поэтому не может не вызвать подозрений. Ей противоречит следующее свидетельство Кутба в поэме «Хосров-и-Ширин»: Танибек, по-видимому, сын Узбека назван ханом Белой Орды («Мир-Али-Шир». Л., 1928, стр. 6—7). «Муизз» называет улус потомков Орды — Кок-Ордой (В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II, стр. 41). Абулгази на основании каких-то не дошедших источников писал, что ставка Джучи, расположенная к востоку от Волги, была в Синей Орде. Русские источники называют Синей Ордой восточную часть улуса Джучи. М. Г. Сафаргалиев считает, что восточная часть Джучидского улуса называлась Кок-Орда, западная — Ак-Орда. Мы присоединяемся к этому мнению М. Г. Сафаргалиева (М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 14), так как считаем указанные свидетельства, противоречащие «Анониму Искандера», более заслуживающими доверия, тем более что мы располагаем в этом случае несколькими независимыми указаниями, а «Аноним Искандера» вообще содержит массу явных ошибок. В русских летописях имеется термин «Золотая Орда», который в персидских источниках (у Вассафа и Рашид ад-Дина) встречается, но очень редко и, видимо, в значении центральной ставки каана. Термин «Золотая Орда», который, возможно, был заимствован из Китая, впоследствии стал применяться ко всему улусу Джучи. Характерно, что термин «орда» в XIII—XIV вв. в персидских источниках употреблялся в значении «ставка», а для обозначения страны, государства употреблялся в источниках на персидском языке только в XV—XVI вв. («Аноним Искандера», «Хосров-и-Ширин», «Муизз»). Другой термин — «Синяя» Орда,— применяемый летописцами, соответствует Кок-Орде по своему смыслу. А. Ю. Якубовский это признает, но он, следуя за «Анонимом Искандера», должен признать противоречие русского и персидского применения термина «Кок-Орда» — «Синяя Орда»; летопись относит его к той территории и тем ханам, которые, по «Анониму», относятся к Ак-Орде (Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 262). Это противоречие легко устраняется признанием ошибочности сведений «Анонима» и зависимых от него авторов.

О местоположении улуса Орды, сына Джучи, т. е. левого крыла, существуют следующие указания источников. Рашид ад-Дин сообщает, что юрт Орды в пределах Дженда и Узгена[168]. «Аноним Искандера» сообщает, что Эрзен, один из ханов левого крыла, построил различные здания в городах Отаре, Сауране, Дженде, Барчкенде[169]. Мавераннахр не входил в улус Орды. Это явствует из того, что в переговорах с Бораком и Хайду нет представителей левого крыла: от имени Джучидов ведут переговоры ханы правого крыла (брат Бату Беркечар и потомок Бату Менгу-Тимур)[170]. Мавераннахр они делят так, что часть его отходит именно к Менгу-Тимуру, а не к ханам левого крыла. То же следует сказать и о Хорезме, где делами управляют наместники ханов правого крыла (Кутлуг-Тимур от имени Узбека) и от имени этих ханов чеканится монета.

Есть еще одно свидетельство о местоположении улуса Орды у «Анонима Искандера». «Пределы Улуг-тага, Секиз-ягача и Каратала до пределов Туйсена, окрестностей Дженда и Барчкенда, утвердились за потомками Ногая»[171]. Кроме Дженда и Барчкенда, здесь остальные топонимические данные не локализуются, и сопоставление сомнительно читаемого слова «Туйсена» с Тюменью не может быть принято. Таким образом, это свидетельство ничего нового не дает. Карпини располагает владения хана Орды у небольшого моря[172]. По сведениям Карпини, владения Орды были по соседству или в земле кара-китаев в районе моря (очевидно, озера). Это море А. И. Малеин принял за Байкал, Е. Бретшнейдер и В. В. Бартольд — за оз. Ала-Куль, М. Г. Сафаргалиев — за Балхаш[173]. Все эти точки зрения, однако, по существу бездоказательны. У Карпини указанием на место пребывания хана Орды может служить то, что Орда живет в землях кара-китаев, где имеется город Омыл (Эмиль на оз. Кызыл-Баш). К. И. Петров локализует ставку хана Орды на этом основании у Эмиля[174]. Кроме того, из текста Карпини явствует, что орда хана Орды была недалеко от старой ставки Джучи, т. е. где-то в верховьях Иртыша. Таким образом, владения Орды в 1240-х годах доходили до Или-Иртышского междуречья. Этот район был при Хайду включен в его объединение, созданное на базе улуса Угедея, и отошел от джучидов[175].

Следует отметить, что попытки М. Г. Сафаргалиева прокомментировать совершенно лишенные конкретных данных сообщения Марко Поло также нельзя принять. Название вершины Таргабатая — Орда-тау (гора Орды) не является серьезным аргументом в пользу местопребывания здесь юрта Орды. Это название могло возникнуть и в другую эпоху, и по другому случаю, и от другого значения слова «орда».

Деление на правое и левое крыло оказалось очень устойчивым и прошло через всю историю Золотой Орды XIII—XIV вв. Будучи номинально вассалами потомков Бату, потомки Орды свели эту зависимость к минимуму, являя собой пример полузависимых государей, позволявших себе чеканку монеты от своего имени в Сыгнаке.

Известно, что земли по нижней Сыр-Дарье населяли издавна гуз-

---

[168] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II, стр. 42.
[169] Там же, стр. 129.
[170] Там же, стр. 77.
[171] Там же, стр. 127.
[172] «Путешествия...», стр. 73.
[173] В. В. Бартольд. Очерки истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 47; М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 39—40.
[174] К. И. Петров. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв. Фрунзе, 1961, стр. 89.
[175] Там же, стр. 5, 96.

ские племена. Видимо, границы между расселением кыпчаков и гузов легли в основу размежевания левого и правого крыла.

После смерти Джучи был выделен удел другому брату Бату — Шибану. «Юрт, в котором ты будешь жить... будет между [Бату] юртом и юртом старшего брата моего Орда-Ичена, летом ты живи на восточной стороне Яика и по рекам Иргиз, Савук, Орь, Илек до горы Урал, а во время зимы в Аракуме, Кара-Куме и побережьях реки Сыр в устьях Чу и Сарису»[176]. Таким образом, хотя об этом говорит поздний источник, юрт Шибана может быть помещен в Казахстане, между Уралом и Семиречьем.

Волжская группа памятников кочевников продолжается на востоке примерно до Урала. Казахстанские погребения кочевников довольно резко отличаются от восточноевропейских. Именно по этой этнической границе, видимо, пролегла граница между собственно улусом Бату и улусом Шибана.

Есть сведения Рубрука об улусе Берке. При жизни Бату этот улус располагался где-то в степях Северного Кавказа[177].

Берке и Шибан относились к улусу Бату и составляли правое крыло — Ак-Орду. В улус потомков Бату, которым подчинялись как входившие в Ак-Орду улусные царевичи и Шибан, и Берке (в отличие от Орды, хотя и вассала Бату, но пользовавшегося большей степенью независимости), входило три улуса — собственно Бату, Берке и Шибана, составлявшие правое крыло.

Таким образом, в состав правого крыла Золотой Орды вошла именно половецкая степь.

В левое крыло вошло гузское население. Основное наиболее глубокое политическое расчленение Джучидского улуса прошло по линии этнической. Разделенными оказались наиболее резко отличавшиеся и языком, и культурой, и уровнем социального развития группы покоренного населения степей — гузы и кыпчаки.

С другой стороны, различные группы кыпчаков оказались также в разных уделах, причем их этнографические особенности и старая, сложившаяся до монголов топография племенного расселения сыграли свою роль. Восточные, казахстанские кыпчаки оказались ядром улуса

---

[176] Aboul-Ghasi. Histoire des Mongols et des Tatares. Publ., trad., et ann. par le baron Desmaisous, t. I, SPb., 1817, p. 181. Карпини сообщает, что владения «Сибана» были к северу от владений Джагатая, т. е. к северу от Средней Азии, в Казахстане. М. Г. Сафаргалиев указывает, что более поздние предания знают о пребывании Шибана в Западной Сибири, на Иртыше (М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 41—42). А. Ю. Якубовский относит неправильно и без всяких оснований улус к левому крылу. В связи с этим существует в литературе неправильная тенденция рассматривать Волгу как рубеж между правым и левым крылом (П. П. Иванов. Очерки.., стр. 16). В источниках нет прямого указания, что Шибан со своим улусом входил в правое крыло. Но есть указание на то, что левое крыло составили Орда и четыре брата (Удур, Тука-Тимур, Шингкур и Сингкум). Отсутствие имени Шибана в списках царевичей левого крыла косвенно говорит о том, что Шибан вошел в правое крыло. Абу-л-Гази писал, что якобы Бату сказал, что улус Шибана лежит между юртом Орды и его, Батыя, юртом. Но нужно учесть, что в данном случае перед нами поздний источник. В поздних источниках термин «юрт» теряет смысл территории, на которой располагается улус, т. е. народ, государство, и приобретает характер указания на местоположение какого-либо рода или лица, иногда даже на место палатки в лагере, а затем и на саму палатку. Думается, что у Абу-л-Гази идет речь не о том, что имеется третий удел, равный Ак-Орде и Кок-Орде и расположенный между ними, а о том, что кочевья, ставка Шибана располагаются между кочевьями Орды и кочевьями собственно Бату. По «Анониму Искандера», Ибир — Сибирь — входила в состав правого крыла (В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II, стр. 127), а это, видимо, бывший улус Шибана.

[177] «Путешествия...», стр. 117.

Шибана, северокавказские — ядром улуса Берке. Но оба этих улуса вошли в правое крыло, так же как обе этих группы кочевников составляли одну этническую массу, одну народность — кыпчаков.

Другими словами, в XIII в., когда происходило политическое оформление Джучидского государства и основных его улусов, половцы восточнорусских степей и Казахстана, несмотря на племенные различия, оказались в одной политической системе улусов правого крыла. Другая же народность кочевой степи, отошедшей Джучи (гузы), оказалась в другой системе — системе улусов левого крыла. Но внутри этих систем можно проследить на примере улусов правого крыла, как различные половецкие группы племен с традиционными районами их обитания составили различные улусы.

Деление на правое и левое крыло в монгольском обществе и монгольской улусной системе было, видимо, многоступенчатым. Дети Джучи делились на ханов правого и левого крыла. Ряд косвенных соображений позволяет высказать предположение о том, что Ак-Орда (Белая Орда, улус дома Бату) в свою очередь при Токте и Ногае была разделена на правое и левое крыло, причем западное крыло было правым. Судя по отдельным и очень кратким свидетельствам, примерные границы между этими частями Ак-Орды проходили в районе Дона. Так, разграничение сфер влияния Ногая и Токты в конце XIII в. прошло по границам, которые пролегли где-то на Дону [178].

Очевидно, непосредственными кочевыми владениями золотоордынских ханов были степи в Поволжье. Пользуясь терминологией западноевропейского феодализма, мы можем сказать, что эти территории составили домен золотоордынского хана.

Чрезвычайно показательно сравнение данных относительно членения на улусы государства Джучи, извлеченных нами из источников, с локальными вариантами кочевнической культуры, установленными выше, которые отражают этническое размещение кочевников в степях.

Несмотря на перемещения племен в золотоордынский период, именно в эту эпоху выделяется наиболее четко ряд локальных вариантов кочевнической культуры: Поволжье и Заволжье, Северный Кавказ, Поднестровье; ряд особенностей характеризует состав погребений Северного Донца. Сохраняются типичные для черных клобуков характерные типы в Поросье.

Граница между улусом Бату и улусом Орды проходила, видимо, по этнической границе между гузами и половцами-кыпчаками. Граница между собственным улусом Бату и частью Ак-Орды — улусом его брата Шибана — соответствовала разграничению между западными половцами и восточными. Археологические памятники Казахстана слабо изучены, но все же можно сказать, что они достаточно резко отличались от памятников восточноевропейских степей рядом черт (возведе-

---

[178] О местоположении улуса Ногая имеются очень скудные сведения: «Прикинувшись больным, он (Ногай — *Г. Ф.-Д.*) выступил из земель русских, Орнача и Кехреба, которые сам завоевал и сделал своим юртом и местом пребывания, переправился через реку Узи (Днепр)» (В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II, стр. 69). Этноним Орнача является конъектурой В. Г. Тизенгаузена. В некоторых рукописях имеются этнонимы Валах, Тамах, Узнак (В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II, стр. 69, прим. 11). Следовательно, юрт Ногая был к западу от Днепра, видимо в современной Молдавии. Юрт Токты был где-то в Заволжье: «Токтай тотчас же ушел назад и, переправясь через Итиль, вернулся в свой родной юрт» (В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II, стр. 70—71). События 698 г. х. Рашид ад-Дин описывает так: Токай собрал войска и в 698 г. х. на берегу реки Узи произвел смотр приблизительно 30 туманам войска... Весною Токай отступил и устроил летовье на берегу Тана. Бой произошел на берегу Дона (Тан) (В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II, стр. 71).

ние каменных насыпей, каменных сооружений над курганом и т. п.). Этническая граница между западными и восточными половцами также определяется, видимо, по распространению различных типов половецких каменных изваяний. Известно, что западные половцы ставили в XII — XIII вв. женские и мужские, «сидящие» и «стоящие» статуи с руками, соединенными на животе и с сосудом в руках, с характерным набором реалий. Восточные (казахстанские) кыпчакские «бабы» имели, как правило, больший схематизм в передаче форм и иное расположение рук; женские статуи среди казахстанских изваяний очень редки. Промежуточным районом было Поволжье (область «Саксин»). В IV период Поволжье четко очерчивается как локальный вариант кочевнической культуры. Поволжье и Северо-Восточный Кавказ становятся зоной, где распространяются признаки, которые можно связать с пришедшими сюда монголами или сибирскими племенами, вовлеченными в их движение. На запад эти признаки почти не распространялись. Очевидно, этническая граница между западными и восточными половцами была пределом распространения на запад пришлых с востока племен (за исключением отдельных, прорвавшихся на запад групп). Ареал западнополовецких каменных изваяний показывает, что эта граница проходила еще в домонгольскую эпоху где-то между Доном и Волгой. Именно здесь и пролегает западная граница локальных признаков поволжских памятников. Эти основные, видимо, этнические членения половецкой степи оказались настолько прочными и устойчивыми, что деление улуса Джучи, а затем и улуса Бату (правого крыла) следовало им: Поволжье и Северо-Восточный Кавказ — улусы Бату и Берке (объединенные при Берке в единое держание — своего рода «инджу», кочевой домен), казахстанская территория половцев-кыпчаков — улус Шибана, район Приаралья, гузские степи — улус Орды (Кок-Орда), Поднестровье — улус Ногая.

Этот факт имеет большое значение. Выдвинутый нами тезис об устойчивости некоторых черт структуры половецкого и вообще кочевнического общества XII в., попавшего в XIII в. под власть монголов, получает конкретное подтверждение. Несмотря на то что монгольское завоевание подорвало родо-племенные отношения у номадов Дешт-и-Кыпчака, та структура общества, которая образовалась после завоевания, не могла не считаться с основными этническими племенными границами, существовавшими в половецкой и гузской степях и сложившимися еще в домонгольское время.

Изучая археологический материал, мы стремились показать две тенденции в истории кочевников XIII—XIV вв. С одной стороны, некоторое смешение отдельных групп населения, перемещение некоторых племен. С другой стороны, сложение основных локальных вариантов на территориях, которые обозначились еще в XII в.

Изучая письменные источники в части, относящейся к кочевникам Дешт-и-Кыпчака XIII в., мы не могли не заметить аналогичные тенденции.

С одной стороны, нарушение старых родо-племенных отношений, уничтожение влияния старой местной знати, смешение разных племен и родов в результате хозяйствования монголов.

С другой стороны, выделение устойчивых образований, в основе которых, видимо, лежали общности, исторически сложившиеся еще до завоевания, т. е. этнические общности.

Взаимоотношение этих двух тенденций и определило тот улусный строй, который оборвался после монгольского завоевания, т. е. реальную картину исторического развития номадов Золотой Орды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы показали, что пришедшее в степи Дешт-и-Кыпчака монгольское население было сравнительно незначительным. Археологически незначительная примесь монгольского этнического элемента обнаруживается лишь в Поволжье и Заволжье. Остальные степные территории сохранили старое кочевое население, сменившее только свою родо-племенную аристократию на новых хозяев — степных ханов Золотой Орды и их эмиров.

Но это старое население степей, вошедших в состав Золотой Орды, состоявшее главным образом из половецких, кимакских, гузских, а также остатков печенежско-торческих (черноклобуцких) племен, подверглось в течение золотоордынского периода своей истории существенным изменениям.

Монгольское завоевание уничтожило ту оболочку племенных делений, которая прикрывала развитие половецкого общества по пути феодализации, и поставило население Дешт-и-Кыпчака в рамки улусной системы как формы феодального развития в степи.

В связи с этим происходит резкое изменение культуры: исчезает существенный для этнографии половцев обычай — ставить каменные изваяния в честь предков. Мы не знаем точно, какое содержание вкладывали половцы в этот обряд почитания умерших предков, но можно думать, что в этом обряде нашло свое выражение не простое почитание умерших, а определенный культ, связанный с почитанием умерших представителей родо-племенной знати. Известно, что культ предков у народностей, стоявших на грани перехода к классовому обществу и создания государства, преобразуется в культ племенной аристократии, родо-племенной знати.

Уничтожение последней, сведение на нет, нарушение родовых и племенных традиций, смешение племен и родов, очевидно, вызвали и исчезновение культа, связанного с этой аристократией. Место половецких беков и ханов и их жен, которым ставились статуи, заняли монгольские ханы, нойоны и огланы.

Но, утратив такую важную этнографическую черту, как обряд ставить статуи покойным вождям и знати, половцы сохранили другие свои этнографические особенности. Прослеживается преемственность курганного обряда погребений кочевников эпохи Золотой Орды от домонгольских номадов. Несмотря на мусульманизацию Золотой Орды и самые разнообразные перемещения племен кочевников, в Золотой Орде сохраняются основные черты домонгольских погребальных обрядов кочевников, а также основные черты их материальной культуры.

В связи с тем что половцы, а также и другие кочевые массивы домонгольских степей (гузы на Сыр-Дарье) сохраняются как кочевые народности, основные деления Золотой Орды идут по линии традиционных границ, сложившихся между этими массами номадов еще в предмонгольское время.

XV век — время исчезновения курганных обрядов погребений и всего связанного с ними культа. Нельзя объяснять это только распространением мусульманства. Мы знаем, что наибольшего распространения и силы мусульманство в Золотой Орде достигло при расцвете городов в XIV в. Однако и в городах среди половецкого населения сохраняются частично пережитки старого кочевнического обряда погребения.

Дело, очевидно, в трансформации самих кочевников. Процесс смешения кочевников Дешт-и-Кыпчака и сложения новых кочевых образований, начавшийся в XIII в., получил свое завершение в XV в. И, действительно, в XV в. нет половцев-кыпчаков в старом смысле. В Большой Орде кочуют «татары», в Астраханских степях население также называется «татарами», в восточной части Золотой Орды известны казахи, узбеки и мангыты-ногайцы.

Перед нами новые объединения кочевников, прошедших улусную систему Золотой Орды. И естественно, что наряду с родовым единством этих групп большую роль играет в их объединении вхождение в один «иль», «улус», т. е. одну социально-экономическую ячейку общества, подчинение одному хану. Казахские жузы — это уже не кочевые племена XII — XIII вв., возникшие как первоначальное патриархальное деление кочевого населения. Это объединения, хотя и имевшие множество пережитков родо-племенного единства, но в основе своей объединенные рамками кочевого улуса, властью какого-либо одного хана.

В этих условиях происходит трансформация половецкого, гузского и другого старого кочевого населения степей Золотой Орды и утеря им ряда определяющих этнических черт. В этом отношении характерно, что кочевые племена половцев, а в более раннее время торков и печенегов, сохраняют свой обряд погребения как этнический признак, только будучи в составе всей орды, всего объединения племен, в составе большой массы родственных им кочевников. Мы знаем, что как только эти кочевники попадают отдельной группой в чуждую им этнически среду, так их этнические признаки и прежде всего курганные обряды погребений исчезают. Так, например, значительные массы печенегов изолированными группами, главным образом в XI в., пересекают Дунай и кочуют в Подунавье. Но курганных погребений этих кочевников в Подунавье мы почти не знаем. То же можно наблюдать и относительно половцев. Бежавшие в XIII в. в Паннонию от монголов отдельные половецкие объединения сразу же утратили свой обряд погребений, в то время как в южнорусских степях в массе, несмотря на монгольское завоевание и те перемещения в степи, которые это завоевание вызвало, они сохранили все основные черты своего обряда.

В конце XIII в. значительные массы половцев перемещаются в Рум, в Малую Азию. Но и там археологически не зафиксирован их обряд погребений. То же происходит и с теми кыпчакскими племенами и отдельными кыпчаками, которые попали в Египет. Половецкое население Египта утратило свои характерные черты, в то время как в половецкой степи, даже сделавшись городским населением, половцы сохранили пережитки обрядов погребения и некоторые этнически определенные детали украшений.

Мы изучили археологические памятники кочевников Восточной Европы, попавших в XIII в. под власть золотоордынских ханов. Сложившаяся в степях Золотой Орды улусная система была особым видом кочевого феодализма и особым видом исторического сосуществования двух стихий — золотоордынских городов и степных кочевников. Теперь перед нами стоит задача — изучить этот синтез, задача, которая была поставлена сто лет назад Н. И. Березиным: «... Золотая Орда представляет весьма любопытное явление как соединение двух крайних полюсов общественного развития — кочевого быта и государственных форм. С одной стороны, вы видите здесь массу подвижного и грубого населения, переходящую в кибитках с места на место, сообразно временам года со всеми условиями кочевого быта — обилием стад, звероловством и другими атрибутами кочевника; с другой стороны — находите вы здесь государя с многочисленным двором вроде государственного уложения, развитие центральной власти до самых нижних ступеней, систему государственных доходов, несколько огражденное право собственности и многое другое, что совместимо лишь с известным развитием идеи государства, положением, что все эти учреждения находятся еще в зародыше, что в целом господствует некоторый хаос, очень далекий от гармонии государственного строя, но при тех невыгодных условиях, которыми было обставлено существование Золотой Орды, а также проявление государственного склада не мало изумительно. Если бы имелось достаточно материала для того, чтобы проследить все фазы общественного и политического развития Золотой Орды, то эта работа могла бы представить постепенный процесс государственного образования» [1].

---

[1] Н. И. Березин. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. ТВО РАО, VIII, СПб., 1864, стр. 479—480.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СПИСОК ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ КОЧЕВНИКОВ X—XIV вв.

В работах наших предшественников вопросу отбора материала не уделено никакого внимания. А между тем необходимо решить, какие именно могильники и погребения можно считать памятниками печенегов, торков и половцев X — XIV вв. Материал, использованный нами в археологической части исследования, сведен в приложение I, где приведены все известные нам комплексы, которые мы считаем возможным отнести к поздним кочевникам. Сюда вошли трупоположения в степи и частично в лесостепи Восточной Европы, которые можно датировать концом IX—XIV вв. В тех случаях, когда погребения не содержали датирующих предметов, мы относили их к позднекочевническим на основании специфического обряда (погребения с костяком коня в соответствующих положениях или с частями костяка коня, наличие некоторых типов каменных конструкций в насыпи кургана и т. п.). При отсутствии характерных признаков обряда (например, в случае захоронения погребенного без лошади, возможном почти в любой культуре) мы относили к позднекочевническим те курганные погребения в южнорусских степях, которые содержали средневековые вещи [1].

Те погребения, которые не содержали никакого инвентаря (или сопровождались вещами, встречающимися в разные эпохи) и не имели выразительных, именно позднекочевнических, деталей обряда погребений, мы отбросили. Они могут относиться как к более ранней эпохе, так и к более поздней (например, их могли оставить ногайцы XVI в., казаки XVII—XVIII вв. и т. п.).

Сложные вопросы возникают относительно пограничных районов, где позднекочевнические памятники соседствуют с курганами оседлых племен и народностей. На Северном Кавказе курганы кочевников-тюрок отличаются от сходных с ними могил адыго-черкесских курганов XIV в. (типа белореченских) тем, что последние почти не содержат конских частей, костяка коня или конской сбруи. Те единичные погребения в районах адыго-черкесских курганов, которые содержат костяк

[1] К числу таких вещей, даже в том случае, если мы не знаем их типа, мы отнесли кресала и кремень, бубенчики, сабли, стремена, бронзовые чашечки из листа металла, шиферные пряслица, волочила, костяные плети, шлемы-шишаки, кольчуги, ножницы, стеклянные браслеты, двусторонние гребни, ременные наборы, средневековую керамику (салтовских или славянских форм), двусоставные удила без псалий, поливную керамику, берестяные колчаны и некоторые другие предметы.

коня или вещи, связанные с конем, мы считаем возможным отнести к числу кочевнических погребений, свидетельствующих о проникновении тюрок-половцев в среду местных племен. Отличить северные степные кочевнические курганы в Поволжье от могил финно-угорского населения (древней мордвы) позволяет обряд: финно-угры оставили грунтовые могильники. Граница между этими группами населения проходит в районе Аткарска, где известны и мордовские могилы, и группа кочевнических курганов. На западе тюркские кочевнические погребения в курганах резко отличаются от древневенгерских грунтовых могильников. На юге, в степях Северного Кавказа, кочевнические курганы легко отличимы от аланских катакомб в верховьях Терека. Сходны по обряду с кочевническими средневековыми курганами, но отличаются от них широкой могилой и наличием сруба лесостепные дружинные русские курганы с трупоположением в срубах.

1. КУРГАНЫ В СТЕПЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ[1]
южное приуралье

Ак-Булак, Оренбургск. обл., К. Ф. Смирнов. **1**. К. 1, о. п., 1956; АИА, д. 1255, лл. 30—31. *Изобильная, Оренбургск. губ., Ф. Д. Нефедов.* **2**. «Тимашев к.», о. п., 1887, IV; МАВГР, III, стр. 25; Эрм., 933, № 60. *Илецкая Защита, Оренбургск. губ., Ф. Д. Нефедов.* **3**. К. 4, о. п., 1887—1888; МАВГР, III, стр. 22. *Каратугайск. обл., Оренбургск. губ., Ф. Д. Нефедов.* **4**. К. 1, о. п., 1888, IV; там же, стр. 20; Эрм., 933, № 7—10. *Кара-Бутак, Оренбургск. обл., К. Ф. Смирнов.* **5**. К. 1, о. п., 1955; АИА, д. 1255, л. 10. *Лиман, Оренбургск. губ., Ф. Д. Нефедов.* **6**. К. 2, о. п., 1887, IV; МАВГР, III, стр. 26, **7**. К. 3, о. п., 1887, IV; АЛОИА, ф. 5, д. 340, л. 247. *Мертвецовский, Оренбургск. губ., Ф. Д. Нефедов.* **8**. К. 10, о. п., 1887; МАВГР, III, стр. 24. *Мертвые Соли, Оренбургск. губ., Ф. Д. Нефедов.* **9**. К. 2, о. п., 1887, I; МАВГР, III, стр. 29; Эрм., 933; № 70—76. *Нежинское, Оренбургск. губ., О. А. Гракова.* **10**. К. 4, в. п. 4, 1927, II; ТСА, IV, стр. 288; ГИМ, хр. 22/2. *Новый Кумак, Оренбургск. обл., М. Г. Мошкова.* **11**. К. 1, о. п., 1958; АИА, д. 1820, л. 29. **12**. К., II, о. п., 1959, IV; АИА, д. 2034, л. 39. **13**. К. 28, о. п., 1962, IV; АИА, д. 2543, л. 39. **14**. К. 29, о. п., 1962; там же, л. 43. **15**. К. 35, о. п., 1962, IV; там же, л. 54. **16**. К. 37, о. п., 1962, IV; там же, л. 60. **17**. К. 38, о. п., 1962, там же, л. 62. **18**. К. 39, о. п., 1962, II; там же, л. 63. *Пчельник, Оренбургск. губ., Ф. Д. Нефедов.* **19**. К. 5, о. п., 1887, IV; МАВГР, III, стр. 21. **20**. К. 6, о. п., 1887, IV; там же, стр. 21; Эрм., 933, № 25. **21**. К. 7, о. п., 1887; там же, стр. 22; Эрм., 933, № 26. *Старое Мусино, БАССР, М. Х. Садыкова.* **22**. К. 1, о. п., 1957; «Башкирский арх. сборник», Уфа, 1959, стр. 152. **23**. К. 1, в. п. 2, 1957, I; там же, стр. 155. **24**. К. 2, о. п., 1957, I; там же, стр. 156. **25**. К. 3, о. п., 1958, I; там же, стр. 158. **26**. К. 4, в. п., 1958; там же, стр. 159. **27**. К. 4, в. п. 2, 1958; там же, стр. 160. **28**. К. 5, в. п. 2, 1958; там же, стр. 161. *Увак, Оренбургск. обл., К. Ф. Смирнов.* **29**. К. 2, в. п. 6, 1957; АИА, д. 1686, л. 9. **30**. К. 3, в. п. 1, 1957, IV; там же, л. 14. **31**. К. 10, в. п. 2, 1960; АИА, д. 2227, л. 12. *Уфа, Р. Б. Игнатьев.* **32**. К., о. п., 1867; «Тр. ІАС», I, стр. 156. *Ханская Могила, Оренбургск. губ., Ф. Д. Нефедов.* **33**. К., о. п., 1887, I; МАВГР, III, стр. 32; Эрм., 933, № 155—161. *Худайберген, Оренбургск. обл., могильник LIII, Б. Н. Граков.* **34**. К. 1, о. п., 1932, IV; ТСА, IV, стр. 100. **35**. К. 5, о. п., 1932; IV; там же. **36**. К. 7, о. п., 1932, IV; там же. **37**. К. 10, о. п., 1932, IV; там же. **38**. К. 12, о. п., 1932, IV; там же, стр. 101. **39**. К. 15, о. п., 1932, IV; там же. *Худайберген, Оренбургск. обл., могильник LIV, Б. Н. Граков.* **40**. К. 3, о. п., 1933, IV; там же, стр. 102. **41**. К. 4, о. п., 1933, IV; там же. **42**. К. 5, о. п., 1933, IV; там же, стр. 103. **43**. К. 6, о. п., 1933, IV; там же. **44**. К. 9, о. п., 1933, IV; там же. **45**. К. 10, о. п., 1933, IV; там же. *Челкар, Оренбургск. обл.* **46**. Случ. к., 1961, I, СКМ. *Шах-Тау, БАССР, Г. В. Склярова.* **47**. К., о. п., 1960. «Вопросы археологии Урала», вып. 4, Свердловск, 1962, стр. 170.

---

[1] Распределение инвентаря по погребениям из-за недостатка места опущено. Читатель может навести справки по рукописи диссертации автора «Кочевники Восточной Европы X—XIV вв.», где содержатся все данные об учтенных погребальных комплексах.

При описании погребений указаны: месторасположение могильника и фамилия автора раскопок, номер погребения по порядку, номер кургана и погребения, дата раскопок, период, к которому относится погребение, источник. Месторасположение могильника и фамилия автора даны курсивом, номер погребения по порядку дан полужирным шрифтом.

Александровка, Балашевск. у. **48**. Случ. н., 1924, IV; СКМ, № 489. *Аткарск, Саратовск. губ., могильник в Пригородной слободе, В. Н. Глазов, Н. К. Арзютов.* **49**. К. 5, о. п., 1909; ИАК, приб. к № 32, стр. 95; СКМ, № 502. **50**. К. 8, о. п., 1909, IV; ИАК, приб. к № 32, стр. 95. **51**. К. 13, о. п., 1909; ТСУАК, XXV, стр. 215—223; СКМ, № 503. **52**. К. 15, о. п., 1909, IV; ИАК, приб. к № 32, стр. 95; СКМ, № 501, **53**. К. 18, о. п., 1909, IV; ИАК, приб. к № 32, стр. 95; СКМ, № 494. **54**. К. 1, о. п., 1928, IV; ИНВИК, IV, стр. 89. **55**. К. 8, о. п., 1929; там же, стр. 90. **56**. К. 21, в. п., 1929, IV; там же, стр. 96; СКМ, № 1397. **57**. К. 29, о. п., 1929; ИНВИК, IV, стр. 100; СКМ, № 1402. *Аткарск, Саратовск. губ., на окраине мордовского могильника, Н. К. Арзютов.* **58**. К., о. п., 1927; IV; АЛОИА, ф. 2, д. 187, 1929, л. 209. *Балкин Хутор, КАССР, В. П. Шилов.* **58а**. К. 1, о. п., 1962, IV; АИА, д. 2728, л. 65. *Белая Гора, Астраханск. у., П. С. Рыков.* **59**. К. 2, о. п., 1929, IV; ИНВИК, IV, стр. 60. *Белокаменка, Астраханск. у., П. Рау, А. А. Кротков.* **60**. К. 35, о. п., 1926; АЛОИА, ф. 2, 1926, д. 147, л. 79. **61**. К. 41, о. п., 1926; там же, л. 83. **62**. К. 40, о. п., 1926, IV; там же, л. 82. *Бережновка, Волгоградск. обл., I группа, И. В. Синицын.* **63**. К. 4, в. п. 4, 1951, IV; МИА, № 60, стр. 64; СКМ, № 1867. **64**. К. 40, о. п., 1952, IV; МИА, № 60, стр. 102; СКМ, № 2002. **65**. К. 41, о. п., 1952, IV; МИА, № 60, стр. 103; СКМ, № 2003. **66**. К. 42, о. п., 1952, IV; МИА, № 60, стр. 103; СКМ, № 2004. **67**. К. 43, о. п., 1952, IV; МИА, № 60, стр. 103; МИА, № 78, стр. 168; СКМ, № 2005. **68**. К. 44, о. п., 1952, IV; МИА, № 60, стр. 103. **69**. К. 45, в. п. 3, 1952, IV; МИА, № 60, стр. 104; СКМ, № 2007. **70**. К. 45, в. п. 2, 1952, IV; МИА, № 60, стр. 103—104; СКМ, № 2006. **71**. К. 47, о. п., 1952; МИА, № 60, стр. 105; СКМ, № 2011. **72**. К. 49, о. п., 1952, IV; МИА, № 60, стр. 106; СКМ, № 2010. **73**. К. 50, о. п., 1952, IV; МИА, № 60, стр. 105; СКМ, № 2011. *Бережновка, Волгоградск. обл., II группа, И. В. Синицын.* **74**. К. 5, о. п., 1952, IV; МИА, № 60, стр. 125; СКМ, № 2036. **75**. К. 8, о. п., 1952, IV; МИА, № 60, стр. 128; СКМ, № 2043. **76**. К. 10, о. п., 1952, IV; МИА, № 78, стр. 19; СКМ, № 1954. 77. К. 27, о. п., 1953, IV; МИА, № 78, стр. 40; СКМ, № 2364. **78**. К. 28, в. п. 1, 1953, IV; МИА, № 78, стр. 40; СКМ, № 2145. **79**. К. 28, в. п. 2, 1954. IV; МИА, № 78, стр. 42; СКМ, № 2146. **80**. К. 31, о. п., 1953, IV; МИА, № 78, стр. 44. **81**. К. 34, в. п. 1, 1953; МИА, № 78, стр. 47; СКМ, № 2156. **82**. К. 34, в. п. 2, 1953, IV; МИА, № 78, стр. 47; СКМ, № 2365. **83**. К. 35, о. п., 1953, IV; МИА, № 78, стр. 47; СКМ, № 2146. **84**. К. 74, о. п., 1955, IV; МИА, № 78, стр. 76; СКМ, № 2251. *Бережновка, Волгоградск. обл., южная группа, И. В. Синицын.* **85**. К. 9, в. п. 6, 1955; МИА, № 78, стр. 117; СКМ, № 2319. *Бичкин-Булук, КАССР, П. С. Рыков.* **86**. К. 7, в. п. 3, 1937, IV; АЛОИА, ф. 2, 1937, д. 281, л. 12; СКМ, № 1619. *Блюменфельд, АССРНП, группа «А», П. Рау, Б. Н. Граков.* **87**. К. 4, о. п., 1925, IV; АЛОИА, ф. 2, 1925, д. 204, л. 94; ГИМ, хр. 41/45а; А. Кушева-Грозевская. Золотоордынские древности Государственного исторического музея из раскопок 1925—1926 гг. в Нижнем Поволжье. Саратов, 1928, стр. 4—13. *Блюменфельд, АССРНП, группа «Б», П. Рау, Б. Н. Граков.* **88**. К. 2, о. п., 1925, IV; АЛОИА, ф. 2, 1925, д. 204, л. 105. **89**. К. 6, о. п., 1925; там же, л. 109. **90**. К. 7, о. п., 1925; ГИМ, д. 46, л. 34, № 101—106. *Блюменфельд, АССРНП, группа «В», П. Рау, Б. Н. Граков.* **91**. К. 1, в. п. 1, 1925, I; ГИМ, хр. 25/8а; Кушева-Грозевская. Ук. соч., стр. 5. *Блюменфельд, АССРНП, П. Рау, Б. Н. Граков, группа у Штрасбурга.* **92**. К., о. п., 1925; АЛОИА, ф. 2, 1925, д. 160, л. 43. *Боаро, Зап.-Казахстанск. обл., П. Рау.* **93**. К. 26, о. п., 1926, IV; АЛОИА, ф. 2, 1926, д. 147, л. 67. *Болхуны, Саратовск. обл., П. С. Рыков.* **94**. Погребение на дюне, 1928; АЛОИА, ф. 2, 1928, д. 154, л. 39. *Большая Дмитриевка, Саратовск. губ., П. С. Рыков.* **95**. К. 1, о. п., 1923; АЛОИА, ф. 2, 1923, д. 116, л. 24; «Уч. зап. СГУ», III, вып. 3, стр. 35. *Большая Князевка, Саратовск. губ.* **96**. К., о. п., 1919; ТНВОНОК, 35, ч. I, стр. 68. *Букеевская Орда, Зап.-Казахстанск. обл., А. Харузин.* **97**. К., о. п., А. Харузин. Курганы Буксевской орды. М., 1890, стр. 11. *Бурлук, Камышинск. у., А. М. Гусев.* **98**. К., о. п., 1912, IV; СКМ, № 840. *Быково, Волгоградск. обл., I группа, К. Ф. Смирнов.* **99**. К. 10, в. п., 11, 1955, I; МИА, № 78, стр. 201. **100**. К. 10, в. п. 16, 1955, I; там же, стр. 201. **101**. К. 14, в. п. 3, 1955; там же, стр. 208. **102**. К. 16, в. п. 9, 1955, I; там же, стр. 215. **103**. К. 15, в. п. 4, 1955, II; там же, стр. 211. *Быково, Волгоградск. обл., II группа, К. Ф. Смирнов.* **104**. К. 3, в. п. 5, 1955, I; там же, стр. 229. *Верхне-Погромное, Пролейск. р., Волгоградск. обл., В. П. Шилов.* **105**. К. 1, в. п. 3, 1954, I; АИА, д. 1300, л. 48. **106**. К. 1, в. п. 12, 1954, I; там же, л. 52. **107**. К. 3, в. п. 4, 1954; там же, л. 65. **108**. К. 3, в. п. 7, 1954; там же, л. 67. **109**. К. 5, в. п. 8, 1954; там же, д. 1300, л. 79. **110**. К. 8, о. п., 1957, катакомба, IV; там же, д. 1563, л. 42. **111**. К. 9, в. п. 1, 1957; там же, л. 45. **112**. К. 14, в. п. 15, 1957; там же, л. 64. **113**. К. 14, в. п. 21, 1957; там же, л. 68. **114**. К. 15, в. п. 2, 1957, I; там же, л. 72. **115**. К. 16, о. п., 1957, IV; там же, л. 78. *Визенмиллер, АССРНП, I группа, П. С. Рыков.* **116**. К. 1, о. п., 1925; ИКИИЮВО, I, 1926, стр. 111. **117**. К. 2, о. п., 1925; там же, стр. 112. **118**. К. 4, о. п., 1925; там же. *Визенмиллер, АССРНП, III группа, П. С. Ры-*

ков. **119**. К. 2, о. п., 1925, IV; там же, стр. 117; СКМ, № 481. **120**. К. 3, о. п., 1925; там же, стр. 112. **121**. К. 5, о. п., 1925, IV; там же, стр. 118; СКМ, № 482. *Волгоград.* **122**. Случ. н., 1963, ВМ. *Вязовка, Астраханск. губ.* **123**. Случ. н., 1902; АЛОИА, ф. 5, д. 337, л. 116. *Гусевка, Царицынск. у., П. П. Греков.* **124**. «Червонный к.», о. п., IV; ЗОРСА, VI, вып. 2, стр. 227—228. *Даниловка, Камышинск. у., Б. Зайковский, А. А. Кротков.* **125**. К., о. п. 1, IV; «Тр. СУАК», № 30, стр. 229; № 32, стр. 122—125; СКМ, № 514. *Джангала, Зап.-Казахстанск. обл., Новая Казанка, А. Харузин.* **126**. К., о. п., А. Харузин. Ук. соч., стр. 11. *Джангала, Зап.-Казахстанск. обл., Новая Казанка, на дюнах р. Малая Узень, И. В. Синицын.* **127**. К. 2, о. п., 1948; ТИИАЭ, I, стр. 99; СКМ, № 1759. **128**. К. 3, в. п. 1, 1948; там же, стр. 100; СКМ, № 1760. *Джангала, Зап.-Казахстанск. обл., Кара-Оба, Т. Н. Сенигова, И. В. Синицын.* **129**. К. 1, о. п., 1950, IV; там же, стр. 123; СКМ, № 1808. **130**. К. 2, о. п., 1950, IV; там же, стр. 124; СКМ, № 1809. **131**. К. 4, о. п., 1950, IV; там же, стр. 125. **132**. К. 12, о. п., 1950; там же, стр. 137; СКМ, № 1824. **133**. К. 3, о. п., 1953, IV; ТИИАЭ, I, стр. 145, 151. **134**. К. 4, о. п., 1953, IV; там же, стр. 152. **135**. К. 12, о. п., 1953, IV; там же, стр. 149, 154. *Джангала, Зап.-Казахстанск. обл., на дюнах оз. Сарайдин, И. В. Синицын.* **136**. К. 1, о. п., 1948, IV; ТИИАЭ, I, стр. 99; СКМ, № 1758. **137**. К. 2, о. п., 1949; там же, стр. 119; СКМ, № 1789. *Джангала, Зап.-Казахстанск. обл., между озерами Сарайдин и Туше-Кулак, И. В. Синицын.* **138**. К. 1, в. п. 1, 1949, IV; КСИИМК, вып. 77, стр. 111; СКМ, № 1779. *Джангала, Зап.-Казахстанск. обл., ур. «Бек-Бики», И. В. Синицын.* **139**. К. 19, о. п., 1948, IV; там же, стр. 103; КСИИМК, вып. 32, стр. 32; СКМ, № 1963. *Джангала, Зап.-Казахстанск. обл., ур. «Курпе-Байское», И. В. Синицын.* **140**. К. 5, о. п., 1948, IV; ТИИАЭ, I, стр. 109; СКМ, № 1964. *Джига, Саратовск. губ., П. С. Рыков.* **141**. К., о. п., 1928; ИНВИК, III, стр. 144. *Дмитриевка, близ Ахтубы, П. С. Рыков.* **142**. К. 1, о. п., 1928; там же, стр. 138. *Досанг, Саратовск. обл., П. С. Рыков.* **143**. К. 1, о. п., 1928; там же, стр. 154; СКМ, № 1489. *Двоенка, Аткарск. у., П. С. Рыков.* **144**. К. 1, о. п., 1925, IV; СКМ, № 492; А. Кушева-Грозевская. Ук. соч., стр. 20. *Енотаевка, Астраханск. губ.* **145**. Случ. н., IV. *Занзели, КАССР, И. В. Синицын,* **146**. К. 1, о. п., 1930, IV; ИНВИК, 6, стр. 95; СКМ, № 1441. **147**. К. 2, о. п., 1930; там же, стр. 96; СКМ, *Заплавное, Среднеахтубинск. р., В. П. Шилов.* **148**. К. 1, в. п. 3, 1958; АИА, д. 1850, л. 19. **149**. К. 2, в. п. 1, 1958; там же, л. 23. **150**. К. 3, в. п. 3, 1958; там же, л. 29. **151**. К. 3, в. п. 4, 1958; там же, л. 34. **152**. К. 3, в. п. 6, 1958, I; там же, л. 36. **153**. К. 3, в. п. 7, 1958, I; там же, л. 37. **154**. К. 6, в. п. 6, 1958; там же, л. 59. *Зеленый, АССРНП, П. С. Рыков.* **155**. К. 1, в. п. 1, 1925; ИКИИЮВО, I, стр. 105. *Зиновьевка, АССРНП, П. С. Рыков.* **156**. К., в. п. 1, 1926; АЛОИА, ф. 2, 1927, д. 187, л. 22. *Золотушинское, Саратовск. губ., П. С. Рыков.* **157**. К., о. п., 1928; ИНВИК, III, стр. 150; СКМ, № 1113. *Иловля.* **158**. Случ. н., IV; ЗРАО, VII, стр. 148. **159**. Случ. н.; там же. **160**. Случ. н., IV; там же. *Казанка, Зап.-Казахстанск. обл., А. Харузин.* **161**. К. 16, о. п., 1889; А. Харузин. Ук. соч., стр. 11. **162**. К. 24, о. п., 1889; там же, стр. 12. *Казицкое, АССРНП, П. Рау.* **163**. К. 1, 1925, о. п., IV; АЛОИА, ф. 2, 1925, д. 160, л. 18; ф. 5, д. 337, л. 86. *Калиновка, Волгоградск. обл., В. П. Шилов.* **164**. К. 1, в. п. 7, 1952, I; МИА, № 60, стр. 328. **165**. К. 2, о. п., 1952; там же, стр. 331. **166**. К. 4, в. п. 1, 1952, I; там же, стр. 430; Эрм., 2204, № 93—106. **167**. К. 8, в. п., 1952, IV; там же, стр. 343. **168**. К. 10, в. п. 10, 1952; там же, стр. 359. **169**. К. 12, в. п. 19, 1952, I; там же, стр. 364. **170**. К. 21, о. п., 1953, IV; там же, стр. 378; Эрм., 2205, № 85. **171**. К. 26, в. п. 1, 1953, II; там же, стр. 382. **172**. К. 26, в. п. 2, 1953, III; там же, стр. 382. **173**. К. 28, о. п. 2, 1953, I; там же, стр. 385. **174**. К. 29, в. п. 3, 1953, IV; там же, стр. 388. **175**. К. 30, о. п., 1954, IV; там же, стр. 388. **176**. К. 12, в. п. 1, 1954; там же, стр. 393; Эрм., 2205, № 184. **177**. К. 45, в. п. 2, 1954, IV; там же, стр. 394. **178**. К. 54, в. п. 1, 1954; там же, стр. 400. *Колобовка, Астраханск. губ.* **179**. К., случ. н., 1893, I; ОАК, 1893, стр. 32, 90. *Красный Яр, Камышинск. у.* **180**. К. «Великая могила», случ. н., 1908, IV; СГАИМК, I, стр. 295, № 12. *Крутец, Балашовск. у., В. Шахматов.* **181**. К. 1, о. п., 1903, ТСУАК, вып. 29, стр. 119. **182**. К. 2, п. 1, 1903; там же, стр. 120. **183**. К. 2, п. 2, 1903; там же. *Кузин, Астраханск. обл., В. П. Шилов.* **184**. К. 1, в. п. 1, 1961, IV; АИА, д. 2380, л. 190. **184а**. К. 5, о. п., 1962; АИА, д. 2728, л. 18. *Курнаевка, Волгоградск. обл., П. С. Рыков, И. В. Синицын.* **185**. К., о. п., 1924, IV; АЛОИА, ф. 2, 1924, д. 178, л. 21; СКМ, № 480. **186**. К. 1, о. п., 1951, IV; МИА, № 60, стр. 49; СКМ, № 1846. **187**. К. 2, о. п., 1951, IV; МИА, № 60, стр. 51; СКМ, № 1847. *Лапас, Астраханск. обл., В. А. Филипченко.* **188**. Погребение на дюне, 1952, IV; СА, 1958, № 1, стр. 247. **189**. Погребение на дюне, 1955, I; СА, 1959, стр. 239. *Ленинск. Волгоградск. обл., В. П. Шилов.* **190**. К. 1, о. п., 1956; АИА, д. 1314, л. 3. **191**. К. 2, о. п., 1956, IV; АИА, д. 1314, л. 5. **192**. К. 3, в. п. 2, 1956, I; там же, л. 7. **193**. К. 3, в. п. 7, 1956, I; там же, л. 12. **194**. К. 4, в. п. 4, 1956, IV; там же, л. 26. **194а**. К. 8, о. п. 1, 1963; АИА, д. 2750, л. 55. **194б**. К. 9, о. п. 1, 1963, IV; там же, л. 56. **194в**. К. 12, о. п. 1, 1963, IV; там же, лл. 59—61. **194г**. К. 18, о. п., 1963, IV; там же, лл. 67—68. *Лесной Кордон, Волгоградск. обл., И. В. Синицын.* **195**. К. 1, в. п. 2, 1954; МИА, № 78, стр. 122; СКМ, № 2232. *Лесничий, Астраханск. обл., В. П. Шилов.* **195а**. К. 2, о. п. 1, 1963, IV; АИА, д. 2750, л. 16. **1956**. К. 3, о. п. 1, 1963; там же, л. 18. *Липовка, Аткарск. у.* **196**. К., случ. н., 1908; СКМ, *Лола, КАССР, II группа, И. В. Синицын.*

197. К. 2, о. п., 1963; АИА, д. 1791, л. 101. **198**. К. 8, в. п. 3, 1963; там же, л. 110. **199**. К. 10, о. п., 1963; там же, л. 115. **200**. К. 11, в. п. 1, 1963; там же, л. 115. *Лысые Горы, Аткарск. у., П. С. Рыков.* **201**. К., о. п., 1924, IV; АЛОИА, ф. 2, 1924, д. 178, л. 14; СКМ, № 512. *Максимово, КАССР, И. В. Синицын.* **202**. К. 14, о. п., 1962, IV; АИА, д. 2791, л. 63. **203**. К. 15, о. п., 1962, IV; там же, л. 65. **204**. К. 16, о. п., 1962, IV; там же, л. 67. **205**. К. 21, в. п. 2, 1962; там же, л. 81. **206**. К. 23, о. п., 1962; там же, л. 85. **207**. К. 24, о. п., 1962; там же, л. 86. **208**. К. 25, о. п., 1962; там же, л. 87. *Максютово, Саратовск. обл., И. В. Синицын, I группа.* **209**. К. 4, о. п., 1937; АЛОИА, ф. 2, д. 258, 1937, л. 6. *Малая Сердоба, Саратовск. г.* **210**. К., случ. н., 1878, IV; СГАИМК, I, стр. 296, № 31. *Мариенталь, АССРНП, П. Рау.* **211**. К., о. п., 1929; АЛОИА, ф. 2, 1929, д. 149, л. 103. *Марьевка, Саратовск. губ.* **212**. случ. н., 1886, IV; ДАК, 1886, N 3; ЗРАО, VIII, стр. 147. *Машевка, Балашовск. у., А. А. Спицын.* **213**. К., о. п., 1895, IV; ГИМ, хр. 41/49б. *Мечетное, Царицынск. у., Ф. В. Баллод.* **214**. К. 3, о. п., 1920; Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи. Пг., 1923, стр. 20. *Молчановка, Николаевск. р., I группа, И. В. Синицын.* **215**. К. 2, о. п., 1951, I; МИА, № 60, стр. 130. **216**. К. 3, о. п., 1951; там же. **217**. К. 4, о. п., 1951; там же, стр. 131; СКМ, № 1919. *Молчановка, Николаевск. р., И. В. Синицын. II группа.* **218**. К. 3, в. п. 2, 1951; МИА, № 60, стр. 136. **219**. К. 10, о. п., 1951, IV; там же, стр. 138; СКМ, № 2062. **220**. К. 12, о. п., 1951, IV; МИА, № 60, стр. 138; СКМ, № 2063. *Молчановка, Николаевск. р., III группа, И. В. Синицын.* **221**. К. 1, о. п., 1955, IV; МИА, № 78, стр. 128; СКМ, № 2324. **222**. К. 2, о. п., 1955, IV; МИА, № 78, стр. 128; СКМ, № 2325. **223**. К. 3, о. п., 1955, IV; МИА, № 78, стр. 129. *Мордово, Царицынск. у.* **224**. Случ. н., IV; СГАИМК, I, стр. 151. *Новая Молчановка, Николаевск. р., И. В. Синицын.* **225**. К. 1, в. п. 4, 1955, IV; МИА, № 78, стр. 132; СКМ, № 2329. **226**. К. 2, о. п., 1955, IV; МИА, № 78, стр. 133; СКМ, № 2331. **227**. К. 6, о. п., 1955, IV; МИА, № 78, стр. 135; СКМ, № 2343. *Новониколаевское, Волгоградск. обл.* **228**. Случ. н., 1926, I; ВКМ, № 1562. *Новоникольское, Волгоградск. обл., В. П. Шилов.* **229**. К. 1, о. п., 1952; АИА, д. 701, л. 119. **230**. К. 2, о. п., 1952; там же. **231**, К. 7, в. п. 13, 1954; там же, д. 1300, л. 99. *Новоникольское, Волгоградск. обл., В. П. Шилов.* **232**. Погребение на дюнах 7, 1954, IV; АИА, д. 1300, л. 105. *Осадная Балка, Волгоградск. обл., И. В. Синицын.* **233**. К. 1, о. п., 1952; МИА, № 60, стр. 139; СКМ, № 1924. *Петровск, Саратовск. губ., П. С. Рыков.* **234**. К., о. п. 1; ТСУАК, вып. 31, стр. 127. **235**. К. 1, о. п., 1923, «Уч. зап. СГУ», вып. 3, стр. 37. *Подстепное, Уральск. у., П. С. Рыков.* **236**. К. 2, о. п., 1927, IV; АЛОИА, ф. 2, 1927, д. 187, л. 223. *Покровск, Саратовск. губ., П. С. Рыков.* **237**. К. 2, о. п., 1914, IV; ИОИАЭ, вып. 34, стр. 22; СКМ, № 510. **238**. К. 3, о. п., 1914; там же, стр. 22; СКМ, № 515. **239**. К. 4, о. п., 1918; там же, стр. 23; СКМ, № 884. **240**. К. 5, о. п., 1919; там же, стр. 24; СКМ, № 508. **241**. К. 7, о. п., 1920, IV; там же, стр. 24. **242**. К. 8, о. п., 1920, IV; там же, стр. 25; СКМ, № 506. **243**. К. 11, о. п., 1921; АЛОИА, ф. 2, 1921, д. 111, л. 29; СКМ, № 491. **244**. К. 2, о. п., 1922; АЛОИА, ф. 2, 1922, д. 87, л. 20. **245**. К. 8, о. п., 1927; АЛОИА, ф. 2, 1927, д. 187, л. 200; СКМ, № 946. **246**. К. 5, о. п., 1927, IV; АЛОИА, ф. 2, 1927, д. 187, л. 199. **247**. К. 7, о. п., 1927; АЛОИА, ф. 2, 1927, д. 187, л. 200; СКМ, № 943. **248**. К. 9, о. п., 1927; АЛОИА, ф. 2, 1927, д. 187, л. 201. **249**. К. 10, о. п., 1927, IV; там же. **250**. К. 39, о. п., 1928; ИНВИК, III, стр. 137. *Политотдельское, Волгоградск. обл., К. Ф. Смирнов.* **251**. К. 2, в. п. 7, 1952, IV; МИА, № 60, стр. 233. *Политотдельское, Волгоградск. обл., на надпойменной террасе, К. Ф. Смирнов.* **252**. К. 2, в. п. 7, 1954; там же, стр. 306. *Политотдельское, Волгоградск. обл., ур. «Ямки», И. В. Синицын.* **253**. К. 1, в. п. 6, 1955; там же, стр. 138. *Потемкино, Волгоградск обл., И. В. Синицын.* **254**. К. 2, о. п., 1951, IV; МИА, № 60, стр. 52; СКМ, № 1849. **255**. К. 7, о. п., 1951, IV; МИА, № 60, стр. 54; СКМ, № 1855. **256**. К. 8, о. п., 1951; МИА, № 60, стр. 55; СКМ, № 1856. **257**. К. 10, о. п., 1951; МИА, № 60, стр. 56. *Пролейка, Волгоградск. обл., И. В. Синицын.* **258**. К., о. п., 1946, IV; АИА, д. 147, л. 12. *15-й поселок, Среднеахтубинск. р., В. П. Шилов.* **259**. К. 3, в. п. 4, 1958; АИА, д. 1850, л. 78. **260**. К. 3, в. п. 7, 1958, I; там же, л. 81. *Ровное, Саратовск. обл., П. Рау.* **261**. К., о. п., 1926, IV; АЛОИА, ф. 2, 1926, д. 147, л. 61. **262**. К. 4, в. п. 7, 1957; АИА, д. 1645, л. 15; СКМ, № 2394. **263**. К. 6, о. п., 1957; АИА, д. 1645, л. 17. *Родионовка, Балашовск. у.* **264**. Случ. н.; ЖМВД, XXVII, 1938, стр. 7; ЗРАО, VIII, I, стр. 148. *Рудни, Камышинск. у., П. С. Рыков.* **265**. К. 40, о. п., 1924, IV; АЛОИА, ф. 2, 1924, д. 178, л. 18; СКМ, № 511; ТНВОНОК, вып. 35, стр. 71. *Сайхин, Волгоградск. обл., оз. Беткуль, Юго-Западная группа, И. В. Синицын.* **266**. К. 2, о. п., 1952; МИА, № 60, стр. 143; СКМ, № 1928. **267**. К. 3, о. п., 1952, IV; МИА, № 60, стр. 144; СКМ, № 1929. *Сазонкин Бугор, Астраханск. обл., В. П. Шилов.* **267а**. К. 3, о. п. 1, 1963; АИА, д. 2750, л. 27. **267б**. К. 8, о. п. 1, 1963, IV; там же, л. 34. **267в**. К. 9, о. п. 1, 1963, IV; там же, **267**г. К. 11, о. п. 1, 1963, I; там же, л. 47. **267д**. К. 13, о. п., 1963, I; там же, л. 52. *Сарай, Астраханск. губ.* **268**. Случ. н., 1923; Архив А. А. Кроткова в СКМ. *Саратов.* П. С. Рыков. **269**. Случ. н., 1868; ЗРАО, VIII, ч. I, стр. 147; ДАК, 1868, N 42. **270**. Случ. н.; СКМ, № 1590. **271**. К. 2, в. п. 2, 1934, IV; АЛОИА, ф. 2, 1934, д. 263, л. 5. *Свинуха, Саратовск. губ., П. С. Рыков.* **272**. К. 1, о. п., 1931, IV; АЛОИА, ф. 2, 1931, д. 754, л. 3; СКМ, № 1369. **273**. К. 2, о. п., 1931; СКМ, № 1405. **274**. К. 3, о. п., 1931, IV; СКМ, № 1406. **275**. К. 5, о. п., 1931; СКМ, № 1407. **276**. К. 6, о. п., 1931, IV; СКМ, № 1408. **277**. К. 9, о. п., 1931;

СКМ, № 1409. **278**. К. 10, о. п., 1931, IV; СКМ, № 1410. **279**. К. 11, о. п., 1931, IV; СКМ, № 1411. **280**. К. 12, о. п., 1931; СКМ, № 1412. **281**. К. 13, о. п., 1931, IV; СКМ, № 1413. **282**. К. 14, о. п., 1931; СКМ, № 1414. **283**. К. 17, о. п., 1931, IV; СКМ, № 1418. **284**. К. 18, о. п., 1931; СКМ, № 1417. **285**. К. 19, о. п., 1931; СКМ, № 1419. *Селитренное, Астраханск. губ., А. А. Спицын.* **286**. К., о. п., 1893, IV; ОАК, 1893, стр. 88. *Сероглазово, Астраханск, обл., П. С. Рыков.* **287**. К., о. п.; ИНВИК, III, стр. 152. *Сидоры, Волгоградск. обл., В. П. Шилов.* **288**. К. 12, о. п., 1959; АИА, д. 1976, л. 39. **289**. К. 14, о. п., 1959, IV; там же, л. 41. *Скатовка, Саратовск. обл., И. В. Синицын.* **290**. К. 1, о. п., 1953: МИА, № 60, стр. 159; СКМ, № 2077. **291**. К. 2, о. п., 1953, II; МИА, № 60, стр. 159; СКМ, № 2078. **292**. К. 3, о. п., 1953; МИА, № 60, стр. 160; СКМ, № 2079. **293**. К. 4, о. п., 1953, II; МИА, № 60, стр. 160; СКМ, № 2089. **294**. К. 5, в. п. 2, 1953; МИА, № 60, стр. 160; СКМ, № 2082. **295**. К. 7, о. п., 1953; МИА, № 60, стр. 164; СКМ, № 2084. **296**. К. 8, о. п., 1953; МИА, № 60, стр. 164; СКМ, № 2085. **297**. К. 14, о. п., 1953; МИА, № 60, стр. 171. **298**. К. 19, о. п., 1953; МИА, № 60, стр. 175. *Соленое Займище, Астраханск. обл., I группа, В. П. Шилов.* **298а**. К. 3, о. п. 1, 1963, IV; АИА, д. 2750, л. 5. *Соленое Займище, Астраханск. обл., II группа, В. П. Шилов.* **298б**. К. 6, о. п., 1963; там же, л. 11. *Среднеахтубинск., Волгоградск. обл., В. П. Шилов.* **299**. К. 1, в. п. 5, 1958; АИА, д. 1850, л. 5. **300**. К. 2, в. п. 5, 1958; там же, л. 15. *Станция 5, КАССР, П. С. Рыков.* **301**. К., о. п., 1929, IV; ИНВИК, IV, стр. 59. *Станция 8, КАССР, ур. «Белая гора», П. С. Рыков.* **302**. К. 2, о. п., 1929, IV; АЛОИА, ф. 2, 1929, д. 189, лл. 23—25. *Станция 10, КАССР, П. С. Рыков.* **303**. К., о. п., 1929; там же, л. 34. *Старица, Астраханск. обл., В. П. Шилов.* **304**. К. 1, о. п., 1960; АИА, д. 1255, л. 18. **305**. К. 2, о. п., 1960; там же, л. 19. **306**. К. 3, в. п. 3, 1960; там же, л. 21. **307**. К. 5, о. п., 1960, IV; там же, л. 43. **308**. К. 7, в. п. 8, 1960; там же, л. 47. **309**. К. 7, в. п. 18, 1960, I; там же, л. 53. **310**. К. 8, в. п. 1, 1960, IV; там же, л. 56. **311**. К. 12, в. п. 8а, 1961; АИА, д. 2380, л. 17. **312**. К. 17, о. п., 1961; там же, л. 26. **313**. К. 21, в. п. 2, 1961, I; там же, л. 33. **314**. К. 21, в. п. 3, 1961; там же, л. 34. **315**. К. 21, в. п. 5, 1961, I; там же, л. 36. **316**. К. 23, в. п. 2, 1961; там же, л. 50. **317**. К. 25, в. п. 1, 1961; там же, л. 74. **318**. К. 30, в. п. 4, 1961, I; там же, л. 98. **319**. К. 37, в. п. 4, 1961, I; там же, л. 94. **320**. К. 38, в. п. 1, 1961; там же, л. 110. **321**. К. 43, о. п., 1961; там же, л. 128. **322**. К. 65, о. п., 1961; там же, л. 172. **323**. К. 68, о. п., 1961; там же, л. 174. **324**. К. 74, о. п., 1961; там же, л. 181. *Суслы, АССРНП, П. С. Рыков.* **325**. Случ. н., 1913, III; СКМ, № 516. **326**. К. 40, о. п., 1924, IV; АЛОИА, ф. 2, 1924, д. 178, л. 47; СКМ, № 513. **327**. К. 69, о. п., 1926, I; ЛОИА, ф. 2. 1927, д. 187, л. 71. *Терновка, Камышинск. у., Ф. В. Баллод.* **328**. К. 1, о. п., 1920; Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи, стр. 60; СКМ, № 488. *Тинаки, КАССР, П. С. Рыков.* **329**. К., о. п., 1929, IV; ИНВИК, IV, стр. 58; СКМ, № 1196. *Три Брата, КАССР, I группа, П. С. Рыков.* **330**. К. 2, о. п., 1933; СА, I, стр. 120; СКМ, № 1447. **331**. К. 3, в. п. 2, 1933; АЛОИА, ф. 2, 1933, д. 141, л. 17; СКМ, № 145. **332**. К. 11, в. п. 6, 1934, IV; СА, I, стр. 137; СКМ, № 1482. **333**. К. 12, о. п., 1934; СА, I, стр. 137. **334**. К. 13, о. п., 1935, I; АЛОИА, ф. 2, 1935, д. 107, л. 21. **335**. К. 14, о. п., 1935, IV; там же, л. 22; СКМ, № 1509. **336**. К. 18, о. п., 1935, I; там же, л. 33; СКМ, № 1516. **337**. К. 24, о. п., 1935; там же, л. 45. *Три Брата, КАССР, II группа, П. С. Рыков.* **338**. К. 2, в. п. 2, 1934, IV; АЛОИА, ф. 2, 1934, д. 263, л. 5, **339**. К. 3, о. п., 1934; там же, л. 17. **340**. К. 6, о. п., 1934; СА, I, стр. 142. **341**. К. 8, о. п., 1934, IV; там же, стр. 142; СКМ, № 1489. **342**. К. 11, о. п., 1934, IV; там же, стр. 144; СКМ, № 491. **343**. К. 19, о. п., 1934; АЛОИА, ф. 2, 1934, д. 263, л. 23. **344**. К. 23, о. п., 1934; там же, л. 25. **345**. К. 27, о. п., 1934; СА, I, стр. 156; СКМ, № 1503. *Труевская Маза, Саратовск. губ.* **346**. Случ. н., IV; ИАК, приб. к № 32, стр. 96; ТСУАК, вып. 30, стр. 17. *Улан-Эрге, Астраханск. губ.* **347**. Случ. н., 1902, IV; ДАК, 1902, № 46. *Усть-Курдюм, Саратовск. у., Ф. В. Баллод.* **348**. К. 2, о. п., 1920, IV; Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи, стр. 83; СКМ, № 505. *Фриденберг, АССРНП, I группа, П. С. Рыков.* **349**. К. 7, в. п. 1, 1925; ИКИИЮВО, I, стр. 123; СКМ, № 480. *Фриденберг, АССРНП, II группа, П. С. Рыков.* **350**. К. 3, о. п., 1925, IV; ИКИИЮВО, I, стр. 125; СКМ, № 478, 479. **351**. К. 4, о. п., 1925; там же, стр. 125. *Харьковка, АССРНП, I группа, П. С. Рыков, Б. Н. Граков.* **352**. К. 9, о. п., 1926, IV; А. Кушева-Грозевская. Ук. соч., стр. 7—27; АЛОИА, ф. 2, 1926, д. 205, л. 6; ГИМ, инв. № 58702. **353**. К. 13, о. п., 1926, IV; А. Кушева-Грозевская. Ук. соч., стр. 7—8; АЛОИА, ф. 2, 1926, д. 205, л. 6; ГИМ, инв. № 58702. *Харьковка, АССРНП, II группа, П. С. Рыков, Б. Н. Граков.* **354**. К. 2, о. п., 1926, IV; *А. Кушева-Грозевская.* Ук. соч., стр. 5—24; ГИМ, инв. № 57793. *Цаган-Эльсин, КАССР, I группа, И. В. Синицын.* **355**. К. 1, о. п., 1937, IV; АЛОИА, ф. 2, 1937, д. 281, л. 11; СКМ, № 1611. *Царев, Волгоградск. обл., Ф. В. Баллод.* **356**. К., о. п., 1922; Ф. В. Баллод. Старый и Новый Сарай. Казань, 1923, стр. 26. *Царевщино, Саратовск. губ.* **357**. К. 1; ИОАИЭ, XIV, стр. 445. *Цаца, Волгоградск. обл., В. П. Шилов.* **357а**. К. 9, о. п., 1962; АИА, д. 2728, л. 126. *Энгельс, П. С. Рыков.* **358**. К. 36, в. п. 2, 1927; АЛОИА, ф. 2, 1927, д. 187, л. 194. **359**. К., о. п., 1959, III; СА, 1960, № 4, стр. 191. *Яндыковский улус, Астраханск. губ.* **360**. Случ. н., 1882; АЛОИА, ф. 5, д. 337, л. 118, 215. *Яшкуль, КАССР, П. С. Рыков.* **361**. К. 1, о. п., IV; ИНВИК, IV, стр. 61; СКМ, № 1172.

Аскайская, I Донск. окр., И. М. Сулин. **361а**. К., о. п., 1902; КП, стр. 214. *Александровка, Матвеево-Курганск. р., Б. В. Лунин.* **362**. К. 2, о. п., 1936, IV; «Зап. Северо-Кавказского краевого о-ва археологии, истории и этнографии», I, вып. 2, 1927. *Атюкта, близ Новочеркасска.* **362а**. Случ. н., 1899; КП, стр. 210. *Верхне-Янченков, Ростовск. обл., С. И. Капошина,* **363**. К. 11, в. п. 10, 1960, IV; «Археологические исследования на Дону», стр. 138. *Вешенская, Донецк. окр.* **263а**. Случ. н., 1902; КП, стр. 203. *Обл. Войска Донского, В. Н. Ястребов.* **364**. К., о. п., 1890, IV; ГИМ, хр. 15/13а. *Головая, Донецк. окр.* **364а**. Случ. н., I; НМ, инв. № 3435; КП, стр. 209. *Грушевская, Черкасск. окр., И. М. Сулин.* **365**. К., о. п., 1896, IV; там же, стр. 211. *Жуков, I Донск. окр.* **365а**. Случ. н., IV; там же, стр. 240. *Заплавская, I Донск. окр.* **365б**. Случ. н., 1890-е годы; там же, стр. 208. *Кумшацкая, I Донск. окр.* **365в**. Случ. н., IV; там же, стр. 207. *Морской Чулек, Донск. обл., Н. И. Веселовский.* **366**. К. 3, в. п., 1900, II; ОАК, 1900, стр. 48; ГИМ, хр. 99/46б. *Мостовский, близ Новочеркасска, В. Н. Ястребов.* **367**. К. 2, в. п. 2, 1890; ОАК, 1890, стр. 46. **368**. К. 3, о. п., 1890; ОАК, 1890, стр. 46. *Недвиговка, Ростовск. обл., М. Д. Гвоздовер.* **369**. Погребение 1, 1959, IV; «Археологические раскопки на Дону», 1962, стр. 133. **370**. Погребение 2, 1959, IV; там же, стр. 133. **371**. Погребение 3, 1959, IV; там же, стр. 135. *Неклиновка, Обл. Войска Донского, А. А. Миллер.* **372**. К., о. п., 1906; ИАК, приб. к вып. 37, стр. 21. *Нечаевская, II Донск. окр.* **372а**. К. «Мечеть», случ. н., 1886, I; КП, стр. 204. *Нижне-Журовская, Донецк. окр.* **372б**. Случ. н.; там же, стр. 222. **372в**. Случ. н., I; там же, стр. 223. *Нижне-Кундрюченская, Ростовск. обл., В. Харламов.* **373**. К. 1, о. п., 1900; «Тр. ХПАС», стр. 169, 580. **374**. К. 2, о. п., 1900; там же, стр. 169, 581; КП, стр. 220. *Нижне-Курмояровская, I Донск. окр.* **374а**. Случ. н., КП, стр. 205. *Новочеркасск, балка «Таловая».* **374б**. Случ. н., 1897; там же, стр. 209. *Новочеркасск., ур. «Большой лог», И. М. Сулин.* **374в**. Случ. н., 1897; там же, стр. 213. **374г**. К., о. п., 1902; там же, стр. 214. *Первомайское, Ростовск. р., И. С. Каменецкий.* **374д**. К., в. п. 1, 1955; АИА, д. 1119, л. 34. **374е**. К., в. п. 3, 1955; там же, л. 36. *Саркел, Ростовск. обл., М. И. Артамонов, С. А. Плетнева.* **375**. К. 1, о. п., 1934, I; Эрм., 34/3—9, 14, 18, 19; МИА, № 109, стр. 218. **376**. К. 2, о. п., 1934, I; Эрм., 34, № 1; МИА, № 109, стр. 218. **377**. К. 3, о. п., 1934, I; там же, стр. 218. **378**. К. 4, о. п. 1, 1934; там же. **379**. К. 4, в. п. 2, 1934; там же. 380. К. 5, о. п., 1934, II; там же. **381**. К. 6, о. п., 1934; там же. **382**. К. 7, о. п., 1934, I; там же, стр. 219. **383**. К. 8, о. п., 1935, II; там же. **384**. К. 9, о. п., 1935; там же. **385**. К. 10, о. п. 2, 1935; там же, стр. 220. **386**. К. 10, в. п. 1, 1935; там же. **387**. К. 11, о. п., 1935; там же. **388**. К. 12, о. п., 1935; там же. **389**. К. 13, о. п., 1935; там же. **390**. К. 14, о. п., 1935; там же. **391**. К. 16, о. п., 1935; там же. **392**. К. 18, о. п. 1, 1935; там же. **393**. К. 20, о. п., 1949; там же, стр. 221. **394**. К. 21, о. п., 1949; там же. **395**. К. 22, о. п., 1949; АЛОИА, д. 301, л. 48. **396**. К. 23, о. п., 1949; там же. **397**. К. 15, о. п. 4, 1950; МИА, № 62, стр. 153. **398**. К. 27, о. п., 1950; МИА, № 109, стр. 221. **399**. К. 28, о. п., 1950; там же, стр. 222. **400**. К. 29, о. п., 1950; там же. **401**. К. 30, о. п., 1950; АИА, д. 464, л. 80. **402**. К. 30, в. п., 1950; там же. **403**. К. 33, о. п., 1951; МИА, № 109, стр. 222. **404**. К. 34, о. п., 1951, I; там же. **405**. К. 35, о. п., 1951; там же, стр. 223. **406**. К. 36, о. п., 1951; там же, стр. 224. **407**. К. 37, о. п., 1951, II; там же. **408**. К. 38, о. п. 1, 1951; там же, стр. 225. **409**. К. 38, в. п. 2, 1951; там же. **410**. К. 39. о. п., 1951; там же, стр. 226. **411**. К. 40, о. п., 1951, I; там же. **412**. К. 41, о. п., 1951, II; там же. **413**. К. 42, о. п., 1951; там же. **414**. К. 43, о. п., 1951, II; там же, стр. 228. **415**. К. 45, о. п., 1951, II; там же. **416**. К. 46, о. п., 1951; МИА, № 62, стр. 165. **417**. К. 47, о. п., 1951, II; МИА, № 109, стр. 229. **418**. К. 48, о. п., 1951, II; там же. **419**. К. 49, о. п., 1951; там же, стр. 229. **420**. К. 53, о. п., 1951, II; там же, стр. 230. **421**. К. 54, о. п., 1951, I; там же, стр. 231. **422**. К. 56, о. п., 1951, II; там же, стр. 232. **423**. К. 59, о. п., 1951, I; там же, стр. 232—233. **424**. К. 60, о. п., 1951; там же, стр. 235. *Саркел, Ростовск. обл., холмы у стен городища.* **425**. Насыпь 18, погребение, 1938; там же, стр. 236. **426**. Насыпь 15, погребение 3, 1949; там же, стр. 233—235. **427**. Насыпь 15, погребение 4, 1950; там же, стр. 235. **428**. Насыпи 19 и 25, погребение 56, 1950; там же, стр. 237. *Средняя Аюла, Сальск. окр., И. М. Сулин.* **428а**. К., о. п., 1901; «Тр. ХПАС», I, стр. 250. *Усть-Белокалитвенская, Донецк. окр., В. Харламов.* **429**. К., о. п., 1900; «Тр. ХПАС», стр. 171, 582; КП, стр. 218. **429а**. К, случ. н., IV; там же, стр. 217. *Усть-Быстрянская, I Донск. окр.* **430**. Случ. н., 1904, IV; там же, стр. 218; МИА, № 62, стр. 181. *Филипповская, I Донск. окр.* **430а**. Группа курганов. Инвентарь смешан; КП, стр. 206; НМ, инв. № 3634.

Бассейн Северного Донца

Бражковский, Изюмск. у., В. А. Городцов. **431**. К. 2, в. п. 2, 1903, II; «Тр. ХПАС», стр. 271. *Верхний Степок, Изюмск. у., В. А. Городцов.* **432**. К. 1, в. п. 1, 1903; «Тр. ХПАС», стр. 50, 282. **433**. К. 2, в. п. 7, 1903; «Тр. ХПАС», стр. 50, 284, 509. *До-*

нецк, М. Макаренко. **434.** К. 3, о. п., 1930, IV; АИА АН УССР, ф. ВУАК, д. 327/19. *Каменка, Бахмутск. у., В. А. Городцов.* **435.** К. 1, в. п. 1, 1903; «Тр. ХПАС», стр. 286; ДИМ, № 47003—47006. **436.** К. 7, в. п. 1, 1903; «Тр. ХПАС», стр. 292. **437.** К. 12, в. п. 2, 1903; там же, стр. 298. **438.** К. 15, в. п. 1, 1903; там же, стр. 299. **439.** К. 16, о. п., 1903, IV; там же, стр. 301; ДИМ, № 3408—3434. **440.** К. 18, о. п., 1903; «Тр. ХПАС», стр. 302. **441.** К. 9, о. п., 1903; там же, стр. 302. **442.** К. 20, о. п., 1903; там же, стр. 303; ДИМ, № 3435—3454. *Калиновская, Курск. у., Д. Я. Самоквасов.* **443.** К., о. п., 1875; МРЗ, стр. 238. *Ковалевка, Изюмск. у., В. А. Городцов.* **444.** К. 2, в. п. 1, 1903; «Тр. ХПАС», стр. 297. **445.** К. 2, о. п. 2, 1903, IV; там же, стр. 298. *Кунье, Изюмск. у., В. А. Городцов.* **446.** К. 1, в. п. 1, 1903, III; там же, стр. 339. *Луганск, С. Локтюшов.* **447.** К., о. п. 1, 1924; АИА АН УССР, ф. ВУАК, д. 109/36, л. 7. **448.** К. 2, в. п., 1926; АЛОИА, ф. 5, д. 337, л. 142. **449.** К. 2, в. п., 1926; АИА УССР, ф. ВУАК, д. 109/36, л. 14. **450.** К. 2, в. п., 1926; АИА АН УССР, ф. ВУАК, д. 109/35, л. 10; АЛОИА, ф. 5, д. 337, л. 142. *Малая Камышеваха, Изюмск. у., В. А. Городцов.* **451.** К. 2, в. п. 1, 1903; «Тр. ХПАС», стр. 293. **452.** К. 6, в. п. 2, 1903; там же, стр. 296. *Марченко, Бахмутск. у., В. А. Городцов.* **453.** К. 27, в. п. 1, 1903; там же, стр. 274, 346. *Нижняя Дуванка, Купянск. у., Е. П. Трефильев.* **454.** К., 2, о. п., 1901, IV; там же, стр. 132. **455.** К. 4, о. п., 1901, IV; там же, стр. 132. **456.** К. 8, о. п., 1901, IV; там же, стр. 132. *Николаевка, Изюмск. у., В. А. Городцов.* **457.** К. 3, в. п. 1, 1903; там же, стр. 228. **458.** К. 3, в. п. 2, 1903; там же. **459.** К. 4, в. п. 3, 1903, IV; там же, стр. 230. *Ново-Александровка, Бахмутск. у., В. А. Городцов.* **460.** К. 2, в. п. 1, 1903; там же, стр. 323. *Переездная, Бахмутск. у., В. А. Городцов.* **461.** К. 4, о. п., 1903; там же, стр. 310. *Пески, Бахмутск. у., В. А. Городцов.* **462.** К. 2. «Ряспая могила», о. п., 1903, IV; ЗРАО, VIII, вып. 1, стр. 45. **463.** К. 4, о. п., 1903; там же, стр. 44—48. **464.** К. 17, о. п., 1903; IV; «Тр. ХПАС», стр. 338. **465.** К. 18, в. п., 1903; там же, стр. 338. **466.** К. 22, о. п., 1903, IV; там же, стр. 272; ГИМ, инв. № 42836. **467.** К. 23, о. п. 3, 1903; «Тр. ХПАС», стр. 273—274, 343. *Петровка, Харьковск. обл., П. Н. Третьяков.* **468.** К. 1, о. п., 1938; АИА АН УССР, ф. А/11, № 6, л. 17. **469.** К. 1, о. п., 1938; там же. **470.** К. 1, о. п., 1938; там же. *Пришиб, Славянск. р.* **471.** К., о. п., I; АП, вып. IV, стр. 102. *Рай-Городок, Изюмск. у., В. А. Городцов.* **472.** К. 2, в. п. 2, 1903; «Тр. ХПАС», стр. 261. **473.** К. 3, о. п. 1, 1903; там же. *Рассыпной Лес, Бахмутск. у., В. А. Городцов.* **474.** К. 6, в. п. 1, 1903; там же, стр. 330; ГИМ, хр. 13/14а. **475.** К. 7, в. п. 2, 1903, II; «Тр. ХПАС», стр. 331. **476.** К. 8, о. п., 1903; там же. *Сватовая Лучка, Купянск. у., Е. П. Трефильев.* **477.** К. 5, о. п., 1901, IV; там же, стр. 138. *Селимовка, Изюмск. у., В. А. Городцов.* **478.** К. 1, в. п. 1, 1903; там же, стр. 46, 234, 508. **479.** К. 2, в. п. 1, 1903; там же, стр. 46, 236. *Славяносербск, С. А. Локтюшов.* **480.** К., о. п., 1918; АИА АН УССР, ф. ВУАК, д. 17, л. 79. *Стратилатовка, Изюмск. у., В. А. Городцов.* **481.** К. 8, о. п., 1903; «Тр. ХПАС», стр. 50, 280. **482.** К. 9, в. п. 1, 1903, I; там же. *Ступки, Бахмутск. у., В. А. Городцов.* **483.** К. 5, в. п. 7, 1903; там же, стр. 320—321. *Торская, Купянск. у., Е. П. Трефильев.* **484.** К. 1, о. п., 1901, II; там же, стр. 142, **485.** К. 2, о. п., 1901; там же. *Хаджопуло, Изюмск. у., В. А. Городцов.* **486.** К. 2, в. п. 1, 1903; там же, стр. 286. *Черевков, Изюмск. у., В. А. Городцов.* **487.** К. 1, в. п. 3, 1903; там же, стр. 264. *Ямполь, Изюмск. у., В. А. Городцов.* **488.** К. 1, в. п. 6, 1903, II; там же, стр. 247. **489.** К. «Красная могила», случ. н., 1900; там же, стр. 247.

Северо-Западный Кавказ

Анапа, Н. И. Веселовский. **490.** К. 1, о. п., 1894; ОАК, 1894, стр. 82; ГИМ хр. 27/33а. **491.** К. 2, о. п. 1, 1894; ОАК, 1894, стр. 82; ГИМ, № 33616. **492.** К. 2, в. п. 2, 1894; ОАК, 1894, стр. 82; ГИМ, оп. 348/49—54. **493.** К. 3, о. п., 1894; ОАК, 1894, стр. 83. **494.** К. 4, о. п., 1894; там же, **495.** К. 4, в. п., 1894; там же, стр. 84. **496.** К. 5, о. п., 1894, II; там же; ГИМ, № 33616. **497.** К. 6, о. п., 1894; ОАК, 1894, стр. 85. **498.** К. 6, в. п., 1894; там же. *Ахметовская, Кубанск. обл., Н. И. Веселовский.* **499.** К., о. п., 1904; ОАК, 1905, стр. 69. *Краснодар. В. Л. Бернштам.* **499а.** К. 1, о. п., 1879; ТПК VAC, стр. 303. *Курчанская, Таманск. р., П. Н. Кондаков.* **500.** К., о. п., 1880, ОАК, 1880, стр. 5. **501.** К., в. п., 1880; там же, стр. 6. *Ладожская, Кубанск. обл., Н. И. Веселовский.* **502.** К. 11, в. п., 1902, III; ОАК, 1902, стр. 74, 158; ГИМ, оп. 341. *Мысхако, близ Новороссийска, В. И. Сизов, Н. И. Веселовский.* **503.** К. 1, о. п., 1886, IV; МАК, II, стр. 21; ГИМ, хр. 3/2, 35—41. **504.** К., о. п., 1894; ОАК, 1894, стр. 13. *Некрасовская, Кавказск. у., группа «А», В. Л. Бернштам.* **504а.** К. 15, о. п., 1879; ТПК VAC, стр. 314. **504б.** К. 16, о. п., 1879; там же, стр. 315. **504в.** К. 20, о. п., 1879; там же, стр. 315. *Новороссийск, П. С. Уваров, В. И. Сизов.* **505.** К. 1, о. п., 1886; МАК, II, стр. 73, 144. **506.** К. 1, о. п., IV; ИАК, 11, стр. 69; ГИМ, хр. 43/34 б. **507.** К. 3, о. п.; ГИМ, хр. 43/33б. **508.** К. 4, о. п.; ГИМ, хр. 43/34б. **509.** К., о. п.; ГИМ, оп. 257. *Праздничный, Кубанск. обл., Н. И. Веселовский.* **510.** К., в. п., 1903, II; ОАК, 1903, стр. 75; ГИМ, хр. 14/1, 21/13 б, 21/19 а. *Раевская, Новороссийск. у., ур. «Ногай-Кале», В. И. Сизов, Ю. А. Кулаковский.* **511.** К. 2, в. п. 1, 1886; МАК, II, стр. 99. **512.** К. 2, в. п. 2, 1886, IV; там же; ГИМ, хр. 27/39б. **513.** К. 4, о. п., 1886; МАК, II, стр. 101. **514.** К., о. п., 1894, IV; ОАК, 1894, стр. 97, 172. **515.** К., в. п., 1894; ОАК, 1894, стр. 97. *Ста-*

рая Мышастовка, Екатеринодарск. у., В. Л. Бернштам. **516**. К. 3, о. п., 1879; ТПК VAC, стр. 305. **517**. К. 53, о. п., 1879, IV; там же, стр. 307. **518**. К. 14, о. п., 1879, IV; там же. *Темиргаевская, Майкопск. у., В. Л. Бернштам.* **518а**. К. 5, о. п., 1879; ТПК VAC, стр. 312. **518б**. К. 15, о. п., 1879; там же, стр. 312. **518в**. К. 35, о. п., 1879; там же, стр. 313. *Тульская, Кубанск. обл., Н. И. Веселовский.* **519**. К. 10, о. п., 1897; ОАК, 1897, стр. 21. *Ульский, Майкопск. у., В. Л. Бернштам, группа «В».* **519а**. К. 1, о. п., 1879; ТПК УАС, стр. 309. *Ульский, Майкопск. у., группа «С», В. Л. Бернштам.* **519б**. К. 14, о. п., 1879; IV, там же, стр. 310. *Усть-Лабинская, Кубанск. обл., Н. И. Веселовский.* **520**. К. 7, о. п., 1903, IV; ОАК, 1903, стр. 70; ГИМ, хр. 26/46а. **521**. К. 8, о. п., 1902, IV; ОАК, 1903, стр. 70, ГИМ, хр. 21/13 а. **522**. К. 9, о. п., 1903; ОАК, 1903, стр. 70; ГИМ, хр. 21/14 б. **523**. К. 11, о. п., 1903, IV; ОАК, 1903, стр. 70; ГИМ, оп. № 341. **524**. К. 13, о. п., 1903; ОАК, 1903, стр. 70; ГИМ, хр. 21/14 б.

Центральный Северный Кавказ

Задвиженская, Ставропольск. губ. **525**. Случ. н.; ЗРАО, VIII, вып. 1, стр. 45. *Кизилы, Александровск. у., В. Р. Апухтин.* **526**. К., о. п. 1; ИАК, приб. к № 5, стр. 54. *Моздок, А. А. Миллер, Б. Б. Пиотровский.* **527**. К. 1, о. п., 1936, IV; АЛОИА, ф. 2, 1936, д. 313, л. 7; Эрм., 1475/1—9. **528**. К. 2, о. п., 1935, IV; АЛОИА, ф. 2, 1935, д. 343, л. 27; Эрм., 1475, № 1—17. **529**. К. 5, о. п., 1936, IV; АЛОИА, ф. 2, 2936, д. 315, л. 315; Эрм., 1475, № 15. **530**. К. 6, о. п., 1936, IV; АЛОИА, ф. 2, 1936, д. 315, л. 15; Эрм. 1475, № 16—24. *Подлужный, Ставропольск. губ.* **531**. Случ. н., 1954; Ставропольск. музей, № 12658. *Пятигорск, колония Константиновка, среди курганов белореченского типа, Д. Я. Самоквасов.* **532**. К. 8, о. п., 1882, IV; МРЗ, стр. 249. **533**. К. 9, о. п., 1882; там же.

Среднее течение Дона

Воробьево, Воронежск. обл. **534**. К., случ. н.; ГИМ, хр. 15/31б, 15/30б. *Гаевка, Валуйск. у., Воронежск. губ.* **535**. К., случ. н., 1905, I; ОАК, 1905, стр. 95; Эрм., 999, № 46—50. *Марок, Воронежск. губ., А. Я. Кожевников.* **536**. К., о. п., 1872, IV; «Тр. ХАС», стр. 6; ИОЛЕАЭ, т. XXXI, ч. II, стр. 7; ГИМ, хр. 15/33 б. *Рыкань. Воронежск. губ.* **537**. Случ. н.; АЛОИА, ф. 5, д. 340, л. 211.

Крым

Васильевка, Феодосийск. у. **538**. К., случ. н., 1894; ОАК, 1894, стр. 43. *Керчь, Ю. А. Кулаковский.* **539**. К., о. п., 1894; там же, стр. 8; ГИМ, хр. 18/211. *Ленино, близ Керчи, А. М. Лесков.* **539а**. К., о. п., 1961, II; сообщение А. М. Лескова. *Сарайлы-Кият, Симферопольск. у., Н. И. Веселовский.* **540**. К., в. п., 1892, IV; ОАК, 1892, стр. 6; Эрм., 97, № 4, 19, 21, 24—26. *Симферополь, Н. И. Веселовский.* **541**. К., в. п., 1898, IV; ДАК, 1896, № 96. **542**. К. 2, о. п., 1895; ОАК, 1895, стр. 10. **543**. К. 5, в. п., 1895; там же. **544**. К. 6, в. п., 1895; АЛОИА, ф. 5, д. 337, л. 72. **545**. К. 7, в. п., 1895; там же. *Трасса Северо-Крымского канала, А. А. Щепинский.* **546**. К. 5, в. п. 61, 1963, **547**. К. 9, в. п. 1, 1963. **548**. К. 13, в. п. 12, 1963. *Узкая могила, Симферопольск. у., Н. И. Веселовский.* **549**, «Таласевский к.». 2, о. п., 1891, IV; Эрм., 934, № 1—21.

Северное Приазовье

Аккермень, Запорожск. обл., I группа, А. И. Тереножкин. **550**. К. 5, в. п. 9, 1951; АИА УССР, ф. Э, 1951/5А, л. 8. **551**. К. 12, в. п. 8, 1951; там же, л. 53. **552**. К. 16, в. п. 1, 1951; там же, л. 68. *Аккермень, Запорожск. обл., II группа, Г. Т. Титенко.* **553**. К. 4, в. п. 2, 1952; АИА АН УССР, ф. Э, д. 1952/7в, л. 17. *Бердичевск. у., А. Фрименко.* **554**. К. 569, о. п.; IV; АЛОИА, ф. 5, д. 340, л. 202. *Веселое, Мелитопольск. у.* **555**. К. оп. п., II; ДИМ, № 5382—5385. *Гаевка, Таганрогск. р.* **555а**. Случ. н., 1963, IV; Таганрогск. музей. *Глебовка, Черноморск. обл.* **555б**. Случ. н., III; ГИМ, хр. 43/29а. *Гусельщиков, Таганрогск. окр., А. А. Миллер.* **556**. К., о. п., 1902, в насыпи каменная плита с датой 781 г. х., IV; ИАК, приб. к № 21—22, стр. 38. **557**. К., о. п., 1902; АЛЮР, 1903, стр. 12; «Тр. XIIAC», стр. 750. **558**. К. «Е», о. п., 1906; АЛОИА, ф. 5, д. 340, л. 218. **559**. К. «Н», о. п., 1906; там же, л. 220. **560**. К. «Ц», о. п., 1906; там же, л. 218. *Долинка, Запорожск. обл.* **561**. К. 6, в. п. 10, 1951; АИА АН УССР, ф. Э, 1951/5 д. *Демьяновка, Мелитопольск. у.* **562**. Случ. н., 1899, II; ИАК, вып. 2, стр. 81; ОАК, 1899, стр. 127; Эрм., № 9427. *Денисово, Мелитопольск. у.* **563**. К. 2, о. п., 1889; ОАК, 1889, стр. 16. **564**. К. 3, о. п., 1889; там же. *Елизаветовская, Таганрогск. окр., А. А. Миллер.* **565**. К. 12, в. п., 1912; ИАК, № 56, стр. 233. *Кальмиус, Мариупольск. у., Е. П. Трефильев.* **566**. К., о. п., 1904; «Тр. XIIAC», стр. 367. *Малый Янисоль, Мелитопольск. у., Е. П. Трефильев.* **567**. К., о. п., 1904; там же,

стр. 368. *Мариуполь.* **568**. К., случ. н., 1934; Ждановск. муз., № 14465—614—664. **569**. К., случ. н., II; там же, № 920/1—15. *Нижние Серогозы, Мелитопольск. у.* **570**. Случ. н., 1902; ОАК, 1902, стр. 134. *Ногайск, Таврическ. губ., Е. Н. Бранденбург.* **571**. К. 255, о. п., 1892; Бр., стр. 193; Эрм., 942, № 1, 2. **572**. К., случ. н.; «Тр. ХАС», стр. 13. *Первомаевка, Херсонск. обл. В. И. Канивец, И. М. Самойловский.* **573**. К., в. п., 1954, II; АИА АН УССР, ф. Э, 1953/2 г, стр. 3. **574**. К., о. п. 1, 1954, II; АИА АН УССР, ф. Э, № 1954/2е, л. 7. *Покровское, Таганрогск. у., А. А. Миллер.* **574а**. К. «А», о. п., 1902; Архив Таганрогск. музея, ф. 6, д. 131, лл. 23—24. **575**. К. «В», о. п., 1902; там же, л. 25. **576**. К. «С», о. п., 1902; там же, л. 25. **576а**. К. «Д», о. п., 1902; там же, л. 25. **576б**. К. «Е», о. п., 1902; там же, л. 26. **576в**. К. «Г», о. п., 1902; там же, л. 26. **577**. К. «М», о. п., 1902; там же, л. 26. *Преслав, Ногайск. р., Б. Н. Граков.* **578**. К. 2, в. п. 4, 1951; АИА АН УССР, ф. Э, 1951/19, стр. 13. *Таганрог, к северу от города, А. А. Миллер.* **579**. К., о. п., 1902, II; ОАК, 1902, стр. 24. *Таганрог, ур. «Золотая Коса», М. А. Миллер.* **580**. К. 2, о. п., 1927; АЛОИА, ф. 5, д. 337, л. 130; ф. 2, 1927, д. 124. **581**. К. 2, в. п., 1927; там же. *Троицкое, Мелитопольск. у., Л. С. Клейн.* **582**. К. 2, в. п. 22, 1951; АИА АН УССР, ф. Э, 1951/5е, лл. 25—26. **583**. К. 4, в. п. 3, 1951; там же, л. 88. *Успенское, Таганрогск. окр.* **584**. К., случ. н., 1928, I; Архив Таганрогск. музея, ф. 6, д. 131, л. 30. *Чермалык, Мариупольск. у., Е. П. Трефильев.* **585**. К., о. п., 1904; «Тр. ХПАС», стр. 367. *Чермалык, Мариупольск. у., ур. «Цыганские могилы».* **586**. К. 1, «Цыганка», о. п., 1927, АИА АН УССР, ф. ВУАК, д. 116/9, лл. 1—2. *Чермалык, Мариупольск. у., ур. «Вербовы могилы».* **587**. К. 3, «Акритова могила», в. п., 1927, IV; там же, л. 6.

Нижнее Поднепровье

Андреевка, Екатеринославск. у. **588**. Случ. н.; ДИМ, № 3476—3483. *Афанасьевка, Новомосковск. у., Д. И. Эварницкий.* **589**. К. 3, о. п., 1903; «Тр. ХПАС», стр. 121. **590**. К. 1, о. п., 1903, IV; там же. **591**. К. 2, о. п., 1903; там же; ДИМ, № 4107, 4112, 4118, 4120, 4121. **592**. К. 4, о. п., 1903; «Тр. ХПАС», стр. 122. **593**. К. 5, о. п., 1903; там же; ДИМ, № 5056. **594**. К. 7, о. п., 1903, IV; «Тр. ХПАС», стр. 123—127; ИАК, приб. к № 6, стр. 63. *Благодатный, Александровск. у., Д. И. Эварницкий.* **595**. К. 2, о. п., 1903; «Тр. ХПАС», стр. 152. **596**. К. 3, о. п., 1903; там же. **597**. К. 3, в. п. 2, 1903; там же. *Бузовка, Новомосковск. у., Д. И. Эварницкий.* **598**. К. 1, о. п., 1903, IV; там же, стр. 119. **599**. К. 2, о. п., 1903; там же, стр. 120. *Варваровка, Павлоградск. у.* **600**. Курганный могильник; материал на комплексы не разделен; ИАК, № 43, стр. 101. *Водяное, Мелитопольск. у., С. Дудко.* **601**. К. «Девичья могила», в. п. 2, 1902, II; ДАК, 1901, № 251. *Войницы, Полтавск. у., Д. Я. Самоквасов.* **602**. К., в. п., 1877; МРЗ, стр. 238; ГИМ, хр. 3/9, 97/56б. *Волошское, Екатеринославск. у.* **603**. Случ. н.; ДИМ, № 3281—3297. *Вороная, Новомосковск. у., А. А. Карцева, Д. Я. Самоквасов.* **604**. К. 1, о. п., 1884; МРЗ, стр 240. **605**. К. 2, о. п., 1884; там же. **606**. К. 3, о. п., 1884; там же. **607**. К. 4, о. п., 1884; там же, стр. 241; ОАК, 1882—1888, стр. 53. **608**. К. 5, о. п., 1884; МРЗ, стр. 241. **609**. К. 7, о. п., 1907. IV; ИАК, № 43, стр. 89. **610**. К. 8, о. п., 1907, IV; там же, стр. 92. **611**. К. 9, о. п., 1907; там же, **612**. К. 10, о. п., 1907; там же, стр. 94. **613**. К. 13, о. п., 1907; там же, стр. 97. **614**. К. 14, о. п., 1907; там же, стр. 98. **615**. К. 15, о. п., 1907; там же. **616**. К. 16, о. п., 1907, IV; там же, стр. 99. **617**. К. 17, о. п. 1, 1907; там же. **618**. К. 17, о. п. 2, 1907; там же. *Вороная, Новомосковск. у., группа «Рясные могилы».* **619**. К., о. п., 1884, IV; ОАК, 1882—1888, стр. 52. *Григорьевка, Александровск. у., Д. И. Эварницкий.* **620**. К. 1, о. п., IV; «Тр. ХПАС», стр. 146. **621**. К. 2, о. п., IV; там же. **622**. К. 3, о. п., IV; там же. **623**. К. 4, о. п., IV; там же, стр. 147. **624**. К. 5, о. п., IV; там же. **625**. К. 6, о. п., IV; там же. *Грушевка, Апостоловск. у., Д. Т. Березовец.* **626**. К. 7, о. п., 1953; АИА АН УССР, ф. Э, 1953/1а, л. ф. 8. **627**. К. 8, в. п. 3, 1953, IV; там же, л. 9. *Збурьевка, Днепропетровск. у., группа «Близняты», Б. В. Фармаковский.* **628**. К., в. п., 1903; ОАК, 1903, стр. 60. *Зеленый, Запорожск. обл., Г. А. Буров.* **629**. К., в. п., 1955, IV; АИА АН УССР, ф. Э, 1955/17, л. 10. *Золотоношенск. у., Полтавск. губ.,* **630**. К., о. п., 1886, II; АЛОИА, ф. 5, д. 340, л. 10; КМ, № 108—109. *Кичкасы, Запорожск. окр., Д. И. Эварницкий, П. И. Смоличев.* **631**. К. «А», в. п., 1927; АИА АН УССР, ф. А/См., № 48, л. 4. **632**. К. «А», о. п., 1930; там же, ф. ВУАК — Дн., д. 80, л. 5. **633**. К. 27, о. п., 1930; там же. *Кут, Апостоловск. у., Д. Т. Березовец.* **634**. К. 10, в. п. 2, 1952; АП, IX, стр. 60. **635**. К. 12, в. п. 1, 1952, I; там же, стр. 61. **636**. К. 23, в. п. 4, 1952, II; там же, стр. 70. **637**. К. 26, в. п. 2, 1952, IV; там же, стр. 72. **638**. К. 25, в. п. 4, 1952; там же. *Лопасное, Новомосковск. у., Д. И. Эварницкий.* **639**. К. 5, о. п. 1; «Тр. ХПАС», стр. 134. *Лошкаревка, Никопольск. р., Т. Ф. Киранов.* **640**. К. 2, о. п., 1929; сообщение Б. Н. Гракова. *Максимовка, Кременчугск. р., Л. С. Кухарева.* **641**. Погребение 2, 1947, IV; «Исследования по археологии». Л., 1961, стр. 194. **642**. Погребение 3, 1947, IV; там же, стр. 195. **643**. Погребение 4, 1947; там же, стр. 198. *Михайловка, Запорожск. окр. Д. Я. Эварницкий.* **644**. К., о. п., 1930; АИА АН УССР, ф. ВУАК — Дн., д. 130, л. 14. *Никополь, Т. Ф. Киранов, А. Манцевич, Б. Н. Граков.* **645**. К. 6, в. п. «С», 1929; АИА АН УССР, ф. ВУАК, д. 309, л. 13. **646**. К., в. п. 1, 1932. **647**. К. 27, в. п. 1, 1936, I; «Наукові записки АН УССР», кн. II, 1946,

стр. 64. **648**. К. 3, в. п. 2, 1937. **649**. К. 3, в. п. 1, 1937, IV. **650**. К. 3, в. п. 6, 1939. **651**. К. 1, в. п. 10, 1940. **652**. К. 3, в. п. 1, 1940. **653**. К. 4, в. п. 1. 1940; МИА, № 62, стр. 165. **654**. К. 4, в. п. 2, 1940; там же, стр. 165. **655**. К. 5, в. п. 10, 1946, IV. *Новогригорьевка, Александровск. у., Д. Я. Самоквасов.* **656**. К. 1, о. п., 1884, IV; МРЗ, стр. 238. **657**. К. 2, о. п., 1884, IV; там же. **658**. К. 3, о. п., 1884, IV; там же. **659**. К. 4, о. п., 1884, IV; там же; ОАК, 1882—1888, стр. 51. **660**. К. 5, о. п., 1884, IV; МРЗ, стр. 239; ОАК, 1882—1888, стр. 49. *Ново-Збуровка, Днепровск. у., Б. В. Фармаковский.* **661**. К., в. п., 1903; АЛОИА, ф. 5, д. 340, л. 39. *Ново-Филипповская, Запорожск. обл., А. И. Тереножкин.* **662**. К. 1, в. п. 18, 1951; АИА АН УССР, ф. Э. 1951/5—і, л. 12. *Рыбальская, Новомосковск. у., Д. И. Эварницкий.* **663**. К. 2, о. п.; «Тр. XIIIAC», стр. 135. *Скалеватский р., Кировоградск. обл., П. З. Рябков, А. И. Доморацкий.* **664**. К., о. п., 1925; АИА АН УССР, ф. ВУАК, д. 49/10а, л. 7. *Солоха, Знаменск. р., А. И. Мелюкова, Б. Н. Граков.* **665**. К. 8, в. п. 2, 1961; там же, ф. Э, д. 2600, л. 87. *Татарбранка, Новомосковск. у., Д. И. Эварницкий.* **666**. К. 3, о. п., 1903, IV; «Тр. XIIIAC», стр. 127. **667**. К. 4, о. п., 1903, IV; там же. **668**. К. 5, о. п., 1903; там же. **669**. К. 7, о. п., 1903; там же; ДИМ, № К — 1910, 527, 532. *Уржево, Кировоградск. обл.* **670**. К. 8, о. п.; КМ, № 18191 — 18194. **671**. К., о. п., КМ, № 18181—18184. *Устиновка, Кировоградск. обл.* **672**. К., случ. н., 1914, II; КМ, инв. № II — 1913. *Харчевик, Каменск. р., П. Д. Либеров.* **673**. К. 1, в. п. 10, 1950; АИА АН УССР, д. 528, лл. 11, 19.

Поросье

Бабичи, Черкасск. у., Н. Е. Бранденбург. **674**. К., о. п., 1898, III; Эрм., 912, № 1, 4, 5, 8, 10—18. *Березовка, Каневск. у., Н. Е. Бранденбург.* **675**. К. 382, о. п., 1896; Бр., стр. 100. **676**. К. 384, п. «А», 1896; Бр., стр. 101. **677**. К. 384, п. «Б», 1896; Бр., стр. 101. *Берестняги, Каневск. у., Н. Е. Бранденбург.* **678**. Разрушенный позднекочевнический могильник; материал по комплексам не разделен; Эрм., 896, № 128, 996, № 10, 912, № 8—16. *Бурты, Каневск. у., Н. Е. Бранденбург.* **679**. К. 259, о. п., 1892, IV; Бр., стр. 69; Эрм., 913, № 59. **680**. К. 260. о. п., 1892, IV; Бр., стр. 69; Эрм., 913, № 31, 61, 60, 46. **681**. К. 261. о. п., 1891; Бр. стр. 69—70. **682**. К. 272, о. п., 1893; Бр., стр. 72; Эрм., 913, № 70—101. **683**. К. 273, о. п., 1893; Бр., стр. 73; Эрм., № 913, № 2, 4, 32—38. **684**. К. 258, о. п., 1892; Бр., стр. 68. **685**. К. 262, о. п., 1892; Бр., стр. 70. **686**. К. 263, о. п., 1962; Бр., стр. 72. **687**. К. 263, в. п., 1892; Бр., стр. 71. **688**. К. 276, в. п., 1892; Бр., стр. 74. **689**. К. 337, о. п., 1895, II; Бр., стр. 78. **690**. К. 340, о. п., 1892; Бр., стр. 79. *Войницы, Переяславск. у., Д. Я. Самоквасов.* **691**. К. «Острая могила», в. п., 1877; МРЗ, стр. 238. *Вороновка, Киевск. губ.* **692**. К., случ. н., 1904, II; АЛОИА, ф. 5, д. 310, л. 141. *Гадомка, Каневск. у., И. Хойновский, Н. Е. Бранденбург.* **693**. К., о. п., 1888; И. Хойновский. Краткие археологические сведения, I, 1896, стр. 102. **694**. К., оп. 1, 1888; там же, стр. 102. **695**. К., о. п. 2, 1888; там же. **696**. К., о. п. 1, 1888; там же. **697**. К., о. п. 2, 1888; там же. **698**. К., о. п., Древности, т. XV, II, стр. 125, *Гороховатка, Киевск. у., Н. Е. Бранденбург.* **699**. К. 283, в. п., 1893; Бр., стр. 84; Эрм., 906, № 1—7. **700**. К. 283, в. п., 1893; Бр., стр. 84; Эрм., 906, № 8. **701**. К. 284, в. п., 1893; Бр., стр. 85; Эрм., 906, № 9—11. **702**. К., о. п; АИА АН УССР, ф. ВУАК, № 116, л. 119. *Драчей, Каневск. у.* **703**. Позднекочевнический курганный могильник, на комплексы не разделен, случ. н., 1904; ЗРАО, VII, стр. 151. *Емчиха, Каневск. у., Н. Е. Бранденбург.* **704**. К. 354., о. п., 1895; Бр., стр. 91; Эрм., 902. № 2—6. **705**. К. 353, о. п., 1895; Бр., стр. 91. **706**. К. 355, о. п., 1895; Бр., стр. 92; Эрм., 902, № 8, 9. **707**. К. 373, в. п., 1895; Бр., стр. 93. *Забара, Каневск. у., Н. Е. Бранденбург.* **708**. К. 321, в. п., 1894, II; Бр., стр. 50; Эрм., 909, № 3—5. **709**. К. 322, о. п., 1894, II; Бр., стр. 52. **710**. К. 413, в. п., 1898; Бр., стр. 53. *Зеленка, Каневск. у., Н. Е. Бранденбург.* **711**. К. 219, о. п., 1895, II; Бр., стр. 16; Эрм., 917, № 49. **712**. К. 220, в. п., 1895; Бр., стр. 18; Эрм., 918, № 3. **713**. К. 291, о. п., 1894; Бр., стр. 19. **714**. К. 294, о. п., 1894; Бр., стр. 20; Эрм., 914, № 1. **715**. К. 297, о. п., 1894, III; Бр., стр. 21; Эрм., 912, № 1—7. **716**. К. 298, о. п., 1894; Бр., стр. 22; Эрм., 910, № 83, 911, № 15. **717**. К. 299, в. п. 2, 1894; Бр., стр. 23; Эрм., 916, № 18—28; **718**. К. 300, о. п., 1894; Бр., стр. 23; Эрм., 916, № 30, 82. **719**. К. 303, о. п., 1894, III; Бр., стр. 23—25; Эрм., 917, № 1—12. **720**. К. 304, о. п., 1894; Бр., стр. 26; Эрм., 917, № 15—28. **721**. К. 304, в. п., 1904; Бр., стр. 26; Эрм., 907, № 25. **722**. К. 305, о. п., 1894, II; Бр., стр. 26; Эрм., 917, № 29—32. **723**. К. 306, о. п., 1894; Бр., стр. 26—27; Эрм., 917, № 33—35. **724**. К. 307, о. п., 1894; Бр., стр. 27; Эрм., 917, № 36. **725**. К. 309, о. п., 1894; Бр., стр. 27. **726**. К. 310, о. п., 1894; Бр., стр. 28; Эрм. 917, № 38, 39, 41—44. **727**. К. 311, о. п., 1894; Бр., стр. 30; Эрм., 917, № 47, 48. **728**. К. 312, о. п., 1894, IV; Бр., стр. 30; Эрм., 916, № 32, 34—39, 44—48, 51—52. **729**. К. 313, о. п., 1894; Бр., стр. 31—32; Эрм., 916, № 53. **730**. К. 314, о. п., 1894; Бр., стр. 31—32; Эрм., 916, № 55—57, 60—63. **731**. К. 315, о. п., 1894; Бр., стр. 32. **732**. К. 317, о. п., 1894; Бр., стр. 33; Эрм., 916, № 64—65, 74, 75, 78—81. **733**. К. 342, в. п. 1, 1895; Бр., стр. 35; Эрм., 914, № 2. **734**. К. 343, в. п., 1895; Бр., стр. 36. **735**. К. 343, в. п., 1895; Бр., стр. 36. **736**. К. 344, о. п., 1895; Бр., стр. 37. **737**. К. 345, о. п., 1895; Бр., стр. 37; Эрм., 914, № 8. **738**. К. 346, о. п., 1895; Бр., стр. 38. **739**. К. 347, о. п., 1895; Бр., стр. 38; Эрм., 914, № 24, 31—32. *Зеленка, Каневск. у., В. Б. Антонович.* **740**. К., о. п., 1887; Каталог выставки XI АС, Киев, 1899, стр. 103, СА, 1958, № 4, стр. 60. *Зунудовка, Каневск. у., Н. Е. Бранденбург.* **741**. К. 267,

о. п., 1892; Бр., стр. 82. **742.** К. 268, о. п., 1892, Бр., стр. 82. *Кагарлык, Каневск. у., Н. Е. Бранденбург.* **743.** К. 217, о. п., 1890, III; Бр., стр. 3; Эрм., 924, № 1—11. **744.** К. 218, о. п., 1890, II; Бр., стр. 5; Эрм., 924, № 15—16. **745.** К. 334, о. п., 1895; Бр., стр. 15. **746.** К. 334, в. п., 1895; Бр., стр. 15. **747.** К. 335, о. п., 1895, III; Бр., стр. 15; Эрм., 926, № 1—5. **748.** К. 336, о. п., 1895; Бр., стр. 16; Эрм., 926, № 6—13. **749.** К. 236, в. п., 1891, II; Бр., стр. 10. **750.** К. 239, в. п., 1891; Бр., стр. 11. **751.** К. 241, в. п., 1891, II; Бр., стр. 13. *Ковали, Каневск. у., Н. Е. Бранденбург., Е. А. Зноско-Боровский.* **752.** К. 344, в. п., 1887, IV; Бр., стр. 107; Эрм., 903, № 1—3. **753.** К. 53, о. п., 1897; А. А. Бобринский. Смелы, III. Киев, 1890, стр. 123. **754.** К. 54, о. п., 1897; там же, стр. 124. *Козаровка, Каневск. у.* **755.** Случ. н.; АИА АН УССР, ф. 3, д. 69, л. 194. *Колодистое, Звенигородск. у.* **756.** Группа курганов с позднекочевническим материалом; «Киевская старина», IX, 1901, стр. V. *Колодиное, Киевск. губ.* **757.** К. 6, о. п.; АЛОИА, ф. 5, д. 237, л. 90. *Колодяжин, Киевск. губ.* **758.** К. 6, о. п., 1900, IV; АЛОИА, ф. 5, д. 337, л. 90. *Красное, Васильковск. у., А. Ревякин.* **759.** К., о. п., 1898, II; АЛОИА, ф. 5, д. 340, л. 133. *Краснополка, Каневск. у., Н. Е. Бранденбург.* **760.** К. 221, в. п., 1890, II; Бр., стр. 39; Эрм., 922, № 1—4. **761.** К. 222, о. п., 1890; Бр., стр. 41; Эрм., 922, № 7—18. **762.** К. 224, в. п., 1890; Бр., стр. 42. **763.** К. 224, в. п., 1890; Бр., стр. 42—43; Эрм., 922, № 17. **764.** К. 270, о. п., 1893, II; Бр., стр. 43; Эрм., 929, № 4, 913, № 65, 68. **765.** К. 271, в. п., 1893, Бр., стр. 44; Эрм., 913, № 19—22, 35—36. **766.** К. 271, о. п., 1893, II; Бр., стр. 44; Эрм., 913, № 1—9. **767.** К. 274, о. п., 1893; Бр., стр. 45; Эрм., 921, № 1—5. **768.** К. 275, в. п., 1893, II. Бр., стр. 45; Эрм., 921, № 2—4. **769.** К. 276, в. п., 1893, II; Бр., стр. 46; Эрм., 921, № 19—22. **770.** К. 276, в. п., 1893, II; Бр., стр. 46; Эрм., 921, № 5, 6. **771.** К. 277, в. п., 1893; Бр., стр. 47. **772.** К. 280, в. п., 1893; Бр., стр. 47. **773.** К. 281, в. п., 1893; Бр., стр. 48. *Липовец, Каневск. у., О. Н. Макаренко, Н. Е. Бранденбург.* **774.** К., о. п.; Эрм., 904, № 1—19. **775.** К. 264, в. п., 1892; Бр., стр. 80. **776.** К. 265, о. п., 1892; Бр., стр. 81; Эрм., 904, № 25. **777.** К. 265, в. п., 1892; Бр., стр. 81; Эрм., 913, № 61. **778.** К. 266, в. п., 1892, II; Бр., стр. 81. *Лучки, Васильковск. у., А. Витковский, Д. Я. Самоквасов.* **779.** К. 1, о. п., 1870; «Тр. XII АС», стр. 24. **780.** К. 2, о. п., 1870; там же, стр. 24. **781.** К. 3, о. п., 1870; там же, стр. 25. **782.** К. 4, о. п., 1870; там же, стр. 25. **783.** К. 1, о. п., 1877, IV; МРЗ, стр. 223; ГИМ, хр. 97/48а, 3/3, 69/25а, 97/5а, 71/1. **784.** К. 2, о. п., 1877; МРЗ, стр. 223; ГИМ, хр. 3/3, VIII—1/12. **785.** К. 3, о. п., 1877, IV; МРЗ, стр. 225; ГИМ, хр. 3/3. **786.** К. «Панская могила», в. п., 1877; МРЗ, стр. 238. *Мировка, Киевск. у.* **787.** К., случ. н.; КМ, № 18323. *Никольское, Каневск. у.* **788.** К., о. п., 1904, II; АЛОИА ф. 5, д. 340, л. 144. *Пешки, Каневск. у., Н. Е. Бранденбург.* **789.** К. 301, в. п., 1894; Бр., стр. 87. **790.** К. 323, о. п., 1894, IV; Бр., стр. 88; Эрм., 898, № 1—59. *Пильны, Киевск. обл.* **791.** К., случ. н.; КМ, № В—4597/2—13. *Пилипы, Уманск. р.* **792.** К., случ. н., IV; КМ, № В—4597/1—13. *Поток, Каневск. у., Н. Е. Бранденбург.* **793.** К. 400, в. п., 1897; Бр., стр. 111; Эрм., 929, № 1. **794.** К. 415, в. п., 1897, II; Бр., 112, Эрм., 920, № 1. **795.** К. 416, в. п., 1897; Бр., стр. 113. **796.** К. 417, о. п., 1898, II; Бр., 113; Эрм., 920, № 2—5. **797.** К. 452, в. п., 1899, II; Бр., 114; Эрм., 919, № 3—7. **798.** К. 452, в. п., 1899; Бр. стр. 113; Эрм., 919, № 3, 4. *Салов, Каневск. у.* **799.** К. 1, II; КМ, № 1870—1873. *Степанцы, Каневск. у., Н. Е. Бранденбург.* **800.** К. 215, о. п., 1890; Бр., стр. 2—3; Эрм., 911, № 10—13. **801.** К. 216, о. п., 1890; Бр., стр. 3; Эрм., 911, № 5. *Ротмистровка, Черкасск. у.* **802.** Случ. н.; А. А. Бобринский. Смелы, I, стр. 147. *Таганча, Каневск. у.* **803.** Случ. н., 1894. IV; И. Хойновский. Ук. соч., стр. 121—123. *Трилесы, Васильковск. у., А. Хмелевский.* **804.** К. о., п., 1866; И. Хойновский. Ук. соч., стр. 107. *Уманск. р., Киевск. губ.* **805.** Случ. н.; КМ, № 15648—15653. *Хальча, Киевск. у., Н. Е. Бранденбург.* **806.** К. 328, о. п., 1895; Бр., стр. 60. *Цозаровка, Каневск. у., Н. Е. Бранденбург.* **807.** К. 250, в. п., 1891; Бр., стр. 65; Эрм., 910, № 23—24. **808.** К. 250, в. п., 1891, IV; Бр., стр. 64; Эрм., 910, № 9—15. **809.** К. 269, в. п., 1892, III; Бр., стр. 66; Эрм. 910, № 25, 30—36. *Черняхово, Киевск. у., В. В. Хвойко.* **810.** К., о. п. 1; АИА АН УССР, Инвентарная книга Музея древностей при Киевском университете, № 65, л. 75. *Стретовка, Киевск. у., В. В. Хвойко.* **811.** Позднекочевнический курганный могильник, материал на комплексы не разделен; КМ, № 8846—8863. *Шандра, Каневск. у., Е. А. Зноско-Боровский. Н. Е. Бранденбург.* **812.** К. 50, о. п. 1; А. А. Бобринский. Смелы, I, стр. 121. **813.** К. 409, в. п., 1898; II; Бр., стр. 119; Эрм., 907, № 1—3. *Шарки, Васильковск. у.* **814.** Случ. н.; АИА АН УССР, Музей древностей, № 69, л. 156. *Щучинка, Киевск. у., Н. Е. Бранденбург.* **815.** К. 229, о. п., 1891; Бр., стр. 57. *Юзефовка, Киевск. у., Н. Е. Бранденбург.* **816.** К. 247, о. п., 1891, IV; Бр., стр. 61; Эрм., 917, № 7—17. **817.** К. 247, о. п., 1891; Эрм., 927, № 8, 19. **818.** К. 247, о. п., 1891; Бр., стр. 63. *Яблоновка, Каневск. у., Д. Я. Самоквасов.* **819.** К. 2, о. п., 1876, II; МРЗ, стр. 237—238, 297; ГИМ, хр. 97/48а.

Поднестровье и Побужье

Апостоло-Михайловское, Херсонск. у., Д. И. Эварницкий. **820.** К., в. п., 1897; АЛЮР, I, стр. 58. *Белозерское, Херсонск. у., Г. Л. Скадковская.* **821.** К. 14, о. п. 1; «Тр. VIIIAC», стр. 105, 106, 126—128. **822.** К. 31, о. п.; там же, стр. 105, 143. **823.** К. 39, о. п.; там же, стр. 105, 148. *Болгары, Ольгопольск. у., Нейман.* **824.** Позднекочевнические курганы,

раскопано 7 курганов, на комплексы материал не разделен; ЗРАО, XI, стр. 282. *Гавриловка, Ново-Воронцовск. р., Н. Н. Погребова.* **825**. К. 1, в. п. 9, 1953; АИА АН УССР, ф. Э, 1955/3, л. 39. *Градишта, Чимишлийск. р., МССР, Т. Г. Оболдуева.* **826**. К., в. п., 1946, II; «Изв. МФАН СССР», № 5, стр. 37. *Дымовка, Херсонск. у., В. И. Гошкевич.* **827**. К. 2, в. п., 1893; ЗРАО, VIII, стр. 172. **828**. К. 12, о. п., 1893; там же, стр. 175. **829**. К. 13, о. п., 1893; там же. **830**. К. 14, о. п., 1893, IV; В. И. Гошкевич. Ук. соч., стр. 385; Херсонский музей, инв. № 385. *Зажарная могила, Херсонск. у.* **831**. К., о. п. 1, II; «Тр. XI АС», стр. 730. *Каменка, Ольгопольск. у., Н. Е. Бранденбург.* **832**. К. 428, о. п., 1899, IV; Бр., стр. 166; Эрм., 949, № 1—12. **833**. К. 429, о. п., 1899; Бр., стр. 167; Эрм., 949, № 14, 19. **834**. К. 430, о. п., 1899; Бр., стр. 167; Эрм., 949, № 20—22. **835**. К. 431, о. п., 1899, IV; Бр., стр. 167; Эрм., 949, № 25—29. **836**. К. 432, о. п., 1899; Бр., стр. 167—168; Эрм., 949, № 30—33. **837**. К. 433, о. п., 1899, II; Бр., стр. 168; Эрм., 949, № 40—53. **838**. К. 434, о. п., 1899; Бр., стр. 169; Эрм., 848, № 55—65. **839**. К. 435, о. п., 1899; Бр., стр. 169; Эрм., 949, № 151, 154. **840**. К. 436, о. п., 1899; Бр., стр. 169; Эрм., 949, № 156. **841**. К. 437, о. п., 1899; Бр., стр. 170. **842**. К. 438, о. п., 1899, IV; Бр., стр. 170; Эрм., 949, № 79, 81—87. **843**. К. 439, о. п., 1899, IV; Бр., стр. 172, 180; Эрм., 949, № 89—91. **844**. К. 440, о. п., 1899; Бр., стр. 172; Эрм., 949, № 95. **845**. К. 441, о. п., 1899, IV; Бр., стр. 171; Эрм., 949, № 96, 100—116. **846**. К. 442, о. п., 1899, IV; Бр., стр. 172; Эрм., 949, № 136—142. **847**. К. 443, о. п., 1899, II; Бр., стр. 173; Эрм., 949, № 124, 128. *Карагаш, Тираспольск. у., Л. С. Стемпковский.* **848**. К. 333/155, о. п., 1899; ДАК, 1905, № 15; л. 99. **849**. К. 334/156, о. п., 1899; там же, л. 100. *Краснополка, Тираспольск. у., Л. С. Стемпковский.* **850**. К. 203/25, в. п. 3, 1898; ДАК, 1898, № 10, л. 91. *Крилос, Станиславск. обл., Я. Пастернак.* **850а**. К. 1, о. п., 1935, I; АН, XXI. **850б**. К. 2, о. п., 1935, I; там же. *Кириничная Балка, Снегиревск. р., Л. М. Славин.* **851**. К., в. п. 3, 1952, II; АИА АН УССР, ф. Э, 1952/9, л. 38. *Межеричка, Балтск. у., Нейман.* **852**. К. 1, о. п., 1895, IV; ЗРАО, IX, стр. 281; ГИМ, хр. 47/27б. **853**. К. 4, о. п., 1895, IV; там же; ДАК, 1898, № 9; ГИМ, хр. 16/3, 41/35б. **854**. К. 5, о. п., 1898, IV; ЗРАО, IX, стр. 281; АЛОИА, ф. 5, д. 337, л. 272; ГИМ, хр. 41/36аб, 41/39б. *Маяк, Елизаветградск. у., Е. А. Значко-Яворский.* **855**. К., о. п., 1912; Эрм., 766, № 1—8, 31. *Нерубайское, Одесск. обл., Ю. Н. Захарук.* **856**. К. 1, о. п., 1946, IV; АП, I, стр. 138—144; АП, II, стр. 203. **857**. К. 2, о. п., 1946, IV; АП, I, стр. 138; АП, II, стр. 203. *Николаевка, Херсонск. у. А. Л. Коломийцев.* **858**. К., о. п., IV; В. И. Гошкевич. Ук. соч., стр. 40. *Новогригорьевка, Николаевск. обл., Б. Н. Граков.* **858а**. К. 2, в. п., 1957; АИА АН УССР, Отчет скифской экспедиции за 1957 г. *Новосавицкая, Тираспольск. у., Л. С. Стемпковский.* **859**. К. 362/184, о. п. 1, 1899; ДАК, 1905, № 15, л. 132. **860**. К. 364/186, о. п., 1899; там же, л. 134. *Олонешты, МССР, А. И. Мелюкова.* **861**. К. 2, о. п., 2, 1960; АИА, д. 2409, л. 54. *Ольгопольская, Херсонск. губ.* **862**. Случ. н.; ИАК, приб. к № 5, стр. 56. *Павловка, Аккерманск. у., Ф. И. Кнауэр.* **863**. К. 1, в. п., 10, 1891, II; ОАК, 1891, стр. 83—84, 161—163; ГИМ, хр. 15/4а, 25/13 б. **864**. К. 2, в. п., 1891; ОАК, 1891, стр. 84. *Парканы, Тираспольск. у., Л. С. Стемпковский.* **865**. К. 98/12, о. п., 1897, IV; ДАК, 1897, л. 48. **866**. К. 99/15, о. п., 1897; там же, л. 52. **867**. К. 97/11, о. п., 1897; там же, л. 42. **868**. К. 100/16, о. п., 1897, IV; там же, л. 54. **869**. К. 101/177, о. п., 1897, IV; там же, л. 55. **870**. К. 102/18, о. п., 1897; там же, л. 59. **871**. К. 103/19, о. п., 1897, IV; там же, л. 57. **872**. К. 107/23, о. п., 1897; там же, л. 31. **873**. К. 121/37, о. п., 1897, IV; там же, л. 75. **874**. К. 124/40, о. п., 1897; там же, л. 78. **875**. К. 140/56, о. п., 1897; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья, стр. 29. **876**. К. 163, о. п., 1897; ДАК, 1897, д. 62, л. 106. **877**. К. 180/2, о. п., 1898, IV; ДАК, 1898, д. 10, л. 9. **878**. К. 181/3, о. п., 1898, IV; там же, л. 62. **879**. К. 183/5, о. п., 1898; там же, л. 64. **880**. К. 297/119, о. п., 1900, IV; ДАК, 1905, № 15, л. 63. **881**. К. 298/120, о. п., 1900; там же, л. 64. **882**. К. 299/121, о. п., 1900; там же, л. 65. **883**. К. 300/122, о. п., 1900; там же, л. 66. **884**. К. 358/160, о. п., 1900; там же, л. 128. **885**. К. 359/181, о. п., 1900; там же, л. 181. **886**. К. 370/192, о. п., 1900; там же, л. 140. **887**. К. 388, о. п., 1900; И. В. Фабрициус. Ук. соч., стр. 29. **888**. К. 301/123, о. п., 1900; ДАК, 1905, № 15, л. 67. *Первомайск. Богопильск. р.* **889**. К., о. п., 1928; ВОКК, № 4—5, 1935, стр. 150. **890**. К., о. п., 1929, IV; там же, стр. 150. *Первомаевка, Херсонск. обл., В. А. Ильинская,* **891**. К., в. п., 1953, IV; АП, IX, стр. 137. *Плоское, Тираспольск. у., Л. С. Стемпковский.* **892**. К. 212/34, о. п., 1898, IV; ДАК, 1898, д. 10, л. 102. **893**. К. 213/35, о. п., 1898; там же, л. 103. **894**. К. 217/39, о. п., 1898, IV; там же, л. 107. **895**. К. 227/49, о. п., там же. **896**. К. 228/50, о. п., 1898, IV; там же, л. 118. **897**. К. 230/52, о. п., 1898; там же, л. 119. **898**. К. 247/69, о. п., 1898; там же, л. 140, **899**. К. 263/85, о. п., 1898; ДАК, 1905, № 15, л. 25. **900**. К. 264/86, о. п., 1899, IV; ДАК, 1905, № 15, л. 27. **901**. К. 15, о. п., 1902; ДАК, 1902, № 14, л. 8. *Партэштий-де-Жос, РНР,* **902**. Случ. н., 1952, IV; SCN, I, стр. 463; II, стр. 268, № 1. *Сарты, Аккерманск. у., Ф. И. Кнауэр.* **903**. К. 1, о. п., 1888, II; ЧИОНЛ, 3, стр. 35; КМ, № 4621/10. **904**. К. 2, о. п., 1888, II; там же, стр. 35. **905**. К. 3, о. п., 1888; там же, стр. 36. **906**. К. 4, о. п., 1888; там же. **907**. К. 5, о. п., 1888; там же, стр. 38; КМ, № 4621/20. **908**. К., в. п., 1889; там же, стр. 31. **909**. К., о. п., 1889, III; АЛОИА, ф. 5, д. 340, л. 234; КМ, № В — 4621/1. *Секретарка, Балтск. у.* **909а**. Случ. н., IV; ГИМ, хр. 41/38а. *Скаловатое, Бобринецк. у., Одесск. губ., А. М. Доморацкий.* **910**. К., о. п., 1924; АИА АН УССР, ф. ВУАК, д. 17, л. 108. *Суклея, Тираспольск. у., Л. С. Стемпковский.* **911**. К. 206, о. п., 1896; ДАК, 1898, № 10; 1899,

№ 23. **912**. К. 310/132, о. п., 1900, IV; там же. **913**. К. 312/134, о. п., 1900; ДАК, 1905, д. 15, л. 78. **914**. К. 314/136, о. п., 1900, IV; там же, л. 79. **915**. К. 315/137, о. п., 1900, IV; ДАК, 1898, д. 10; 1899, д. 23; 1905, д. 15, л. 80. **916**. К. 316/138, о. п., 1900; ДАК, 1905, д. 15, л. 81. **917**. К. 318/140, о. п., 1900, IV; ДАК, 1905, д. 15, л. 83. **918**. К. 319/141, о. п., 1900, IV; там же, л. 84. **919**. К. 320/142, о. п., 1900; там же, л. 86. **920**. К. 321/143, о. п., 1900, IV; там же, л. 86. **921**. К. 322/144, о. п., 1900; там же, л. 87. **922**. К. 323/145, о. п., 1900; там же, л. 88. **923**. К. 324/146, о. п., 1900, IV; там же, л. 89. **924**. К. 325/147, о. п., 1900, IV; ДАК, 1898, д. 10, 1899, д. 23. **925**. К. 326/148, о. п., 1900, IV; ДАК, л. 91. **926**. К. 327/149, о. п., 1900, IV; там же, л. 92. **927**. К. 328/150, о. п., 1900; там же, л. 93. **928**. К. 329/151, о. п., 1900, IV; там же, л. 94. **929**. К. 330/152, о. п., 1900; там же, л. 95. **930**. К. 331/153, о. п., 1900, IV; там же, л. 96. **931**. К. 332/154, о. п., 1900, IV; там же, л. 98. **932**. К. 337/159, о. п., 1900, IV; там же, л. 104. *Терrасовка, Херсонск. у., Л. С. Стемпковский.* **933**. К. 15, о. п., 1912, IV; Эрм. 941, № 1—3. *Терноватая, Одесск. у., Н. С. Сацкий.* **934**. К., о. п., 1896, IV; ЗРАО, XI, стр. 311. *Терновка, Тираспольск. у., Л. С. Стемпковский.* **935**. К. 65, о. п., 1896, IV; И. В. Фабрициус. Ук. соч., стр. 25. **936**. К. 67, о. п., 1896, IV; там же, стр. 25. **937**. К. 69, о. п., 1896, IV; там же. **938**. К. 72, о. п., 1896; там же. **939**. К. 78, о. п., 1897; там же. **940**. К. 179, в. п. 1, 1897; ДАК, 1897, № 62, л. 28. **941**. К. 223/45, о. п., 1898; ДАК, 1898, д. 10, л. 113. **942**. К. 226/48, о. п., 1898; там же, л. 116. **943**. К. 247/69, о. п., 1900, IV; И. В. Фабрициус. Ук. соч., стр. 25. **944**. К. 254/74, о. п., 1900, IV; ДАК, 1898, д. 10, л. 148. **945**. К. 286/108, о. п., 1900, IV; ДАК, 1905, № 15, л. 50. **946**. К. 295, о. п., 1900; И. В. Фабрициус. Ук. соч., стр. 25. **947**. К. 304/126, о. п., 1900; ДАК, 1905, № 15, л. 70. **948**. К. 350/172, в. п. 1, 1899; там же, л. 119. *Тирасполь, Л. С. Стемпковский.* **949**. К. 10, о. п., 1896, IV; И. В. Фабрициус. Ук. соч., стр. **23**. **950**. К. 12, о. п., 1896; там же, стр. 23. **951**. К. 13, о. п., 1896, IV; там же. **952**. К. 14, о. п., 1896; там же. **953**. К. 15, о. п., 1896; там же. **954**. К. 23, о. п., 1897, IV; ДАК, 1897, № 62, л. 2. **955**. К. 38, о. п., 1898; И. В. Фабрициус. Ук. соч., стр. 23. **956**. К. 40, о. п., 1898; там же. **957**. К. 54, о. п., 1898, IV; там же. **958**. К. 58, о. п., 1898,, IV; там же. **959**. К. 59, о. п., 1898; там же. **960**. К. 384, о. п., 1898; там же. *Тудорово, МАССР, А. И. Мелюкова.* **961**. К. 1, в. п. 9, 1959; АИА, д. 2166, л. 23. *Тузлы, Белгород-Днестровск. р., И. Т. Черняков.* **962**. К., в. п., 1959, I; ЗОАО, I, стр. 281. *Усатово, Одесск. у., Е. П. Трефильев.* **963**. К. 2, о. п., 1923, IV; ВОКК, ч. 2—3, стр. 69. **964**. К. 1, о. п., 1923, IV; там же. *Фриденфельд, Аккерманск. у., Ф. И. Кнауэр.* **965**. К. 3, в. п., 1, 1899, IV; ОАК, 1899, стр. 41; ДАК, 1899, № 11. *Херсон, В. И. Гошкевич.* **966**. К., о. п., 1896, IV; ОАК, 1896, стр. 83. *Шабалай, Аккерманск. у.,* **967**. Случ. н., IV; ГИМ, хр. 22/2. *Широкая Балка, Херсонск. у.* **968**. К. 31, о. п.; «Тр. VIIIАС», стр. 105. **969**. К. 39, о. п.; там же. *Ясиново, Херсонск. губ.* **970**. Случ. н., 1889, I; ОАК, 1899, стр. 91; ДАК, 1899, д. 81.

2. ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ КОЧЕВНИКОВ X—XIV вв.

Басы, КАССР, И. В. Синицын, 1930. **971**. Вскрыто 40 погребений, большинство разрушено, IV; ТСМК, III, стр. 136. *Каменка, Запорожск. обл., Э. А. Сымановичь, 1962—1964.* **972**. Вскрыто более 90 погребений, IV; КСИИМК, вып. 65, стр. 99; вып. 81, стр. 100; АИА, д. 899, лл. 4—5. *Лески, Черкасск. р., Э. А. Сымановичь, 1958.* **973**. Вскрыто 7 погребений, IV; АИА, д. 1698, лл. 13—15. *Ханска, МАССР, А. И. Мелюкова, 1960.* **974**. Вскрыто 29 погребений, IV; АИА д. 2409, лл. 4—6.

3. КОЧЕВНИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА ГОРОДСКИХ КЛАДБИЩАХ

Маджары, Прикумск. р., могильник у артезианского колодца, В. А. Городцов. **975**. Погребение 18—20, 1907, IV; «Тр. XIIIАС», стр. 205. **976**. Погребение 1, IV; там же, стр. 202. *Увек, Саратовск. у., А. А. Кротков, мавзолей.* **977**. Погребение 1, 1913, IV; ТСУАК, № 32, стр. 117. **978**. Погребение 2, 1913, IV; там же, стр. 121. **979**. Погребение 3, 1913, IV; там же, стр. 123. **980**. Погребение 4, 1913, IV; там же, стр. 124. **981**. Погребение 5, 1913, IV; там же, стр. 125. **982**. Погребение 6, 1913, IV; там же, стр. 125. **983**. Погребение 7, 1913, IV; там же, стр. 125. *Увек, Саратовск. у., кирпичное здание, А. А. Кротков.* **984**. Погребение 2, 1919, IV; Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи, стр. 76. *Рождественское, ТАССР, В. Ф. Генинг, на мусульманском некрополе.* **985**. Погребение 18, 1956, IV; В. Ф. Генинг и др. Археологические памятники у с. Рождественское. Казань, 1962, стр. 82. *Саркел, Ростовск. обл., среди христианского городского некрополя, М. И. Артамонов.* **986**. Насыпь 19, погребение 15, 1949, I; МИА, № 109, стр. 164. **987**. Насыпь 19, погребение 22, I; там же, стр. 165. **988**. Насыпь 19, погребение 26, I; там же, стр. 166. **989**. Насыпь 19, погребение 29, 1949, I; там же, стр. 168. *Царев, Волгоградск. обл., на мусульманском могильнике у Соленого озера, Г. А. Федоров-Давыдов.* **990**. Погребение 6, 1961, IV; АИА, д. 2331, лл. 40—42. *Царев, Волгоградск. обл., мусульманский могильник у с. Сарай, И. С. Вайнер.* **991**. Погребение, случ. н., 1961, IV; там же, л. 48. *Царев, Волгоградск. обл., близ с. Маляевки. И. С. Вайнер.* **992**. Погребение 1, 1962, IV; АИА, д. 2540, л. 32.

4. КОЧЕВНИЧЕСКИЕ КУРГАНЫ В ЛЕСНЫХ РАЙОНАХ

Балымеры, ТАССР, Е. А. Халикова. **993**. К. 1, о. п., 1961, IV; АИА, д. 2751, л. 40. **994**. К. 2, о. п., 1961, IV; там же, л. 45. **995**. К. 3, о. п., 1961, IV; там же, л. 49. **996**. К. 3, в. п., 1961, IV; там же, л. 49. **997**. К. 4, о. п., 1961, IV; там же, л. 54. *Юрьев Польский, Владимирск. губ., А. С. Уваров.* **998**. К., о. п., 1852, II; ИАК, № 15, стр. 78—83.

5. НАХОДКИ МОНЕТ В КОЧЕВНИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

I период

189 — серебряные дирхемы Саларидов: Вахсудан ибн Мухаммед, чеканено на Кавказе, 343 г. х. (954/955 г.) — 4 экз.; медный фельс Саманидов: Абд ал-Малик ибн Нух, Бухара, 347 г. х. (958/959 г.). **267г** — золотой динар Аббасидов: ал-Мансур, 143 г. х. (760/761 г.). **535** — золотая византийская монета Василия II — Константина VIII (XI в.). **647** — серебряная византийская монета Константина IX (XI в.).

II период

539а — золотая византийская монета Иоанна II Комнина (XII в.). **672** — серебряные византийские монеты: Мануил I Комнин (XII в.) — 2 экз. **819** — византийская золотая монета XII в.

IV период

54 — джучидские монеты: Джанибек — 3 экз. **58а** — серебряные джучидские монеты — 3 экз. **62** — серебряная джучидская монета: Джанибек 746 г. х. (1345/1346 г.). **67** — серебряная джучидская монета: Узбек, Сарай, 714 г. х. (1314/1315 г.). **88** — серебряные джучидские монеты: Узбек, Сарай, 73? г. х. — 1 экз.; год? — 2 экз.; Джанибек, Сарай ал-Джедид, 745 г. х. (1344/1345 г.) — 1 экз.; 747 г. х. (1346/1347 г.) — 1 экз.; 748 г. х. (1347/1348 г.) — 1 экз.; 74? г. х. — 1 экз.; Гюлистан, 752 г. х. (1351/1352 г.) — 3 экз.; Тебриз 757 г. х. (1356) — 1 экз.; Бирдибек, Гюлистан 761 г. х. (1359/1360 г.) — 1 экз.; Науруз, Гюлистан, 761 г. х. (1359/1360 г.) — 2 экз.; Мюрид, Гюлистан, год? — 1 экз.; стертая — 1 экз. **93** — серебряная джучидская монета. **125** — серебряная джучидская монета: Токта, Сарай, 691 г. х. (1291/1292 г.). **130** — медная джучидская монета. **136** — серебряная джучидская монета. **158** — 2 серебряных джучидских монеты. **160** — серебряные джучидские монеты. **167** — медная джучидская монета. **170** — серебряные джучидские монеты: Пулад, Хаджи-Тархан, год? — 1 экз.; хан?, Болгар, год? — 1 экз. **180** — несколько джучидских монет. **188** — серебряные джучидские монеты: Джанибек, Гюлистан, 753 г. х. — (1352/1353 г.) — 1 экз., Гюлистан, 759 г. х. (1357/1358 г.) — 1 экз.; Сарай ал-Джедид, 747 г. х. (1346/1347 г.) — 1 экз.; Сарай, год? — 2 экз.; медные джучидские монеты: Хызр, Сарай ал-Джедид, 761 г. х. (1359/1360 г.) — 1 экз.; Гюлистан, 762 г. х. (1360/1361 г.) — 1 экз.; Гюлистан, год? — 1 экз. **194г** — серебряная джучидская монета. **195а** — две серебряных и две медных джучидских монеты. **210** — 5 джучидских монет. **212** — джучидская монета Джанибека. **227** — серебряная джучидская монета: Узбек, 722 г. х. (1322 г.). **258** — серебряные джучидские монеты: Узбек, Сарай, год? — 2 экз. **261** — джучидская монета: Джанибек. **265** — серебряная джучидская монета: Кульна, Сарай ал-Джедид, 761 г. х. (1359/1360 г.). **267б** — 2 серебряных и 1 медная джучидские монеты. **286** — серебряная джучидская монета. **326** — медная джучидская монета: Джанибек, Сарай ал-Джедид. **346** — серебряная и медная джучидские монеты. **353** — 3 серебряных джучидских монеты: Токта, Сарай ал-Махруса, 710 г. х. (1310/1311 г.) — 1 экз.; Узбек, Мохша, 74? г. х. — 1 экз.; стертая — 1 экз. **362** — серебряные джучидские монеты: Мухаммед-Булак, 773 г. х. (1371/1372 г.) — 1 экз.; год? — 2 экз. **517** — серебряная джучидская монета: Абдуллах, Азак, год? **518** — серебряные джучидские монеты: Джанибек, город? 743 г. х. (1342/1343 г.) — 1 экз., Абдуллах, Орда, 777 г. х. (1375/1376 г.) — 3 экз. **519б** — серебряная джучидская монета. **536** — серебряная джучидская монета: Науруз, Гюлистан, 763 г. х. (1361/1362 г.). **555а** — 7 медных джучидских монет XIII в. **594** — серебряные джучидские монеты: Джанибек — 2 экз. **619** — серебряные джучидские монеты: Узбек — 2 экз.; Джанибек — 1 экз. **666** — джучидские монеты: Мухаммед-Булак — 2 экз. **667** — джучидская монета: Джанибек. **853** — 7 монет, в том числе джучидские. **854** — серебряная джучидская монета. **868** — серебряная джучидская монета: Узбек, 726 г. х. (1325/1326 г.). **880** — медная джучидская монета. **892** — серебряная джучидская монета. **894** — серебряная джучидская монета: Токта. **896** — серебряные джучидские монеты: Токта, Крым — 1 экз.; стертая — 1 экз.; золотая византийская монета:

Иоанн II Комнин. **902** — серебряная джучидская монета: Тулабуга. **912** — серебряные джучидские монеты: Токта, Крым, 690 г. х. (1291 г. х.) — 1 экз.; Хорезм, год? — 1 экз.; анонимная стертая — 1 экз. **915** — серебряная джучидская монета. **918** — серебряная джучидская монета. **930** — серебряные джучидские монеты: Тулабуга — 1 экз.; стертая — 1 экз. **931** — серебряные джучидские монеты: Тулабуга — 1 экз.; стертая — 1 экз. **944** — серебряная джучидская монета. **945** — серебряная джучидская монета. **954** — серебряные джучидские монеты: Токта — 4 экз.; византийская монета. **978** — серебряные джучидские монеты: Узбек, 715 г. х. (1315/1316 г.) — 1 экз.; 717 г. х. (1317/1318 г.) — 1 экз. **985** — серебряная джучидская монета: Бирдибек, Сарай ал-Джедид, 759 г. х. (1357/1358 г.). **991** — серебряные джучидские монеты: Джанибек, Сарай ал-Джедид, 751 г. х. (1350/1351 г.) — 1 экз.; Гюлистан, 752 г. х. (1351/1352 г. х.) — 1 экз.; Хызр, Сарай ал-Джедид, 762 г. х. (1360/1361 г.) — 1 экз.

Недатированные погребения

804 — золотая монета. **901** — золотая монета.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ПОЛОВЕЦКИЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ[1]

Государственный Исторический музей

1. Iб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 4, наплечники, рукава — 1, передняя нижняя часть одежды — 4, сосуд — 2, косы — 6, задняя часть одежды — в виде квадрата, пояс, нож — 1, сабля — 3, воротник; Ступки, Донецк. обл. **2.** IIб. Шлем — 2, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, сосуд — 2, сапоги — 2, ремни для сапог — 1, пряжка от сапог — 1, нож — 2, мешочек — 2; ЗООИД, т. XXXII, 1915, стр. 425. **3.** IIб. Шлем — 2, нагрудные ремни — 1, нож — 2, сосуд — 2, ремни для сапог — 1, мешочек — 3; там же. **4.** IIб. Шлем — 1, сосуд — 3; ГИМ, № 85720 (130 *см*). **5.** IIб. Шлем — 1, сосуд — 3, косы — 4 (170 *см*). **6.** IIа. Шляпа — 1, верхний край рубашки — 2, борт кафтана выше пояса, сосуд — 2, сапоги — 1, серьга — 1, гривна — 2, налобная повязка — 2, косы — 2, рукава — 1, орнаментация — 9 (170 *см*). 7. IIа. Шляпа — 1, серьга — 1, гривна — 2, медальон — 3, сосуд — 2, гребень — 2, нож — 2, козырек у шляпы, налобная повязка — 1; ЗООИД, т. XXXII, 1915, стр. 435, табл. V, *17—18*. **8.** IIа. Сосуд — 1; ГИМ, № 85721 (120 *см*). **9.** IIа. Шляпа — 1, сосуд — 2, гривна — 2, косы — 3 (160 *см*). **10.** IIIа. Шлем — 2, косы — 3, серьга — 4, гривна — 2; Пятигорск; КСИИМК, XII, стр. 42 (120 *см*). **11.** IIIа. Шляпа — 1, гривна — 1, ожерелье — 1. **12.** Фрагм. IIIа. Шляпа — 1. **13.** IIIб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1; ЗООИД, т. XXXII, 1915, стр. 425. **14.** Iа. Серьга — 1, гривна — 2, шляпа — 1, пелерина — 5, задняя часть одежды в виде квадрата, сосуд — 2, передняя часть одежды — 4, подножка — 1; Ступки, Донецк. обл. (160 *см*). **15.** Iа. Шляпа — 1, серьга — 1, гривна — 2, рукав — 2, сосуд — 2, передняя нижняя часть одежды — 1, пелерина — 5, орнаментация — 4, роговидные украшения (170 *см*). **16.** Iа. Рукав — 1, серьга — 1, пелерина — 5, сапоги — 4, сосуд — 2, передняя часть кафтана — 4, борт кафтана, нож — 2, мешочек — 1; Ступки, Донецк. обл. (160 *см*). **17.** Фрагм. Iа. Шляпа — 1, налобная повязка—2, пелерина—2, серьга—1, гривна—2, сосуд—2, верхний край рубахи, роговидные украшения. **18.** Фрагм. Iа. Шляпа—1, сосуд—4, гривна—2, пелерина—3, серьга—1. **19.** Фрагм. Iа. Шляпа—1, козырек, роговидные украшения, налобная повязка — 2, серьга — 1, ожерелье — 3, гривна — 2, сосуд — 2. **20.** Iа. Шляпа — 1, рукав — 1, борт кафтана, пелерина — 1, серьга — 1, коса — 1, гривна — 2, роговидные украшения, орнаментация 1+9, передняя часть кафтана — 4; Ступки, Донецк. обл. (185 *см*). **21.** Iа. Шляпа — 1, гривна — 2, козырек, налобная повязка — 2, серьга — 1, борт кафтана, передняя нижняя часть одежды — 1, сосуд — 2; ЗООИД, т. XXXII, 1915, табл. V. *19*. **22.** Iа. Шляпа — 1, роговидные украшения, гривна — 2, налобная повязка — 2, пелерина — 2, сосуд — 2, ожерелье — 5, медальон — 7, рукав — 1, передняя часть кафтана — 2, орнаментация — 10; там же, табл. IV, *14* (180 *см*). **23.** Iа. Шляпа — 1, гривна — 2, борт кафтана, сосуд — 2, передняя нижняя часть одежды — 4, орнаментация — 1+9; там же, табл. IV, *16*. **24.** Iа. Шляпа — 1, налобная повязка — 1, гривна — 2, ожерелье — 1, роговидные украшения, серьга — 4, борт кафта-

[1] Поскольку большинство половецких каменных изваяний, хранящихся в музеях СССР, беспаспортные, мы даем перечень зарегистрированных нами изваяний по музеям, в которых они находятся сейчас. Вторая цифра после номера обозначает тип статуи. Нумерация изваяний произвольная (выделено полужирным шрифтом). В скобках приведены размеры некоторых статуй от ног до верха головы.

на, передняя нижняя часть одежды — 4, сосуд — 2, сапоги — 1, орнаментация — 8; там же, табл. IV, *5* (200 *см*). **25**. Ia. Гривна — 1, медальон — 4, сосуд — 2, рукав — 1, передняя нижняя часть одежды — 4, орнаментация — 7; там же, табл. VII, *25*. **26**. Ia. Шлем — 1, гривна — 2, сосуд — 2, мешочек — 1, передняя нижняя часть одежды — 4, сапоги — 4; там же, табл. III, *11*. **27**. Фрагм. II?. Сапоги — 1; там же, табл. IX, *4*. **28**. Фрагм. I?. Передняя нижняя часть одежды — 4. **29**. Фрагм. I?. Передняя нижняя часть одежды — 4. **30**. Фрагм. ?a. Шляпа — 1, роговидное украшение, ожерелье — 3, гривна — 2, сосуд — 2; ЗООИД, т. XXXII, 1915, табл. IV, *13*. **31**. Фрагм. ?a. Шляпа — 1, роговидное украшение, гривна — 2, край рубахи — 1, сосуд — 7; там же, табл. III, *12*. **32**. Фрагм. ?б. Шлем — 1, борт кафтана, косы — 5; там же, табл. III, *9*.

Филиал ГИМ в Коломенском

1. IIб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, сосуд — 2.

Аксайский музей

1. IIIa. Шляпа — 1. **2**. I?. Сосуд — 4. **3**. Фрагм. ??

Азовский музей

1. Фрагм. ?a. **2**. Iб. Шлем — 1, косы — 4, поясной ремень (150 *см*). **3**. Фрагм. Ia. Сосуд — 4; ст. Елизаветинская, Азовск. р., Ростовск. обл.

Библиотека им. Ленина в Москве

1. Iб. Шлем — 1, сосуд — 2, колчан — 1, сабля — 4, лук — 2, нижняя передняя часть одежды — 4, задняя нижняя часть одежды в виде прямоугольника, сапоги — 2, косы — 4 (280 *см*).

Волгоградский музей

1. IIIб. Шлем — 1; Кременская, Волгоградск. обл. **2**. Фрагм. ?б. Шлем — 1.

Днепропетровский музей

1. Iб. Шлем — 1, гривна — 2, воротник, сосуд — 2, пелерина — 1; № 7979; МИА, № 62, стр. 213, рис. 37, *7*. **2**. Iб. Шлем — 1, сосуд — 6, косы — 4, нож — 2, сапоги — 2, пряжки от сапог — 2, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, передняя часть кафтана — 1; № 8003; там же, стр. 213, рис. 37, *4*. **3**. Iб. Шлем — 1, коса — 1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 3, сосуд — 2; № 7966; там же, стр. 213, рис. 37, *5*. **4**. Iб. Шлем — 2, косы — 4, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 5, мешочек — 2, сабля — 3, сосуд — 2, ремни на спине — 3; № 8001; там же, стр. 213, рис. 37, *2*. **5**. Iб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, сосуд — 2, сапоги — 1, воротник, рукава — 2, Кайдановск. р., Днепропетровск. обл.; № 8002; там же, стр. 213, рис. 37, *1*. **6**. Iб. Шлем — 2, косы — 4, сосуд — 2, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1; № 7966; там же, стр. 213, рис. 37, *6*. **7**. Ia. Шляпа — 1, серьга — 1, налобная повязка — 1, сосуд — 6; № 7965; там же, стр. 213, рис. 38, *59*. **8**. Ia. Шляпа — 1, налобная повязка — 1, налобные привески, серьга — 1, ожерелье — 2, сосуд — 2, гривна — 1, № 3014; там же, стр. 213, рис. 38, *60*. **9**. Ia. Шляпа — 1, гривна — 2, сосуд — 2; № 7996; там же, стр. 213, рис. 38, *55*. **10**. Ia. Шляпа — 1, гривна — 1, сосуд — 2; № 7997; там же, стр. 213, рис. 38, *53*. **11**. Ia. Шляпа — 1, косы — 4, серьга — 1, гривна — 2, ожерелье — 2, нож — 2, мешочек — 4, плеть — 1, сосуд — 6, роговидные украшения, непонятный предмет — 2; там же, стр. 213, рис. 38, *50*. **12**. Ia. Шляпа — 1, роговидные украшения, пелерина — 1, косы — 2, серьга — 1, гривна — 2, медальон — 5, ожерелье — 4, рукав — 1, сосуд — 2, нижний край одежды спереди — 4, на затылке — ножницы, орнаментация — 9; Славянск. р., Донецк. обл.; № 8004; там же, стр. 213, рис. 32, *37*. **13**. Ia. Шляпа — 1, пелерина — 4; № 7982; там же, стр. 213, рис. 38, *45*. **14**. Ia. Пелерина — 1, сосуд — 2; № 8011; там же, стр. 213, рис. 38, *52*. **15**. Ia. Шляпа — 1, серьга — 2, гривна — 1, сосуд — 2; там же, стр. 213, рис. 38, *49*. **16**. Ia. Гребень — 3, зеркало — 2, сосуд — 2, непонятный предмет — 2, орнаментация — 3; там же, стр. 213, рис. 38, *57*. **17**. Ia. Шляпа — 1, сосуд — 2, № 7963; там же, стр. 213, рис. 38, *56*. **18**. Ia. Шляпа — 1, серьга — 1, гривна — 2, сосуд — 5; № 7965; там же, стр. 213, рис. 38, *51*. **19**. Ia. Шляпа — 1, пелерина — 2, косы — 2, серьга — 1, сосуд — 5; № 7965; там же, стр. 213, рис. 38, *58*. **20**. Ia. Шляпа — 1, налобная повязка — 1, гривна — 2, рукав — 2, сосуд — 1, орнаментация — 4; № 8010; там же, стр. 213, рис. 38, *42*. **21**. Ia. Шляпа — 1, пелерина — 5, мешочек — 2, сосуд — 6; № 8015; там же, стр. 213, стр. 38, *44*. **22**. Ia. Шляпа — 1, козырек, гривна — 1, ожерелье — 5, рукав — 2, серьга — 2, воротник, роговидные украшения, сосуд — 2, передняя часть кафтана — 4, плеть — 1, зеркало — 2; № 8013; Воробьевка, Днепропетровск. обл.; там же, стр. 213, рис. 38, *35*. **23**. Ia. Шляпа — 1, рукав — 2, плеть — 2, зеркало — 1, сосуд — 2, сабля — 1; № 8019; там же, стр. 213, рис. 38, *43*. **24**. Ia. Шляпа — 1, сосуд — 2,

мешочек — 1, передняя нижняя часть одежды — 4, гривна — 2, медальон — 5, ожерелье — 1, серьга — 2, рукав — 1, налобная повязка — 1; там же, стр. 213, рис. 38, *36*. **25**. Iа. Шляпа — 1, роговидные украшения, гривна — 2, ожерелье — 1, сосуд — 2; № 7994; там же, стр. 213, рис. 38, *47*. **26**. Iа. Козырек — 1, налобные привески, воротник, гривна — 3, медальон — 3, борт кафтана, передняя нижняя часть одежды — 4, сосуд — 5; № 7973; там же, стр. 213, рис. 38, *33*. **27**. Iа. Шляпа — 1, налобная повязка — 1, сосуд — 2, гривна — 2, рукав — 1, передняя нижняя часть одежды — 4, роговидные украшения, зеркало — 2, мешочек — 2, орнаментация 2+7, борт кафтана; Славянск. р., Донецк. обл.; № 8008; там же, стр. 213, рис. 38, *38*. **28**. Iа. Шляпа — 1, роговидные украшения, сосуд — 7; Днепропетровск. обл.; № 7798; там же, стр. 213, рис. 38, *54*. **29**. Iа. Шляпа — 1, гривна — 1, ожерелье — 1, сосуд — 2; № 7990; там же, стр. 213, рис. 38, *48*. **30**. Iа. Шляпа — 1, серьга — 1, гривна — 2, ожерелье — 1, сосуд — 2; № 7980; там же, стр. 213, рис. 38, *46*. **31**. Iа. Шляпа — 1, налобная привеска, серьга — 1, гривна — 2, медальон — 5, сосуд — 2; № 7988; там же, стр. 213, рис. 38, *26*. **32**. Iа. Шляпа — 1, налобная повязка — 1, налобные привески, серьга — 2, сабля — 3, гривна — 1, рукав — 2, сапоги — 3, передняя нижняя часть одежды — 4, мешочек — 1, непонятный предмет — 4, роговидные украшения, сосуд — 2, орнамент — 5; № 8009; там же, стр. 213, рис. 38, *34*. **33**. Iа. Шляпа — 1, серьга — 1, пелерина — 2, рукав — 2, сабля—3, сосуд — 2, 2 ромба на затылке, передняя нижняя часть одежды — 1, зеркало — 2, гривна — 2; № 7975; там же, стр. 213, рис. 38, *32*. **34**. Iа. Шляпа — 1, сосуд — 2; № 8000; там же, стр. 213, рис. 38, *61*. **35**. Iа. Шляпа — 1, налобная повязка — 1, серьга — 3, рукав — 3, сосуд — 2; там же, стр. 213, рис. 38, *62*. **36**. IIб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, сосуд — 2, сапоги — 2, пряжки для сапог — 2, ремни для сапог — 2, воротник; № 7976; там же, стр. 213, рис. 37, *12*. **37**. IIб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, сосуд — 2, мешочек — 2, нож — 1, сапоги — 2, подножка — 1, косы — 4, борт кафтана, наспинные ремни — 2; № 7999; там же, стр. 213, рис. 37, *13*. **38**. IIб. Шлем — 1, воротник, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, сосуд—2, борт кафтана, гребень—1, нож—1, сапоги—2, пряжки от сапог—2, рукав—1; № 8007; там же, стр. 213, рис. 37, *11*. **39**. IIб. Шлем—2, косы—4, нагрудные бляхи, нагрудные ремни—1, борт кафтана, сосуд—2, пряжка для сапог—1, сапоги—2, ремни для сапог — 3, спинные ремни — 2; № 7984; там же, стр. 213, рис. 37, *14*. **40**. IIб. Шлем — 1, косы — 4, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 3, сосуд — 2; там же, стр. 213, рис. 37, *16*. **41**. IIб. Шлем — 2, косы — 5, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 5, сосуд — 1; № 7967; там же, стр. 213, рис. 37, *18*. **42**. IIб. Сосуд — 2; № 7880; там же, стр. 213, рис. 37, *17*. **43**. IIб. Шлем — 1, косы — 5, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 6; *Гуляй-Поле, Днепропетровск. обл.; № 7991; там же, стр. 213, рис. 77, 19*. **44**. IIб. Шлем — 1, косы — 4, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, борт кафтана, сабля — 3, сосуд — 1, сапоги — 2, ремни для сапог — 3; Мартыновка, Днепропетровск. обл.; № 8006; там же, стр. 213, рис. 37, *20*. **45**. IIа. Шляпа — 1, гривна — 2, ожерелье — 1, медальон — 6, рукав — 1, сосуд — 6; Днепропетровск. обл.; № 7983; там же, стр. 213, рис. 38, *25*.

Донецкий музей

1. Iб. Шлем — 1, сосуд — 2, косы — 4, передняя нижняя часть одежды — 4 (150 *см*). **2**. Iб. Шлем — 1, сосуд — 2, нагрудная бляха, нагрудные ремни — 2, рукав — 2, передняя нижняя часть одежды — 4, косы — 4, наспинные бляхи, ремни на спине — 4, нижняя часть одежды сзади в виде квадрата с диагоналями, орнаментация 1+3+4 (150 *см*). **3**. Фрагм. IIа. Шляпа — 1, сосуд — 3, пелерина — 4. **4**. Фрагм. IIб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, сосуд — 1. **5**. Фрагм. ?а. Шляпа — 1, роговидные украшения, сосуд — 2, пелерина — 4. **6**. Фрагм. ?а. Шляпа — 1, роговидные украшения, пелерина — 1, сосуд — 2.

Ждановский музей

1. Iб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, сосуд — 1, передняя часть кафтана — 1; МИА, № 62, стр. 213, рис. 37, *10*. **2**. Iб. Шлем — 1, сосуд — 2, передняя нижняя часть одежды — 3, нагрудные бляхи; там же, стр. 213, рис. 37, *9*. **3**. Iб. Шлем — 1, сосуд — 2, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, передняя нижняя часть одежды — 4; там же, стр. 213, рис. 37, *3*. **4**. Iа. Шляпа — 1, серьга — 1, гривна — 2; там же, стр. 213, рис. 38, *63*. **5**. Iа. Шляпа — 1, роговидное украшение, пелерина — 5, гривна — 1; там же, стр. 213, рис. 38, *64*. **6**. Iа. Шляпа — 1, пелерина — 2, гривна — 1, ожерелье — 1, сосуд — 2, передняя нижняя часть одежды — 4; там же, стр. 213, рис. 38, *31*. **7**. Iа. Шляпа — 1, гривна — 1, сосуд — 2, передняя нижняя часть одежды — 3; там же, стр. 213, рис. 38, *39*. **8**. Iа. Шляпа — 1, гривна — 1, сосуд — 2, передняя нижняя часть одежды — 3; там же, стр. 213, рис. 38, *40*. **9**. Iб. Нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, сосуд — 1, сапоги — 1, ремни для сапог — 1; там же, стр. 213, рис. 37, *22*. **10**. Iа. Шляпа — 1, пелерина — 5, 2 ромба на затылке, сосуд — 2; там же, стр. 213, рис. 38, *27*.

Изюмский музей

1. Iб. Шлем — 1, передняя нижняя часть одежды — 3, сосуд — 3. **2.** Ia. Шляпа — 1, гривна — 2, козырек, налобная повязка — 1, серьга — 1, косы — 3, ожерелье — 2, борт кафтана, передняя нижняя часть одежды — 4, 2 ромба на затылке, сапоги — 3, рукав — 1, сосуд — 3; Капустиновка-Ивановка, Изюмск. у.; АИА АН УССР, ф. Н. В. Сибилева, № 47, табл. XXX. **3.** IIб. Шлем — 2, нагрудные бляхи, сосуд — 1, мешочек — 5, нож — 1, непонятный предмет — 3, косы — 4. **4.** IIб. Шлем — 1, косы — 4, ремни на спине — 2, сосуд — 1; Бухино, Изюмск. у.; АИА АН УССР, ф. Н. В. Сибилева, № 47, табл. XXXV. **5.** IIб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, сосуд — 2: Мечетилово, Изюмск. у.; АИА АН УССР, ф. Н. В. Сибилева, д. 47, табл. XXXV. **6.** IIб. Шлем — 1, сосуд — 3, сапоги — 4, ремни для сапог — 1, пряжка для сапог — 1, косы — 4, подножка — 1, нагрудные бляхи; Рыжовская, Изюмск. у.; АИА АН УССР, ф. Н. В. Сибилева, д. 47, табл. XXXV. **7.** IIб. Шлем — 1, сосуд — 1. **8.** IIa. Шляпа — 1, гривна — 1, ожерелье — 1, роговидные украшения. **9.** IIa. Шляпа — 1, роговидные украшения, гривна — 2, серьга — 2, сосуд — 2, пелерина — 2; Комаровка, Изюмск. у.; АИА АН УССР, ф. Н. В. Сибилева, д. 47, табл. XXXI. **10.** IIa. Шляпа — 1, серьга — 1, гривна — 2, роговидные украшения, сосуд — 2, пелерина — 5, козырек, рукава — 1; Капустиновка-Ивановка, Изюмск. у.; АИА АН УССР, ф. Н. В. Сибилева, д. 47, табл. XXXII. **11.** IIa. Шляпа — 1, роговидные украшения, пелерина — 5, сосуд — 2, гривна — 2, медальон — 3, сапоги — 2, ремни для сапог — 2; Комаровка, Изюмск. у.; АИА АН УССР, ф. Н. В. Сибилева, д. 45, табл. XXIX. **12.** IIIб. Шлем — 1. **13.** IIб. Шлем — 1, сосуд — 2; Камышеваха, Изюмск. у.; АИА АН УССР, ф. Н. В. Сибилева, д. 47, табл. XXXIV. **14.** Фрагм. II? **15.** Сбитая II?; Камышеваха, Петровск. у., Харьковск. губ.; АИА АН УССР, ф. Н. В. Сибилева, д. 47. **16.** Iа. Сосуд — 2, передняя нижняя часть одежды — 4, сапоги — 1, орнаментация — 2; Мечетилово, Петровск. у.; АИА АН УССР, ф. Н. В. Сибилева, д. 47, табл. XXXIV. **17.** ?б. Сосуд — 2; Дмитриевка, Изюмск. у.; АИА АН УССР, ф. Н. В. Сибилева, д. 47, табл. XXXII.

Киевский музей

1. Iа. Шляпа — 1, сосуд — 2, передняя нижняя часть одежды — 4. **2.** IIIб. Шлем — 1. **3.** Iа. Шляпа — 1, козырек, роговидные украшения, серьга — 2, налобная повязка — 1, налобные привески, гривна — 2, ожерелье — 2, медальон — 6, борт кафтана, нижняя передняя часть одежды — 4, рукава — 4, зеркало — 2, сапоги — 1, орнаментация—4+6. **4.** IIa. Шляпа — 2, сосуд — 2, гривна — 2, роговидные украшения. **5.** IIб. Шлем — 1. **6.** Iа. Шляпа — 1, гривна — 2, серьга — 1, сосуд — 2, мешочек — 1, нож — 1, нижняя передняя часть одежды — 1, роговидное украшение. **7.** Фрагм. ?а. **8.** Фрагм. II?. Сосуд — 2. **9.** Фрагм. II?.

Краснодарский музей

1. Фрагм. Iб. Гривна — 1, ремни на спине — 4. **2.** Iб. Шлем — 3, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 3, сосуд — 3, мешочек — 1, сапоги — 2, передняя нижняя часть одежды — 4, орнаментация — 1, нож — 1, сабля — 3; Леушковская, Краснодарск. края (135 *см*). **3.** Фрагм. Iб. Нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, сосуд — 1, передняя нижняя часть одежды — 4, сапоги — 1. **4.** Фрагм. Iб. Сосуд — 3, ремни на спине — 2, гребень — 1, мешочек — 3, сапоги — 1, передняя нижняя часть одежды — 4. **5.** Фрагм. Iб. Нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, сосуд — 3, сапоги — 2, пряжки для сапог — 1, передняя часть кафтана — 4, сабля — 3, гребень — 2, кресало — 2, мешочек — 4, нож — 1, ремни на спине — 2; Ловлинская, Краснодарск. края. **6.** Фрагм. Iа. Сосуд — 3, передняя нижняя часть одежды — 1. **7.** Iа. Роговидные украшения, шляпа — 1, козырек, налобная повязка — 1, налобные привески, гривна — 2, ожерелье — 2, медальон — 2, серьга — 2, сосуд — 3, сапоги — 2, передняя нижняя часть одежды — 4, 2 ромба на затылке, орнаментация 1+2+9; Павловская, Краснодарск. края (200 *см*). **8.** IIб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, сосуд — 2 (160 *см*). **9.** IIб. Шлем — 1, сосуд — 2 (155 *см*). **10.** IIa. Шляпа — 1, сосуд — 2, сапоги — 1, серьга — 1, гривна — 2 (165 *см*). **11.** IIIa. Шляпа — 1, серьги — 1, гривна — 2, ожерелье — 1. **12.** IIIa. Шлем — 1, сосуд — 2, гривна — 1; ЗООИД, т. XXXII, 1915, стр. 433, табл. VII, *26* (160 *см*). **13.** IIIa. Шляпа—1, гривна—1, серьга—1 (145 *см*). **14.** Фрагм. I?. Передняя нижняя часть одежды—4, сосуд—3, орнаментация—9. **15.** Фрагм. ?а. Косы—3, медальон—1, гривна—2, ожерелье—4, сосуд—2, орнаментация—2. **16.** Фрагм. ?а. Шляпа—1, ожерелье—2, гривна—2, роговидное украшение, налобная повязка — 1, серьга—1. **17.** Фрагм. II?. Сосуд — 2. **18.** Фрагм. I?. Сосуд — 3. **19.** Фрагм. ?а. Шляпа — 1. **20.** Фрагм. II?. **21.** Фрагм. II? **22.** Фрагм. I?. **23.** Фрагм. ?б. Шлем — 1, нагрудные бляхи, ремни на спине — 2, коса — 5. **24.** Iб. Шлем — 1, сосуд — 2 (163 *см*). **25.** Iа. Роговидные украшения, рукав — 1, пояс, зеркало — 2, гребень — 4, пелерина — 4, гривна — 2, ожерелье — 2, медальон — 3, сапоги — 2, сосуд — 4, орнаментация — 8, нижняя передняя часть одежды — 4 (135 *см*).

Новочеркасский музей

1. ?б. Шлем — 1, сосуд — 2; МИА, № 62, стр. 213, рис. 37, *24*. **2.** IIб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, сосуд — 2, сапоги — 2, пряжки для сапог — 2, ремни для сапог — 1, коса — 1, пояс; там же, стр. 213, рис. 37, *15* (160 *см*). **3.** IIб. Шлем — 1, сосуд — 6; там же, стр. 213, рис. 37, *21* (190 *см*). **4.** IIа. Шляпа — 1, гривна — 2, налобная повязка — 1, медальон — 6, орнаментация — 4, ожерелье — 1; там же, стр. 213, рис. 38, *65*. **5.** Ia. Шляпа — 1, роговидные украшения, гривна — 2, сосуд — 3 (135 *см*). **6.** IIа. Шлем — 1, ожерелье — 2, гривна — 1, медальон — 2, коса — 1, пояс (160 *см*). **7.** IIIб. Шлем — 1, сосуд — 2 (160 *см*).

Новочеркасский городской сад

1. Ia. Шляпа — 1, роговидные украшения, серьга — 2, гривна — 1, ожерелье — 1, передняя нижняя часть одежды — 1, сосуд — 2; МИА, № 62, стр. 213, рис. 38, *41*. **2.** IIа. Шляпа — 1, гривна — 1, ожерелье — 1, сосуд — 2; там же, стр. 213, рис. 38, *30*. **3.** Ia. Шляпа — 1, налобная повязка — 2, налобные привески, серьга — 2, гривна — 2, ожерелье — 1, сосуд — 2, роговидные украшения, пелерина — 4, два ромба на затылке (170 *см*). **4.** IIA. Шлем — 2, медальон — 4, сосуд — 2. **5.** IIа. Шляпа — 1, сосуд — 1.

Ростовский музей

1. Iб, деревянная. Сосуд — 2; Жуковка, Дубовск. р., Ростовск. обл. (110 *см*) **2.** Iб, деревянная. Сосуд — 2; Жуковка, Дубовск. р., Ростовск. обл. (102 *см*). **3.** IIб. Шлем — 2, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 2, борт кафтана, сосуд — 6, рукав — 2, сапоги — 2, ремни для сапог — 1, пряжка для сапог — 3, мешочек — 1+3, нож — 1, гребень — 1, косы — 3 (200 *см*). **4.** IIа. Шляпа — 1. **5.** Ia. Шлем — 1, гривна — 1, сосуд — 2, нижняя передняя часть одежды — 4 (140 *см*). **6.** IIб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 6, ремни на спине — 2, косы — 3, пояс, сапоги — 2, ремни для сапог — 2, пряжка для сапог — 2, сосуд — 2, нож — 1, непонятный предмет — 3 (210 *см*). **7.** Ia. Сосуд — 2. **8.** Фрагм. ?б. Шлем — 1. **9.** Фрагм. ?а. Шляпа — 1, серьга — 2, роговидные украшения, козырек.

Филиал Ростовского музея в Недвиговке

1. IIа. Шляпа — 3, гривна — 1, ожерелье — 1, сосуд — 1, серьга — 2 (120 *см*). **2.** IIIа. Верхнекундрюченская, Ростовск. обл. (130 *см*). **3.** фрагм. II?.

Симферопольский музей

1. ?б. Шлем — 2, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, косы — 4, рукав — 2; ЗООИД, т. XXXII, 1915, табл. IX, *1*. **2.** Фрам. I?. Сосуд — 6, нижняя передняя часть одежды — 4, борт кафтана, изображение человека с поднятыми руками на левой поле кафтана, орнаментация — 2; там же, стр. 437, табл. VI, *21*. **3.** Iб. Шлем — 1, косы — 5, борт кафтана, передняя нижняя часть одежды — 4, ремни на спине — 1, наспинная бляха, пояс, задняя нижняя часть одежды в виде прямоугольника, рукав — 2, сосуд — 2, кресало — 2, сапоги — 2, сабля — 1+3, мешочек — 1, орнаментация — 2+3, сзади внизу изображение собаки; там же, стр. 437, табл. IV, *22—24*.

Ставропольский музей

1. Ia. Шляпа — 1, сосуд — 2, передняя нижняя часть одежды — 1. **2.** Ia. Шляпа — 1, сосуд — 4, гривна — 1, передняя нижняя часть одежды — 1. **3.** IIб. Шлем — 1, **4.** IIб. Фрагм. Шлем — 1, сосуд — 2. **5.** IIа. Шляпа — 2, гривна — 1, сосуд — 2, серьга — 1, пелерина — 1. **6.** IIа. Шляпа — 1, сосуд — 2, гривна — 1. **7.** IIIб. Шлем — 2, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, косы — 4. **8.** Фрагм. II?. Сосуд — 2. **9.** Фрагм. ?а. Шляпа — 1, роговидные украшения, ожерелье — 4, гривна — 1, налобная повязка — 1. **10.** IIIб. Коса — 1, шлем — 2. **11.** Фрагм. ?а. Гривна — 1. **12.** Фрагм. II? Сосуд — 2. **13.** Фрагм. ?а. Шляпа — 1, воротник, гривна — 2. **14.** Фрагм. ?а. Шляпа — 1. **15.** Фрагм. ?б. Шлем — 2. **16.** Фрагм. ?б. Шляпа — 1, серьга — 1.

Таганрогский музей

1. IIа. Шляпа — 1, пелерина — 1, гривна — 1, ожерелье — 4, сосуд — 6, верхний край рубахи — 1; МИА, № 62, стр. 213, рис. 38, *29*. **2.** Iб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, пелерина — 1, сосуд — 6, передняя нижняя часть одежды — 1; там же, стр. 213, рис. 37, *8*. **3.** Фрагм. ?а. Шляпа — 1, гривна — 1; там же, стр. 213, рис. 38, *68*. **4.** Фрагм. ?а. Шляпа — 1, гривна — 2, ожерелье — 5; там же, стр. 213, рис. 38, *67*. **5.** IIа. Шляпа—1, козырек, сосуд—6, передняя нижняя часть одежды—4, сапоги—2;

там же, стр. 213, рис. 38, *28*. **6**. ?а. Фрагм. Шляпа — 1, гривна — 1, сосуд — 2; там же, стр. 213, рис. 38, *66*. **7**. ?б. Шлем — 1, сосуд — 2, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 3; там же, стр. 213, рис. 37, *23*. **8**. Фрагм. IIIа. Гривна—1, пояс; хутор Толстов, Неклиновск. р., Ростовск. обл. **9**. III?. Шлем — 1; хутор Советка, Ростовск. обл., (120 *см*). **10**. Iа. Шляпа — 1, гривна — 1, сосуд — 2, нижняя передняя часть одежды — 4; Греко-Александровка, Донецк. обл. (150 *см*). **11**. IIIа. Шлем — 1, гривна — 1; Греко-Александровка, Донецк. обл. (110 *см*). **12**. Iа. Шляпа — 2, гривна — 2; Троицкое, Таганрогск. р. (120 *см*). **13**. I?. Сосуд — 2; Троицкое, Таганрогск. р. **14**. Фрагм. II? Сосуд — 2; Троицкое, Таганрогск. р. **15**. Iб. Шлем — 1, сосуд — 6 (160 *см*). **16**. IIIа. Шлем — 1, гривна — 1 (160 *см*). **17**. Фрагм. ?а. Шляпа — 1, сосуд — 2. **18**. Iа. Гривна — 1, сосуд — 2, нижняя передняя часть одежды — 4, сапоги — 2 (200 *см*).

Одесский музей

1. Iа. Шляпа — 1, роговидные украшения, сосуд — 2, передняя нижняя часть одежды — 1; ЗООИД, т. XXXII, 1915, табл. XI, *5*. **2**. Iа. Шляпа — 1, роговидные украшения, сосуд — 2, передняя нижняя часть одежды — 1. **3**. Iа. Шляпа — 2, гривна — 1, сосуд — 6, передняя нижняя часть одежды — 3; ЗООИД, т. XXXII, 1915, табл. XIII, *18*. **4**. Iа. Шляпа — 2, гривна — 2, медальон — 3, сосуд — 1, передняя нижняя часть одежды — 4; там же, табл. XII, *9*. **5**. Iа. Шлем — 1, сосуд — 2, передняя часть кафтана — 4; там же, табл. XI, *2*. **6**. Iа. Шляпа — 1, роговидные украшения, сосуд — 2, гривна — 2; там же, табл. XI, *1*. **7**. Iа. Сосуд — 2, передняя часть одежды — 4; там же, табл. XIV, *23*. **8**. Iа. Шляпа — 1, гривна — 2, сосуд — 2, медальон — 6, передняя нижняя часть одежды — 4; там же, табл. XII, *8*. **9**. Iб. Шлем — 1, сосуд — 2, передняя нижняя часть одежды — 1; там же, табл. XIV, *29*. **10**. Iа. Шляпа — 2, гривна — 2, передняя нижняя часть одежды — 4, сосуд — 6; там же, табл. XII, *17*. **11**. Iа. Гривна — 2, медальон — 2, передняя нижняя часть одежды — 4, гребень — 1, сосуд — 2, орнаментация — 3; там же, табл. XI, *6*. **12**. IIб. Нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, сосуд — 1, шлем — 1; там же, табл. XIII, *20*. **13**. IIб. Нагрудные бляхи, шлем — 1, сосуд — 6; там же, табл. XII, *13*. **14**. IIб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, сосуд — 6; там же, табл. XIII, *22*. **15**. IIб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 5, сосуд — 1, мешочек — 1+3; там же, табл. XIII, *22*. **16**. Iа. Шляпа — 1, козырек, налобные привески, гривна — 2, роговидные украшения, ожерелье — 1, верхний край рубахи — 1, рукав — 2, сосуд — 2, передняя нижняя часть одежды — 4; там же, табл. XI, *4*, **17**. IIа. Шляпа — 1, сосуд — 2; там же, табл. XIV, *28*. **18**. Iб. Шлем — 1, сосуд — 2; там же, табл. XIV, *24*. **19**. Iа. Сосуд — 7, гривна — 2; там же, табл. XIV, *30*. **20**. IIIа. Шляпа — 1, гривна — 1, сосуд — 2, медальон — 3; там же, табл. XI, *7*. **21**. IIб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, сосуд — 2; там же, табл. XII, *12*. **22**. IIа. Шляпа — 2; там же, табл. XIII, *21*. **23**. IIа. Гривна — 1, воротник, сосуд — 3; там же, табл. XII, *15*. **24**. IIа. Шляпа — 1, роговидные украшения, гривна — 2, сосуд — 2; там же, табл. XIV, *25*. **25**. ?а. Гривна — 1, шляпа — 1. **26**. IIб. Шлем — 1, сосуд — 2; там же, табл. XIII, *19*. **27**. Iб. Сосуд — 6, передняя нижняя часть кафтана — 1; там же, табл. XIII, *16*. **28**. Iб. Сосуд — 6, передняя часть кафтана — 1; там же, табл. XII, *14*. **29**. II?. Сосуд — 2; там же, табл. XII, *10*. **30**. Iб. Шлем — 1, сосуд — 2, передняя нижняя часть кафтана — 4; там же, табл. XII, *10*. **31**, Iб — Шлем — 1, сосуд — 2; там же, табл. XI, *3*.

Музей Харьковского университета

1. IIа. Шляпа — 1, серьга — 2, гривна — 2, сосуд — 2, роговидные украшения, налобные привески, пелерина — 2; Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1963, стр. 324, рис. 131. **2**. IIб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 6, сосуд — 3, косы — 4; там же, стр. 323, рис. 130. **3**. IIб. Шлем — 1, сосуд — 6, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, ремни для сапог — 3, косы — 2; там же, стр. 323, рис. 130. **4**. IIб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, борт кафтана, сосуд — 2, косы — 4, ремни для сапог — 3, рукав — 2, гребень — 1; там же, стр. 131, рис. 324.

Изваяния, зарегистрированные на месте

1. Фрагм. ?б. Шлем — 1, сосуд — 2, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 7, П. Н. Шульц; Чокрак, Евпаторийск. р.; СА, III, 1936, стр. 252—253. **2**. Iа. Шляпа — 2, гривна — 2, роговидные украшения, сосуд — 2, Н. В. Анфимов, 1952; Ловлинская, Краснодарск. края; АИА, д. 822, л. 34. **3**. Iб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, передняя нижняя часть одежды — 4, сосуд — 2, сапоги — 1, Н. В. Анфимов, 1952; Ловлинская, Краснодарск. края; АИА, д. 822, л. 34. **4**. Iб. Шлем — 1, сосуд — 1, передняя нижняя часть одежды — 4, серьга — 2, Н. В. Анфимов, 1952; Нововладимировская, Краснодарск. края; АИА, д. 822, л. 34. **5**. Iб. Шлем — 1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, сосуд — 2, коса — 1, рукав — 1, передняя часть кафтана снизу — 4, воротник, борт кафтана, на правой поле кафтана птица, на левой собака, ремни на спине — 3, Н. Л. Белоруцкий;

Старо-Леушковская, Краснодарск. края; СА, 1957, № 3, стр. 257, рис. 1. **6**. Iа. Шляпа — 2, сосуд — 2, роговидные украшения, гривна — 1, медальон — 2, налобная повязка — 1, передняя нижняя часть одежды — 1; Мурзайская, Евпаторийск. у.; ОАК, 1895, стр. 76, рис. 199. **7**. IIб. Сосуд — 2, косы — 4, шлем — 1, Б. Н. Граков, 1949; Благовещенье, Запорожск. обл. **8**. Iб. Сосуд — 2, шлем — 1, нагрудные ремни — 8, лук — 1, кресало—2, борт кафтана, пояс, мешочек—2, косы—4, ремни на спине—2, сабля—1, колчан—2, орнаментация—6+7, Б. Н. Граков, 1949; Благовещенье, Запорожск. обл. **9**. Iб. Шлем—1, сосуд—2, лук—2, передняя нижняя часть одежды—1, Б. Н. Граков; Благовещенье, Запорожск. обл. **10**. Фрагм. ?б. Шлем—1, нагрудные бляхи, нагрудные ремни—3; Таганрог; АЛЮР, 2, стр. 89. **11**. Фрагм. ?б. Шлем — 1. Кременская, Клетск. р., Донецк. обл., В. П. Шилов, 1960; АИА, д. 2155, лл. 10—11. **12**. ?а, деревянная. Гривна — 1, И. М. Сулин, 1901; Средняя Аюла, Сальск. окр., Обл. Войска Донского, в кургане; «Тр. XIII АС», стр. 250—251. **13**. ?а, деревянная. Гривна 1, И. М. Сулин, 1901; Средняя Аюла, Сальск. окр., Обл. Войска Донского, в кургане; там же. **14**. ?а, деревянная, И. М. Сулин, 1901; Средняя Аюла, Сальск. окр., Обл. Войска Донского, в кургане; там же. **15**. ??, деревянная, И. М. Сулин, 1901; Средняя Аюла, Сальск. окр., Обл. Войска Донского, в кургане; там же. **16**. Iб. Шлем — 2, сосуд — 4, нижняя передняя часть одежды — 4, косы — 4; Златни в Болгарии; I. Ivanov. Le costume des anciens bulgarie. L'art byzantin chez les slaves. I. Paris, 1930, p. 330, fig. 253; Н. Мавродинов. Старобългарското изкуство. София, 1959, стр. 67, рис. 58. **17**. Iа. Шляпа — 1; Златни в Болгарии; N. Mavrodinov. Le trésor proto-bulgare de Nagyszentmiklós. Budapest, 1943, p. 156, fig. 97; Н. Мавродинов. Старобългарского изкуство, стр. 67, рис. 59. **18**. ?а. Волск. у.; ТСУАК, вып. 24, стр. 26. **19**. Iа. Сосуд — 2, шляпа — 1; Сарепта, Царицынск. у.; там же, стр. 26—27. **20**. Iб. Шлем — 1; Сарепта, Царицынск. у.; там же, стр. 28. **21**. ?б. Шлем — 1; Балашев; там же, стр. 28.

Опубликованные изваяния без указания места находки

1. Iб. Шлем — 2, косы — 3, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, пояс, передняя нижняя часть одежды — 4, ремни на спине — 1, Д. И. Эварницкий. Каменные бабы. «Исторический вестник», 1890, июль, стр. 190—191. **2**. Iб. Шлем — 2, нагрудные бляхи, сосуд — 2, косы — 5, фигура человека с поднятыми руками, снизу сзади; там же, стр. 186—187. **3**. Iб. Шлем — 1, сосуд — 2, колчан — 1, кресало — 1, передняя нижняя часть одежды — 4; ЗООИД, т. XXXII, 1915, табл. I, *2*. **4**. Iб. Шлем — 1, сосуд — 5, лук — 2, рукав — 1, косы — 4, передняя нижняя часть одежды — 4, задняя часть кафтана снизу в виде прямоугольника с диагоналями; там же, табл. I, *3, 4*. **5**. Iа. Шляпа — 2, роговидные украшения, гривна — 2, медальон — 6, рукав — 1, сосуд — 2, передняя нижняя часть одежды — 4, орнаментация — 1+7; там же, табл. V, *20*. **6**. Iа. Шляпа — 2, гривна — 2, сосуд — 2, передняя нижняя часть одежды — 3; там же, табл. VII, *27*. **7**. Фрагм. ?б. Нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 3; там же, табл. IX, *2*. **8**. Iа. Шляпа — 1, козырек, налобная повязка — 2, гривна — 2, ожерелье — 2, медальон — 3, рукав — 1, сосуд — 2, орнаментация — 3, нижняя передняя часть одежды — 4, сапоги — 2, пелерина — 4, ромбы на затылке, косы — 3; «Тр. V АС», 1882, стр. 79. **9**. IIб. Шлем — 2, нагрудные бляхи, нагрудные ремни — 1, борт кафтана, ремни на спине — 2, косы — 4, пояс, сосуд — 2, сапоги — 1, пряжка для сапог — 1, ремни для держания сапог — 2, гребень — 2, мешочек — 1, нож — 1; там же, стр. 79.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИА	— Архив Института археологии АН СССР
АИЗ	— Археологические известия и заметки
АЛОИА	— Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР
АЛЮР	— Археологическая летопись Южной России
АМ	— Астраханский музей
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
Бр.	— Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок, 1888—1902. СПб., 1908
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВМ	— Волгоградский музей
ВМУ	— Вестник Московского университета
ВОКК	— Віснік Одесьскої комісії краезнавьства. Одесса
в. п.	— вводные погребения
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГМТР	— Государственный музей Татарской республики
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ДАК	— Дело Археологической комиссии
ДИМ	— Днепропетровский исторический музей
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЖС	— Живая старина
ЗАН	— Записки Академии наук
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории древностей
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИА	— Исторический архив
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия ГАИМК
ИИАЭ АН Каз. ССР	— Известия Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ИКИИЮВО	— Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области
ИАН	— Известия Академии наук
ИОАИЭ	— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИНВИК	— Известия Нижне-Волжского института краеведения
ИОЛЕАЭ	— Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ИРАО	— Известия Русского археологического общества
к	— курганы
КМ	— Киевский музей
КП	— Каталог Новочеркасского музея, составленный Х. И. Поповым
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	—Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАВГР	— Материалы по археологии восточных губерний России
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МАР	— Материалы по археологии России

МАЭ — Материалы по археологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении. М. — Л., 1939
МОПИ — Московский областной педагогический институт
МФАН — Молдавский филиал Академии наук СССР
МРЗ — Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908
НВ — Новый Восток
НВИК — Нижне-Волжский институт краеведения
НМ — Новочеркасский музей
НДВШ — Научные доклады высшей школы
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОИАЭ — Общество истории, археологии и этнографии
о. п. — основные погребения
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, т. I. М., 1962; т. II. М., 1962
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СКМ — Саратовский краеведческий музей
СЭ — Советская этнография
ТАС — Труды Археологического съезда
ТВОРАО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества
ТГИМ — Труды Государственного исторического музея
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ТМ — Таганрогский музей
ТНВОНОК — Труды Нижне-Волжского научного общества краеведения
ТОИАЭ — Таврическое общество истории, археологии и этнографии
ТПК АС — Труды подготовительного комитета археологического съезда
ТСА — Труды секции археологии
ТСУАК — Труды Саратовской ученой архивной комиссии
ТСМК — Труды Саратовского музея краеведения
ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции
ЧИОНЛ — Чтения Исторического общества Нестора летописца
AA — Acta Archaeologica
AH — Archeoologia Hungarica
BGA — Bibliotheca Geographorum arabicorum. Ed. M. J. Goeje. Lugduni Batavorum
JA — Journal Asiatique
SCN — Studii si cercetari numismatica
SK — Seminarum Kondakovianum
ZWK — Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Глава I. История изучения кочевнических древностей X—XIV вв. 5
Глава II. Типология вещей и система датировки 11
Конская сбруя и оружие 11
Одежда и украшения 36
Бытовые предметы и производственные орудия 78
Система датировки 93
Состав инвентаря в погребениях 116
Глава III. Погребальные обычаи. Расселение кочевников 120
Курганы 120
Могильники 131
Топография типов обрядов погребения и географическое расселение кочевых групп 133
Болгарские и аланские племена в составе кочевников X—XIV вв. . . . 163
Глава IV. Каменные изваяния 166
Типология и датировка изваяний 167
Топография, этническая принадлежность и назначение изваяний . . . 186
Глава V. Кочевая степь и города 194
Кочевое хозяйство и элементы оседлости 194
Половецкое население в золотоордынских городах 204
Товарно-денежные отношения в кочевых степях 212
Глава VI. Общественный строй кочевников и монгольское завоевание . . . 218
Общественный строй кочевников до монгольского завоевания 218
Монгольское завоевание 228
Начало улусной системы в степях Золотой Орды 235
Заключение 247
Приложение I 250
Приложение II 265
Список сокращений 272

ГЕРМАН АЛЕКСЕЕВИЧ ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов
Тематический план 1965 г. № 125

Редактор *Н. И. Сергиевская* Редактор Издательства *Л. В. Киселева*
Переплет художника *Носовой М. М.* Технический редактор *И. Л. Тимашева*

Сдано в набор 15/VII 1965 г. Подписано к печати 20/IV 1966 г.
Л-45294 Формат 70×108/16. Физ. печ. л. 17,25. Усл. печ. л. 17,25
Уч.-изд. л. 24,78. Изд. № 773. Бум. тип. № 2. Заказ 791. Тираж 1400 экз.
Цена 1 р. 69 к.

Издательство Московского университета. Москва, Ленинские горы
Административный корпус
Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы